

НОВАЯ

ISSN 0130 - 3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

**АКАДЕМИК И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ**

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕНДЕНЦИЯХ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ГЕНЕРАЛА М. П. КИРПОНОСА

**КРИЗИС ГДР В 80-х годах
И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ**

**КАК СОЗДАВАЛСЯ ТРОЦКИСТСКИЙ
IV ИНТЕРНАЦИОНАЛ**

**БЕНИТО МУССОЛИНИ.
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ**

**ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ КНИГИ:
ПЛАН «БАРБАРОССА». ОЧЕРЕДЬ РОССИИ**

МЕМОУАРЫ В. ШЕЛЛЕНБЕРГА

**5
1991**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

1991

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Академик Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории . . .	3
Мещеряков М.Т. Коммунистическая партия Испании и Коминтерн	10
Васецкий Н.А. Как создавался IV Интернационал	27
Согрин В.В. Этапы американского консерватизма	47

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АН СССР

О тенденциях в исторической науке	64
Программы фундаментальных исследований	68

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

Рошин А.А. Организация Объединенных Наций и "холодная война"	74
"Круглый стол" в МИД СССР	85

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Рязанцев В.Б. Обреченный на подвиг: трагическая судьба командующего Юго-Западным фронтом генерала М.П. Кирпоноса	91
Белоусов Л.С. Бенито Муссолини: политический портрет	112

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ИСТОРИИ

Потапов А.В. Кризис ГДР в 80-х годах и объединение Германии	134
---	-----

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ КНИГИ

Ширер У. "Барбаросса": очередь России (из книги "Взлет и падение "третьего рейха") (окончание)	159
Шелленберг В. Мемуары	174

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Шпотов Б.М. И.М. Савельева. Альтернативный мир: модели и идеалы. М., 1990 . . .	200
Козенко Б.Д. (Самара). Н.В. Курков. Американская федерация труда. 1919–1936. М., 1990	202
Попов А.И. Б.С. Абаляхин, В.А. Дунаевский. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987. М., 1990	204
Смирнов В.П. М. и Ж.-П. Куанте. Франция в Лондоне. Возрождение государства (1940–1943). Париж, 1990	206

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Викторов В.П. Изучать всемирную историю во всем ее многообразии	209
Зимулина Л.А. О состоянии преподавания курса новой истории в пединститутах	211

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, НАХОДКИ

Дик Е.Н. Русский в пампах Аргентинской Республики	217
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научные сессии и конференции

Сытин А.Г. Международная конференция "1941–1945 гг. : уроки войны и современный мир"	221
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ (главный редактор)

А.В. АДО, В.А. ВИНОГРАДОВ, В.Д. ВОЗНЕСЕНСКИЙ (ответственный секретарь),
Т.М. ИСЛАМОВ, Н.П. КАЛМЫКОВ, Ф.Н. КОВАЛЕВ, И.И. ОРЛИК, Ю.А. ПИСАРЕВ,
В.С. РЫКИН, Н.И. СМОЛЕНСКИЙ, В.В. СОГРИН, Е.И. ТРЯПИЦЫН (зам. главного редактора),
Л.Я. ЧЕРКАССКИЙ, Е.Б. ЧЕРНЯК, А.О. ЧУБАРЬЯН, Е.Ф. ЯЗЬКОВ

Адрес редакции: Москва, 121002, Арбат, д. 33/12, тел. 241–16–84

Технический редактор *Н.П. Торчигина*

Сдано в набор 01.07.91. Подписано к печати 07.08.91. Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.2. Усл. кр.-отт. 272,7 тыс. Уч.-изд. л. 22,6. Бум. л. 7,0
Тираж 14567 экз. Зак. 1676. Цена 2 р. 10 к.

Адрес редакции: 121002 Москва, Г-2, Арбат, д. 33/12, тел. 241-16-84 .
2-я типография издательства "Наука", 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

-
- © Отделение истории АН СССР, 1991 г.
 - © Институт всеобщей истории АН СССР, 1991 г.
 - © Издательство "Наука", 1991 г.

© 1991 г.

Академик И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

В течение нескольких десятилетий, до середины 80-х годов, советская историческая наука развивалась в неблагоприятных условиях. С конца 20-х годов все большую роль в этом процессе играли не внутренние тенденции, присущие научному познанию, и не широкий общественный интерес к истории, а давление на историческую науку политической идеологии и партийно-государственного аппарата. Задачи исторической науки сводились к подтверждению проводимой политики, в силу чего историки часто вынуждены были становиться простыми комментаторами и иллюстраторами официальных трактовок событий прошлого. Имели место и административное вмешательство в развитие науки, и давление на историков вплоть до применения репрессий.

Следствием этого стало не только появление множества "белых пятен" и искаженных трактовок многих событий, но и снижение профессионального уровня историков. Наличие со стороны руководящих верхов спроса на конъюнктурно-прикладное историческое знание породило и соответствующее предложение. Появилось много историков, которые ограничивались изготовлением научных поделок. Все это привело к широкому распространению иллюстративности, фактографизма, теоретико-методологическому иждивенчеству, когда научный анализ и синтез фактов подменялся их простой оценкой, исходящей из тех или иных официальных установок и трактовок. Такие оценки часто прикрывались формальными ссылками на классиков марксизма.

В наибольшей мере пострадало изучение истории Коммунистической партии, советского общества и ряда проблем новейшей истории.

Все эти явления еще далеко не изжиты в исторической науке. Конъюнктурность не преодолена и сейчас, когда во главу угла ставится примитивный переоценочный подход. Если раньше что-то оценивали положительно, то теперь налицо стремление оценить это отрицательно, и наоборот. Новые проблемы решаются старыми методами. Все это — не что иное, как новый виток той же конъюнктуры, ибо официально причины современного общественного кризиса усматриваются в прошлом. Отсюда перемена положительных оценок на отрицательные. Предстоит еще большая работа, с тем чтобы добиться действительной перестройки исторической науки.

Решение возникающих сложных проблем в очень большой мере облегчается тем, что сейчас снято официальное давление на историческую и другие гуманитарные науки. Это важнейшее достижение преобразований, идущих в нашей стране. Однако курс на деидеологизацию и деполитизацию общественнознания, проводимый руководящими органами КПСС и союзным правительством, фактически, т.е. на деле, а не на словах, отвергается политическими и общественными организациями, которые выдают себя за самых верных поборников демократии. Беда не в том, что данные исторической и других гуманитарных наук используются в идеологических, партийных интересах различными полити-

ческими группами (это — вполне естественно), а в том, что объективный научный анализ исторической реальности, как и прежде, подменяется субъективным поиском аргументов в защиту определенных политико-идеологических интересов и позиций.

Для дальнейшего успешного развития советской исторической науки прежде всего необходимы новые теоретико-методологические подходы и решения.

В общем теоретико-методологическом плане перед советскими историками стоят следующие основные задачи.

Во-первых, необходимо ликвидировать разрыв в изучении истории нашей страны и мировой истории. Для этого, наряду с раскрытием особенностей, должно выявляться и то общее, что делает отечественную историю частью истории всего человечества, иначе говоря, необходимо рассмотреть отечественную историю в общецивилизационном контексте.

Во-вторых, необходим показ, наряду с объективным и массовым, роли в историческом развитии субъективного и индивидуального во всем их многообразии.

В-третьих, анализ реально совершившегося в историческом развитии должен сочетаться с раскрытием альтернативных возможностей этого развития, с объяснениями того, почему реализовались те или иные варианты.

Центральной в плане выявления соотношения общего и особенного является проблема исторических предпосылок и значения Октябрьской революции 1917 г., открывшей новую эпоху в истории нашей страны.

Истории Октября посвящена огромная советская и зарубежная литература. В ней высказаны самые различные трактовки предпосылок, хода и значения Октябрьской революции. Основополагающим здесь до последнего времени являлся вопрос о том, в какой мере революция вытекала из общего хода мирового, прежде всего европейского, развития, или же она была порождена специфическими условиями исторического развития России. Налицо полярные трактовки этого важнейшего элемента истории.

Одни ученые полагают, что Октябрьская революция была вызвана прежде всего общим ходом развития капитализма в условиях его перехода к империализму. Россия в этом развитии оказалась наиболее "слабым звеном", страной, в которой буржуазные противоречия, усиливаемые феодальными пережитками и до предела обостренные первой мировой войной, не могли быть разрешены без революции. При этом подчеркивался высокий уровень развития капитализма в России и вызванной им концентрации и революционности рабочего класса, а также наличие партии большевиков, последовательно отстаивавшей его интересы. С таким подходом одно время уживались мнения о том, что Россия была полуколонией западного империализма и что революция спасла ее от полной потери своей самостоятельности. Эти мнения были продиктованы стремлением политических верхов подчеркнуть успехи развития СССР.

Иная точка зрения состояла в том, что Октябрьская революция всецело трактовалась как порождение специфических условий исторического развития России как страны, далеко отставшей в своем экономическом, социально-политическом и культурном развитии от Западной Европы. В сочетании с бездарностью представителей царствующей фамилии, и прежде всего императора Николая II, нерешительностью и разобщенностью деятелей буржуазных партий и активностью большевиков это привело к победе Октябрьской революции.

Каждый из указанных подходов, при наличии в них и ряда верных трактовок, страдает преувеличением в одном случае общего, а в другом — особенного в историческом развитии России в начале XX в.

В настоящее время в советской, да и в зарубежной, историографии об Октябрьской революции на первый план вышли две проблемы. Во-первых, это

вопрос об альтернативных вариантах развития, которые позволили бы избежать Октябрьской революции. Во-вторых, это проблема выбора для страны социалистического пути развития и его исторической оправданности или, наоборот, ошибочности.

Что касается альтернативных вариантов, то некоторые авторы указывают на ряд упущенных возможностей. К одной из них относится столыпинская аграрная реформа. Она была направлена на ликвидацию крестьянской общины и насаждение в деревне широкого слоя состоятельных крестьян — собственников, ведущих предпринимательское хозяйство. Это по замыслу реформаторов должно было привести к утверждению аграрного капитализма в его буржуазно-консервативном варианте при главенствующей роли помещиков и крупных собственников из числа крестьян. Тем самым в России должны были утвердиться западноевропейские порядки и удалось бы избежать революции.

Такая возможность не была реализована, утверждают авторы этого направления, в силу того, что для подобной реформы не хватило мирного времени. В действительности столыпинская реформа провалилась еще до первой мировой войны, и указанная альтернатива была снята объективным ходом исторического развития. Главная причина этого состояла в том, что не удалось разрушить общину, а следовательно, и создать слой состоятельных крестьян-собственников.

Другая альтернатива связывается с Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г., открывавшей путь, как полагают сторонники этой точки зрения, к торжеству в стране буржуазных отношений в их демократическом варианте, западноевропейском по своей сущности. Утверждается, что реализации этой альтернативы помешали экстремистские устремления большевиков: захват власти и разгон в начале 1918 г. Учредительного собрания, которое должно было решить важнейший для страны вопрос — аграрный. Указанная альтернатива также была нереальной. Ничто не мешало мелкобуржуазным и либерально-буржуазным партиям решить до Октябрьской революции вопросы о земле, мире и национальном освобождении. Они не сделали этого, ибо это противоречило интересам торгово-промышленной буржуазии и помещиков. Учредительное собрание ничего здесь не могло изменить. Поэтому широкие массы города и деревни и поддержали курс большевиков на Октябрьскую революцию, первыми конструктивными шагами которой было принятие декретов о земле и о мире.

Наконец, рассматривается альтернатива: либо переход власти к рабочему классу и его союзникам из крестьян в результате революции, либо установление военной диктатуры правоавторитарного типа. Победа военного переворота не решила бы стоящих перед страной проблем, не вывела бы ее из острейшего национального кризиса на путь прогрессирующего исторического развития. Антидемократический характер мятежа во главе с генералом Корниловым и обусловил его быстрый разгром.

Ни одна из указанных альтернатив не реализовалась, и это свидетельствует о том, что Октябрьская революция 1917 г. была исторически неизбежна и явилась закономерным итогом социально-политического развития страны.

Недостаточная изученность объективно-исторических предпосылок Октябрьской революции всегда толкала ученых к их поиску в сфере общественно-субъективной. В этой связи возник вопрос о выборе после октября 1917 г. пути общественного исторического развития страны, а следовательно, и о том, в какой мере этот выбор был обоснованным и оправданным.

В настоящее время по этому вопросу отстаиваются два подхода. Один из них подчеркивает правомерность социалистического выбора, открывшего путь к историческому прогрессу, который, правда, в дальнейшем был деформирован, а социалистическая идея догматизирована и искажена. Идущая перестройка во

всех сферах общественной жизни в своей перспективе должна привести к утверждению истинного социализма.

Другая трактовка, развиваемая прежде всего в публицистике, направлена на доказательство ошибочности и исторической неоправданности социалистического выбора в силу нежизнеспособности самой идеи социализма, что подтверждено-де всем ходом исторического развития в советский период и тем кризисом, к которому привело это развитие к 80-м годам. Исторически оправданным признается путь развитых капиталистических стран.

Минусом обоих подходов к проблеме выбора пути исторического развития и роли в этом плане Октябрьской революции является фактическое сведение многообразных факторов, определяющих это развитие, к разряду лишь субъективных. С этим нельзя согласиться, хотя субъективный выбор и играет в общественно-историческом процессе важную роль.

Другой круг спорных вопросов связан с определением типа социалистических отношений, установленных в нашей стране, и его соотношением с представлениями о социализме, развиваемыми в западноевропейской социал-демократии. Оцениваются и практические результаты движения к социализму у нас и на Западе.

На смену оценке характера общественного строя Советского Союза как развитого социализма, находящегося на стадии перехода к коммунизму, бытовавшей в советском общественном сознании 60-х — начала 80-х годов и выдвинутой партийными верхами, пришел критический подход к трактовке этого строя. Диапазон новых оценок колеблется в пределах от определения существующего общественного строя как деформированного социализма до его характеристики как социализма государственного, бюрократического, феодального, крепостнического, тоталитарного и т.п.

В связи с этим возникли утверждения о том, что негативные черты социализма возникли не только под воздействием культа личности Сталина и административно-бюрократической системы, что признается официально, а проявились уже в деятельности Ленина и вообще уходят своими корнями в несостоятельность марксизма и как социальной теории, и в особенности как учения о неизбежности перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Отмечается неприменимость положений марксизма к оценке современного капитализма. Указывается на то, что в области материального и духовного уровня жизни, социальной защищенности широких масс населения и в других отношениях достижения ряда современных капиталистических стран значительно ближе к социалистическому идеалу, чем то, что существует в Советском Союзе. В качестве эталона здесь выступает шведская модель, которая нередко трактуется как социалистическая.

Логическим завершением указанных трактовок являются идеи о необходимости возврата или поворота к Западу.

В этой связи важно, по нашему мнению, обратить внимание на следующие вопросы.

Прежде всего — это вопрос о марксизме. Здесь в первую очередь необходимо преодолеть ту абсолютизацию и догматизацию марксизма, его отрыв от истории мировой общественно-научной мысли, которые в течение длительного времени господствовали в советском общественном сознании, в частности и в исторической науке.

Во-вторых, наши догматические и во многом извращенные представления о марксизме нельзя приписывать самому марксизму. Классики марксизма едва ли согласились бы с нашими представлениями о марксизме и наверняка сказали бы, что они не марксисты, как это говорил Маркс, оценивая понимание марксизма в социал-демократических кружках Германии.

В-третьих, отношение к марксизму, как и ко всякой общественно-научной теории, должно быть историчным и объективным. Это требует разностороннего

подхода к марксизму, а не его оценки с апологетических или нигилистических позиций.

Начать с того, что в марксизме, как и в других крупных теориях, есть нечто непреходящее. Предшествующий марксизму скачок в философии, сделанный Гегелем, состоял в последовательном соединении идеалистической теории с диалектическим методом. Маркс и Энгельс сделали следующий шаг — они соединили диалектику с материализмом. В области социологии это привело к материалистическому пониманию истории. Можно спорить о том, насколько убедительны, ясны и верны отдельные положения диалектического и исторического материализма, но несомненен тот существенный вклад, который был внесен марксизмом в развитие общественной мысли.

Целый ряд положений марксизма имеют исторически преходящий характер, т.е. справедливы лишь для определенной исторической эпохи. Это, например, относится к марксистской характеристике капитализма. Она в основе своей верна лишь для второй половины XIX — первой половины XX в. Применение же этих характеристик к капитализму второй половины XX в. необоснованно и является отступлением от историзма. В этой связи упреки в адрес классиков марксизма в том, что они не смогли предвидеть исторический путь развития капитализма, представляются необъективными, а основанное на этом отрицание марксизма — совершенно несостоятельно.

Наконец, в марксизме есть изначально ошибочные представления. К ним, например, относится вывод о неизбежности абсолютного обнищания и усиления эксплуатации пролетариата по мере развития капитализма.

Разумеется, положения марксизма нуждаются в дальнейшем развитии на базе достижений современной науки.

Что касается указанных оценок характера социально-экономического строя в Советском Союзе и типа социалистических отношений, то все они, на наш взгляд, не представляются концептуально целостными и потому неубедительны, ибо в целом основаны на тех концепциях исторического развития нашей страны в XX в., которые не учитывают в должной мере его специфику и современную стадию.

Выше уже отмечалось, что Октябрьская революция 1917 г. оказалась исторически неизбежной, поскольку не имела исторических альтернатив.

Неизбежность революции порождалась прежде всего особенностями аграрно-го развития страны.

Во-первых, сельское хозяйство, ведущая отрасль экономики страны, для своего развития требовало ликвидации всех феодальных пережитков, и прежде всего привилегированного помещичьего землевладения, на две трети дворянского по своей социальной структуре. Противоречия между потребностями буржуазного аграрного прогресса и сковывающими его феодальными пережитками особенно обострились в самом начале XX в. Разрешение этого противоречия было основной социальной задачей буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Но революция потерпела поражение и задача эта не была решена. Помещики и самодержавие пытались взять реванш в процессе проведения столыпинской аграрной реформы. Но реформа, как указывалось, также провалилась. Казалось бы, что теперь новая буржуазно-демократическая революция, которая назревала в течение всей войны, решит аграрно-крестьянский вопрос в соответствии с объективными историческими потребностями. Но историческая ситуация сложилась так, что буржуазные по своей направленности и сути аграрные преобразования не могли быть решены на буржуазной основе. Длительное сохранение полукрепостнических пережитков привело к тому, что в начале XX в. произошло сращивание привилегированной полуфеодальной земельной собственности с буржуазной. Сами помещики были одновременно, с одной стороны, аграриями-буржуа, а с другой — землевладель-

цами-полукрепостниками. Их земли были заложены в акционерных земельных банках и государственном дворянском банке, которые выдали огромные ссуды. Многие помещики занимались торговлей и промышленностью и были членами правлений акционерных компаний и банков.

В свою очередь треть частновладельческих земель принадлежала купцам, мещанам и крестьянам.

В итоге помещичье землевладение невозможно было ликвидировать, не покушаясь и на буржуазную собственность. Поэтому буржуазная задача не могла быть решена в условиях капиталистических отношений. Ее могла решить лишь социалистическая революция. Острая необходимость решения этой задачи и преодоления того национального кризиса, в котором находилась страна, и делала неизбежной Октябрьскую революцию.

Октябрьская революция, решив задачи буржуазно-демократических преобразований, открывала и путь к строительству социализма. Это строительство протекало в крайне неблагоприятных условиях. Начать с того, что, хотя уровень экономического развития России в начале XX в. и был относительно высоким (в целом четвертое—пятое место в мире), он не создавал должных предпосылок для сравнительно быстрого, отвечающего новейшим достижениям науки и техники и благоприятного для широких масс населения построения экономического базиса социализма. К тому же хозяйство страны было почти полностью разрушено мировой и гражданской войнами. Все это крайне осложняло процесс генезиса социализма и обусловило его специфику.

Прежде чем говорить об этой специфике, отметим, что в исследованиях по истории построения социализма в СССР исчезла эпоха его генезиса. Это произошло в результате фактически полного отрыва истории советского общества от хода мирового исторического процесса. Между тем через эпоху генезиса проходило складывание всех стадийных, или, говоря марксистским языком, формационных, систем (рабовладения, феодализма, капитализма). Учет того, что и в истории социализма есть стадия его генезиса, как представляется, чрезвычайно важен и для понимания хода социалистического строительства в Советском Союзе, и для определения того уровня социалистических отношений, который достигнут к настоящему времени.

Генезис, период становления общественной системы, может протекать разными путями. При всем их многообразии они могут быть сведены к двум основным. Первый — естественно-исторический. Здесь становление новых социально-экономических отношений происходит на основе естественной эволюции существующих укладов. Так, например, при генезисе капитализма это выражалось в расслоении мелких товаропроизводителей в результате их конкуренции. В итоге выделялся слой предпринимателей, с одной стороны, и слой разорившихся крестьян, ремесленников, мелких торговцев, превращавшихся в наемных рабочих, с другой.

Второй путь генезиса основывается на неадекватных экономических отношениях, экспроприации и прямом грабеже и насилии. Здесь в несравненно большей мере, чем в первом случае, имеет значение деятельность государства. Применительно к генезису капитализма это — так называемое первоначальное накопление.

Очевидно, что первый из указанных путей представляет собой более высокую и благоприятную в широком общественном смысле стадию социально-экономического развития, чем второй.

Отличительной чертой генезиса социализма в Советском Союзе было абсолютное господство методов насильственного первоначального накопления, хотя после окончания гражданской войны и с переходом к новой экономической политике этот процесс начинался на естественно-исторической основе. Нэп характеризовался, как известно, многообразием форм собственности и хозяйственной деятельности. Регулирующая роль государства основывалась прежде

всего на экономических методах (налогообложении, поощрении определенных видов деятельности и т.д.), а темпы экономического развития искусственно не форсировались. Однако нэп продолжался недолго. Курс на ускоренную индустриализацию при отсутствии необходимых для этого ресурсов привел к господству насильственных методов приобретения этих ресурсов. Наиболее яркий тому пример – принудительная коллективизация деревни, нанесящая ей огромный ущерб.

Методы неадекватных экономических отношений и первоначального накопления остаются господствующими до сих пор. Идущая в стране перестройка кладет начало новому этапу генезиса социализма – его переводу на естественно-историческую основу.

Из сказанного очевидно, что современный этап в развитии социализма – это начало перехода от низшей стадии его генезиса к следующему этапу этого генезиса. Поэтому социализм в его вполне сложившихся формах – это лишь будущее. Притом, видимо, не такое близкое, как ожидалось ранее. Поэтому все указанные негативные оценки социализма в сущности характеризуют не социализм как сложившуюся систему, а лишь начальный этап его генезиса. Эти оценки нельзя переносить на социализм как таковой и на этом основании отрицать его историческую прогрессивность и говорить о превосходстве капитализма над социализмом. Широкий исторический подход не дает оснований для этого. В результате остаются необоснованными и представления о том, что преодолеть переживаемый страной кризис можно лишь на пути строгого следования за Западом. Но столь же необоснованными являются и призывы к тому, чтобы отгородиться от Запада.

Таковы некоторые проблемы истории нашей страны, которые привлекают пристальное внимание исследователей, и, к сожалению, поспешно и дилетантски решаются во многих публицистических выступлениях.

В заключение отметим, что, наряду с углублением теоретико-методологических аспектов, дальнейшее успешное развитие исторической науки требует расширения источник-информационной базы исследований и совершенствования методов этих исследований.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ИСПАНИИ И КОМИНТЕРН

Взаимоотношения между коммунистическими партиями и Коммунистическим Интернационалом, его руководящими органами наименее изучены советскими историками. Долгое время они относились к запретной теме, поскольку ее анализ мог бы раскрыть многие неизвестные общественности "тайные пружины" воздействия руководящих органов Коминтерна на политику и деятельность его секций, включая и такие, о которых старое поколение коминтерновцев предпочитало умалчивать. Сложившиеся традиции освещения деятельности Коминтерна сводились к тому, что его политика в целом и решения его руководящих органов признавались правильными в стратегическом плане, а критике подвергались лишь отдельные стороны его деятельности тактического порядка.

Между тем взаимоотношения между коммунистическими партиями и Коминтерном не всегда укладывались в рамки уставных норм или директивных указаний, сформулированных в решениях конгрессов или пленумов ИККИ, были сложными и противоречивыми, сопровождалась острыми конфликтами и разногласиями, хотя и не сводились лишь к бесконечным схваткам с "правыми" и "левыми" уклонами и группами. Нередко разногласия охватывали весьма широкий круг проблем стратегического и тактического характера, причем далеко не всегда принимаемые ИККИ решения оказывались удачными или адекватными сложившейся в той или иной стране или партии обстановке. Нередко бывало и так, что руководство Коминтерна и его аппарат "не схватывали" ситуацию и директивы, выработанные в Москве, доходили до коммунистических партий тогда, когда "поезд уже ушел", становились вообще ненужными, что не мешало центру настаивать на безоговорочном их выполнении. Такое директивное руководство вызывало явное или скрытое сопротивление лидеров партий, они не всегда соглашались со спущенными "сверху" указаниями. Если же видели их несостоятельность, а то и абсурдность, заставляли ИККИ корректировать свою линию, искать иные варианты решения того или иного вопроса, даже в том случае, когда такое своеволие грозило серьезными осложнениями.

Однако трудность сохранения партиями "своего лица" усугублялась тем, что сложившиеся в Коминтерне после смерти В.И. Ленина авторитарные методы руководства, нарастающая волна репрессий в отношении всякого рода оппозиционеров, уклонистов привели к тому, что в коммунистическом движении восторжествовал принцип, согласно которому шаг влево или вправо автоматически оценивался как отступление от "основ" со всеми вытекающими отсюда последствиями. Партии, по существу, были лишены той степени свободы и самостоятельности, которые были у них в начальный период деятельности Коминтерна; теперь политику и деятельность определяли не их центральные органы, избранные на съездах и пленумах ЦК, а руководящие органы ИККИ (Президиум, Секретариат) и созданные им лендсекретариаты, различные региональные бюро, делегации при ЦК партий и другие контрольные органы, строго следившие за безусловным осуществлением политического курса Коминтерна. Этот жесткий централизм и управление сверху вниз, ослабленный лишь на сравнительно короткое время после VII конгресса Коминтерна, нанесли, несомненно, огромный ущерб мировому коммунистическому движению, стали источником многих неудач и даже поражение отдельных коммунистических партий.

В 30-е годы отношения между Коминтерном и Коммунистической партией Испании (КПИ) были весьма сложными и своеобразными. До апрельской революции 1931 г. и свержения монархии в Испании КПИ занимала скромное место в системе приоритетов Коминтерна. Сыграв значительную роль в становлении партии в 1921–1922 гг., Коминтерн затем на долгие годы утратил к ней интерес. Причины такого “прохладного” отношения объясняются в значительной степени тем, что после военно-монархического переворота Primo de Rivera в 1923 г. КПИ была вынуждена уйти в глубокое подполье, что привело к резкому сокращению ее численности и падению ее влияния в массах. В канун апрельской революции КПИ насчитывала, по одним данным, 600–700 членов, по другим – 800¹. Ее лидеры долгое время находились в эмиграции во Франции и вернулись в страну лишь в 1930 г., но тут же были арестованы полицией и оказали сколько-нибудь серьезного воздействия на деятельность партийных организаций во время свержения монархии были не в состоянии. По свидетельству главы делегации ИККИ Жюля Эмбер-Дро, численность членов партии в то время составляла в Барселоне всего 20, в Мадриде – 20, в Бильбао – 40 человек. Накануне революции “наша партия, – отмечал он, – жила в состоянии абсолютной пассивности и не рисковала выйти на свет божий”². Предпринятые ИККИ попытки “большевизировать” партию вызвали в ней несколько расколов и образование автономных групп – Балеарско-Каталонской федерации коммунистов во главе с Хоакимом Мауринном, группы во главе с Андреасом Нином, Испанской коммунистической оппозиции³. Представители КПИ участвовали в конгрессах Коминтерна и Профинтерна, в работе пленумов ИККИ, при ЦК партии действовала делегация ИККИ, которую одно время возглавляли Жак Дюкло и Эдгар Воог, в Ленинской школе готовились партийные кадры, партия получала финансовую и иную помощь со стороны Коминтерна, однако ее связи с ИККИ в целом носили эпизодический характер.

Положение резко изменилось после апрельской революции, вызвавшей эйфорию в руководящих кругах Коминтерна. Как известно, вся стратегия и тактика Коминтерна в то время была подчинена идее мировой пролетарской революции. Выступая с отчетом о деятельности делегации ВКП(б) на XV съезде партии, Н.И. Бухарин подчеркивал, что наступил “не подлежащий никакому оспариванию процесс полевения, революционизирования пролетариата в основных узлах европейского капитализма” и поэтому следует ожидать “громадной океанской революционной волны, которая начисто сметет и смоет капиталистическое варварство”⁴. Не менее категорично определил Н.И. Бухарин перспективы и задачи Коминтерна, выступая с докладом на его VI конгрессе. Он отмечал, что Коминтерн во главу угла поставил “борьбу за мировую диктатуру пролетариата”⁵.

Идея неизбежности мировой пролетарской революции, мировой диктатуры пролетариата, нарастания глубочайшего революционного кризиса, который не сегодня, так завтра перерастет в революционную бурю, пронизывала в то время все доклады и выступления руководителей Коминтерна на XI, XII, XIII пленумах ИККИ, их статьи и публикации в печати⁶. В испанской революции руководство

¹ См. Коммунистический Интернационал перед VII конгрессом Коминтерна. (Материалы). М., 1935, с. 213. *Humbert-Dro J.* De Lenin a Stalin. Neuchatel, 1971, p. 409; *Lazich B.* Les partis communistes d'Europe. Paris, p. 183.

² *Humbert-Dro J.* Op. cit., p. 457.

³ *Alba V.* El partido comunista en España. Barcelona, 1979, p. 102–103.

⁴ *Бухарин Н.И.* Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ XV съезду ВКП(б). М.–Л., 1928, с. 49, 157.

⁵ *Бухарин Н.И.* Программный вопрос на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. М.–Л., 1928, с. 18.

⁶ См.: *Мануильский Д.З.* Компартия и кризис капитализма. Доклад на XI пленуме ИККИ. М.–Л., 1931, с. 61; *его же.* Конец капиталистической стабилизации и мировой революционный подъем. М., 1932, с. 9; *Кюрин В.* Мировое революционное движение на переходе к новому туру революций и войн. М., 1932, с. 3.

Коминтерна увидело начало если не мировой, то по крайней мере европейской пролетарской революции. Оно полагало, что революция в Испании стремительно пройдет буржуазно-демократический этап, перерастет в социалистическую и завершится установлением диктатуры пролетариата на основе Советов.

Царившую в ИККИ революционную эйфорию подтверждает пространное письмо, отправленное членом Политсекретариата ИККИ Д.З. Мануильским ЦК КПИ 25 мая 1931 г., в котором он настоятельно рекомендовал испанским коммунистам поднять трудящиеся массы на борьбу "против сил старого режима под лозунгом создания советов рабочих, крестьян и солдат, как единственной гарантии против реставрации монархии, как органа единого фронта для организации и развертывания массовых действий, для развития революции и принятия всех необходимых мер для доведения до конца демократической революции и обеспечения ее развития в социалистическую революцию"⁷.

Выдвигая такие задачи перед КПИ, руководство Коминтерна совершенно не считалось с тем, что в силу своей малочисленности (к весне 1932 г. в коммунистической партии состояло всего 12 тысяч членов) и незначительного влияния на массы, находившиеся под сильным воздействием социалистов и анархо-синдикалистов, она не в состоянии была в кратчайшие сроки добиться изменения характера испанской революции.

Что касается руководителей КПИ, ее генерального секретаря Хосе Бульехоса, членов политбюро Мануэля Адаме и Этельвино Вега (так называемая "тройка"), то они полностью разделяли этот подход Коминтерна к испанской революции и в первом же воззвании, опубликованном ими в чрезвычайном номере газеты коммунистов "Мундо обреро", вышедшем 15 мая 1931 г., призвали испанский народ к свержению буржуазной республики таким же образом, как была свергнута монархия, и к установлению власти правительства рабочих и крестьян⁸. Эта позиция была полностью поддержана и делегацией ИККИ, состоявшей из Жюля Эмбера-Дро, Клаудियो Рабате, Эдгара Воога (Штирнера). В последующих воззваниях ЦК КПИ конкретизировал свою позицию в лозунгах "Вся власть советам!", "За правительство рабочих и крестьян", "Долой буржуазную республику!", особенно после того, как Бульехос, Адаме и Эмбер-Дро побывали в Москве и в течение нескольких дней обсуждали вместе с Д. Мануильским, О. Куусиненом, О. Пятницким, А. Мартыновым, С. Лозовским, С. Миневым, Б. Куном, П. Тольятти и М. Торезом тактику партии в революции⁹.

Однако призывы КПИ не находили отклика среди подавляющей части трудящихся, а ее ЦК, привыкший работать по-старому, не поспевал за событиями, не всегда достаточно быстро реагировал на указания из Москвы, а иногда их просто игнорировал. Это стало вызывать раздражение в аппарате Коминтерна. Вместо того, чтобы спокойно разобраться в причинах такой позиции, помочь руководству КПИ в уточнении политики и тактики, ИККИ встал на привычный и уже отработанный путь все более жесткой критики в его адрес.

Первые признаки конфликта между ИККИ и руководством КПИ проявились в мае 1931 г., когда журнал "Коммунистический Интернационал" указал на целый ряд ошибок ее ЦК, в частности на лозунг немедленного перерастания революции

⁷ Полный текст см.: *Comin Colomer E. La historia del Partido Comunista de España. Abril 1920 - Febrero 1936. Zimera etapa, t. I. Madrid, 1965.* В 70-е годы, когда КПИ находилась на "еврокоммунистических позициях" и многое пересмотрела в своей истории, ее генеральный секретарь С. Каррильо, вспоминая о событиях начала 30-х годов, говорил: "Когда я сегодня читаю письмо Коминтерна 1931 г., критикующее сектантство и оппортунизм испанского руководства, то вспоминаю его призыв к разрыву с сектантством, как свидетельство такого же сектантства в чистом виде". - *Carrillo S. Mañana España. Conversaciones con Regis Débray y Max Gallo. Paris, 1975, p. 51.*

⁸ *Bullejos J. Europa entre dos guerras. Mexico, 1943, p. 135.*

⁹ *Alba V. Op. cit., p. 121.*

в пролетарскую¹⁰. Но едва партия сменила лозунги и стала призывать к борьбе за завершение буржуазно-демократической революции, как в августе 1931 г. в журнале "Коммунистический Интернационал" появилась статья "О большевизации Коммунистической партии Испании", в которой ее лидеры вновь были подвергнуты критике, на этот раз за медленную перестройку работы партии, за сектантство и непонимание задач дальнейшей революционной борьбы¹¹. Но уже в ноябре 1931 г. при обсуждении испанского вопроса на Секретариате ИККИ критика руководства КПИ приобрела новое качество: Мануильский резко поставил вопрос о возможности дальнейшего пребывания у руководства партии группы Х. Бульехоса, делая упор на то, что группа якобы не извлекла никаких уроков из рекомендаций ИККИ¹².

В январе 1932 г. в связи с подготовкой к VI съезду КПИ Западноевропейское бюро ИККИ обратилось ко всем испанским коммунистам с открытым письмом. В нем ставилась под сомнение вся политика и тактика партии за то, что она плетется в хвосте событий, не "преодолела" кружковое, сектантское, пропагандистское прошлое, ее лозунги не отвечают моменту и она далека от того, чтобы стать подлинно массовой, подлинно влиятельной партией¹³. В комментариях к письму журнал "Коммунистический Интернационал" писал: "Гнилым оппортунизмом, поскуднейшим сектантством, пережитком кружковщины является рассуждение о том, что нет людей для ведения коммунистической работы... VI съезд Компартии должен создать перелом в методах работы партии от ячейки до областных комитетов и ЦК"¹⁴. По сути дела, эти письмо и статья были призывом к радикальному обновлению руководства партии.

В лавинообразном нарастании критики в адрес руководства КПИ немаловажную роль сыграл Эмбер-Дро, создавший в своих донесениях в ИККИ весьма неприглядный образ группы Бульехоса и постоянно подчеркивавший неспособность политбюро ЦК КПИ к разработке последовательной политической линии, его колебания, непостоянство, неумение проводить в жизнь принятые решения. В письме Мануильскому от 8 сентября 1931 г., отмечая, что партия уже стала "известна стране", популярна в рабочих массах, имеет прекрасные боевые кадры, Эмбер-Дро в то же время подчеркивал, что лидеры партии отстают "от темпа развития революционных событий", а сама партия отдана "на милость условных и безусловных рефлексов Бульехоса и Трильи"¹⁵.

Директивы ИККИ предопределили характер и тон предсъездовской дискуссии, проходившей достаточно жестко. Однако на VI съезде КПИ в Севилье (апрель 1932 г.) делегаты сочли возможным оставить членов группы в составе ЦК¹⁶. Казалось, разногласия преодолены, но вскоре они вспыхнули с новой силой. В июле 1932 г. в Мадрид прибыл новый глава делегации Коминтерна при ЦК КПИ Викторио Кодовилья, известный в Испании под псевдонимами Луис и Медина. Эмбер-Дро, не сумевший добиться поворота в политике руководства КПИ, был отозван. Позднее в состав делегации вошли Стоян Минев (Морено), Эрне Герэ (Педро).

Формально перед делегацией была поставлена задача оказать новому руководству партии помощь в разработке "правильной политической линии", но на

¹⁰ См. Испанская компартия в революционной обстановке. — Коммунистический Интернационал, 1931, № 13–14, с. 5.

¹¹ Коммунистический Интернационал, 1931, № 22, с. 4–7.

¹² La lucha por la bolchevizacion del Partido. Madrid–Barcelona, [s.a.], p. 23.

¹³ Ко всем членам Коммунистической партии Испании. — Коммунистический Интернационал, 1932, № 2–3, с. 42–45.

¹⁴ Нерешенные задачи испанской революции. — Коммунистический Интернационал, 1932, № 2–3, с. 32, 33.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 120, д. 172.

¹⁶ См. Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании. М., 1960, с. 132.

деле получилось так, что делегация сосредоточила свое внимание не на решении этой задачи, а на ужесточении контроля над лидерами партии. Делегация продолжала политику своих предшественников, сообщая в центр только то, что хотели там услышать, и где продолжало расти предубеждение к группе Бульехоса, якобы не желавшей менять свой политический курс и выполнять директивы ИККИ.

Уже в первых письмах в Москву Кодовилья подчеркивал, что Бульехос, Адаме, Вега и Трилья готовят "государственный переворот" в партии, противопоставляют себя Коммунистическому Интернационалу, выступают против присутствия делегации, поскольку она якобы деморализует и дискредитирует руководство.

Вряд ли Бульехос и другие члены политбюро знали о содержании этих писем, но гнетущую атмосферу бесконечных поучений, придировок, безосновательной зачастую критики, несомненно, ощущали. Несколько раз они ставили перед ИККИ вопрос об отзыве делегации, но ответа не получили. В начале августа конфликт разгорелся с новой силой. 10 августа 1932 г. в Севилье и некоторых других городах вспыхнул военный мятеж во главе с генералом Санхурхо. Ответом народных масс была всеобщая забастовка, охватившая все центры мятежа, что значительно облегчило правительству его подавление. Руководство КПИ по инициативе Бульехоса призвало трудящихся к решительной борьбе с заговорщиками в защиту республики¹⁷.

Однако эта позиция была расценена делегацией ИККИ и самим ИККИ как контрреволюционная, поскольку Бульехос и его группа якобы призывали массы к защите "буржуазно-помещичьей республики" и отказывались от борьбы за установление в Испании рабоче-крестьянской диктатуры и Советской власти. На заседании Секретариата ИККИ 27 сентября все доводы Бульехоса, что в данном случае речь идет только о том, чтобы не допустить победы "испанского Корнилова", а не о защите "буржуазно-помещичьей диктатуры", были отвергнуты в выступлениях Мануильского и других членов Секретариата. Дискуссия завершилась тем, что все члены группы Бульехоса были выведены из состава политбюро ЦК КПИ, причем, как позднее утверждал Бульехос, в их отсутствие¹⁸. Кроме того, были сформированы новые руководящие органы партии, в которые вошли уже известные в партийных кругах руководители провинциальных и городских комитетов КПИ Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Антонио Михе, Хесус Эрнандес, Педро Чека, Мануэль Уртадо и др. Генеральным секретарем партии стал Хосе Диас.

В последнее время в некоторых публикациях этих руководителей КПИ стали называть "сталинским крылом" партии¹⁹ только на том основании, что в начале 30-х годов Сталин уже всю хозяйничал в Коминтерне, как в своей вотчине. Однако применительно к событиям того времени вряд ли такая характеристика Диаса и других новых лидеров уместна. Прежде всего они практически были неизвестны за пределами Испании, да и в Коминтерне их знал очень узкий круг людей. Некоторые из новых лидеров партии прошли через Ленинскую школу, но их теоретический уровень был весьма скромным. Как это ни странно звучит, но основными теоретиками и идеологами партии тогда были В. Кодовилья и особенно С. Минев (публиковавший свои статьи и брошюры под псевдонимами Шаварош, Степанов и другими), а позднее П. Тольятти²⁰. Скорее новые руководители КПИ являлись людьми Мануильского.

Что касается Сталина, то он узнал их более или менее близко после октября-

¹⁷ Испания 1918–1972. М., 1975, с. 122–123; *Bullejos J.* Op. cit., p. 140.

¹⁸ *Bullejos J.* Op. cit., p. 142.

¹⁹ См. Собеседник, 31.VII.1989, с. 12.

²⁰ См. *Йорданов Л.* Закъсняло завръщане. София, 1985; *Togliatti P.* Escritos sobre la guerra de España. Barcelona, 1980.

ского антифашистского восстания 1934 г., а более пристально стал приглядываться к ним после страстного выступления на XVII съезде ВКП (б) Д. Ибаррури, провозгласившей Сталина "любимым и непоколебимым, стальным и гениальным большевиком, вашим и нашим вождем пролетариев и трудящихся всех стран и национальностей всего мира"²¹. Так что, если они и стали "сталинским крылом" КПИ, то значительно позднее, уже во время гражданской войны, когда Испанская республика оказалась в зависимости от военной помощи СССР.

После исключения группы Бульехоса, согласно существовавшей тогда традиции, был опубликован обширный документ – резолюция политбюро ЦК КПИ, еще раз заклеившая ее догматические, сектантские и троцкистские идеи и политику²². После того как решение об исключении группы из партии 29 октября было подтверждено Президиумом ИККИ и Интернациональной контрольной комиссией, она была заклеена – вполне в духе времени – как "банда предателей", исподтишка маневрировавшая против Коминтерна, обманывавшая его и продолжавшая проводить, несмотря на критику, "свою сектантскую политику, объективно в интересах испанской контрреволюции"²³. Еще более резко оценил деятельность группы А. Марти, утверждавший, что она "пыталась задержать большевизацию партии", "практиковала бесконечные иезуитские маневры", насаждала в партии "безответственность, приемы лживой и насквозь гнилой буржуазной дипломатии, чистейшего касикизма (вождизма. – М.М.), с глубочайшим презрением относясь к массе членов партии"²⁴. Столь же резкие оценки политики и деятельности группы были даны в сборнике "Проблемы Испанской революции. Пути ее развития и условия ее победы", в значительной степени написанном Кодовильей и Миневым.

Ключевым словом во всей этой лавине обвинений, несомненно, является слово "большевизация". Ныне совершенно ясно, что под "большевизацией" Коминтерн понимал не что иное, как повсеместное насаждение одной модели партии и проведение всеми коммунистическими партиями единой линии политического поведения, единой стратегии и тактики действий. Группа Бульехоса явно запоздала с такой унификацией; она пыталась, несмотря на все промахи и ошибки, выработать такой курс, который бы соответствовал специфике Испании и особенностям испанской революции. Но именно это и не устраивало тогдашнее руководство Коминтерна, квалифицировавшего линию группы как сектантство.

Позднее партия оценивала устранение группы Бульехоса как крутой поворот в своем развитии²⁵. С такой оценкой можно было бы согласиться, но с существенными оговорками. Факты говорят о том, что стратегическая линия КПИ на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, на установление власти рабоче-крестьянского правительства в форме Советов после устранения группы не изменилась, как не изменилось и отношение партии к буржуазным республиканцам, анархистам и социалистам, с которыми предполагалось продолжать решительную и бескомпромиссную борьбу.

Вот что писал, например, Минева весной 1933 г. в одной из статей, опубликованной в еженедельнике ИККИ "Международная корреспонденция": "Весьма возможно, что в ближайшее время революционные действия рабочих и крестьян

²¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1934, с. 333.

²² См. *Por la tierra, el pan y la libertad. Resolucion del Buro Politico del CC del PCE. Madrid-Barcelona, [s.a.]*.

²³ К рабочим, крестьянам, коммунистам Испании. – Коммунистический Интернационал, 1932, № 33, с. 45.

²⁴ *Марти А.* Еще один шаг вперед. – Коммунистический Интернационал, 1932, № 33, с. 40, 41.

²⁵ См.: *Эрнандес Х.* Актуальные вопросы компартии Испании. Речь на Пленуме ИККИ. – Коммунистический Интернационал, 1934, № 6; *Ибаррури Д.* Октябрьская социалистическая революция и испанский рабочий класс. М., 1960, с. 79; *История Коммунистической партии Испании.* (Краткий курс). М., 1960, с. 77–78.

откроют благоприятные возможности для развития таких событий в Испании и на международной арене, которые будут означать начало решительной борьбы рабочих и крестьян против контрреволюционных сил буржуазии и крупных помещиков и откроют перед ними возможность завоевания власти... Компартия находится на этапе подготовки (политической и организационной) рабочих и крестьян к взятию власти"²⁶. Такие же взгляды активно пропагандировались в газетах коммунистической партии, ее теоретических журналах и в брошюрах агитпропа ЦК²⁷.

В упомянутом ранее сборнике "Проблемы испанской революции" также подчеркивалось, что "решительная победа нынешней испанской революции, осуществляемая только под руководством пролетариата, означает организованное насильственное свержение рабочими и крестьянами буржуазно-помещичьей власти, создание рабоче-крестьянского правительства, революционной диктатуры союза рабочих и крестьян, опирающейся на советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, на революционную вооруженную силу трудящихся народных масс", которая станет "могучим рычагом и оружием" для победы социалистической революции²⁸. Этот курс партия сохраняла до конца 1934 – начала 1935 г.

Антифашистское восстание в октябре 1934 г. партия готовила и осуществляла под лозунгом "Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов"²⁹. Так что, если говорить о "крутом повороте" в стратегии и тактике КПИ, то он произошел позднее, практически в конце 1934 г. и особенно после VII конгресса Коминтерна.

Если уж такой поворот и произошел, то касался он прежде всего отношений между новым руководством партии и делегацией и, соответственно, ИККИ. Не случайно Кодовилья в донесениях отмечал, что у делегации сложились добрые отношения с новыми лидерами, что существует полное взаимопонимание и сотрудничество. Вероятно, подобная атмосфера, сложившаяся в ЦК, возникла потому, что Диас и другие руководители партии, выросшие на схватках с группой Бульехоса и получавшие все время поддержку со стороны ИККИ, не имели иных взглядов и иных подходов к проблемам революционного движения, кроме тех, которые проводила в жизнь делегация. Кроме того, нужно было время, чтобы проверить на практике линию Коминтерна, накопить собственный опыт и внести какие-то коррективы в эту линию.

Позднее Ибаррури высоко оценила вклад Кодовильи в деятельность компартии – помогавшему ей преодолевать политические и сектантские ошибки³⁰. Думается, что такая оценка деятельности Кодовильи носит несколько односторонний характер. Сохранение КПИ старого политического курса в значительной степени было следствием теоретических взглядов Кодовильи, полагавшего, что только в борьбе за власть Советов испанские коммунисты в состоянии реализовать линию Коминтерна.

Первый шаг в новом направлении КПИ сделала лишь в сентябре 1934 г., хотя сразу же после прихода гитлеровцев к власти в Германии партия неоднократно пыталась установить единство действий с Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП) и анархо-синдикалистской Национальной конфедерацией труда (НКТ) и даже призвала создать комитет связи, в котором, как писал Диас в исполком ИСРП 26 ноября 1933 г., "представители обеих партий могли изучать, обсуждать и решать разные проблемы, возникающие в современной ситуа-

²⁶ La Correspondencia internacional, 1933, № 17, p. 271.

²⁷ См.: Abrid las cárceles! La lucha del Partido por la amnistia de clase. Madrid-Barcelona, [s.a.]; Alianza obrero? No! Frente unico! Esta la salida. Madrid-Barcelona, [s.a.]; Los Soviets en España. Paris, [s.a.].

²⁸ Проблемы испанской революции. М., 1933, с. 149.

²⁹ См. Платформа советской власти КПИ. – Коммунистический Интернационал, 1934, № 31.

³⁰ Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. I. Единственный путь. М., 1988, с. 210.

ции". Но, по более позднему признанию самих коммунистов, их призывы носили в значительной степени пропагандистский характер³¹, поскольку над ними дамокловым мечом висел тезис о "социал-фашизме", исключавший саму идею какого-либо сотрудничества с социалистами³². Исполком Коминтерна жестко следил за тем, чтобы коммунистические партии не вступали ни в какие отношения с социал-демократией. В резолюции о положении в Испании от 16 декабря 1933 г. Секретариат ИККИ обращал особое внимание КПИ на то, чтобы вся агитация и пропаганда партии были обращены на то, чтобы "революционным путем установить вместо правительства буржуазии и помещиков правительство рабочих и крестьян на основе Советов", строить тактику единого фронта на изоляции от масс "предательской партии социал-фашистов и анархистов и их лидеров", "систематически, своевременно и умело разоблачать новые левые маневры социал-фашистов"³³. Понятно, что на основе таких директив призывы к единству действий действительно не могли выйти за рамки пропагандистских лозунгов.

Контроль ИККИ над КПИ стал несколько ослабевать после октябрьского восстания 1934 г., получившего самую высокую оценку в руководящих кругах Коминтерна, несмотря на его поражение. Подводя основные итоги деятельности КПИ в ходе восстания, ИККИ отмечал правильность ее политической линии, ее отвагу, решимость и способность придать новый импульс развитию революции³⁴. Немаловажную роль в таком повороте оказала и позиция делегации ИККИ, проявившего себя, по определению Кодовильи, как хладнокровный, энергичный, крупный политический руководитель, "верный товарищ с сильной верой в политическую линию Коминтерна"³⁵. Отнюдь не случайно в канун VII конгресса Коминтерна был выпущен специальный номер журнала "Коммунистический Интернационал", целиком посвященный Испании³⁶.

После октября 1934 г. КПИ получила, что называется, "карт-бланш" в осуществлении своей политики, особенно тактики единого фронта. Именно в это время резко активизировалась переписка ЦК КПИ с исполкомом ИСРП по вопросу о совместных действиях двух партий. О том, насколько она была активной, свидетельствуют следующие факты. Уже вскоре после октябрьских боев Диас в письме в исполком ИСРП предложил социалистам начать переговоры по созданию единого фронта всех рабочих партий и организаций в борьбе за прекращение репрессий, амнистию участников вооруженного восстания, восстановление деятельности народных домов и т.д. 8 декабря он предложил организовать встречу представителей двух партий. 27 февраля 1935 г. Диас сообщил исполкому ИСРП о готовности ЦК КПИ обсудить вопрос о создании единого фронта в связи с предстоящими выборами. А 5 мая вновь повторил это предложение. 23 мая, сообщая о проведении в Мадриде антифашистского митинга, он просил прислать оратора от ИСРП.

Далее эстафету подхватил – в связи с отъездом Диаса в Москву на конгресс Коминтерна – секретарь ЦК Урибе. 11 июня он предложил исполкому ИСРП начать обсуждение программы конкретных действий, а 10 июля выдвинул четыре пункта такой программы – совместная борьба за радикальную аграрную реформу, решение национального вопроса, общее улучшение жизни и условий труда рабочих

³¹ См. Компартия Испании между VI и VII конгрессами Коминтерна. – Коммунистический Интернационал, 1935, № 13, с. 31.

³² Один из видных деятелей КПИ В. Арройо писал, что весь свой огонь критики КПИ "должна особенно направлять против социал-фашистских вождей-предателей". – *La Correspondencia internacional*, 1934, № 10, p. 167.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 120, д. 245, л. 7, 11.

³⁴ См.: Борьба против фашизма, борьба за власть, за рабоче-крестьянскую республику в Испании. – Коммунистический Интернационал, 1934, № 32–33; *Степанов И.* Октябрьские бои пролетариата в Испании. – *Большевик*, 1934, № 22.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 120, д. 370, л. 140.

³⁶ См. Коммунистический Интернационал, 1935, № 13–14.

и крестьян, амнистия всех революционеров-заключенных. 2 августа Урибе направил письмо с предложением организовать мощную совместную кампанию, чтобы путем организации митингов, демонстраций, подачи петиций добиться амнистии политзаключенных в связи с предстоящим судебным процессом над одним из лидеров ИСРП Л. Кабальеро и угрозой для него 30-летнего тюремного заключения. 12 августа он вновь обратился с письмом к ИК ИСРП, предлагая провести совместное празднование годовщины Октябрьской революции на основе единой платформы.

Курс КПИ на совместные действия с социалистами шел в общем русле поисков новой стратегии, которую начал разрабатывать Коминтерн в канун VII конгресса. На состоявшейся в апреле 1935 г. встрече делегации трех партий (ФКП, ИКП и КПИ) пришли к единодушному мнению, что назрела насущная необходимость образования широкого антифашистского фронта со всеми революционными силами страны с целью борьбы против фашистской контрреволюции³⁷. Выдвигая этот лозунг, испанские коммунисты были глубоко убеждены в том, что в октябрьские дни 1934 г. произошло не просто столкновение сил революции и контрреволюции, а попытка рабочего класса в открытом бою решить вопрос о власти советского типа. Поэтому и лозунг народного антифашистского фронта они вначале рассматривали как средство решения узлового вопроса революции – вопроса о власти с помощью нового вооруженного восстания, которое должно позволить покончить с “клерикально-фашистской диктатурой” и установить в Испании Советскую власть, диктатуру пролетариата.

Такой подход к перспективам революционного движения в Испании в то время был характерен не только для КПИ, но и для некоторых деятелей Коминтерна. Тольятти писал весной 1935 г.: “Основной вопрос, поставленный октябрьскими боями перед пролетариатом и широкими массами трудящихся, – это центральный вопрос всякой революции – вопрос о власти”³⁸. Подобную точку зрения высказывал и Э. Герз³⁹. Правда, в речи 2 июня на митинге в мадридском кино-театре “Монументаль” Диас отошел от столь жестких формулировок, призвав к объединению в народный антифашистский фронт “всех, кто ненавидит фашизм и его спутников – террор, нищету и голод”, и выдвинув такую программу-минимум, в которой ни слова не говорилось о борьбе за власть⁴⁰. Позднее Ибаррури справедливо замечала, что именно тогда Коммунистическая партия Испании сделала первый шаг к достижению “взаимопонимания рабочих партий со всеми демократическими или просто либеральными силами, которые выступали против фашизма, даже если они не были ни последовательно либеральными, ни последовательно демократическими”⁴¹.

Поворот в политике КПИ начался, но на VII конгресс делегация КПИ прибыла еще с грузом старых представлений о том, как “делать революцию”. Из выступлений членов делегации видно, что они не ожидали крутого поворота в стратегии и тактике Коминтерна, особенно после выступления В. Пика, чей доклад был выдержан в консервативном духе. Пик доказывал правильность старой тактики “класс против класса” и утверждал, что “все развитие капитализма ведет к созреванию революционного кризиса”, к свержению власти эксплуататорских классов

³⁷ См. К рабочим Испании – социалистам, коммунистам, анархистам и синдикалистам. Ко всем трудящимся Испании, Каталонии, Бискайи, Галисии и Марокко. – Коммунистический Интернационал, 1935, № 13–14, с. 14–15.

³⁸ *Эрколи*. Заметки о характере испанского фашизма. – Коммунистический Интернационал, 1935, № 13–14, с. 22.

³⁹ *Герз Э.* Борьба за единый пролетарский фронт и народный антифашистский фронт в Испании. – Коммунистический Интернационал, 1935, № 35–36, с. 42.

⁴⁰ *Diaz J.* Tres años de lucha. Paris, 1970, p. 26–27.

⁴¹ Международная встреча, посвященная 30-летию VII конгресса Коминтерна. Прага, 1965, с. 204.

и установлению диктатуры пролетариата и Советской власти⁴². В речах испанских делегатов вначале явно преобладал мажорный тон. Диас, выступавший под псевдонимом Гарсиа и посвятивший свой доклад итогам октябрьских боев, утверждал, что если бы испанский пролетариат добился победы, то это "означало бы гибель капиталистической системы в Испании" и что в Испании еще "предстоят новые бои огромного масштаба". Задача коммунистов, утверждал он, будет состоять в том, чтобы массы под руководством КПИ "пришли как можно скорее к победоносному Октябрю"⁴³. Другой член делегации, Х. Эрнандес (Хуан Вентура), заявил, что "идея штурма" зреет в сознании масс и, исправив свои ошибки, учтя выводы конгресса, они "свергнут фашизм и буржуазно-помещичью власть и добьются торжества рабоче-крестьянской революции", придут "к победе Советов в Испании"⁴⁴.

Однако доклад К. Димитрова и дискуссия на конгрессе привели к радикальному повороту в позициях испанской делегации. Она не только "много аплодировала, но мало говорила"⁴⁵. В ней шел сложный процесс осмысления того нового, что звучало на заседаниях конгресса, преодоления стереотипов и устаревших политических формул. Конгресс дал мощный импульс борьбе КПИ за единый рабочий и антифашистский народный фронт, позволил ей в кратчайшие сроки создать широкую коалицию демократических сил страны и добиться ее победы на парламентских выборах в феврале 1936 г. В то же время возникшая в КПИ после победы эйфория привела к возрождению надежд на новый Октябрь. И если раньше ИККИ подталкивал коммунистическую партию к самым активным действиям, можно сказать, понуждал ее к стремительному броску вперед, то теперь ему пришлось охлаждать горячие головы, особенно Кодовильи.

При обсуждении испанской ситуации в Секретариате ИККИ 26 мая 1936 г. Димитров после докладов Эрнандеса и Кодовильи, нарисовавших радужную картину революционных перспектив, был вынужден напомнить им, что угроза фашизма в стране не только не снята, но приобретает все более реальные очертания. Что касается перспектив, то он обратил внимание испанской делегации на необходимость решения самой неотложной задачи — добиться полной победы демократических и антифашистских сил над фашизмом и контрреволюцией, а для ее успешного решения, отметил он, особую важность приобретает всемерное укрепление и дальнейшее развертывание народного фронта⁴⁶. В постановлении была подчеркнута недопустимость перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической и установлению диктатуры пролетариата⁴⁷.

Эти основополагающие задачи легли в основу постановления Секретариата ИККИ по испанскому вопросу от 1 июня, нацелившего партию не только на самую решительную борьбу с фашизмом, но и на осуществление радикальных социально-экономических и политических преобразований, которые должны были закрепить успех антифашистских сил на выборах и обеспечить победу демократической революции. 24 июня ИККИ вновь обратил внимание руководства КПИ на это обстоятельство.

Критикуя, и вполне справедливо, испанских коммунистов, ИККИ одновременно высоко оценил их борьбу за Народный фронт, смелость в постановке и решении узловых проблем антифашистского движения. В связи с этим встал вопрос о судьбе делегации ИККИ при ЦК КПИ. По предложению Димитрова

⁴² См. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 52, 117.

⁴³ Коммунистическая партия Испании в борьбе против фашизма. М., 1935, с. 18, 33, 38.

⁴⁴ Там же, с. 38, 64.

⁴⁵ *Alba V.* Op. cit., p. 159.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 120, д. 439, л. 291.

⁴⁷ См. *Шириня К.К.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. (1934–1939). М., 1979, с. 146.

Секретариат решил оставить КПИ "без няньки", отозвать делегацию и после V съезда партии, намеченного на июль, провести совместное заседание делегаций ЦК и ИККИ и выработать долгосрочную политическую линию партии⁴⁸.

Однако осуществить эту новую линию Исполком Коминтерна не смог. Вспыхнувший в июле 1936 г. антиреспубликанский мятеж реакционных сил, начавшаяся гражданская война, вмешательство в нее внешних сил привели к тому, что ИККИ был вынужден не только сохранить свою делегацию в Испании, но и направить на помощь испанским коммунистам десятки активистов и руководителей других коммунистических партий.

Среди них были члены Исполкома Коминтерна Франц Далем и Андре Марти, руководящие работники многих компартий: от ИКП – Витторио Видали (Карлос Контрерас), Луиджи Лонго (Галло), Джузеппе ди Витторио (Николетти), Джанкаоло Пайетта (Камен); от ФКП – Франсуа Бийу, Анри Жанен, Пьер Робер, Франсуа Виттори; от КП Австрии – Манфред Штерн (Клебер); БКП – Рубен Аврамов, Райко Дамянова, Карло Луканов; от КП Великобритании – Питер Карриган, Ральф Фокс; от КП Венгрии – Янош Гал, Матэ Залка (Лукач); от КПГ – Ганс Баймлер, Ганс Кале, Артур Беккер; от КП Польши – Густав Рейхер (Рваль); от КПЮ – Благое Парович и др. В Испании в разное время бывали руководители, члены ЦК братских партий Морис Торез, Жак Дюкло, Гарри Поллит, Уильям Галлахер, Тим Бак, Вальтер Ульбрихт, Ян Шверма и др.

Круг обязанностей, задач и полномочий советников был четко сформулирован Димитровым, который в беседе с болгарским коммунистом К. Лукановым подчеркнул, что представители братских партий обязаны решать все без исключения вопросы только через ЦК КПИ, не вмешиваясь во внутренние дела партии и республики⁴⁹.

Естественно, возникает вопрос, почему у ИККИ появилась потребность направить в Испанию такое большое число советников? Разве Коммунистическая партия Испании была не в состоянии сама решать вставшие перед ней организационные, политические, военные и иные проблемы? Не являлась ли посылка советников свидетельством недоверия руководства Коминтерна к ее кадрам, к ее политической линии и методам руководства?

Думается, что причины столь массивного "десанта" следует искать прежде всего в острой нехватке кадров у КПИ. С первых же дней войны партия стала стремительно расти. Если в середине июля 1936 г. она насчитывала 100 тыс. человек, то в начале марта 1937 г. – 249 тыс., в августе – 328 978⁵⁰. Однако кадров, особенно политических, пропагандистских и военных, не хватало на всех уровнях. Партия бросила на фронт почти 60% своего состава⁵¹, превратившись в "воюющую партию". Но, укрепив свои позиции в армии, КПИ оголила тыл, где перед ней вставали не менее сложные и трудные проблемы. Направляя в Испанию советников, ИККИ полагал, что они привнесут в деятельность КПИ международный опыт коммунистического движения, который поможет ей одержать победу.

В западноевропейской и американской историографии сложился стереотип в отношении советников Коминтерна. Их рассматривают как своего рода "красную аристократию" Коминтерна, стремившуюся установить в Испании "сталинский режим", как агентуру НКВД, контролировавшую каждый шаг "полуграмотной компартии", превратившейся в безвольное орудие советской внешней политики. В какой-то степени эти упреки и критические оценки деятельности советников имеют под собой почву. Многие из них не знали испанской действительности,

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 120, д. 439, л. 291.

⁴⁹ Спомени за Георги Димитров. Т. 2. 1934–1949. София, 1971, с. 205.

⁵⁰ Война и революция в Испании. 1936–1939, т. I. М., 1968, с. 582; ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 256, л. 112.

⁵¹ *Checa P. Tareas de organización y trabajo práctica del Partido. Madrid–Barcelona, 1937, p. 28.*

традиций, обычаев, смутно представляли себе подлинную и постоянно меняющуюся расстановку политических сил, механически переносили опыт своих партий в специфические условия страны, охваченной гражданской войной, нередко подменяли ЦК КПИ и местные парторганизации, принимали и проводили в жизнь решения, противоречившие линии партии, командовали там, где это должны были делать испанцы⁵².

Положение осложнялось еще и тем, что вся система советников отличалась необычайной многослойностью: в нее входили представители ИККИ, делегация, секретари многих коммунистических партий, функционеры, отвечавшие за отдельные проблемы, представители компартий при интербригадах, периодически приезжавшие в Испанию руководители коммунистических партий, молодежных организаций, Международной рабочей помощи (МОПРа). Почти все они были автономны в своих действиях. Достаточно вспомнить Марти, решавшего многие вопросы, особенно те из них, которые касались интербригад, без КПИ⁵³. Такую же "независимость" иногда проявлял Кодовилья. В декабре 1936 г. он в течение длительного времени убеждал Кабальеро, главу правительства и руководителя левого крыла ИСПП, в необходимости немедленного слияния КПИ и ИСПП, что вызвало у него бурную вспышку гнева. Кабальеро решительно отказался вести дальнейшие разговоры на эту тему⁵⁴. Как выяснилось, Кодовилья вообще не имел полномочий на эту беседу, и Диасу пришлось несколько раз встретиться с Кабальеро для того, чтобы ликвидировать возникший конфликт⁵⁵.

При таком обилии советников коммунистическая партия далеко не всегда могла принимать оптимальные решения. Тем не менее при всех недостатках, промахах и ошибках советники, особенно на первом этапе войны, оказали КПИ серьезную помощь в решении массы сложнейших военно-политических, экономических и иных проблем: в создании народной армии, ее политорганов, военной промышленности, интернациональных бригад и т.д.

Ситуация с советниками радикально изменилась лишь осенью 1937 г., когда в Испанию прибыл по поручению ИККИ Тольятти. Он был введен в состав политбюро ЦК КПИ, получив при этом самые широкие полномочия⁵⁶. Изучив обстановку и разобравшись в деятельности советников, Тольятти решительно поставил перед ИККИ вопрос о необходимости немедленного отзыва подавляющего большинства советников, своими некомпетентными рекомендациями и действиями наносивших серьезный ущерб делу антифашистского сопротивления. "Партия глубоко изменилась, — писал он в ИККИ. — Она стала большой партией, которая, бесспорно, охватывает в своих рядах лучшую часть народа. Она полна боевого духа, энтузиазма и инициативы. Ее авторитет чрезвычайно вырос. Ее вожди в очень популярной форме излагают все то, что народ знает, хочет и чувствует. Поэтому они популярны и любимы народом"⁵⁷. В этих условиях, считал Тольятти, следует отозвать большинство советников, привыкших чувствовать себя "хозяевами партии", и дать ей возможность "ходить на собственных ногах, оставив за нами действительно роль советников"⁵⁸.

ИККИ согласился с соображениями Тольятти и в течение сентября — октября 1937 г. отозвал большинство советников из Испании. Одновременно была ликвидирована и делегация. Кодовилья по постановлению Секретариата ИККИ был направлен в Париж для организации интернациональной кампании в поддержку

⁵² См. *Togliatti P.* Op. cit., p. 141–142.

⁵³ См. *Далем Ф.* Накануне второй мировой войны, 1938 – август 1939. Воспоминания, т. 1. М., 1982, с. 44–45.

⁵⁴ *Caballero Largo F.* La correspondencia secreta. Madrid, 1962, p. 292.

⁵⁵ *Togliatti P.* Op. cit., p. 126.

⁵⁶ *Комолова Н.П., Филатов Г.С.* Пальмиро Тольятти. М., 1983, с. 84.

⁵⁷ *Togliatti P.* Op. cit., p. 135.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 142.

Испанской республики⁵⁹. Что касается Герэ, то он был отозван в Москву, а Минев по просьбе ЦК КПИ оставлен при ЦК объединенной социалистической партии Каталонии (ОСПК). Оставшиеся в стране представители коммунистических партий, находившиеся в интербригадах, были подчинены отделу ЦК КПИ по работе с иностранцами.

Коммунистическая партия Испании получила наконец действительную самостоятельность. Руководство Коминтерна теперь не принимало принципиальных решений по проблемам Испании и политике КПИ без участия представителей коммунистической партии. Сами решения перестали носить, как правило, характер директивных документов, хотя в них довольно подробно указывалось, что, по мнению ИККИ, следовало бы делать КПИ для достижения победы над мятежниками. При этом ИККИ старался учитывать своеобразие сложившейся в Испании ситуации и формулировал в своих рекомендациях именно те задачи, которые и предстояло решить КПИ. Они были подчинены одной главной цели — нанести поражение реакции, помочь КПИ и другим антифашистским силам Испании выиграть войну, а вместе с ней и демократическую революцию.

Так, в постановлении Секретариата ИККИ о работе ЦК КПИ от 27 декабря 1936 г. его внимание было обращено на необходимость "проводить решительный, последовательный курс на закрепление и развитие демократическо-республиканского парламентского режима", избегать огульной национализации, выступать против "насильственной национализации крестьянских хозяйств", против всякого партикуляризма, за создание единой народной армии и собственной военно-промышленной базы, укреплять Народный фронт⁶⁰.

19—20 сентября 1937 г. совместно с делегацией КПИ Президиум ИККИ обсудил положение в Испании. В принятом 10 октября постановлении указывалось, что КПИ должна выступить с предложением о проведении на территории республики парламентских и муниципальных выборов, добиваться достижения единства действий с Национальной конфедерацией труда (НКТ) и защищать организационное единство Всеобщего Союза трудящихся (ВСТ), не форсировать слияния КПИ с ИСРП, последовательно проводить политику Народного фронта. В связи с тем, что экономическая жизнь республики была дезорганизована, ИККИ рекомендовал партии добиваться национализации банков и промышленности, ее милитаризации, вести борьбу против насильственной коллективизации в деревне, создания Совета регулирования народного хозяйства⁶¹.

Совершенно иным по тону и характеру было постановление Секретариата ИККИ от 3 сентября 1938 г. К тому времени обстановка в Испании радикально изменилась. В результате ряда поражений народной армии в рядах Народного фронта возникли пораженческие настроения, усилились разногласия между составлявшими его партиями и организациями, резко упал дух сопротивления в народных массах. Поэтому Секретариат рекомендовал партии сосредоточить свои усилия на всемерном укреплении армии, с величайшей энергией вести борьбу с пораженцами и капитулянтами, принять все необходимые меры для централизации руководства экономикой в руках правительства, добиваться нормализации отношений центрального правительства с правительством Каталонии, укрепления сотрудничества КПИ с социалистами и анархо-синдикалистами⁶².

Эти и другие рекомендации ИККИ оказали КПИ существенную помощь в разработке и осуществлении политики антифашистского сопротивления. Чаще в них формулировались реальные задачи, но иногда выдвинутые в них идеи партия была

⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1226, л. 1.

⁶⁰ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. с. 452—456.

⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 241, л. 69—81.

⁶² Там же, оп. 20, д. 262, л. 340—351.

не в состоянии осуществить. Так, в частности, произошло с рекомендацией о проведении выборов в парламент и муниципалитеты. ИККИ и испанские коммунисты, выдвигая эту идею, исходили из того, что после подавления мятежа левых экстремистов в мае 1937 г. и ухода в отставку правительства Кабальеро, чья военная политика вела республику к поражению, такие выборы помогут укрепить единство Народного фронта, а главное, изменят в пользу сторонников сопротивления фашизму состав центральных и местных органов власти. КПИ считала также, что в ходе выборов она сможет значительно увеличить свое представительство в кортесах и муниципалитетах, поскольку она могла рассчитывать на поддержку значительной части населения республики и особенно армии. Однако ИККИ явно переоценил силы и возможности КПИ. Идея выборов встретила столь решительное сопротивление со стороны других партий Народного фронта, что КПИ была вынуждена вскоре вообще снять предложение о проведении выборов и более к нему не возвращалась.

Доверие, которое проявил Коминтерн к Коммунистической партии Испании в ходе гражданской войны, отнюдь не означало, что его руководство бесстрастно взидало на все, что делала КПИ. В необходимых случаях ИККИ решительно вмешивался в деятельность партии, если видел, что занятые ею позиции могли создать серьезную угрозу единству Народного фронта и привести к поражению антифашистских сил. Впервые ИККИ пришлось сделать это еще в самом начале фашистского мятежа. Первоначальные успехи в борьбе с мятежниками вызвали в партии волну такого энтузиазма, такую уверенность в быстрой и окончательной победе, что КПИ на время потеряла трезвый подход к оценке событий. Не располагая достоверной информацией, ИККИ тщетно направлял ЦК КПИ телеграммы, призывая коммунистов к осмотрительности, к сосредоточению всех сил на разгроме мятежников, к отказу от решения задач, подлежащих осуществлению после победы. В ответ он получал сообщения, не имевшие никакого отношения к этим призывам⁶³.

О благодушных настроениях, царивших тогда, в 1936 г., в партии, говорится в письме Герэ, сообщавшего в Москву, что партия "не только не заняла позиции против такой тенденции, но и сама ее распространяла, объявляя ежедневно полную и последнюю победу на завтрашний день и создавая таким образом иллюзию, что враг не имеет никакой силы и что он окончательно деморализован"⁶⁴.

24 июля 1936 г. Секретариат ИККИ был вынужден направить ЦК КПИ директивы, в которых настоятельно рекомендовал испанским коммунистам сконцентрировать все силы на быстром подавлении мятежа и не увлекаться планами, подлежащими осуществлению после победы, избегать всего, что могло бы подорвать единство Народного фронта, не преувеличивать свои силы и не выходить за рамки борьбы за демократическую республику, участвовать в правительстве только в том случае, если это будет абсолютно необходимо в целях подавления мятежа, не ставить вопроса о замене регулярной армии народной милицией, привлекать лояльных офицеров, добиваться амнистии для тех из них, кто перейдет на сторону народа⁶⁵. Настойчивые усилия ИККИ привели к тому, что КПИ отбросила благодушные и начала мобилизацию всех антифашистских сил на борьбу с врагом.

Столь же резко ИККИ пришлось вмешаться в политический курс КПИ весной 1938 г., когда мощное наступление противника на восточном фронте вызвало в республике острый военный-политический кризис и активизировало действия капитулантов в высших эшелонах политического и военного руководства республики. Министр обороны И. Прието при поддержке президента М. Асаны,

⁶³ Там же, оп. 18, д. 1135, л. 6.

⁶⁴ Там же, оп. 74, д. 200, л. 1

⁶⁵ Там же, д. 201, л. 3.

утверждая, что война проиграна, требовал отставки правительства и создания кабинета, способного начать переговоры с Франко о мире⁶⁶. Коммунистическая партия сумела в это критическое время поднять на борьбу с капитулянтами широчайшие народные массы и сорвала их маневры⁶⁷. Прието был выведен из состава правительства, и пост министра обороны занял глава правительства Х. Негрин, сформировавший кабинет "национального спасения". В то же время часть коммунистов, особенно армейских и на местах, выступила за ликвидацию Народного фронта, за создание чисто рабочего правительства, за то, чтобы армия повернула оружие против "внутреннего врага". Тольятти, сообщая в ИККИ о царивших в партии настроениях, настоятельно потребовал директивных указаний, чтобы не допустить распада Народного фронта. ИККИ решительно поддержал Тольятти и рекомендовал ЦК КПИ сделать все возможное, чтобы не допустить раскола антифашистской коалиции. В соответствии с директивами ИККИ Диас направил в газету "Мундо обреро" письмо, в котором осудил сектантские тенденции⁶⁸. Кризис в партии был преодолен, и партия наладила тесное сотрудничество с правительством Негрина⁶⁹.

При анализе взаимоотношений между ИККИ и КПИ в годы гражданской войны нельзя не остановиться хотя бы в самых общих чертах на так называемых "белых пятнах" этих взаимоотношений. Один такой сюжет связан с весьма запутанной и не до конца выясненной борьбой коммунистической партии против троцкизма, хотя внешняя канва этого конфликта лежит на поверхности. Как известно, ИККИ довольно активно включился в истеричную по характеру кампанию травли "троцкистско-зиновьевских двурушников, изменников и убийц". Что касается КПИ, то она, равно как и другие коммунистические партии, принимала в этой кампании самое активное участие, тем более что в отличие от других стран у нее был вполне конкретный идеологический и политический противник — Объединенная марксистская рабочая партия (ПОУМ). До осени 1936 г. КПИ занимала в отношении ПОУМ корректные позиции. ПОУМ входила в Народный фронт, ее представители участвовали в составе хунты обороны Мадрида и правительства Каталонии, она имела свои вооруженные силы. Но в конце 1936 г. отношение КПИ к ПОУМ резко изменилось. Такому повороту послужили по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, проходившие в Москве судебные процессы над видными деятелями ВКП(б) и Советского государства, обвинявшимися в антисоветской и террористической деятельности, а также в связях с Троцким. Во-вторых, все без исключения коммунистические партии получили директивы ИККИ о самой беспощадной борьбе с троцкизмом и его сторонниками. Все неудачи и промахи в борьбе с фашизмом стали объяснять преимущественно происками троцкистов. Мануильский, выступая на Секретариате ИККИ при обсуждении испанского вопроса 20 сентября 1937 г., специально обратил внимание испанских коммунистов на необходимость борьбы с троцкистами, являвшимися, по его словам, движущей силой сторонников капитуляции, прямой агентурой фашизма⁷⁰.

Уже с середины декабря 1936 г. в печати КПИ стали появляться статьи, в которых подчеркивалось, что коммунисты должны бороться с ПОУМ так же, как с фашистами. "Френте рохо" характеризовала ПОУМ как "бандитскую группу, которую фашизм использует для подрыва единства народа", "Мундо обреро" призывала нанести сокрушительный удар по "поумистским каньяльям". С резкими нападками на ПОУМ на митингах выступали руководители партии, создавая по отношению к ней атмосферу идеологической и политической нетерпимости,

⁶⁶ Prieto I. Como y por qué sali del Ministerio de Defensa Nacional. Paris, 1939, p. 15.

⁶⁷ Guerra y revolucion en España. 1936—1939, t. 4. Moscu, 1977, p. 58—60.

⁶⁸ Diaz J. Op. cit., p. 557—559.

⁶⁹ Togliatti P. Op. cit., p. 166.

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 257, л. 1, 3.

призывая к уничтожению ее как партии предателей, фашистской агентуры. Главным аргументом, подтверждавшим предательскую сущность поумистов, были ссылки на "московские процессы", якобы доказавшие тесную связь между "троцкистско-зиновьевскими бандитами" и разведками фашистских государств.

Мощный залп по ПОУМ был дан КПИ в 1937 г. на мартовском пленуме ее ЦК, где ПОУМ прямо квалифицировалась как фашистская агентура на испанской земле, как партия, против которой следует вести беспощадную борьбу. "Троцкизм не является политической партией, это банда контрреволюционных элементов. Фашизм, троцкизм и "неконтролируемые" – вот те три врага народа, которые должны быть исключены из политической жизни не только в Испании, но и во всех цивилизованных странах", – говорил в докладе на пленуме Диас⁷¹. С этого момента антитроцкистская кампания приобрела широкий размах и стала перерастать в борьбу за полное вытеснение ПОУМ с политической арены.

Идеологическая и политическая кампания КПИ против ПОУМ облегчалась в значительной степени тем, что некоторые позиции ее лидеров совпадали с позициями Троцкого, завязавшего с ними оживленную переписку, дававшего свою интерпретацию происходивших в Испании событий и одновременно резко критиковавшего ее за недостаточно последовательный курс на победу пролетарской революции⁷². Однако внешнее сходство позиций не дает нам оснований квалифицировать ПОУМ как троцкистскую партию. Судя по ее документам, это была левозэкстремистская организация, выступавшая за утверждение в Испании диктатуры пролетариата, власти Советов, социалистических порядков и занимавшая к тому же ярко выраженные антисталинские позиции. Само руководство ПОУМ неоднократно подчеркивало свои серьезные расхождения с Троцким по широкому кругу проблем испанской революции⁷³.

Добившись весной 1937 г. изгнания ПОУМ из Народного фронта, коммунистическая партия начала усиливать свое наступление на "троцкистов". Воспользовавшись участием отрядов ПОУМ в майском путче 1937 г. в Барселоне, организованном экстремистским крылом НКТ и Федерацией анархистов Иберии, КПИ добилась от правительства Негрина объявления ПОУМ вне закона. Партия была распущена, активисты арестованы, а позднее они оказались на скамье подсудимых. Что касается лидера партии А. Нина, то он исчез при таинственных обстоятельствах. В печати КПИ одно время сообщалось, что Нин бежал к своим "хозяевам" и что его якобы видели на захваченной мятежниками территории. На самом же деле он был схвачен испанской контрразведкой, находившейся под контролем шефа НКВД в Испании А. Орлова, подвергнут пыткам и расстрелян⁷⁴.

Чем же объясняется столь яростное и беспощадное преследование сравнительно небольшой партии, неспособной подорвать позиции КПИ и занять ее место в антифашистском блоке, страдавшей левой фразой и вызывавшей недоверие со стороны других партий Народного фронта? В слепой вере Коммунистической партии Испании в "мудрость" Сталина и правильность проводимой им политики истребления "врагов народа", "врагов" Советского Союза? Вера, конечно, была, ибо кто из коммунистов мог усомниться тогда в непогрешимости "вождя народов"? Но основные причины, вероятно, следует искать в другом. Чтобы одержать победу над фашизмом, антифашисты Испании нуждались в оружии и боевой технике, а единственной страной, оказывавшей военно-техническую помощь Испанской республике, был СССР. Коммунистической партии Испании пришлось "отрабатывать" эту помощь своей борьбой с троцкизмом. В свою очередь Коммунистическая партия Испании завоевала такое доверие Сталина, что именно испанским коммунистам было поручено осуществление одного из самых зловещих сталин-

⁷¹ Diaz J. Op. cit., p. 387.

⁷² Troski L. La Revolucion española (1931–1939). Madrid, 1977, p. 166, 167, 169.

⁷³ См. La revolucion española en practica. Documentos del POUM. Madrid, 1977.

⁷⁴ См. Bonamusa F. Andres Nin y el movimiento comunista en España. Barcelona, 1977.

ских замыслов — убийство Троцкого. Именно через КПИ в окружение Троцкого был внедрен Рамон Меркадер, убивший Троцкого в 1940 г. и получивший за это звание Героя Советского Союза⁷⁵.

Взаимоотношения между Коминтерном и КПИ на всем протяжении существования этой международной организации коммунистов были сложными и неоднозначными. В них были периоды, когда Коминтерн, вся энергия и силы которого уходили на оказание помощи и поддержки крупным компартиям (Германии, Китая), ограничивался эпизодическими контактами с КПИ, держал ее в поле зрения, но смотрел на нее как на партию, находящуюся на периферии революционного движения. Коммунистическая партия Испании прочно вошла в круг приоритетных интересов Коминтерна лишь с 1931 г. Он стал оказывать ей максимальную помощь и поддержку, исходя из тех стратегических интересов, которые господствовали тогда в коммунистическом движении. Для достижения этих целей Коминтерн не останавливался перед прямым вмешательством в ее внутренние дела, контролируя ее деятельность через своих представителей и решительно пресекая любые попытки к самостоятельности.

Было бы неверным считать, что такое вмешательство имело всегда только негативные последствия. Без помощи и поддержки Коминтерна Коммунистическая партия Испании вряд ли могла бы в сравнительно короткое время превратиться в одну из крупнейших и влиятельнейших партий Испании. Но несомненно и другое: игнорирование Коминтерном национальной специфики Испании создавало для КПИ, по крайней мере до VII конгресса, серьезные трудности в борьбе за массы, за достижение целей революционной борьбы. Убеждение в том, что испанская революция развивается от своего Февраля к своему Октябрю и завершится только установлением диктатуры пролетариата, несомненно, задержало разработку и осуществление Коммунистической партией Испании тактики единого рабочего, а затем антифашистского фронта применительно к специфическим условиям страны.

Решения VII конгресса и новые нормы отношений между Коминтерном и коммунистическими партиями внесли серьезные коррективы в контакты руководящих органов Коминтерна с коммунистическими партиями, в том числе с КПИ. Возросло доверие к Коммунистической партии Испании, особенно в годы гражданской войны. Правда, война вызвала и своеобразный рецидив старых подходов и попыток Коминтерна решать новые и необычные задачи, вставшие перед КПИ, старыми методами, путем усиления своего присутствия в Испании, направления туда многих советников и помощников. Когда же стало ясно, что такой метод бесперспективен, а деятельность советников наносит серьезный ущерб партии, ее позициям в Народном фронте, Коминтерн решительно удалил их из Испании, предоставив КПИ возможность практически самостоятельно решать все вопросы.

⁷⁵ Кобо Х. Убийца Троцкого: палач или жертва? — Московские новости, 19.III.1989, с. 15–16.

КАК СОЗДАВАЛСЯ IV ИНТЕРНАЦИОНАЛ

В последние минуты жизни Троцкий произнес фразу: "Я верю в триумф IV Интернационала". И даже, говорят, попытался при этом выкрикнуть, как когда-то на митингах в петроградском цирке "Модерн": "Вперед!" Так несколько театрально и вместе с тем жутковато — потому что каждому, кто тогда был рядом с Троцким, его слова не могли не показаться бредом мучительно умирающего человека, — он высказал навязчивую идею, владевшую им последнее десятилетие.

На разные лады эта идея звучала в его книгах, статьях, письмах, выступлениях. Чем бы он ни занимался, с кем бы ни говорил, все упиралось в одно и то же — нужен новый, не похожий на прежние, Интернационал. 25 марта 1935 г. Троцкий сделал в дневнике такую запись: "Работа, которую я сейчас выполняю — несмотря на ее крайне недостаточный фрагментарный характер, — является самой важной работой моей жизни, важнее 1917 г., важнее эпохи гражданской войны и пр." Этой работой была деятельность по созданию IV Интернационала.

Троцкий считал, что как II, так и III Интернационалы потерпели крушение. Для выполнения задач мировой революции здравствовавшие вожди этих интернационалов были абсолютно непригодны. Особенности судьбы и жизни, накопленный теоретический и практический опыт позволили бы справиться с этой проблемой только одному человеку — самому Троцкому. "Вооружить революционным методом новое поколение через голову вождей Второго и Третьего Интернационалов — этой задачи сейчас, кроме меня, некому выполнить, — писал Троцкий. — И я вполне согласен с Лениным (собственно, с Тургеневым), что самый большой порок — быть старше 55 лет. Мне нужно еще, по меньшей мере, лет 5 непрерывной работы, чтобы обеспечить преемственность"¹ (между III и IV Интернационалами).

Троцкий справился с задачей на два года раньше срока, который поставил перед самим собой. В сентябре 1938 г. в пригороде Парижа Переньи, в доме активного сторонника Троцкого А. Росмера, собралось два десятка человек из нескольких стран Европы и США. Они торопились, опасаясь быть застигнутыми полицией. К вечеру второго и последнего дня затянувшихся заседаний, наконец, был принят итоговый документ совещания. Так в международном рабочем движении появилась новая организация — IV Интернационал.

Созданию IV Интернационала предшествовала колоссальная по объему работа. Знакомая с ней, не устаешь поражаться неумной энергии Троцкого и вдруг откуда-то появившейся в нем терпеливости, способности, когда требовалось, действовать по принципу "капля камень точит". IV Интернационал для Троцкого стал театром одного актера. Ему, безусловно, помогали многие. Но роль главного — драматурга, режиссера, постановщика, администратора, вплоть до распространителя билетов и организации рекламы — играл он сам.

Большинство исследователей, изучая историю троцкизма, обычно берут за

¹ Троцкий Л. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986, с. 84, 85.

точку отсчета 1923 г., потому что именно тогда троцкистская оппозиция окончательно оформилась организационно в РКП(б) и Коминтерне, появились первые троцкистские группы в коммунистическом движении Франции, Германии, Греции, Болгарии и некоторых других стран. Но очевидно, что троцкизм существовал и до 1923 г., если и не как сложившаяся фракция, то как идейно-политическое течение, располагавшее суммой особых взглядов в виде теории "перманентной революции" и стремившееся реализовать ее на практике не через особую организацию, а в рамках РКП(б) и Исполкома Коминтерна.

Суть теории "перманентной революции" хорошо известна. Напомню ее ключевые положения. Троцкий позаимствовал их у германского социал-демократа Парвуса, ставшего в годы первой мировой войны махровым социал-шовинистом. В основе ее лежали три главных положения.

Первое. В отличие от эпохи буржуазных революций XVIII—XIX вв., в частности во Франции, в России нет сильной организованной буржуазии. Поэтому российская буржуазия не может претендовать на роль гегемона в революции. Эту роль, исходя из специфики страны, призван сыграть российский пролетариат, хотя и немногочисленный, но хорошо организованный и политически боевой. Отсюда главный вывод — в России революция могла начаться и победить исключительно как революция социалистическая.

Второе положение. "Ассистировать" в российской революции пролетариату должно было не многомиллионное крестьянство, чья мелкобуржуазная природа, точно гири на ногах, будет тормозить развитие революционной борьбы пролетариата, а после прихода его к власти неизбежно станет контрреволюционной силой, а пролетариат более развитых стран Западной Европы. Без его прямой или, как позднее писал Троцкий, государственной поддержки, у рабочего класса России ничего не выйдет.

Наконец, третье положение. Окончательная победа социалистической революции в рамках одной отдельно взятой страны невозможна. Начавшись в России, революция должна перекинуться в другие страны. Иначе ей грозило бы контрреволюционное перерождение и последующий крах, как это произошло во Франции с диктатурой якобинцев. Тем самым Троцкий фактически дословно воспроизвел в изменившихся условиях XX в. тезис классического марксизма периода XIX столетия, от которого уже почти отказался один из его соавторов, Ф. Энгельс (в написанном им в 1895 г. введении к работе К. Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 г. 1850 г.")

Указанные три положения теории "перманентной революции", взятые в комплексе, как раз и составили идейно-политическую основу троцкизма. Естественно, что В.И. Ленин не мог согласиться со столь упрощенной трактовкой революционного процесса в России. Весь дооктябрьский период он вел решительную борьбу с троцкистской теорией. Победа буржуазно-демократической революции в феврале 1917 г. сняла главное противоречие между его теорией революций и теорией Троцкого: исчез основной водораздел между ними — необходимость поэтапной борьбы, смены буржуазно-демократического этапа, его перерастания в этап социалистической революции.

После Февраля в России революция действительно могла развиваться и развивалась только как революция социалистическая. Этим обусловлена политическая близость в этот период Ленина и Троцкого. Из этого факта многие зарубежные, а теперь и замороженные троцкисты заключали, что, мол, после Октября никакого троцкизма уже не было. Это не так. Троцкий не отказался ни от одного из указанных выше положений своей и Парвуса теории, развивая и дополняя ее рядом новых положений.

Недавно умерший на девятом десятке лет видный историк и деятель троцкистского движения Пьер Франк, начинавший на о. Принкипо секретарем Троцкого, выделил три этапа в становлении и развитии троцкизма между двумя мировыми

войнами. Это годы с 1923 по 1929, с 1929 по 1933 и с 1933 по 1938—1939. С вышеуказанной оговоркой в принципе можно принять периодизацию Франка.

На первом этапе, считал Франк, в строгом смысле "движение большевиколенинцев интернационалистов" отсутствовало, существовала лишь его фракция в СССР, которую поддерживали отдельные группки и лица из других стран. Вторым этапом свелся к формированию интернационалистской левой оппозиции. Он стал временем принципиального размежевания с официальным руководством компартий и Коминтерна, формирования кадров интернационалистской левой. Именно в эти годы, писал Франк, "образовалось большинство наших секций", сложился идейно-политический инструментальный анализ обстановки, что "позволило нам обрести, как говорится, "троцкистский голос"". Наконец, третий этап был отмечен выходом троцкистских групп из компартий и Коминтерна, конституированием их в независимые партии и организации, попыткой наладить контакт с партиями II Интернационала. Это было время подготовки и создания IV Интернационала².

В марте 1929 г. Троцкий обратился к единомышленникам с письмом "О группировках в коммунистической оппозиции". Он призвал всех, кто сохранил верность левой оппозиции и ему лично, не падать духом, искать пути для укрепления оппозиционных групп, где они уже имелись, а там, где их еще не было, — подбирать кадры, проявлять максимум внимания к каждому, кто выразил критическое отношение к ВКП (б) и Коминтерну, проявил интерес к материалам левой оппозиции.

Памятуя знаменитое ленинское — прежде чем объединяться, нам надо решительно размежеваться, Троцкий писал: "Оппозиция формируется сейчас на основе принципиального идейного *размежевания*, а не *массового действия*. Это отвечает характеру нынешнего периода"³.

Решая проблему размежевания, Троцкий предложил на обсуждение три принципиальных вопроса: 1) политика Англо-русского комитета; 2) китайская революция; 3) хозяйственная политика в СССР. Здесь же им были сформулированы и свои ответы на них.

По первому вопросу Троцкий считал, что сталинский курс на заключение политического блока с вождями английских тред-юнионов явился самым циничным и самым губительным поправлением основ большевизма и теоретической азбуки марксизма. Относительно китайской революции Троцкий был не менее категоричен: ее поражение явилось результатом "преступной практики" проведения в жизнь идей перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Что касается "русского вопроса", как тогда в Коминтерне называли отношение к СССР и политике ВКП (б), то проводимая Сталиным хозяйственная политика, заявлял Троцкий, не могла увенчаться успехом, так как ложной была сама идея, на которую эта политика опиралась, — утверждение о возможности построить социализм в рамках отдельной страны. В то же время он признавал, что принятая сталинской группой концепция "сверхиндустриализации" обещала положительное решение некоторых конкретных экономических проблем.

Таковы три главных вопроса-ответа, являвшихся, по Троцкому, тем оселком, который позволил бы четко и ясно определить, с кем данная коммунистическая партия, та или иная в ней фракция, наконец, конкретный ее член, политический или общественный деятель. Судя по этой триединой формуле, он предлагал нечто вроде ультиматума всем, к кому обращался с предложением о дискуссии. При такой категоричности вряд ли эта дискуссия могла получиться, а если бы и воз-

² Frank P. La Quatrième Internationale. Contribution à l'histoire du mouvement trotskyste internationale. Paris, 1969, p. 20, 24, 31 etc.

³ Бюллетень оппозиции, 1929, № 1—2, с. 20.

ника, то любому несогласному с Троцким заранее был заказан доступ в левую оппозицию.

Естественно, что, действуя таким непреклонным способом, Троцкий приобрел немного сторонников, а некоторых из тех, кто сохранил верность троцкизму, даже потерял. Причем потерял навсегда. Это характерная деталь зарождавшегося тогда троцкистского движения: уж коль его вожди ссорились между собой, не было врагов злее. Они изводили друг друга с гораздо большей активностью и изобретательностью, чем это делали в отношении представителей других идейно-политических течений. Более того, вступавшие во враждебные отношения между собой троцкисты и троцкистские группы скорее готовы были примириться с центристами, правыми и любыми левыми партиями и организациями, чем друг с другом. Эта находившаяся у истоков интернационалистской левой оппозиции особенность бросается в глаза и потом, неизменно проявляясь во всех странах, партиях, профсоюзах, молодежных и других организациях, где когда-нибудь возникали троцкистские фракции или группировки.

Не случайно, общаясь с самыми разными по своим политическим и идейным убеждениям, роду занятий, социальному положению людьми, Троцкий отдавал предпочтение тем из них, кто в той или иной форме засвидетельствовал ему свою личную преданность. Среди них те, с кем он еще в годы первой мировой войны разделял центристские, каутскианские позиции, как голландка Г. Роланд—Гольст и упоминавшийся уже А. Росмер. Наиболее надежными в рабочем движении были для Троцкого лица, исключенные из коммунистических партий и Коминтерна: во Франции — Б. Суварин, в Германии — группа Маслова — Рут Фишер—Урбанса—Шолема, в США — М. Истмен. Пытался Троцкий привлечь и "зиновьевцев". Это в первую очередь один из бывших руководителей Французской коммунистической партии А. Трен и его соратница Сюзанна Жиро⁴.

Но даже среди этих лиц Троцкий находил немного таких, кто бы вполне понимал стоявшие перед интернационалистской левой задачи и воспринимал их как свои собственные. Глядя на всю эту разномастную и чрезвычайно пеструю по своим идейно-политическим воззрениям "команду Троцкого", известный троцковед, исследователь жизни и деятельности Троцкого И. Дейчер вынужден был отметить, что люди, собравшиеся в конце 1929 г. вокруг Троцкого за пределами СССР, "ровным счетом ничего не стоили"⁵.

Троцкий прекрасно видел, с кем ему приходится иметь дело. Собственно, именно поэтому он особенно и не жаловал своих потенциальных сторонников. Известны многочисленные случаи, когда он за глаза называл их "мелкими буржуа", "филистерами", а чаще всего "кибичами" — так жители любимой им довоенной Вены презрительно окрестили праздношатавшихся молодых повес. Они всегда были готовы дать совет, что и как надо делать, но сами никогда ничего не делали.

Атмосферу взаимоотношений в троцкистском лагере передают два, на мой взгляд, характерных эпизода.

Первый из них — история переписки Троцкого с Суварином. Борис Суварин — в прошлом активный деятель ФКП, исключенный из нее в 1924 г. за оппозиционную деятельность, — первым откликнулся на призыв Троцкого к дискуссии. В июне 1929 г. он прислал Троцкому целый трактат в 125 страниц, содержавший резкую критику его установок.

Суварин вновь повторил уже высказывавшийся им ранее тезис о госкапиталистической природе советского строя, усматривая в ней громадный шаг вперед по пути развития советской экономики. Поэтому самой большой ошибкой левой оппозиции он объявил то, что она продолжала концентрировать усилия на борьбе

⁴ См. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969.

⁵ Quatrième Internationale, N 22, juillet 1964, p. 62.

против ВКП (б) вместо того, чтобы вступить в нее, поставив себя на службу "советскому госкапитализму", и таким образом способствовать возвращению СССР в лоно цивилизованных стран.

Суварин упрекал Троцкого также за то, что тот излишне церемонился с ленинизмом, не желая просто покончить с ним. "Вы, — писал Суварин, — переосмысливаете ленинизм в духе упрощенного большевизма после взятия пролетариатом власти, что означает новый этап его отчуждения от марксизма". Этого не стоило делать, и без того, мол, ясно, что "ленинизм является выражением крестьянской отсталости, покрытой лаком марксизма". Подлинными же марксистами могли быть только те, кто, пожив на Западе, восприняли европейскую культуру.

Наконец, Суварин нанес Троцкому самое страшное, какое можно было себе представить, оскорбление, заявив: "Течения, именующие себя левыми, на деле выражают интересы мелкой буржуазии"⁶. Поэтому, с точки зрения Суварина, было бы гораздо полезнее для дела заявить о своем открытом разрыве с практикой строительства социализма в СССР и ленинизмом, т.е. перестать заниматься "детской игрой в левизну" и вернуться в лоно социал-демократии.

Вот так этот "великий историк и аналитик", как его назвал полвека спустя политический обозреватель парижского еженедельника "Экспресс" Х. Желем, "в письмах к Троцкому преподавал урок — и какой урок! — теоретику "перманентной революции"⁷.

Троцкий был весьма уязвлен. Он заявил, что "трактат" Суварина является "ярким примером бессодержательного анализа, набором голых фраз". Два года спустя Троцкий окончательно свелет счеты с Суварином, назовет его метод анализа "суваринизмом", т.е. злом, которое сочетает в себе паралич политической воли с гипертрофированным рационализмом; кабинетной идеологией без опоры на действительность и без ясного о ней представления; критикой ради критики, цепляющейся за пустяки, видящей плевелы вместо зерен.

Второй достаточно характерный эпизод — полемика, если разнос можно назвать полемикой, с ультралевыми деятелями — одним из теоретиков французского анархо-синдикализма Лузоном и лидером германской молодежной организации "Ленинбунд" Урбансом. Троцкий посвятил ей специальный № 5 "Бюллетеня оппозиции". Уже один этот факт свидетельствовал о том, что Троцкий придавал ей гораздо большее значение, чем полемике с Суварином. Все-таки за ультралевыми стояли реальные силы. Лузон был членом редакции анархо-синдикалистского журнала "Революсьон пролетарьен". Адольф Урбанс вел за собой "Ленинбунд", насчитывавший в конце 20-х годов около 6 тыс. членов. "Ленинбунд" выпускал четыре раза в неделю газету "Фольксвилле" и теоретический ежемесичник "Фане дес коммунизму".

Ультралевые в еще большей степени, чем Суварин, проявили характер, дав понять, что не собираются быть ручными. Они даже позволили себе не отвечать на многочисленные письма Троцкого, а попросту выступили в подведомственной им печати с критикой троцкистской позиции. В ответ Троцкий обвинил Лузона в приверженности формализму и в отходе от марксизма.

Досталось от Троцкого и Урбансу. Так, Урбанс считал, что в Китае с приходом к власти Чан Кайши победила буржуазно-демократическая революция или, точнее, упростилась буржуазная революция. Это, негодовал Троцкий, точка зрения международной социал-демократии. "В Китае победила не буржуазная революция, — разъяснял он, — а буржуазная контрреволюция. Это совсем не одно и то же". Вторая китайская революция в 1925—1927 гг., считал Троцкий (первая произошла в 1911 г., она-то и была истинно буржуазной), всем своим ходом показала то, что марксистам было ясно ранее: действительное разрешение задач буржуазно-

⁶ Цит. по: *Rabaut J.* Tout est possible! Les "gauchistes" français. 1929—1944. Paris, 1974, p. 19.

⁷ L'Express, 9.XII. 1983, p. 30.

демократической революции в Китае возможно только через диктатуру пролетариата, опирающуюся на союз рабочего класса и крестьянства против союза внутренней буржуазии и империализма.

Большое внимание Троцкий уделил разбору трактовки Урбансом проблемы "советского термидора". Он подверг резкой критике утверждение Урбанса о том, что в СССР термидор уже свершился. Нет, доказывал Троцкий, это не так. Полностью восторжествовать термидору помешала деятельность левой оппозиции. Только благодаря ее нажиму, даже несмотря на ее разгром, Сталин вынужден был повернуть влево, совершить частичный плагиат из платформы левой оппозиции. "Средства производства, принадлежавшие капиталистам, остаются и сегодня в руках советского государства, — уточнял Троцкий. — Земля национализирована. Из Советов и из армии все еще исключены эксплуататорские элементы. Монополия внешней торговли остается, как и защита от экономической интервенции капитализма. Все это немаловажные факты. Мало того. Силою своего наступления оппозиция вынудила центристов нанести ряд ударов — отнюдь далеко не смертельных и далеко не решающих, разумеется, — термидорианским классовым силам и отражающим их тенденциям в партии"⁸. Под этими "силами" Троцкий имел в виду прежде всего кулачество, а под "тенденциями" — "правый уклон".

Проблема термидора сегодня является одной из популярных среди советских историков, социологов, философов и активно рассматривается в научной литературе и в публицистике. Однако, на мой взгляд, поставленная Троцким проблема термидора Октября если и сохраняет свое значение, то в определенных конкретно-исторических рамках 20–30-х годов, да и то сугубо условное даже для этих рамок. В настоящее время она утратила всякую практическую ценность, потому что потеряла смысл те основные социально-экономические критерии, по которым Троцкий судил о степени "термидорианства" советской действительности: есть или нет национализация земли, ее недр и природных богатств, остаются или нет общественными или, точнее, огосударствленными средства производства, имеются или нет в органах власти эксплуататорские элементы, действует или бездействует монополия внешней торговли. Если не заниматься терминологическими выкрутасами, то все эти "устои социализма" в наши дни, в условиях кризиса социализма, либо девальвированы, так как не только не способствуют, но, наоборот, мешают выходу его из кризисного состояния, либо изменили свое содержание на прямо противоположное тому, какое в них первоначально вкладывалось. И не одним только Троцким. Но и Лениным, и Сталиным, а вслед за ними — последующими поколениями советских и зарубежных руководителей.

II

В создании интернационалистской левой оппозиции Троцкий, разумеется, не ограничился только перепиской. Он вступил в контакт с группами своих сторонников, лидеры которых, как правило, приезжали к нему на о. Принкипо, а затем во Францию (Сент-Пале, Руайан, Барбизон), в Норвегию, в Мексику — знаменитый Койоакан. В "Бюллетене оппозиции" была введена специальная рубрика "Проблемы международной левой оппозиции", где печаталась переписка Троцкого с первыми зарубежными троцкистскими группами, помещались его инструктивные материалы. Например, в 1929 г. Троцкий направил послания "большевикам-ленинцам" во Францию, США, Чехословакию, Австрию, Бельгию, Италию, Испанию. И всем он сообщал, что с большим интересом следит за их первыми шагами, подбадривал, успокаивал, недоумевал, спрашивал, укорял. "Задача марксистского меньшинства в том, чтобы анализировать, оценивать,

⁸ Бюллетень оппозиции, 1929, № 10, с. 10.

предвидеть, предупреждать об опасностях и указывать путь"⁹, — наставлял Троцкий.

Ставил он и более конкретные задачи: издание на языке данной страны документов пока еще не существовавшей организационно интернационалистской левой оппозиции; создание печатного органа национальных секций; разработка платформы секции; участие, желательно материальное, в издании органа интернационалистской левой оппозиции; участие и по возможности выступления на собраниях коммунистических партий, правой оппозиции, открытых рабочих собраниях, встречах, митингах; ведение воспитательной работы хотя бы в небольших кружках или по отношению к одиночкам.

Не меньшее внимание Троцкий уделял, как он выражался, потенциальным союзникам левой оппозиции. Таковыми он считал в Италии группу Амадео Бордиги — одного из создателей ИКП, исключенного из ее рядов за оппозиционную деятельность, которому 25 сентября 1929 г. направил пространное письмо, восхищаясь его деятельностью, спрашивая о дальнейших планах и предлагая сотрудничество¹⁰.

В директивных письмах, при личных встречах Троцкий проводил одну и ту же мысль — необходимо приступить к созданию троцкистских партий, а там, где они уже имелись, активизировать их деятельность в рабочем движении. Сам Троцкий сконцентрировал свои усилия на создании левой оппозиции во Франции.

Его интерес к этой стране был не случаен. "Трудности и проблемы, с которыми Троцкий столкнулся при создании левой оппозиции во Франции, — пишет историк троцкизма Ж.Ж. Мари, — отражали те трудности и проблемы, с которыми ему пришлось столкнуться при создании интернационалистской левой оппозиции в целом"¹¹. Интерес Троцкого к Франции был продиктован и тем, что после буржуазной революции XVIII в. она являлась страной, где были сильны позиции радикальной мелкой буржуазии. К тому же еще до Октября Троцкому удалось обрести сторонников именно среди левых деятелей французского рабочего движения, с которыми он близко сошелся во время издания в Париже газеты "Наше слово". Эти контакты Троцкий постарался сохранить и позднее, когда, будучи в Коминтерне, принимал участие в составлении ряда документов, имевших отношение к Французской коммунистической партии.

В 20-е годы Троцкий становится идейным вдохновителем в ФКП тех, кто противопоставлял себя ее руководству. "При каждом внутреннем кризисе советской партии, спровоцированном оппозицией, — отмечал французский марксист Л. Фигер, — возникал кризис и в ФКП, поскольку русские оппозиционеры вдохновляли образование фракций во французской партии"¹².

Питательной почвой для создания троцкистских групп во Франции явилось происходившее после первой мировой войны в результате бурного индустриального роста пополнение пролетариата за счет новых рекрутов из промежуточных слоев. В их сознании сохранялись мелкобуржуазные пережитки, проявлялось недоверие к рабочему классу, компартии. Да и сам рабочий класс значительно изменился. В нем практически исчезли потомственные пролетарские кадры. Появилось немало лиц, склонных к немедленным решениям, авантюризму. На такого рода настроениях пыгались играть французские троцкисты. "Не считая Америки, — отмечал журнал "Коммунистический Интернационал", — Франция является международной базой троцкизма"¹³.

⁹ См. Бюллетень оппозиции, 1929, № 1–2, с. 35.

¹⁰ Бюллетень оппозиции, 1929, № 6, октябрь, с. 30–32.

¹¹ Marie J.J. Le trotskysme — question d'histoire. Paris, 1970, p. 53; *idem*. Trotsky, le trotskysme et la IVe Internationale. Paris, 1980.

¹² Figuères L. Le trotskysme, cet antiléningisme. Paris, 1969, p. 191.

¹³ Коммунистический Интернационал, 1930, № 18, с. 45.

Здесь с конца 20-х годов усилиями изгнанных из ФКП троцкистов создается ряд троцкистских по духу или близких к ним групп. Это – "Пролетарская революция" (по названию одноименного еженедельника) во главе с П. Монаттом и А. Росмером, "Круг демократов" Б. Суварина, кружок "Против течения" М. Паза, "Ленинское единство" А.Трена, "Классовая борьба" П. Навиля. В них входили люди, скрывавшие за левой фразой свое раздражение политикой ФКП, Коминтерна, ВКП(б) и СССР в целом. Им казалось, что те недостаточно революционны, плохо усвоили идеи мировой революции и не желают нести ее в страны Запада.

Рядовые участники этих групп были преимущественно выходцами из мелкобуржуазных слоев, интеллигенции. Так, среди 50 членов группы, возглавлявшейся Суварином, лишь трое были рабочими¹⁴. Присущие троцкистским лидерам карьеристские, честолюбивые замашки, обилие среди троцкистов "вождей" и практическое отсутствие опоры в массах делали фактически невозможным налаживание между их группами организационных связей.

Стремление взять верх над соперниками постоянно накаляло обстановку в троцкистских партиях, усиливало там возню вокруг организационных вопросов и обостряло кризисную ситуацию. Большое значение имела последовательная критика французскими коммунистами идеологии и практики троцкизма, что усиливало кризис в троцкистских организациях, помогало отходу от них тех, кто оказывался там по недоразумению.

15 августа 1929 г. в Париже начал выходить еженедельник "Верите" ("Правда"). Его возглавил А. Росмер – в прошлом активный деятель французского анархо-синдикализма. Троцкий тут же приветствовал появление нового издания. В нем он надеялся обрести для левой оппозиции во Франции орган, которому удалось бы разорвать замкнутый круг мелких, мало что значивших в реальной политической жизни страны троцкистских и околотроцкистских кружков, покончить с кружковой дипломатией и выйти на общенациональную арену. За полгода существования еженедельника было выпущено 24 номера. В начале 1930 г. он печатался на восьми страницах большого формата. Пользовался влиянием среди рабочих и членов ФКП в крупных городах, в частности в Париже, в департаменте Сена. В "Верите" регулярно сотрудничали группы венгерской, испанской (в Люксембурге), итальянской и еврейской левых оппозиций. В отношении этих групп "Верите" выполнял объединяющую и активизирующую роль. В этих группах было по 30–40 человек, главным образом изгнанные фашистами из своих стран рабочие-коммунисты¹⁵.

Именно "Верите" суждено было сыграть важную роль в сплочении ряда национальных групп левой оппозиции в подобие интернациональной левой. Редакция еженедельника обратилась к "большевикам-ленинцам" всех стран с призывом объединиться вокруг осуществления следующих задач: подготовка международной конференции левой оппозиции и организация международного информационного бюллетеня. На это предложение откликнулись оппозиция в Германии, левые оппозиции в Чехословакии, США (журнал "Милитант") и Испании.

Из этой акции выросла первая в истории троцкизма международная предконференция, как назвали ее сами участники. 6 апреля 1930 г. в Париже собрались: Коммунистическая лига (Франция), Коммунистическая лига (США), объединенная оппозиция (Германия), оппозиционная группа Коммунистической партии Бельгии, испанская оппозиция, левая оппозиция Чехословакии, венгерская коммунистическая оппозиция и группа еврейской оппозиции во Франции. Левая оппозиция ВКП(б), по всей видимости в лице Троцкого и его сына Л. Седова, направила участникам предконференции приветственное письмо, в котором заявила о присоединении к предконференции. Так же поступили оппозиционные груп-

¹⁴ *Rabaut J.* Op. cit., p. 45.

¹⁵ Бюллетень оппозиции, 1930, № 9, февраль–март, с. 35.

пы из Китая, Аргентины и Мексики. Они не приехали в Париж из-за дальности расстояний.

На предконференции были заслушаны доклады о положении дел в левых оппозициях представленных стран. Общий настрой предконференции был мажорным, хотя успехи пока оказались "бумажными": левая оппозиция существовала исключительно в виде разных печатных изданий. Тоже, кстати, одна из форм существования будущего троцкистского движения. Троцкистские группы в разных странах в основном сплачивались вокруг газет, журналов, реже — издательств. Но — характерная деталь — без печатного органа как в тот не столь уж и далекий от нас 1930-й, так и по сей день не было и нет троцкистских групп или организаций, не говоря уже о партиях. Это свидетельствует о закономерности: сначала возникает печатный орган, а уж потом, появляется и сама организация. Почти идеальная реализация ленинского тезиса: печать должна быть не только пропагандистом, но и организатором движения.

В 1930 г. издавались следующие печатные органы левой оппозиции: во Франции еженедельная газета "Верите", которая стала средоточием не только французской, но и международной, особенно "латиноевропейской" оппозиции — итальянской, испанской, проживавших в Европе выходцев из стран Латинской Америки, и ежемесячный журнал "Люте де класс", выходивший на 60—80 страницах, т.е. почти вдвое превосходивший по объему "Бюллетень оппозиции"; в Германии объединенная оппозиция, имевшая одного депутата в прусском ландтаге, приступила к изданию журнала "Коммунист"; Коммунистическая лига США издавала еженедельник "Милитант", начала организацию брошюрного издательства; в Австрии выходили две газеты (их названия на предконференции не приводились, видимо, ее участники сомневались, какую из них отнести к "своим"); в Чехословакии — также газета; итальянская группа бордигистов выпускала два раза в месяц газету "Прометео"; группа еврейских оппозиционеров издавала в Париже газету "Клархейо" ("Ясность")¹⁶.

Итогом предконференции стало создание Международного секретариата, которому поручили издание международного бюллетеня и подготовку полномочной конференции. В состав секретариата вошли по одному представителю от оппозиций — русской (по всей видимости, Л. Седов), немецкой и французской с возможным привлечением представителя оппозиции Бельгии. Техническую реализацию решений возложили на Коммунистическую лигу Франции (к тому времени мизерная группа, в которую входило около сотни членов). С этого момента Париж становится Меккой интернационалистской левой оппозиции. Сюда, а не только к Троцкому на Принкипо, начинают сходиться многие нити зарождавшегося троцкистского движения. Забегая вперед, скажу, что эту роль Парижа, несмотря на ряд попыток троцкистов Лондона, Нью-Йорка, Мехико, так и не удалось никому особенно поколебать.

И еще одно принципиальное соображение. Предконференция заявила, что объединение национальных фракций не означает курса на образование IV Интернационала, так же как и создание самих этих национальных фракций не свидетельствует о формировании вторых партий, т.е. параллельных компартиям. Левая оппозиция по-прежнему считала себя фракцией международного коммунизма и действовала в качестве таковой. Виновником своей обособленности, приведшей к расколу с официальными компартиями и Коминтерном, предконференция сочла центристскую бюрократию. Порывая с верхушкой коммунистического движения, оппозиция не уставала твердить о своей связи с уже "немногими сотнями тысяч революционных рабочих", заявляя, что формально она остается в рядах коммунистических партий и Коммунистического Интернационала.

¹⁶ См. Бюллетень оппозиции, 1930, № 11, май, с. 1—2.

При этом своей целью оппозиция ставила возрождение Коммунистического Интернационала на ленинских основах¹⁷.

В сущности, в принятых на предконференции решениях была заложена модель деятельности интернационалистской левой оппозиции на ближайшие три—пять лет, итогом которой стало состоявшееся в феврале 1933 г., опять-таки в Париже и опять объявленное "предконференцией", совещание представителей левой оппозиции, на этот раз уже из 11 стран: СССР, Германии, Франции, Англии, Бельгии, США, Греции, Италии, Испании, Болгарии, Швейцарии. Этой предконференции предшествовала проведенная в разных странах, прежде всего в названных выше, довольно основательная работа.

В Греции в середине 1930 г. состоялась национальная конференция левой оппозиции. Она окончательно оформила свое присоединение к интернационалистской левой, приняв название "большевики-ленинцы". В этой стране левая оппозиция располагала самой массовой среди оппозиций других стран базой, превосходившей численность официальной коммунистической партии страны. Греческая оппозиция проделала довольно долгий путь становления и развития.

Она происходила от возникшей еще в 1919 г. группы "Коммунизм", борющейся за присоединение к появившейся в стране после первой мировой войны Рабоче-социалистической партии и к Коминтерну. В 1922 г. группу исключили из упомянутой партии из-за разногласий о ее внутреннем режиме. Предваряя борьбу левой оппозиции в ВКП(б), группа "Коммунизм" выступила за развитие внутривластной демократии с тем, чтобы получить возможность для перераспределения власти в партии в пользу своих лидеров. Группа создала журнал "Архив марксизма". Под этим названием она действовала до конца 20-х годов. С выходом на авансцену левой оппозиции в ВКП(б) группа немедленно солидаризировалась с ней по всем вопросам.

Работать ей пришлось в очень непростых условиях. Репрессии правительства, антагонизм с официальным руководством рабочего движения страны даже вынудили будущих "большевиков-ленинцев" создать свою конспиративную организацию, вплоть до организации "самообороны". И это была не просто блажь. Оппозиционерам приходилось защищаться в буквальном смысле слова: драки, избиения, даже убийства сопутствовали существованию левой оппозиции в Греции. К 1930 г., т.е. ко времени проведения национальной конференции, греческая оппозиция по своему составу была почти сугубо пролетарской. Численность ее сторонников колебалась от 500 до 1500 человек. В отдельные периоды она доходила до 2,5—3 тыс. членов¹⁸. Оппозиция оказывала влияние на полтора-два десятка тысяч организованных в профсоюзы рабочих (временами их число увеличивалось в 5—10 раз). Ее позиции были особенно заметными в профсоюзах рабочих-бетонщиков, в табачной и кожевенной промышленности, в металлургии, среди булочников. Печатные органы оппозиции — сперва еженедельник "Факел", а затем "Классовая борьба" — имели твердо фиксированный круг читателей: до 7 тыс. подписчиков¹⁹.

Оппозиция была способна на проведение общенациональных политических акций, особенно в Афинах и Салониках. Демонстрации, митинги, собрания, руководство забастовочным движением и др. Например, 9 ноября 1930 г. в связи с годовщиной Октябрьской революции в Салониках в местном театре левой оппозицией было созвано собрание, на котором присутствовали 1700 человек. Оппозиция принимала участие в избирательных кампаниях: в тех же Салониках выдвинула кандидатуру рабочего на выборах в муниципалитет.

¹⁷ Там же, с. 2.

¹⁸ См. Бюллетень оппозиции, 1933, № 34, май, с. 35.

¹⁹ См. Бюллетень оппозиции, 1930, № 17—18, ноябрь—декабрь, с. 62—63; 1931, № 25—26, ноябрь—декабрь, с. 47.

В Болгарии в начале октября 1930 г. образовалась Рабочая марксистская группа "Освобождение". Она сразу же объявила себя секцией интернационалистской левой. В резолюции учредительного собрания группа горячо приветствовала "руководимых нашими учителями Троцким и Раковским мужественных товарищей русской оппозиции, большевиков-ленинцев, упорно борющихся против сталинских преступлений и за возрождение международного революционного движения"²⁰.

Первые организации левой оппозиции стали появляться в странах Латинской Америки, в частности в Аргентине и Бразилии. Аргентинская оппозиция издавала газету "Веридад", аналог французской "Верите", а бразильская — "Луа де класес", аналог французской "Лют де клас". Возникла оппозиционная группа в Мексике, также приступившая к изданию журнала "Кларидад". С ней тесно сотрудничала появившаяся группа левой оппозиции в Уругвае.

В том же 1930 г. продолжалось издание Информационного бюллетеня интернационалистской левой. В конце года вышел 2-й номер, в котором большинство статей было напечатано по-немецки. В них рассказывалось о положении дел в оппозициях СССР, Болгарии, Греции, Венгрии, Чехословакии, Китая и Бельгии. Были опубликованы резолюции отдельных секций и другие материалы. Словом, дело с мертвой точки сдвинулось, хотя и развивалось не так быстро и широко, как того хотелось Троцкому.

Перечисленные и другие факты вызвали удовлетворение участников февральской (1933 г.) предконференции. Они констатировали, что на начало года программные и политические документы левой оппозиции издавались почти на 15 языках. Оппозиция располагала 32 периодическими органами печати в 16 странах. За прошедшие три года появились новые организации в 10 странах, а в шести были реорганизованы и укреплены уже существовавшие²¹.

Предконференция не приняла законченной платформы, но она одобрила 11 тезисов, предложенных в качестве директивы для платформы. Задача тезисов состояла в том, чтобы показать, чем левая оппозиция отличалась от всех других течений и группировок в рабочем движении, почему она противостояла им как особая организация. Было подчеркнуто также, что до принятия на VI конгрессе Коминтерна его новой программы III Интернационал действовал на основе 21 условия, разработанного по поручению В.И. Ленина и под его руководством. То, что этот документ разработал Г.Е. Зиновьев, участники предконференции обошли молчанием. Теперь в качестве такого документа должны были выступить "11 тезисов", которые и предлагалось рассматривать как 11 условий вступления в интернационалистскую левую оппозицию.

До сих пор неясно, состоялась ли, наконец, уже не пред-, а полноправная конференция интернационалистской левой, которая бы официально закрепила появление этой новой в международном рабочем движении организации. Поэтому попытаемся рассмотреть "11 условий" по принятому на предконференции в феврале 1933 г. документу "Интернациональная левая оппозиция, ее задачи и методы. К предстоящей интернациональной конференции". Разумеется, в конспективном виде.

1. Независимость пролетарской партии, трактуемая как запрет на создание или участие в "смешанных" организациях по типу гоминьдана, Англо-русского комитета и др. 2. Признание интернационального и тем самым перманентного характера пролетарской революции, означавшее непреклонное осуждение теории построения социализма в одной стране. 3. Признание Советского государства как рабочего государства, несмотря на возраставшие бюрократические извращения режима. 4. Осуждение хозяйственной политики сталинской фракции — как в ста-

²⁰ См. Бюллетень оппозиции, 1930, № 17–18, с. 63.

²¹ См. Бюллетень оппозиции, 1933, № 33, с. 13.

дии экономического оппортунизма 1923–1928 гг. (борьбы против "сверхиндустриализации" и ставки на кулака), так и в стадии экономического авантюризма 1928–1932 гг. (непосильные темпы индустриализации, сплошная коллективизация, административная ликвидация кулачества как класса), осуждение преступной бюрократической нелепицы о том, что СССР будто бы уже "вступил в социализм". 5. Признание необходимости работы в массовых, особенно профсоюзных организациях пролетариата. 6. Отказ от формулы "демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" как особого режима, отличавшегося бы от режима диктатуры пролетариата, ведущего за собой крестьянство. 7. Признание необходимости мобилизации масс под переходными демократическими лозунгами, направленными против пережитков феодализма, фашистской и бонапартистской диктатур. 8. Признание необходимости развертывания политики единого фронта. 9. Отрицание теории социал-фашизма, которая на руку как фашизму, так и социал-демократии. 10. Различение в коммунистическом движении трех группировок: марксистской ("большевики-ленинцы"), центристской (сталинисты) и правой. Недопустимость политических союзов с правыми против центризма, поддержка центризма против классовых врагов и борьба против его "правых" зигзагов. 11. Признание партийной демократии и осуждение сталинского режима, попирающего мысль и волю партии, узурпировавшего власть в партии, осуществляющего злостную дезинформацию партии²².

Таково было содержание этой платформы. По сути она мало чем отличалась от платформы левой оппозиции в ВКП(б) середины – конца 20-х годов. Вообще, следует сказать, что с точки зрения новых идей и установок 30-е годы в деятельности Троцкого были скудными. Если и имела место какая-нибудь необычная постановка вопроса, то она весьма туго внедрялась в практику деятельности интернационалистской левой. Для этого времени скорее были характерны фиксации уже известных принципиальных положений, их приспособление к условиям конкретной страны и положению дел в ее рабочем и коммунистическом движении.

Собственно, в этом компоненте своей деятельности троцкисты были не одиноки. Аналогичное положение сложилось и в международном коммунистическом движении. Прорывы в теории и практике, подобные, скажем, идеям VII конгресса о Народных фронтах, были редкостью. В основном коммунисты держались уже зафиксированных положений. Понадобится встреча массовых выступлений в странах Западной Европы и Америки на рубеже 60–70-х годов, чтобы началось обновление стратегических и тактических установок зарубежных компартий. Что же касается КПСС, то этот рубеж был искусственно отодвинут еще как минимум на 20 лет.

III

Качественный перелом в деятельности интернационалистской левой произошел летом 1933 г. Приход к власти Гитлера был расценен Троцким и новыми лидерами левой оппозиции как грандиозное поражение не только Коммунистической партии Германии, но и всего Коминтерна. В связи с этим они выдвинули задачу разрыва с Коминтерном. Был провозглашен курс на создание самостоятельного, т.е. IV, Интернационала. Эту задачу осторожно Троцкий поставил в статье "Классовая природа Советского государства. (Проблемы Четвертого Интернационала)" от 1 октября 1933 г. Гораздо четче и яснее она была сформулирована в резолюции, подписанной четырьмя секциями интернационалистской левой: Интернационалистской левой (похоже, самим Троцким и Л. Седовым), Социалистической рабочей партией Германии, Независимой социалистической партией Голландии и Революционной социалистической партией Голландии.

²² Там же, с. 14–15.

Эта резолюция включала 11 тезисов — число для троцкистов почти магическое. Объясняя причины борьбы за IV Интернационал, четверка писала: "Положение мирового капитализма; ужасающий кризис, ввергающий народные массы в небывалую нищету; революционные движения угнетенных колониальных масс; мировая опасность фашизма; перспектива нового цикла войн, несущая с собой угрозу гибели всей человеческой культуры, — таковы условия, повелительные требующие сплочения пролетарского авангарда в новый (4-й) Интернационал"²³.

То, что документ подписали представители только двух национальных секций и Троцкий, взявший на себя право единоличного представительства интернационалистской левой оппозиции, не случайно. Идея создания IV Интернационала вызвала далеко не однозначную реакцию в троцкистских кругах. Большинство национальных секций было против, не желая, видимо, порывать с коммунистическими партиями своих стран и опасаясь лишиться даже минимальной поддержки рядовых представителей организованного рабочего движения. Начинается упорная, растянувшаяся во времени на пять лет борьба Троцкого уже не только со сталинистами, социал-демократами, ультралевыми, но и со своими, сторонниками троцкизма, за учреждение IV Интернационала.

Под псевдонимом "Гуров" в июле 1933 г. Троцкий пишет большую статью "Нужно строить заново коммунистические партии и Интернационал". В ней он, в сущности, дал краткий очерк истории интернационалистской левой оппозиции, показал, что курс на реформу Коминтерна, ВКП(б) и СССР как первой в мире страны диктатуры пролетариата исчерпал себя. Настоятельно требовались смена ориентации, поиск новых резервов и выход на новый путь. Предвидя сопротивление многих своих сторонников, Троцкий сформулировал задачу в весьма расплывчатой форме: "Дело идет сейчас не о немедленном провозглашении новых партий и самостоятельного Интернационала, а об их подготовке"²⁴.

27–28 августа 1933 г. под давлением Троцкого состоялся пленум интернационалистской левой оппозиции, а на самом деле — собрание в редакции "Верите" нескольких представителей оппозиции. Пленум принял резолюцию в поддержку призыва "четырёх" о создании IV Интернационала. Этот призыв и, главное, организационное собрание можно расценить как первый практический шаг по пути к IV Интернационалу.

Однако развитие событий показало, что создать интернационал далеко не так просто, как первоначально представлялось Троцкому. В июле 1933 г., прибыв из Турции во Францию, он нашел там не больше сотни сторонников, к тому же разделенных по-прежнему на несколько соперничавших групп. Например, один из активистов Коммунистической лиги писал, что Лига плохо организована, в течение 1934 г. она потеряла большинство своих членов и фактически не имеет своей фракции ни в крупнейших профсоюзных объединениях страны ВКТ и УВКТ, ни в социалистической (СФИО) и коммунистической партиях — вообще ни в одной сколько-нибудь массовой организации трудящихся²⁵.

Таким был итог деятельности троцкистских групп во Франции в 1929–1933 гг. А ведь Франция была "международной базой" троцкизма. В других странах Европы ситуация выглядела еще хуже. Сдали свои позиции греческие "большевики-ленинцы". Исчезла левая оппозиция в Болгарии, Польше, Чехословакии. Практически никого не осталось в Италии, не говоря уже о Германии, где троцкисты преследовались так же сурово, как коммунисты и социал-демократы.

Это вынудило Троцкого принять удивившее даже видавших виды его сторонников решение начать кристаллизацию новых партий, в частности, во Франции,

²³ Бюллетень оппозиции, 1933, № 36–37, октябрь, с. 12–13.

²⁴ Там же, с. 22.

²⁵ *Rabaut J. Op. cit.*, p. 73.

США и других странах, где тогда имелись многочисленные социалистические партии, с вхождения троцкистов в ряды этих партий. Такая тактика получила название "энтризма" (от французского глагола "entrer" — входить, проникать). В августе 1934 г. Коммунистическая лига создала в СФИО группу "большевиков-ленинцев". Она тогда же опубликовала манифест, где говорилось: "Мы входим в СФИО, чтобы создать революционный интернационал"²⁶.

Очередной поворот Троцкого вызвал взрыв возмущения многих троцкистов и близких к ним лиц. Так, Суварин заявил, что троцкистская группа в СФИО представляет собой "маленький кораблик, к тому же гнилой... который неминуемо потерпит крушение в водах социал-демократии"²⁷. Мнение Суварина разделил П. Навиль. Он отказался прекратит издание своего журнала "Лют де класс". Не поддержала решение Троцкого и небольшая часть троцкистов, сгруппировавшаяся вокруг журнала "Революсьон пролетарьен", и молодежная группа, создавшая свой Коммунистический союз. Они категорически протестовали против того, чтобы "троцкистская группировка временно утратила свое организационное оформление"²⁸.

Руководство социал-демократии с настороженностью встретило вхождение троцкистов в ее ряды, а затем приступило к решительным действиям по их изгнанию. Летом 1935 г. почти все троцкисты были исключены из СФИО. Там же, где это своевременно сделано не было, присутствие троцкистов повлекло за собой весьма негативные последствия. Так, Социалистическая партия США в 1934 г. насчитывала около 20 тыс. членов. После того как в 1936 г. в ее рядах оказались троцкисты, ее численность через год сократилась вдвое²⁹.

Неудача с "энтризмом" еще более обострила взаимоотношения между Троцким и другими лидерами движения. Особенно во Франции. От Троцкого отошли наиболее верные ему до сих люди, какими были, например, П. Франк и Р. Молинье. Они создали свою "интернационалистскую компартию".

В результате у Троцкого о большинстве лидеров троцкистских групп во Франции сложилось крайне нелестное мнение. "Франк, — писал Троцкий, — это сектант-консерватор, специалист по фракционной борьбе и расколам". Молинье, по словам Троцкого, "человек, который не считал необходимым иметь какие-то идеи. Несколько банковских билетов (Молинье был сыном парижского банкира средней руки. — *Н.В.*) его вполне удовлетворяют"³⁰. Суварин — этот "экс-пацифист, экс-коммунист, экс-троцкист, экс-демократо-коммунист, экс-марксист... почти экс-Суварин, с тем большей наглостью атакует пролетарскую революцию и революционеров, чем меньше он сам знает, чего хочет"³¹.

Раздражение Троцкого вызвало ответную неприязнь. После долгих споров и взаимных оскорблений французским троцкистам удалось на короткий срок достичь внешнего замирения. Следствием этого стало появление весной 1936 г. Интернационалистской рабочей партии. К ней присоединилась группа "Социалистическая молодежь" Ф. Зеллера, в рядах которой состояло около 400 членов. В результате на учредительном съезде партии, собравшемся в Париже в том же 1936 г., 86 делегатов представляли интересы 615 ее членов.

Протоколы съезда дают редкую возможность показать социальное лицо троцкистской партии. Среди делегатов съезда были 31 рабочий, 31 служащий, 12 функционеров. В избранный съездом ЦК вошли: 19 промышленных рабочих, включая 1 безработного и 1 железнодорожника, 5 служащих, 5 функционеров, 2 ремеслен-

²⁶ *Vérité*, 1934, № 220.

²⁷ *Rabaut J.* Op. cit., p. 112, 116.

²⁸ *Frank P.* Op. cit., p. 37.

²⁹ См. *Королев А.С.* Современный троцкизм — орудие антикоммунизма. М., 1980, с. 12.

³⁰ *Sous le drapeau du socialisme*, septembre—octobre 1967, p. 14; *Rabaut J.* Op. cit., p. 301.

³¹ Бюллетень оппозиции, 1939, № 77—78. май—июнь, июль, с. 16.

ника, 2 бухгалтера, 1 уполномоченный, 2 инженера, 5 лиц без профессии. Среди избранных всего две женщины³².

Как расценили силу французского троцкизма буржуазные средства массовой информации? Газета "Республик" заявила, что в ближайшее время в Париже может быть создан еще один "Кремль" – центр IV Интернационала. "Тан" пророчила ФКП близкое фиаско, заявив, что она не сможет долго противостоять антисталинским тенденциям среди рабочих и вынуждена будет присоединиться к "пролетарскому авангарду", т.е. троцкистской рабочей партии³³.

В печати страны обращалось внимание еще на один факт: побудительным мотивом для образования новой партии явилось стремление троцкистов объединить свои усилия для более эффективной борьбы против Народного фронта. Буржуазная правая печать сразу же поддержала эти намерения. "Тан" принялась изображать троцкистов в качестве "революционного авангарда", появление которого якобы свидетельствовало о нарастании центробежных тенденций в Народном фронте и ослаблении ФКП.

Эти факты – свидетельство того, что уже в 30-е годы буржуазная реакция оказывала пропагандистскую поддержку троцкизму. Точнее, не столько троцкизму, сколько любому течению, выступавшему против ФКП и Народного фронта. Они также свидетельствуют о стремлении троцкистских лидеров на время забывать противоречия между группами и действовать сообща.

Однако новая Интернационалистская рабочая партия вскоре окончила свое существование. Во-первых, потому, что уж очень в лоб поставленная цель – борьба с Народным фронтом – отпугнула от троцкистов даже экстремистски настроенные элементы из пролетарских, полупролетарских и мелкобуржуазных слоев, которым не по нутру был союз левых партий (ФКП и СФИО) и организаций. И, во-вторых, вновь дала о себе знать застарелая болезнь мелкобуржуазного революционаризма – вождизм. "Наша партия, – писал один из ее непосредственных создателей, французский троцкист И. Крепо, – была создана без учета политических разногласий ее учредителей и еще менее учитывала их личные неприязненные отношения"³⁴.

Ненамного лучше обстояли дела у троцкистов в других странах. Прогрессирующей организационный распад интернационалистской левой оппозиции не мог не отразиться на состоявшейся в июле 1936 г. в Париже настоящей, полноправной международной конференции. Она провозгласила борьбу "За создание движения IV Интернационала". Помимо оставшихся верными вождю французских троцкистов, в конференции участвовали представители троцкистских групп из Бельгии, Голландии, США, Германии и Италии.

Но и эту конференцию вряд ли можно было считать конференцией в общепринятом значении. "Мы, – пишет директор Института Л. Троцкого в Гренобле П. Брюе, – не располагаем ни отчетным докладом, ни протоколами заседаний"³⁵. И это опять-таки не случайно. Троцкисты разных стран в большинстве своем устроили обструкцию этой конференции. Даже среди 14 ее участников были такие, кто не поддержал идею создания IV Интернационала.

Как ни пыгались Троцкий и его верные оруженосцы убедить сопротивлявшихся и колебавшихся в необходимости превратить конференцию в учредительную, провозгласив на ней создание IV Интернационала, им это так и не удалось. Троцкий в сердцах писал: "Карьеристы не идут в ряды Четвертого Интернационала, который представляет сейчас наиболее гонимое течение в мировой истории"³⁶.

³² Rioux J. Les Révolutionnaires du Front populaire. Paris, 1973, p. 193.

³³ Ibid., p. 193.

³⁴ Craipaui Y. Histoire do mouvement trotskyste en France. Paris, 1970, p. 159.

³⁵ Pencierno e accione di Leo Trotskij, v. 2. Fiorentina, 1982, p. 517.

³⁶ Бюллетень оппозиции, 1937, № 60–61, декабрь, с. 4.

В него не шли не только карьеристы, но и революционеры, которых в карьеризме вряд ли можно заподозрить. Все, чего удалось достичь в это время, это учредить расплывчатое "Движение за создание IV Интернационала". Но и в нем самом не было единодушия.

Нашлись такие, кто, как, например, английские троцкисты из "Лондонского бюро", предлагали ограничиться только учреждением "Движения за IV Интернационал", но сам этот интернационал не создавать. Были и такие, кто считал провозглашение IV Интернационала сугубо формальным актом, без которого можно было бы вполне обойтись, как обходились до сих пор.

Эти и другие контраргументы против IV Интернационала вызвали у Троцкого новый приступ нападков на соратников. Он принялся клеймить их, называя "двурушниками", "предателями" и другими далеко не лестными эпитетами и вызвав в ответ не менее оскорбительную брань. В обстановке распрей и все усиливавшихся разногласий, ценой разрыва со многими своими сторонниками Троцкому все-таки удалось при огромной помощи А. Росмера и его жены Маргариты, а также участника движения левых сил во Франции П. Навиля, американских троцкистов (среди которых была Сильвия Агелова-Маслова — любовница будущего убийцы Троцкого Рамона Меркадера) настоять на проведении учредительной конференции.

Она состоялась 3 сентября 1938 г.

IV

На конференции был принят Устав IV Интернационала и программный документ, написанный Троцким, — "Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала. (Мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовке к завоеванию власти)".

Эти документы вызывают грустные чувства. Они производят впечатление завещания человека, приговоренного к смерти: все настолько безысходно, что редкие выкрики о "великом будущем", которое ждет IV Интернационал, воспринимаются чуть ли не как издевательство.

Начать с того, что большинство записанных в Устав пунктов либо не соответствовало действительности, либо содержало в себе явно противоречивые положения и установки. В первом же параграфе Устава обнаруживается подлог. В этом пункте IV Интернационал провозглашается организацией "пролетариата и революционных борцов всего мира... всемирной партией социалистической революции". Однако из доклада на конференции, сделанного П. Навилем, следует, что в этой "всемирной партии" насчитывалось едва ли 3 тыс. человек, из которых 1,5–2 тыс. входили в Социалистическую рабочую партию США, а 800 — в небольшую бельгийскую троцкистскую организацию.

В параграфе VI Устава образца 1938 г. говорилось, что "в каждой стране может быть создана только одна секция Четвертого Интернационала". А из доклада того же Навиля следовало, что в тех странах, где имелись троцкистские группы, они, как правило, делились на: чисто троцкистские; партии и группы, симпатизировавшие троцкистам; очень мизерные группки, с которыми контакт "центра" был крайне затруднителен.

Возражения троцкистов против создания IV Интернационала нашли отражение даже в принятом в Периньи программном документе, вошедшем в историю троцкистского движения под названием "Переходная программа". В заключительном разделе программы "Под знамя Четвертого Интернационала!" говорится: "Скептики спрашивают: не разве наступило время для создания нового Интернационала? Нельзя, говорят они, создавать Интернационал "искусственно"; он может лишь возникнуть из больших событий, и пр." Троцкий решительно отменил эти возражения, заявив: "Если наш Интернационал еще слаб числом, то он силен

доктриной, программой, традицией, несравненным закалом кадров. Кто этого не видит сегодня, пусть остается пока в стороне. Завтра это станет виднее"³⁷. Нет, не стало.

Правда, сегодня положение дел в троцкистском движении заметно изменилось. Партии и организации троцкистов действуют в более чем 60 странах мира. По приблизительным оценкам, в них насчитывается до 100 тыс. человек. Как видим, продвижение вперед налицо. Но, разумеется, до "завоевания власти" троцкистам далеко. Есть страны, где существует по 10–15 троцкистских групп и группочек, которые ведут между собой ожесточенную междоусобную борьбу.

С середины 60-х годов троцкизм раскололся на ряд группировок, каждая из которых претендует на монопольное право представлять IV Интернационал. Появились и такие (их не так много), кто выступает за V Интернационал, который смог бы преодолеть тенденцию к расколу троцкистских групп.

Еще более пестрой троцкистская мозаика выглядит в отдельных странах. Во Франции, Великобритании, Испании, ряде латиноамериканских государств насчитывается от 10 до 15 троцкистских или близких к ним групп. Их численность невелика. Как и в 30-е годы, они группируются главным образом вокруг издаваемых ими печатных органов.

Для привлечения внимания к своим концепциям троцкисты значительно расширили набор пропагандистских средств. Помимо традиционных для них действий — демонстраций, митингов, публичных дискуссий, стали применять участие в избирательных кампаниях, чтение лекций в престижных учебных заведениях, публикацию статей в изданиях, имеющих массовую аудиторию.

С точки зрения идейно-политической троцкизм также неоднороден. Есть в его рядах догматики, которые продолжают считать теорию "перманентной революции" Троцкого высшим достижением человеческой мысли. Есть реформаторы, которые не могут не видеть противоречий этой теории, необходимость отказа от ряда скомпрометировавших себя положений, замены их новыми, более соответствующими меняющейся картине современного мира.

В соответствии с таким разным подходом к теории различаются и практические установки троцкистов. Среди них есть свои левые, которые абсолютизируют вооруженные формы борьбы, правые — выступающие за синтез троцкизма с социал-реформизмом, и центристы, которые настаивают на сочетании левых и правых платформ.

Возвращаясь к "Переходной программе", принятой в Периньи, отметим, что ее содержание свелось к обоснованию нескольких тезисов, крайне непопулярных в 30-е годы и совершенно не подтвердившихся впоследствии, в 40–50-е годы, не говоря уже о 80–90-х.

Первый и самый главный тезис: "Исторический кризис человечества сводится к кризису революционного руководства"³⁸. Обосновывая его, Троцкий исходил из того, что экономические предпосылки пролетарской революции давно достигли наивысшей точки, какая вообще может быть при капитализме: производительные силы человечества перестали расти, новые изобретения и усовершенствования не ведут уже к повышению материального богатства, кризисы обрушиваются на массы все более тяжкие лишения, рост безработицы обостряет финансовый кризис государства, один правительственный кризис в странах капитала сменяется другим, но политическая ситуация не только не улучшается, а становится все хуже. Сама буржуазия не видит выхода. Положение усугубляется обострением международной обстановки, грозящей вылиться в мировой военный пожар.

Отсюда следовал вывод: "Без социалистической революции, притом в ближайший исторический период, всей культуре человечества грозит катастрофа.

³⁷ Бюллетень оппозиции, 1938, № 66–67, май–июнь, с. 18.

³⁸ Там же, с. 1.

Остановка только за пролетариатом, т.е. в первую голову — за его революционным авангардом”. По мнению Троцкого, такого авангарда не было. Его функции он предлагал взять на себя только что созданному IV Интернационалу.

Троцкий исходил из той ситуации, в которой жил последние 10 лет. Она действительно была не из лучших в истории мирового капитализма. Поразивший его острейший кризис на рубеже 20–30-х годов вверг капиталистическую экономику в хаос, из которого она выбиралась с колоссальными издержками, ценой отступления от многих капиталистических принципов, в частности за счет подключения государства, ужесточения контроля за многими сферами жизни, чрезвычайного нажима на интересы трудящихся масс. Тут было над чем задуматься и от чего прийти в уныние капитанам мирового капитализма. Но это вовсе не означало прекращения развития производительных сил всего человечества.

Это одна сторона вопроса. Другая заключалась в том, что между ухудшением экономического положения и развитием революционного процесса связь далеко не прямо пропорциональная. Ставить вопрос так, как его ставил Троцкий — без мировой социалистической революции человечеству придет конец, — было, по меньшей мере, опрометчиво. Ведь даже такой чрезвычайной силы катаклизм, в каком оказались народы Европы в конце первой мировой войны, не обернулся общеевропейской революцией. Да, революции в отдельных странах имели место, и всем тогда в руководстве РКП(б) и Коминтерна казалось, что вот-вот они охватят весь континент. Не охватили. Ленин из этого факта сделал надлежащие выводы, скорректировав теорию практикой, перестал ставить развитие событий в СССР в неперемнную зависимость от того, будет на Западе революция или нет. Троцкий этих выводов не принял. ”Переходная программа” — тому свидетельство.

Второй тезис: ”Народные фронты, с одной стороны, фашизм — с другой, являются последними политическими ресурсами империализма в борьбе против пролетарской революции”. Отсюда такой посыл: ”С исторической точки зрения оба эти ресурса представляют, однако, фикцию. Загнивание капитализма продолжается под знаком фригийского колпака во Франции, как и под знаком свастики в Германии. Только низвержение буржуазии может открыть выход”.

Эффектно по форме, как всегда у Троцкого. Ну, а по содержанию? Абсолютная ерунда. Возьмем самое, казалось бы, неуязвимое для Троцкого место — о низвержении буржуазии. Какой считающий себя революционером человек стал бы против этого возражать? Все дело в том, что далеко не вся буржуазия, хотя бы в тех же Франции и Испании, была настроена враждебно по отношению к антифашистским Народным фронтам. Даже крупная буржуазия, не говоря уже о средней и мелкой. Фашизм устраивал лишь чрезвычайно узкий слой финансовой буржуазии. На этом основании отлучать от борьбы против фашизма, от участия в Народном фронте всю буржуазию было либо недальновидностью, либо провокацией. Именно в последнем значении оценка Троцким Народных фронтов и воспринималась как их руководителями, так и рядовыми участниками.

Третий тезис: ”Стратегическая задача Четвертого Интернационала состоит не в реформировании капитализма, а в его низвержении. Политическая цель: завоевание власти пролетариатом в целях экспроприации буржуазии”. Тут же предлагалась программа экспроприации: ”1) мы отвергаем выкуп (капиталистических предприятий. — *Н.В.*); 2) предостерегаем массы от шарлатанов Народного фронта, которые, проповедуя национализацию на словах, остаются агентами капитала на деле; 3) призываем массы полагаться только на свою революционную силу; 4) связываем проблему экспроприации с вопросом о власти рабочих и крестьян”.

Вряд ли эта крайне левая, мало считавшаяся с условиями реальных классовых борьбы ”программа-минимум” нуждается в особом комментарии. Добавим лишь, что всюду, где только рабочие пытались ею руководствоваться, их ждало фиаско и как следствие — разочарование в революционных методах троцкизма.

Четвертый тезис: "Революционная борьба против войны (имелась в виду грядущая мировая война. — *Н.В.*) ложится, таким образом, целиком на плечи Четвертого Интернационала". Почему так? Да потому, что ни II, ни III Интернационалы, оказывается, эту борьбу вести неспособны из-за их тенденции к "сговору" с империализмом.

Тут же предлагалась "антивоенная программа". Разоружение: "Единственное разоружение, которое способно предотвратить или приостановить войну, это разоружение буржуазии рабочими. Но для разоружения буржуазии нужно, чтоб рабочие сами вооружились". Нейтралитет: "Пролетариат вовсе не нейтрален в войне между Японией и Китаем или Германией и СССР. Значит, защита Китая и СССР? Конечно, но только не руками империалистов (т.е. долой всякую дипломатию! — *Н.В.*), которые задушат и Китай, и СССР". Защита отечества: "Под этой абстракцией буржуазия понимает защиту ее барьшей и грабежей. Мы готовы защищать отечество от чужих капиталистов, если свяжем своих собственных и помешаем им нападать на чужие отечества"³⁹. Ну, а до тех пор, пока "не свяжут", никакой, естественно, защиты отечества и быть не может.

Пятый тезис (им, пожалуй, можно ограничить разбор "Переходной программы"): "Режим СССР заключает в себе... ужасающие противоречия. Но он продолжает оставаться режимом переродившегося рабочего государства. Таков социальный диагноз". Пожалуй, единственно верное положение. Но, на беду Троцкого, не он его автор. По крайней мере не от него идет сама посылка к такой постановке вопроса. Первым, кто указал на деформации рабочего государства, был Ленин. И указал именно в полемике с Троцким во время дискуссии о профсоюзах осенью — зимой 1920/1921 г. "Государство у нас рабочее с *бюрократическим извращением*, — писал Ленин. — И мы этот печальный, — как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода"⁴⁰.

К концу 30-х годов эта реальность стала еще более заметной, чем в начале 20-х. Троцкий ее констатировал. Его политический прогноз, как он писал, "имеет альтернативный характер: либо бюрократия, все более становящаяся органом мировой буржуазии в рабочем государстве, опрокинет новые формы собственности и отбросит страну к капитализму; либо рабочий класс разгромит бюрократию и откроет выход к социализму"⁴¹. Сегодня этот прогноз явно не оправдался.

Провозглашение IV Интернационала не помогло укрепить позиции троцкизма. В 1939 г. в интервью американскому историку Джеймсу Троцкий жаловался, что повсюду троцкистские группы теряют кадры, перестают развиваться политически, их мало, несколько сот рабочих, а остальные интеллигенты, полунинтеллигенты, причем с весьма "скверным характером, недисциплинированные, всегда бывшие аутсайдерами, плетущимися в хвосте наиболее важных событий, происходивших в рабочем движении. Их самомнение сыграло с ними злую шутку. Оно заставило их плыть против течения, перекрыв всякую возможность для налаживания контактов с массами". И далее: "Вся ситуация против нас. Нужен поворот в политике классов, умонастроениях масс, их готовность к борьбе"⁴².

Фактически повторилась та же история, что и в конце 20-х годов. Троцкий мечтал сделать сперва левую оппозицию, потом IV Интернационал кузницей кадров "новых большевиков". А что получилось на деле? Кроме собрания дерущихся между собой людей, впрекавших все и вся в своих неудачах, ему ничего создать не удалось.

³⁹ Бюллетень оппозиции, 1938, № 62–63, с. 8, 9.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 208.

⁴¹ Бюллетень оппозиции, 1938, № 62–63, с. 14.

⁴² Цит. по: *Marie J. J.* Op. cit., p. 93.

Углубившееся и все углубляющееся вырождение троцкизма дало основание известному французскому философу-экзистенциалисту М. Мерло-Понти сразу же после войны сделать следующий вывод: "Совершенно неопровержим тот факт, что Троцкий умер для политической жизни еще до того момента, как был убит физически"⁴³. Того же мнения был и И. Дейчер, который считал, что даже если бы Троцкого и не убили в 1940 г., то "вряд ли он смог бы найти для себя роль, достойную той исторической драмы, которая разыгралась в послевоенный период"⁴⁴.

В неудаче Троцкого с созданием IV Интернационала история не виновата. Не виновата она и в том, что из "школы троцкизма" вышли и продолжают выходить в основном неудачники. Значит, такова программа этой школы. Ее ученики в меру своих сил и способностей выполняли указания учителя. И если на склоне жизни Троцкий вынужден был отзываться о них в весьма уничижительном тоне, то это было с его стороны косвенным признанием не только распада троцкистского движения накануне второй мировой войны, но и свидетельством личного краха одного из тех деятелей, кто попытался играть в мировую революцию.

⁴³ *Merlau-Ponty M. Humanisme ouvrier. Paris, 1947.*

⁴⁴ *Quatrième Internationale, №23, novembre, 1964, p. 58.*

ЭТАПЫ АМЕРИКАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В последнее время консерватизм привлекает все возрастающее внимание советских историков. И это не случайно: явление, которое уверенно списывалось со "счетов" истории советскими обществоведами, в реальности обнаружило живучесть, а во многих странах Запада переживает подлинный ренессанс. Интерес к прошлому и настоящему консерватизма, его зарубежному опыту подогревается и современными политическими дискуссиями в советском обществе: разделившись на радикалов, либералов и консерваторов, наши политики и их сторонники оглядываются на классические образцы исповедуемых доктрин, пытаются так или иначе овладеть заключенными в них принципами. Поэтому пристальное рассмотрение журналом "Новая и новейшая история"¹ проблем консерватизма представляется актуальным во всех отношениях.

Крайне важным является изучение национальных типов и закономерностей консерватизма, ибо в каждой из стран консерватизм имеет свое лицо и свою судьбу. В США консерватизм наряду с либерализмом принадлежит к двум главным идейно-политическим традициям. Он сыграл большую, на ряде этапов определяющую роль в истории страны. Консерватизм при этом прошел через сложные перипетии: его позиции то ослабевали, то упрочивались, его влияние в обществе испытывало падение и подъемы. Но с исторической арены в США он никогда не сходил, а на современном этапе даже добился господствующего положения в идейно-политической жизни. В чем причины живучести американского консерватизма, что определило зигзаги его истории, каковы закономерности его эволюции, почему он, несмотря на неоднократные политические "провалы", сумел превратиться в США в классическое идеологическое кредо? Поиски ответа на эти вопросы и побудили автора к написанию данной статьи².

В истории американского консерватизма можно выделить четыре крупных этапа. Первый — от 1770-х до 1820-х годов — это эпоха образования Соединенных Штатов, когда и закладывались основы консерватизма как национальной идейно-политической традиции. В эти годы консерватизм оказал огромное влияние на формирование федерального Союза и Конституции, федералистской партии, политический курс правительств Дж. Вашингтона и Дж. Адамса. На втором этапе — в 1820—1860-е годы консерватизм как бы раздваивается: с одной стороны, он реализуется в доктринах верхних слоев буржуазии северо-восточных штатов, а с другой — берется на вооружение плантаторами-рабовладельцами Юга. На третьем этапе, в 1870—1920-е годы, консерватизм развивается под знаменем "твердого индивидуализма", освящая по преимуществу интересы предпринимательского

¹ *Рахимир П.Ю.* Эволюция консерватизма в новое и новейшее время. — *Новая и новейшая история*, 1990, № 1; *Гаджиев К.С.* Современный консерватизм: опыт типологизации. — *Новая и новейшая история*, 1991, № 1.

² В советской американистике достаточно полно рассмотрен только самый новейший этап истории консерватизма в США (см. *Гаджиев К.С.* Современные идеологические течения в США. М., 1982; *Мельвил А.Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980; *его же* США 1980-х: сдвиг вправо? М., 1986), но как данный этап соотносится с предшествующими этапами консерватизма, каковы исторические закономерности его обновления, каковы в целом этапы и характеристики его эволюции — эти вопросы остаются неисследованными.

класса. Четвертый этап, 1930—1990-е годы, на мой взгляд, относится, наряду с первым этапом, к самым плодотворным в истории консерватизма. В это время консерватизм развивается на основе плюрализма: наряду с последователями "твердого индивидуализма" в его лоне сосуществуют течения социального консерватизма и неоконсерватизма, которые включают уступки разным слоям народа и претендуют на роль не классовых, а национальных идеологий. Выработанная консерватизмом способность сочетать приверженность фундаментальным ценностями — собственность, религия, семья — с интеграцией обновленческих социально-политических идеалов обеспечила ему массовую социальную опору.

Становление консерватизма в 1770—1820-е годы в качестве национальной идейно-политической традиции в США связано с именами таких выдающихся "отцов-основателей", как А. Гамильтон, Дж. Адамс, Дж. Мэдисон. Среди исследователей давно ведутся дебаты о том, как определить выпестованную ими традицию. Марксистские и радикальные историки почти единодушно называли ее консервативной. Либеральные авторы, как правило, считали Гамильтона, Адамса и Мэдисона основателями либерализма. Американские консерваторы, подыскивая авторитетных основателей для своих идеалов, относили их к предтечам именно консерватизма, но в отличие от марксистов и радикалов давали им исключительно положительные оценки. Кем же они были на самом деле?

Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Если иметь в виду классические образцы европейского консерватизма, возникшего как реакция европейской аристократии на революционные принципы буржуазии, то Гамильтона, Адамса, Мэдисона и их единомышленников к консерваторам не отнесешь. Принимая активное участие в Американской революции, эти отцы-основатели, безусловно, разделяли основополагающие ценности либерализма, в первую очередь принципы Локка и Монтескье, и в немалой степени способствовали их воплощению в своей стране. Но по завершении революции они последовательно пытались законсервировать эти принципы, противились их демократизации, боролись за сохранение статус-кво, выгодного буржуазно-плантаторским кругам. По сути это означало складывание американского варианта консервативной идейно-политической традиции, который можно правильно оценить и понять, соразмеряя его с закономерностями как американского, так и европейского исторического опыта.

В мировоззренческой эволюции отцов-основателей США отчетливо различимы два периода: до революции 1776 г. и после нее. До революции и Дж. Адамс, и А. Гамильтон, и Дж. Мэдисон были твердыми защитниками принципов либерализма и находились в передовых рядах патриотического лагеря. Идеи общественного договора и народного суверенитета как первоосновы государственной власти, право народа на революционное ниспровержение деспотического правительства, разделение властей, естественные и неотчуждаемые права людей на свободу слова, собраний, печати исповедовались ими без всяких экивоков. Вместе с Т. Джефферсоном, Б. Франклином, Т. Пейном, признанными лидерами демократической мысли, они способствовали вызреванию и распространению идеологии американского Просвещения. Но пути умеренных и демократов разошлись в ходе революции³.

С началом революции демократы предприняли последовательные попытки радикализировать принципы Просвещения и воплотить свои программы в общественно-политической практике. Интерпретируя концепцию разделения властей, они стремились максимально расширить прерогативы законодательного собрания и всячески ослабить полномочия руководителей исполнительных органов. Подготавливая законопроекты об избирательном праве, демократы стремились распространить его не только на собственников, что соответствовало

³ См. *Согрин В.В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, гл. 2.

классическим канонам либерализма, но и на неимущих. Они намеревались решительно ослабить публичную власть, армию, репрессивные органы, исходя из того, что Америка будет развиваться как социально однородное общество и в ней не возникнет проблемы укрощения классовых антагонизмов. Наконец, демократы стали исповедовать и эгалитарные принципы, декларировали право государства регламентировать крайности имущественного неравенства, определенным образом регулировать отношения собственности и рыночную стихию.

Умеренные как раз и отвергли перспективу такого разворота революционных событий, противопоставив ей цель упрочения прав собственности, утверждения неограниченной свободы конкуренции и социального порядка, построения сильного федерального союза и публичной власти. Обоснование этой цели способствовало генезису консервативной идеологии. Ее американская особенность заключалась в том, что под защиту от радикального напора рядовых патриотов и демократической стихии брались некоторые основополагающие буржуазно-либеральные ценности, но при этом делалась попытка развести их с неприемлемыми демократическими принципами. Присягая на верность таким европейским просветителям, как Локк и Монтескье, отцы-основатели американского консерватизма одновременно решительно отвергали Руссо.

Важное значение в формировании консервативной идеологии имела концепция о разделении общества на антагонистические социальные фракции, которую Адамс, Гамильтон и Мэдисон выдвинули на исходе революции. Обосновывая ее, Джон Адамс указал на принципиальное различие магистральных социальных разделений в европейском и американском обществах: в Западной Европе такое разделение покоилось на различиях, вытекающих из наследуемых политических и правовых привилегий титулованной знати, а в США, где сословные отличия отсутствовали, разделение на социальные классы происходило вследствие неравенства имуществ, а также естественного неравенства в способностях и талантах людей, что позволяло одним возвышаться над другими⁴. Гамильтон, опираясь на основополагающий принцип экономического либерализма, уверенно прогнозировал нарастание социальных различий в США: "Совершенно очевидна та истина, что не может существовать ничего похожего на равенство во владении собственностью... неравенство же во владении ею есть следствие существования самой свободы... Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет все более увеличивать эту пропасть"⁵.

Концепция о разделении США на социальные фракции-классы имела бесспорные реалистические черты, использовалась же она ее авторами в откровенно охранительных целях. Создавая политическую систему, которой "все мы желаем существовать в веках", декларировал Мэдисон на Конституционном конвенте в Филадельфии в 1787 г., необходимо вверить меньшинству надежные средства защиты своих интересов и контроля над большинством⁶. В идейных дебатах на конвенте, а также в последовавших общенациональных спорах вокруг федеральной конституции политическая философия молодого американского консерватизма обрела все более отчетливые очертания.

Для нее были характерны следующие особенности. Не отвергая в принципе либеральную концепцию естественных и неотчуждаемых прав человека, идеологи американского консерватизма решительно возвысили среди них право на частную собственность. "Говорят, что жизнь и свобода, — доказывал один из лидеров молодой республики Г. Моррис, — должны цениться выше, чем собственность. При более внимательном рассмотрении вопроса необходимо будет, однако, при-

⁴ The Works of John Adams. Ed. by Ch.F. Adams, v. 1–10. Boston, 1850–1856; v. 4, p. 392–397.

⁵ The Papers of Alexander Hamilton. Ed. by H.C. Syrett, v. 1–25. New York – London, 1961–1979; v. 4, p. 218–219.

⁶ The Records of the Federal Convention of 1787. Ed. by M. Farrand, v. 1–4. New Haven–London, 1966; v. 1, p. 422–423.

знать, что высшей ценностью общества является именно собственность”⁷. Если использовать модную сегодня среди советских обществоведов терминологию, то можно сказать, что американские умеренные противопоставили общечеловеческому подходу к либеральным принципам, распространенному в философии Просвещения, классовый буржуазный подход. А если воспользоваться известной формулировкой Ф. Энгельса, то можно сказать, что они попытались преобразовать просветительское “царство разума в царство буржуазии”.

Вместе с тем американские отцы-основатели хотели придать своей политической философии и замыслам легитимный характер на основе заключения своеобразного общественного договора с нацией. А это предполагало достижение известного компромисса между разными социальными классами. Отцы консерватизма в США осознавали, что надежная защита и длительное сохранение ценностей, признанных ими фундаментальными, возможны только при том условии, если эти ценности будут так или иначе санкционированы обществом в целом. Консерватизм, будучи классовой идеологией, должен был обрести и свойства общенациональной веры. Компромисс классового и общенационального подходов воплотился в федеральной конституции 1787 г., ставшей главным детищем умеренных отцов-основателей США.

Конституция США признала и закрепила такие популярные среди американских граждан принципы, как народный суверенитет, общественный договор, разделение властей, “сдержки и противовесы”, республиканизм. Это были серьезные уступки демократии, но, как выяснилось, и их оказалось недостаточно, и в 1789 г. отцы-основатели под давлением “снизу” согласились дополнить Конституцию Биллем о правах. Вместе с тем они изыскивали в рамках “общественного договора” низов и верхов утонченные средства защиты интересов последних. Так, они отвергли любые формы “прямой демократии”, популярной тогда в США, и закрепили господствующую роль представительной демократии, что позволяло осуществлять государственное управление с помощью политической элиты. Сенат, которому в отличие от нижней, “народной”, палаты представителей предназначалось специально защищать интересы собственности, был наделен большими полномочиями. Вся полнота исполнительной власти была вручена президенту, который предстал в глазах критиков как “выборный монарх”. В целом американское государство, созданное в соответствии с либеральными принципами Просвещения, обрело благодаря их умелому препарированию способность обеспечивать экономическую и социальную стабильность.

Самое бурное формирование консерватизма в рамках его первого исторического этапа пришлось на 1790-е годы. Это наиболее полно воплотилось в идеологии федералистской партии, находившейся у власти в 1789–1801 гг., а главными выразителями консерватизма были А. Гамильтон, Дж. Адамс и лидер федералистов в конгрессе Р.Г. Харпер (Мэдисон в эти годы перешел в ряды сторонников Джефферсона). Федералисты сами называли себя “партией порядка” и в качестве таковой пытались методично ограничивать демократические нововведения Американской революции. В “федералистский” период консерватизм включил в себя новые положения.

Федералисты не только потребовали развести принципы республиканизма и демократии, но и объявили их по сути несовместимыми. Самый изощренный аргумент в критике демократии состоял в утверждении, что именно эта форма заключала в себе истоки всякой деспотии, в том числе и монархии. Он призван был утвердить консерваторов в роли подлинных ревнителей республиканских устоев, а демократов — в качестве их злейших врагов.

Федералисты ссылались на примеры из истории античных республик, свидетельствовавшие, как те или иные политические вожди-демагоги использовали

⁷Ibid., p. 533, 534.

завоеванную в народе популярность для сокрушения республиканских свобод. Но чаще всего вожди федералистов апеллировали к опыту совершавшейся на глазах их сограждан Великой французской революции. Ее неожиданные метаморфозы, стремительные переходы от широкого участия в политической деятельности масс к утверждению деспотического правления Директории, консулов, а затем и бонапартистского режима должны были служить живой иллюстрацией к тезису: диктатура вырастает из демократии, является ее оборотной стороной.

Идеальная политическая система, согласно федералистской доктрине, должна быть полностью освобождена от влияния страстей и подчинена однажды принятым правовым нормам и законам. основополагающая для идеологии федералистов идея "власти законов" обнаруживает в них партию порядка, желавшую освободиться от "прихотей толпы". Такое суждение, на первый взгляд, может вызвать сомнение, ибо популярный в XVIII в. принцип "власти законов" имел изначально прогрессивное звучание, будучи направленным революционной буржуазией и ее духовными вождями против произвола монархов, на утверждение правового государства. Но дело в том, что, придя к власти, американские федералисты стали использовать его уже в консервативных целях, для освящения сложившегося социального порядка. Лозунг "власть законов" направлялся в США 1790-х годов уже не против произвола английского монарха, как это было до 1776 г., а против стихийного народного волеизъявления.

Впрочем, федералисты не отказывались от возможности определенного варьирования правовых норм и принципов в целях упрочения своих позиций в системе власти. На протяжении 12 лет пребывания федералистской партии у власти ее излюбленным теоретическим новшеством была идея дальнейшего расширения прерогатив президента. Своего наиболее решительного защитника она приобрела в лице Дж. Адамса, президента США в 1797—1801 гг. Он первым провозгласил, что федеральная конституция 1787 г. создала слабую президентскую власть. Адамса не удовлетворяло, что президент должен был делить прерогативу заключения международных договоров и назначения высших должностных лиц с сенатом и обладал правом ограниченного, а не абсолютного законодательного вето⁸. Концепция Адамса получила поддержку и развитие в идеологии федералистской партии под воздействием непосредственной политической практики: возвышение президента-федералиста над конгрессом означало для партии автоматическое увеличение возможности проведения удобного ей внутри- и внешнеполитического курса.

В период пребывания у власти федералистов американский консерватизм оказался в противоречии с классическими буржуазными принципами. Сохраняя на словах верность экономическому либерализму, федералисты, в первую очередь Гамильтон, на практике нарушили его "чистоту", когда предпочли протекционизм фритредерству во внешнеэкономической политике. Теоретически они защищали либеральные принципы "власти законов" и "разделения властей", но на практике использовали их в охранительных целях. Но грубых прямых отклонений федералистов от классических буржуазных принципов было все же немало. Самое яркое среди них — прямая ревизия основных статей Билля о правах во время обсуждения и принятия в 1798 г. законов об "иностранцах" и "измене". Эти законы, приравнивавшие к уголовному преступлению "клевету" в отношении правительства, публичные выступления против него, ограничивали первые статьи Билля, провозглашавшие свободу слова, печати, собраний. Обосновывая законы, Харпер обнаружил, что конституция может быть интерпретирована в любом, даже крайне консервативном духе, если это отвечало интересам власть предержащих. Да, соглашался он, конституция гарантирует свободу слова и печати. Но

⁸Political Writings of John Adams. Ed. by G.A. Peak. New York, 1954, p. 170.

разве право на свободу слова и печати, вопрошал Харпер, включает право на клевету и измену? Он без труда находил границы свободы, право определения которых, т. е. квалификации печатного или устного слова как клеветы и измены, принадлежало государству⁹.

В целом историческая роль американского консерватизма на первом его историческом этапе заключалась в утверждении социально-экономической стабильности в интересах капиталистического развития. Цель эта была достигнута ценой умеренных отступлений от классических буржуазных идеалов.

* * *

Гораздо более всесторонняя ревизия буржуазных принципов была предпринята консерватизмом на втором его историческом этапе, в 1820—1860-е годы. Развитие консерватизма характеризовала глубокая противоречивость, являвшаяся следствием углубления противоречий самого капиталистического развития. С одной стороны, набравший силу промышленный переворот вывел на авансцену истории промышленную буржуазию, оттеснявшую с передовой позиции торгово-финансовые круги. С другой стороны, тот же промышленный переворот, породивший беспрецедентный спрос на хлопок-сырец, подарил новую жизнь американскому плантационному рабству.

В этих условиях в консерватизме получили развитие две ветви. Признанным политическим лидером первой стал лидер буржуазии Северо-Востока Генри Клей, продолжатель дела Александра Гамильтона. Клей вошел в историю как автор так называемой "американской системы", которая в теоретическом плане по большей части только воспроизводила идеи А. Гамильтона и Дж. Адамса. Покровительство интересам национальной промышленности и торговли, жесткий протекционизм во внешнеэкономических связях, строительство дорог и каналов, поддержание финансовой монополии Национального банка, приоритет власти федерального правительства в отношении властей штатов, охранительная интерпретация принципа "власть законов", защита представительного правления против охлократии — вот ее основные черты. Система Клея все менее удовлетворяла новые капиталистические слои, справедливо воспринимавшие ее как защитницу буржуазной элиты. Они все более тянулись к либерализму, способному соединять свои принципы с демократическими идеалами. Его политическими выразителями стали сначала Э. Джексон и демократическая партия, а затем А. Линкольн и республиканцы.

Гораздо большую силу и оригинальность продемонстрировала вторая ветвь американского консерватизма, отражавшая мировоззрение плантаторов-работодателей. Это главное направление американского консерватизма первой половины XIX в. все более обнаруживало черты реакционной идейно-политической доктрины. Вместе с тем оно пыталось приспособить к своим интересам ряд либерально-демократических принципов, укоренившихся в сознании американцев. Каким же получился этот новый консервативный симбиоз?¹⁰

Признанные мэтры южных консервативов Дж. Кэлхун и Дж. Фицхью, восприняв у Адамса и Гамильтона концепцию о разделении общества на враждебные социальные классы и неуничтожимости социальных антагонизмов, дали ей своеобразное развитие. Эксплуатация человека человеком, доказывали они, неустраима, она лежит в основе "естественного порядка" вещей, и поэтому человечеству остается лишь выбирать, какая из форм эксплуатации является более гуман-

⁹ Annals of Congress, 5-th Congress, 2-nd session, p. 2167.

¹⁰ Здесь мы ограничимся самым сжатым изложением консервативной идеологии американского Юга. Подробно см. *Согрин В.В.* Мир американских рабовладельцев: Кэлхун, Фицхью и другие. — Новая и новейшая история, 1990, № 5.

ной¹¹. Из двух известных форм эксплуатации — капиталистической и рабовладельческой — они отдавали безусловное предпочтение последней. В газетных статьях, теоретических трактатах, публичных выступлениях идеологи рабства пытались поразить воображение данными о деградации промышленных рабочих, их жен и детей в капиталистических штатах и одновременно выдвигали в качестве альтернативы "патриархально-семейные" взаимоотношения белых рабовладельцев и черных рабов.

Развив такую концепцию, Кэлхун, Фицью и их последователи серьезно разошлись с Адамсом и Гамильтоном в оценке экономической свободы. Абсолютная экономическая свобода и вытекающая из нее ничем не ограниченная эксплуатация, доказывали они, несут нищету, а в конечном счете гибель остальным представителям рода людского, а потому за последними должно быть закреплено "естественное право" на рабство, гарантирующее им самосохранение. Концепция "естественного права" отсталых человеческих "особей" и общностей на рабство приобрела в трактатах ее защитников расистский характер, ибо "неполноценной" была признана одна черная раса.

Вместе с тем, как это ни покажется странным, идеологи рабства демонстрировали в сравнении с основателями американского консерватизма более благосклонное отношение к политической демократии. Но трактовки ее были также своеобразными, приспособленными к защите интересов плантаторского класса. Так, профессор политэкономии из Виргинии и один из ведущих идеологов Юга Т.Ф. Дью отстаивал идеал равных демократических прав для всех белых американцев, независимо от их социального и экономического положения. Но этот идеал, доказывал он, может быть реализован только при сохранении рабства черных. В противном случае, согласно его логике, работу черных невольников должна будет выполнять часть белого населения. Именно такая ситуация сложилась в северо-восточных штатах, где белые рабочие были лишены не только экономических, но и политических прав. С другой стороны, в южных штатах выполнение самой трудной работы черными невольниками автоматически повышало статус и чувство достоинства низших слоев белого населения, формировало в их сознании убеждение, что относительно рабов они и белые богачи составляют единое целое — правящий класс. Только благодаря черному рабству, настаивал он, политические права и свободы могли быть распространены на все белое население и, следовательно, утвердить подлинно демократическое правление¹². Так Дью и его единомышленники пришли к разделению естественных прав белой и черной рас, объявив республиканизм, равенство и свободы достоянием одной белой расы.

Лидеры плантаторов разошлись с Гамильтоном и Адамсом в трактовке соотношения полномочий федерального правительства и властей штатов. Здесь они выступили твердыми последователями Джефферсона, отца американской демократии, и превозносили, подобно ему, концепцию суверенитета штатов. Она декларировала право каждого штата на неподчинение решению федерального правительства и даже выход из союзного государства. Но если Джефферсон выдвинул в свое время эту концепцию в связи с принятием федералистской партии законов об "иностранцах" и "мятеже", то лидеры плантаторов ухватились за суверенитет штатов, имея в виду возможность отстоять неприкосновенность рабовладельческой системы.

¹¹ The Papers of John C. Calhoun. Ed. by W.E. Hemphill, C.N. Wilson, v. 1–16. University of South Carolina. Columbia, 1959–1985; v. 10, p. 462; v. 12, p. 550; v. 13, p. 64, 603, 394–396; v. 16, p. 348–349; *Fitzhugh G. Sociology for the South or the Failure of the Free Society*. Richmond, 1854, p. 12–14.

¹² The Proslavery Argument as Maintained by the Most Distinguished Writers of the Southern States. Charleston, 1852, p. 306, 325, 355–358, 463–465.

Итак, плантаторы-рабовладельцы первыми среди консерваторов попытались приспособить демократические принципы для защиты реакционных социально-экономических интересов. Но этот "вклад" в консерватизм не смог спасти его от сокрушительного поражения в период гражданской войны 1861—1865 гг. Впрочем, крах тогда потерпел не консерватизм в целом, а его ведущее в тот период прорабовладельческое направление. Консерватизму суждено было возродиться, но уже на новой основе.

* * *

Возрождение консерватизма после гражданской войны происходило уже на чисто буржуазной основе и в новой ситуации: как и на протяжении всего третьего исторического этапа своего развития (1870—1920-е годы), он призван был освятить и защитить интересы крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазии, все более обретавшей облик монополистической.

Консерватизм на третьем этапе своего развития во многом перекликается с теми тенденциями, которые обнаружили на первом этапе. Главное сходство в том, что развитие консерватизма строится на "выяснении отношений" с либерализмом, а точнее, препарации последнего в интересах поддержания социально-политического статус-кво. Либерализм, как известно, всегда был многослоен, причем различные его слои не были тождественны по своему социально-историческому звучанию. Так, экономический либерализм, исповедовавший абсолютную свободу собственности, рынка и частнокапиталистического накопления, по своим социальным последствиям всегда отличался от политического либерализма, среди главных ценностей которого значатся свобода слова, печати, собраний, политический плюрализм, гражданское общество, правовое государство. На третьем этапе своего развития американский консерватизм как бы расчленяет либеральное учение, абсолютизируя и подчиняя своим интересам экономический либерализм и отсекая от него либерализм политический.

В связи с этим среди исследователей распространена точка зрения об инверсии американского либерализма в конце XIX — начале XX в., превращении его с этого времени в консервативное направление. В таком суждении есть рациональное зерно, но полностью согласиться с ним трудно. Что касается экономического либерализма, то в условиях замены свободного капитализма монополистическим, резко сужающим возможности конкуренции и подлинно свободной "игры" социально-экономических сил, он действительно превращается в консервативное кредо. Не случайно либералами с того времени в США называют не тех, кто ратует за абсолютную экономическую свободу, а тех, кто выступает за социальные реформы и государственное регулирование экономических связей (либерализм в целом в XX в. становится в США социально-реформистским мировоззрением). Но если говорить о политическом либерализме, то он отнюдь не вызывал у консерваторов энтузиазма, по сути, они предпочли положить либеральные политические доктрины "под сукно".

После гражданской войны в США утвердились самые благоприятные за всю историю страны условия для конкуренции, накопления капиталов, создания промышленных и финансовых империй. На уме и на языке у буржуазии в последующую эпоху было одно: даешь абсолютную, ничем не ограниченную свободу рынка! То, что такая свобода оборачивалась разорением и нищетой для миллионов соотечественников и в конечном итоге подрывала социальный мир, ничуть не волновало новоявленных промышленников и финансовых цезарей. Главное было побыстрее сколотить миллионные состояния, а социальная цена предпринимательского успеха их совершенно не интересовала. Социальная ментальность "капитанов индустрии" получила идеологическое выражение в доктринах "твердого", "грубого", "неограниченного" индивидуализма, насаждавших культ индивидуального успе-

ха. Пестовались они политиками, философами, экономистами, социологами, публицистами.

Одной из главных радетельниц "твердого индивидуализма" выступала политэкономия, канонизировавшая принципы экономического либерализма. Ее единственной задачей объявлялось толкование сформулированных более 100 лет назад Адамом Смитом "абсолютных" законов "естественных" экономических связей. Рассуждая строго в рамках классического учения, американские ортодоксы противились даже постановке новых тем, возникавших по мере перерастания свободного капитализма в монополистический. Традиционные же вопросы о ренте, прибыли, налогообложении решались в строгом соответствии с канонами. Единственное расхождение среди ортодоксальных экономистов обнаруживалось в вопросах таможенной политики: оно порождало нескончаемые дебаты между протекционистами и приверженцами свободной торговли.

Испытание на ортодоксальность в американской политэкономии сводилось, как вспоминал впоследствии представитель ее критического крыла Р. Эли, к постановке перед испытуемым единственного вопроса: "Верите вы или нет в *laissez faire*? Или, иными, словами, согласны ли вы с тем, что наиболее организованным является то общество, в котором государство воздерживается от каких бы то ни было попыток вмешиваться в развитие промышленности, торговли, условий труда"?¹³ Глава официальной политэкономии Д.Б. Кларк в книге "Распределение богатств" объявлял, что принцип "свободной игры" продолжает оставаться единственным возможным регулятором справедливого распределения национального дохода между общественными классами. Требования профсоюзов о законодательном регулировании условий труда и заработной платы, как и популярные демократические требования о прогрессивном налогообложении доходов корпораций, регулировании тарифов и рыночных цен, Кларк считал абсолютно безосновательными и вредными.

Ведущую позицию в консервативной идеологии занял социал-дарвинизм, распространивший на общество дарвиновские законы биологической эволюции. Родоначальник социал-дарвинизма, известный английский социолог Г. Спенсер, посетивший Соединенные Штаты в 1882 г., был поражен выпавшим на его долю триумфом: его чествовали как национального героя. Известный американский историк Р. Хофстедтер имел основания утверждать: "В первые три десятилетия после гражданской войны никто не мог утвердиться в какой-либо из сфер интеллектуальной жизни, не будучи последователем Спенсера"¹⁴.

Главной темой американского социал-дарвинизма — и здесь он развил идеологическую традицию Гамильтона и Адамса, впрочем, так же, как и Кэлхуна и Фицью, — было обоснование естественного, вытекающего из самой природы вещей происхождения всех социальных явлений и противоречий капитализма, таких, как разделение на классы, конкуренция, экономические контрасты, богатство одних и нищета других. Обосновывались эти явления уже при помощи модных биологических законов. Признанный глава американских социал-дарвинистов У.Г. Самнер утверждал, что природа предоставила человечеству только один вариант естественных взаимоотношений — войну всех против всех. Вслед за классовой борьбой воплощением естественного закона борьбы за существование объявлялась частнокапиталистическая конкуренция. Самнер неизменно называл финансовых и промышленных магнатов, сокрушавших "менее приспособленных" конкурентов, "продуктом естественного отбора", элитой общества, выявленной самой природой.

Самнер требовал от правительства неизменно руководствоваться в своей социально-экономической политике принципами экономического либерализма и

¹³ Ely R. *The Ground under Our Feet*. New York, 1939, p. 126–127.

¹⁴ Hofstadter R. *Social Darwinism in American Thought*. New York, 1944, p. 33.

индивидуализма, в первую очередь государственного невмешательства, уходящего корнями в XVIII в.: "Все возможные достижения на пути к естественному социальному порядку могут быть лишь следствием саморазвивающегося прогресса, но не результатом реконструкции общества по плану какого-нибудь социального архитектора-энтузиаста... Общество должно быть свободно от их вмешательства, т. е. предоставлено самому себе в своем развитии. И здесь мы вновь должны довериться старой формуле государственного невмешательства"¹⁵.

Американские монополисты, познакомившись с социал-дарвинистскими принципами, без промедления взяли их на вооружение. Все они — Э. Карнеги, Дж. Рокфеллер, Дж. Херст, Дж. Хилл и другие — неизменно изображали себя как наиболее приспособленных индивидуумов, а созданные ими финансовые и промышленные империи — как высшее достижение "естественного отбора". Некоторые из них становились активными пропагандистами социал-дарвинистских доктрин, распространяя их через газеты, журналы, а то и в пухлых сочинениях. Карнеги, создатель стальной империи, производившей металла больше, чем вся Великобритания, был признан даже в качестве теоретика социал-дарвинизма. Одной рукой он беспощадно истреблял в своей отрасли профсоюзы, а другой писал наставления для соотечественников о способах "выживания" в условиях благословенной экономической свободы. Его книга "Триумфальная демократия" стала практическим руководством для тех, кто желал сколотить миллионы, полагаясь на силу, волю, предприимчивость.

Доктрина "государственного невмешательства" в экономику и социальные отношения оставалась на протяжении всей последней трети XIX в. официальным кредо американского правительства и обеих ведущих партий — и демократов, и республиканцев. Президент-демократ Г. Кливленд в речи при вступлении на этот пост в 1893 г. решительно отмахнулся от социальных запросов низов, заявив: "Хотя народ и поддерживает правительство, правительство не обязано поддерживать народ". Один из его предшественников на президентском посту, республиканец Дж. Гарфилд, твердо стоял на том, что "в функции правительства ни в коей мере не входит обеспечение занятости"¹⁶.

В начале XX в. главным оплотом консерватизма стала республиканская партия. Не будет преувеличением также сказать, что подвижки в идейно-политической доктрине консерватизма были связаны в первую очередь с философией и политической деятельностью лидера республиканцев в 1920—1930-е годы, 31-го президента США Г.К. Гувера. Пик его деятельности пришелся на 20-е годы, а ее политико-философский лейтмотив представлял собой ответ на революционные вызовы времени с позиции твердого индивидуализма. Интересно, что Гувер себя к консерваторам не относил, более того, предпочитал именоваться либералом. Но исповедуемые им либеральные принципы, воспроизводившие заповеди классического индивидуализма, уже прочно обрели консервативную направленность. И именно в период деятельности Гувера как президента и в значительной мере благодаря ему в полной мере выявилось, что позитивные возможности консерватизма грубо индивидуалистического типа исчерпаны. Правда, в 20-е годы борьба с вызовом социализма под знаменами "твердого индивидуализма" принесла консерваторам успех. Но то была их пиррова победа. Экономический крах 1929—1933 гг. засвидетельствовал: классический буржуазный индивидуализм переживает не просто кризис, он зашел в тупик.

Ключевое слово в политической философии и риторике Гувера, повторявшееся им, как заклинание, — "свобода". Он не однажды апеллировал к гуманистическим принципам, трактовал свободы и права человека очень широко, называл себя правверным джефферсоновцем и превозносил священное право человека на "стрем-

¹⁵ Sumner W. G. What Social Classes Owe to Each Other. New York, 1920, p. 119—120.

¹⁶ История США, в 4-х т. М., 1983—1987; т. 2, с. 28.

ление к счастью". Но все же в контексте всей его философии и политической практики главной, безусловно, была абсолютная, трактуемая подчас в откровенно социал-дарвинистском духе свобода распоряжения частной собственностью. Ограничьте экономическую свободу индивидуума, доказывал он, и тут же рухнут все политические и духовные свободы, а их место займет рабство.

Стремление Гувера к определенной модификации классического индивидуализма только порождало очевидные противоречия в его взглядах: он с гордостью напоминал американцам, что изобрел понятие "грубый индивидуализм", которое исчерпывающе выражало идеалы экономического либерализма, и в то же время он исповедовал и концепцию "просвещенного индивидуализма", которая отрицала социал-дарвинистские принципы неограниченной свободы¹⁷.

Истинная цена гуверовских метаний между "просвещенным" и "грубым" индивидуализмом выявилась в его практической политической деятельности: 31-й президент США, подобно социал-дарвинистам, был ярким противником позитивного социально-экономического законодательства. Государство, твердил Гувер, должно решительно воздержаться от прямого вмешательства в отношения труда и капитала и может только неустанно просвещать их относительно возможных путей и форм преодоления или смягчения конфликтов и добровольного сотрудничества. Целью "просвещенного индивидуализма" Гувер объявлял также пресечение попыток монополизировать рынок и утверждение неограниченной конкуренции и экономической свободы. Согласно замысловатой и противоречивой логике Гувера, "просвещенный индивидуализм" должен был обеспечивать оптимальные условия для абсолютной свободы — "грубого индивидуализма".

Со временем отрицательное отношение Гувера к государственному социально-экономическому законодательству не только не ослабело, но даже усилилось. После поражения на президентских выборах 1932 г., когда избиратели недвусмысленно вынесли вотум недоверия "просвещенному индивидуализму", Гувер развернул настоящую идеологическую войну против Ф.Д. Рузвельта и его "нового курса". Рузвельтовское планирование и регулирование промышленности, финансов и торговли и тем более развитие государственной собственности, как и правительственные социальные программы помощи фермерам и рабочим, приравнивались Гувером то к фашизму, то к коммунизму. Трагической ошибкой Рузвельта он считал предположение о фундаментальных недостатках американской системы. Категорически отрицая рузвельтовскую "контрреволюцию", он доказывал, что первоосновы американского капитализма непорочны и здоровы, как и в момент зарождения, и что классический капитализм нуждается только в очищении от злоупотреблений¹⁸. Однако реальность — лопнувшие банки, парализованная промышленность, разоренные фермы — не давала гуверовским заклинаниям никаких шансов на успех.

* * *

Крах гуверовского "просвещенного индивидуализма" подвел черту под третьим этапом американского консерватизма. Четвертый этап в истории американского консерватизма — 1930—1990-е годы. — принес ревизию его первооснов, возникновение в его рамках различающихся и даже соперничающих течений. Продолжало сохраняться и развиваться течение "твердого индивидуализма", наиболее видным политическим лидером которого на современном этапе был Б. Голдуотер. Но тон все более задавали ревизионистские течения, главными среди них стали социальный консерватизм и неоконсерватизм.

Течение социального, или нового, консерватизма оформилось в 40—60-е годы.

¹⁷ Hoover H. Challenge to Liberty. New York, 1934, p. 53, 54.

¹⁸ Ibid., p. 81—89, 11, 111—114, 125, 142, 154, 158—159, 170—171.

Формировалось оно философами, политологами, историками, подпитывалось лозунгами и программами политиков, особенно прозорливых деятелей республиканской партии. В академической общине кредо социального консерватизма наиболее полно выразили три политолога: П. Вирек, Р. Керк и К. Росситер. Они решительно потребовали закрепить право гражданства за самим понятием "консерватизм", указав при этом, что оно давно пользовалось уважением в Европе, особенно в Англии, в то время как в Америке даже лидеры правого крыла, твердые консерваторы, предпочитали называть себя либералами.

Далее утверждалось, что защита консерватизма в США не имеет шансов на успех, если в его основе будет сохраняться "грубый индивидуализм". Старому индивидуалистическому кредо, возвеличивавшему "экономического человека" и абсолютизовавшему роль экономических мотивов и страстей личности, противопоставлялся новый, или социальный, консерватизм, который должен был взять под свою защиту все непреходящие человеческие ценности: среди них чаще всего назывались такие, как семья, церковь, религия, гражданское общество с его разнообразными социальными ячейками и интересами, образование, мораль. Новый консерватизм должен был объединить вокруг себя всех людей, а не только "наиболее приспособленных" для конкурентной экономической борьбы индивидуумов.

Новые консерваторы придерживались концепции об "органическом" характере общественного устройства и его прогрессе, декларировавшей, что общество, его ценности и институты складывались на основе многовековой эволюции, а потому любая революция или радикальная реформа, несшие с собой решительный разрыв с прошлым, означали бунт против законов истории. Но новый консерватизм не должен был всецело замыкаться на заботе о "корнях". Требование возврата к прошлому, доказывал Росситер, характеризует реакционеров, а не консерваторов. Общество, рассуждал он, не может быть статичным, оно или развивается, или приходит в упадок. Но изменения ради изменений также неприемлемы, они должны осуществляться только тогда, когда им нет альтернативы. Когда же такие изменения вызревают, консерваторы должны, безусловно, одобрить их, добавляя реформу к фундаментальным ценностям¹⁹.

Своих идейных предшественников новые консерваторы обнаружили в англичанине Э. Берке, а также в таких американских отцах-основателях, как Гамильтон и Адамс. основополагающим консервативным документом Америки была признана федеральная Конституция 1787 г. Объявив Конституцию охранительной, современные американские консерваторы вложили в это понятие в отличие от марксистов и радикалов не отрицательный, а глубоко положительный смысл. Оценивая Конституцию, аргументировали они свою мысль, необходимо исходить из того, какие ценности она сохраняет и освящает. Ценности эти, доказывали консерваторы, по сути своей демократичны и либеральны, что обнаруживает очевидный парадокс американского консерватизма: в Америке, которая никогда не знала феодализма, он направлен на защиту исконно либеральных ценностей.

В политической сфере к исконным либеральным ценностям были отнесены те, которые обеспечивали социальный мир и консенсус, преемственность и долговечность общественных связей. Именно такие ценности — разделение властей, система сдержек и противовесов, двухпалатная законодательная власть, представительная, а не прямая демократия, права и свободы личности, независимый суд, сильная президентская власть, баланс интересов между федерацией и штатами — как раз и утверждались федеральной Конституцией. В воззрениях новых консерваторов порой наблюдается своего рода ренессанс идеалов умеренных отцов-основателей США, причем некоторые из них воспроизводились без всяких изменений. Это, например, положение о врожденной предрасположенности человека

¹⁹ Rossiter C. Conservatism in America. New York, 1955, p. 13, 15, 28–29.

ко злу, как и вытекающий из этого положения вывод — управление обществом не может быть доверено толпе, превращающей демократию в охлократию, оно должно основываться на власти законов, которая заключает в себе вечное противоядие от сиюминутных страстей как народа, так и правителей.

Возрождая идеологические установки отцов-основателей, новые консерваторы постоянно рассуждали об огромном их значении в развитии Америки. На этой почве сформировался устойчивый интерес нового консерватизма к различным эпохам и темам американской истории. Американское колониальное общество (1606—1776 гг.) наделялось чертами образцовой демократии "среднего класса". Этот изначальный демократизм Америки, согласно консервативной интерпретации, освободил ее от перспективы буржуазных социально-политических революций, которыми была переполнена мировая история, и от необходимости платить кровавую цену за расправу с феодализмом. Консервативными мотивами наделялись отцы-основатели США, причем не только Дж. Адамс и А. Гамильтон, но также Т. Джефферсон и Б. Франклин. Как охранительные определялись в трудах консервативных историков намерения демократических президентов XIX в., в том числе Э. Джексона и даже А. Линкольна. Единственным мотивом Линкольна в период Гражданской войны объявлялось спасение и упрочение федеральных конституционных основ и союза штатов.

В консервативные движения и явления были зачислены даже популизм конца XIX в., прогрессизм начала XX и, наконец, "новый курс" Рузвельта! Все они, оказывается, преследовали цель при помощи реформ добиться консервативной консолидации американской нации на основе восстановления духа "первооснов". Конечно, подобные интерпретации имели ярко выраженный идеологизированный характер, ведь "новый курс" Рузвельта, например, способствовал радикальному преобразованию классического капитализма. Но новые консерваторы включили рузвельтовские реформы в собственную схему американской истории, поскольку были убеждены, что они стали той исторической реальностью, альтернативы которой не существовало, а потому должны были быть интегрированы в фундаментальные ценности.

Схемам новых консерваторов при всей их противоречивости и идеологизированном характере нельзя отказать в гибкости. Они были нацелены на консолидацию нации на консервативной основе, объединение под знаменами консерватизма не только бизнеса, но также фермеров, рабочих, интеллигенции и преодоление узкоклассового характера, который был присущ консерватизму Гувера. Новые консерваторы не случайно поднимали на щит в первую очередь те ценности, которые были привлекательны в глазах самых разных слоев. И не случайно они отвергли, как порочный миф, идею о классово-элитарном характере консерватизма и провозгласили его главной объединяющей верой всей нации, поскольку все американцы, от рабочих до миллионеров, были заинтересованы в сохранении непреходящих человеческих ценностей.

Политическая программа нового консерватизма получила наиболее полное развитие в воззрениях реформистски настроенных лидеров республиканской партии. В 40-е годы ее активно разрабатывали У. Уилки и Т. Дьюи. В 50-е ее воспринял и президент США от республиканской партии Дуайт Эйзенхауэр. Уже в первом президентском послании конгрессу США в 1953 г. он твердо поддержал государственную систему охраны окружающей среды, регулирование трудовых отношений, контроль над сельскохозяйственным производством, развитие социального страхования²⁰. Фактически на основе нового консерватизма, по мере усвоения его лидерами республиканской партии, постепенно складывалось такое идейно-политическое явление, как "новый республиканизм". Законченный вид доктрина

²⁰ The State of the Union Messages of the President. Ed. by F. Israel, v. 3. New York, 1967, p. 3020—3022.

нового республиканизма получила в книге А. Ларсона (министр труда в правительстве Эйзенхауэра) "Республиканец смотрит на свою партию".

Ларсон признал социально-экономические меры "нового курса" в качестве неотъемлемой части американского общества и объявил, что новый республиканизм одобряет государственный контроль над промышленным и сельскохозяйственным производством, социальное страхование и государственное строительство школ, больниц, жилья. Одновременно он доказывал, что новый республиканизм — это отнюдь не простое воспроизводство "нового курса", который, по его утверждению, не имел последовательной философии, двигался на ощупь, на основе "то либеральных, то консервативных мер". В "новом курсе" Ларсона не устраивал и социал-демократический крен, акцент на перераспределение национального дохода. Консервативно-реформистский же приоритет заключался в стремлении к увеличению размеров "национального пирога", что должно было автоматически привести к расширению в нем доли каждого социального слоя. Но в ряде вопросов Ларсон был "левее" Рузвельта: например, обвинил того в недостаточных усилиях по поддержанию доходов фермерства²¹.

Приверженцем нового республиканизма проявил себя лидер республиканской партии 60-х — начала 70-х годов Р. Никсон: будучи президентом, он объявил себя кейнсианцем, предложил американцам реформистский "План помощи семьям", вынашивал "бюджет полной занятости" и даже в духе левых кейнсианцев провозгласил политику государственного контроля над ценами и заработной платой. Президентство Никсона означало высшую точку в развитии нового республиканизма, но отнюдь не его торжество. Новый республиканизм существовал и соперничал со старым республиканизмом, так же как новый консерватизм в целом вел противоборство — с переменным успехом — с "грубым индивидуализмом".

Авторитет "грубого индивидуализма" стал вновь усиливаться в 70-е годы в связи с нараставшим протестом не только богатых, но и средних американцев против роста социальных расходов на "государство всеобщего благосостояния", в которых видели главную причину галопирующей инфляции, снижения темпов экономического роста. В качестве его теоретиков выступили такие светила академического мира, как лауреаты Нобелевской премии в области экономики Ф. Хайек и М. Фридман. Но все же добиться прежнего влияния "грубый индивидуализм" не смог. Впрочем, и новый консерватизм на современном этапе не смог развиваться по восходящей линии: неудачи программ социальных и экономических мер в 70-е годы, рост инфляции и безработицы, снижение конкурентоспособности американского бизнеса на мировом рынке заставили даже его приверженцев заговорить о "пределах" государственного регулирования. В 70-е годы в рамках консервативной идеологии возникает такое течение, как неоконсерватизм, которое своим названием перекликается с новым консерватизмом 50—60-х годов, но имеет и отличия, обусловленные изменившейся исторической реальностью.

Неоконсерватизм в момент возникновения заключал также и реакцию на движения социального протеста 60-х — начала 70-х годов, нигилизм и скептицизм молодежи. Среди неоконсерваторов нашлось место разочаровавшимся либералам, например Д. Беллу и С. Липсету, как и некоторым утратившим веру в свои идеалы "новым левым". Рупорами неоконсерватизма стали журналы "Публик интерес", "Нейшнэл ревью" и "Комментэри". Общим "знаменателем" их платформ были критика очевидных изъянов государственно-монополистического регулирования и "эгалитарных" тенденций в социально-экономической программе и деятельности демократической партии, сопротивление "завышенным требованиям" и "растущим притязаниям" негритянского движения, бедняков и

²¹ Larson A. Republican Looks at His Party. New York, 1956, p. 59—91, 117, 131, 147.

низкооплачиваемых слоев, неприятие "контркультуры", морально-нравственной "деградации" американской молодежи, ностальгия по "золотому" веку американизма, в том числе на международной арене.

Неоконсерваторы не являются радетелями "абсолютной" свободы предпринимательства. Более того, один из их ведущих идеологов И. Кристолл отмечал, что "возвращение к системе свободного предпринимательства, при котором государство призвано играть минимальную роль... есть утопия". Но вот содержание государственно-монополистического регулирования, согласно неоконсервативной доктрине, должно быть решительно переформулировано. Целью государственного экономического регулирования, по определению Кристолла, является "расширение рыночных возможностей как механизма разрешения социальных проблем". Другими словами, свободный рынок и свободная конкуренция объявляются единственным надежным средством обеспечения экономического роста, воспроизводства и распределения рабочей силы и т. д., а государственному регулированию вменяется в обязанность обеспечение благоприятных возможностей этой конкуренции, в первую очередь, пользуясь языком Кристолла, "создание и расширение рынков". Все иные виды государственного регулирования, как и либерально-реформистская концепция "планового общества", неоконсерваторами отвергаются в качестве "социалистической утопии"²².

Основная тяжесть критики неоконсерваторов пришлась на социальные программы, осуществлявшиеся в годы пребывания у власти демократической партии. В реформаторской политике демократов ими выделены два главных этапа: "новый курс" Рузвельта и "великое общество" Кеннеди-Джонсона. При этом социальные мероприятия "нового курса" с теми или иными оговорками принимаются, а положения программы "великого общества" отвергаются. Обосновывая позицию неоконсерваторов, известный экономист Т. Лоуви доказывал, что социальные программы "нового курса" были направлены на "заправку насоса", создание благоприятных условий функционирования и воспроизводства рабочей силы. Введенные в период "нового курса" формы социального страхования охватывали трудоспособное население, т. е. способствовали поддержанию производительных сил общества и пользовались поддержкой среди всех основных социальных слоев — бизнеса, среднего класса, рабочих. Программа же "войны с бедностью" служила не экономическим (антикризисным), а откровенно идеологическим целям — историческому спору с социализмом. Однако социальная политика Кеннеди-Джонсона, критиковал Лоуви, не ликвидировала, да и не могла ликвидировать бедность, она только обнажила, выпятила ее. Социальные программы демократов 60-х годов, кроме того, охватывали не все общество и даже не трудоспособные слои, а его париев — бедняков, многодетных матерей-одиночек, нуждающихся детей, стариков. В результате, заключал неоконсерватор, они оказались "непроизводительными" расходами, ни в малой степени не способствовали улучшению экономической ситуации в США, а только усугубили нездоровые экономические явления²³.

Неоконсерваторы активно высказывались также по общефилософским и историческим вопросам. Но здесь они, по сути, мало что добавили к идеям, изложенным в 50–60-е годы Росситером, Виреком и Керком. Так, они твердо придерживались теории "органической эволюции" общества, видели задачу консерватизма в защите классических, а не социализированных либеральных ценностей, следовали элитарной концепции политического управления.

Самое пристальное внимание неоконсерваторы уделили проблемам морали и нравственности. Семья и религия были объявлены главными цементирующими

²² Kristoll I. Two Cheers for American Capitalism. New York, 1978, p. 30, 56–57, 125.

²³ Lowi T.J. The End of Liberalism. The Second Republic of the United States. New York — London, 1979, p. V—XI, 193–220.

элементами общества. И здесь они со всей яростью обрушились на либералов, "новых левых", хиппи и других сторонников насаждения на американской почве принципа "все дозволено". Сенатор Уильям Армстронг подсчитал "цену", которую придется заплатить за "вседозволенность" нынешнему поколению американцев: 47 млн. разводов, 23 млн. жертв употребления наркотиков, 18 млн. аборт, 189 млн. серьезных преступлений и 360 тыс. убийств. Может ли, задавался риторическим вопросом сенатор, считать себя здоровым обществом, тратящее ежегодно 10 млрд. долларов на порнографические журналы и видеофильмы, присуждающее самые престижные награды издателям "Плейбоя" и "Пентхауса"? Противодие от катастрофического разложения нравов Армстронг, подобно другим неоконсерваторам, видит в возрождении религиозного влияния в Америке. Библия, по его словам, должна быть признана не в меньшей, а даже в большей степени, чем Конституция, источником "уникальности американской республики"²⁴.

Неоконсервативная идеология на современном этапе была взята на вооружение республиканской партией США, а ее активным и наиболее видным проводником в практической политике выступил 40-й президент США Рональд Рейган. В период избирательной кампании 1980 г., вознесшей его на высший государственный пост в стране, а затем и в годы президентства — 1981—1989 — Рейган последовательно атаковал либерально-реформистское "государство всеобщего благосостояния", поистине создав из него образ монстра.

Вот типичная аргументация Рейгана. Расширяющиеся экономические функции правительства означают постоянный рост государственных расходов, что в условиях США ведет к галопирующей инфляции и росту дороговизны. А это бьет по всем, в первую очередь по средне- и малообеспеченным американцам. Увеличение государственных налогов на доходы бизнеса ведет к падению предпринимательской активности, снижению заинтересованности в расширении производства и, как следствие, к экономической стагнации. Это подрывает не только бизнес, но и экономическое процветание общества в целом. Это, кроме того, является главной причиной безработицы, поскольку предприниматели, не расширяя производства, не создают и новых рабочих мест. Рост социальных расходов, государственная помощь "большого правительства" малообеспеченным и бедным атрофируют у этих слоев способность к "самовывживанию". Когда личность паразитирует на государственной помощи, она неизбежно деградирует. Государственная помощь бедным семьям разрушает их: отцы семейств легче покидают свои гнезда, будучи уверенными, что "большое правительство" не оставит их семьи. Гарантированные социальные услуги ведут к росту преступности: у индивидуума в условиях "государства всеобщего благосостояния" формируется убеждение, что он ничего не должен обществу, а общество должно ему все, и он не испытывает уже психологических затруднений, идя на грабеж и другие преступления против общества. Государственное вспомоществование бедным и престарелым, субсидии на нужды здравоохранения ведут автоматически к росту цен на медицинские услуги. "Дорогая медицина" — законное дитя "большого правительства"²⁵.

Каковы же были практические результаты провозглашенной Рейганом "консервативной революции"? Соотнесение идеологических постулатов и политической практики 40-го президента США обнаруживает, что Рейган отнюдь не был догматиком, напротив, он проявил способность соразмерять свои мировоззренческие убеждения с реальностью и в случае необходимости даже поступаться принципами. Это не раз вызывало недовольство со стороны правых консерваторов, а один из их лидеров, Д. Стокман, на исходе президентства Рейгана пришел даже к весьма неприятному для своих единомышленников выводу, что их кумир оказался

²⁴ Transforming Our World: A Call to Action. Ed. by J.M. Boice. Portland (Ore.), 1988, p. 134.

²⁵ Ronald Reagan's Weekly Radio Addresses: The President Speaks to America. Comp. by F.L. Israel. Wilmington (Del.), 1987, p. 1, 9, 10, 22, 24, 64, 85, 90—91, 98—99, 102, 117.

”политиком консенсуса, а не идеологом”²⁶. Действительно, за восемь лет Рейган в полной мере раскрыл способности политического прагматика, умело балансирующего между различными социально-политическими интересами, использующего любую возможность для законодательного воплощения своей программы, но и умеющего отступить и уступить общественному мнению и политическим оппонентам, если та или иная идея не имела шансов на успех.

В целом рейганизм, а вместе с ним и современный американский консерватизм проявили себя в качестве конкурентоспособной идейно-политической стратегии, даже выдвинулись вперед в споре различных мировоззренческих течений. Укреплению позиций современного американского консерватизма способствовал целый ряд факторов — как внутривнутриполитических, так и мировых. К внутривнутриполитическим отнесем, прежде всего, кризис либерально-кейнсианской модели государственно-монополистического регулирования в 70-е годы и очевидную историческую потребность в новом высвобождении предпринимательской инициативы. К мировым факторам необходимо в первую очередь отнести явное замедление и застой в развитии социалистической системы в 70-е годы, что укрепляло позиции сторонников частнокапиталистического предпринимательства в их критике ”государства всеобщего благосостояния”, рассматривавшегося как аналогия социализма в буржуазных обществах.

Советская перестройка и поворот к капитализации в странах Восточной Европы способствовали еще большему упрочению консерватизма в США. Достаточно просмотреть консервативные печатные органы США второй половины 80-х — начала 90-х годов, чтобы убедиться: консервативные идеологи и политики ныне чувствуют себя истинными триумфаторами, упиваются ”смертью” социализма и без усталости поздравляют друг друга с утверждением долгожданного ”Американского века”. Американский консерватизм переживает свой звездный час. Как долго он продлится? Ответ даст история.

²⁶ *Stockman D. The Triumph of Politics. New York, 1987, p. 10.*

© 1991 г.

О ТЕНДЕНЦИЯХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Важнейшим, определяющим фактором развития советской исторической науки после 1985 г. стала ликвидация идеологического и политического давления на нее. Это создало широкие возможности для подлинно научного изучения прошлого, свободного от догм, схем, желания подчинить исторические изыскания сиюминутной политико-идеологической конъюнктуре. Сегодня уже не просто наметилась, но закрепились тенденция к постановке новой проблематики и объективному взгляду на историю. Существенно пересмотрены исследовательские планы академических институтов, высших учебных заведений, непримиримая конфронтация с зарубежными историками сменилась заинтересованным, построенным на научных аргументах диалогом.

В предшествующие десятилетия престиж истории в научном плане оказался серьезно подорванным. Поэтому сегодня со всей остротой стоит вопрос о статусе истории как науки, для которой главной задачей является исключительно получение нового знания, но приобретение такого знания — не самоцель. Оно должно представлять интерес, быть просто жизненно необходимым для общественных преобразований, и только в этом смысле история как наука тесно связана с идеологией и политикой, являющимися составными элементами общественной жизни.

Но признавая связь истории с идеологией и политикой, следует решительно подчеркнуть приоритет воздействия истории на них, а не наоборот, как было в течение многих лет. Результат такого искаженного воздействия известен: игнорирование объективных исторических данных привело к кризису в идеологии и политике и нанесло не менее ощутимый урон собственно истории.

Однако такой приоритет не может быть просто постулирован, он должен вытекать из самой сути исторической науки, подтверждаться ее качественными реальными достижениями. Годы перестройки способствовали накоплению нового исторического знания, но оно оказалось преимущественно фактологическим. Разумеется, история как наука не может развиваться без фактической основы, и в этом направлении историкам предстоит еще сделать во много раз больше того, что уже сделано. Однако представление об истории как совокупности фактов в равной степени опасно и для ее развития как науки, и для политики и идеологии. Критерий "честности" историка как показатель "объективности" исторического знания, выдвигаемый в последнее время публицистами и отдельными исследователями, не гарантирует реального постижения прошлого и во всяком случае не может предотвратить субъективных выводов. Новое знание в исторической науке возможно только на основе стройной теории и методологии, способной на данный момент непротиворечиво объяснить общественную жизнь. Оно немыслимо и без расширения предмета исторического познания, а вернее, возвращения к его традиционно составляющей части — человеку как субъекту истории. В этом смысле марксизм сегодня не исчерпал себя. Дополненная цивилизационным подходом, восстановленная в своей подлинной гуманистической и человеческой сущности марксистская теория и методология

исторического процесса должны остаться той основой, без которой невозможно получение и нового теоретического знания, столь необходимого сегодня политике и идеологии.

Обретаемая историками духовная и методологическая свобода еще не дала на сегодня значительных результатов. Наоборот, наметились крайне неблагоприятные тенденции, грозящие развитию исторической науки как таковой с не менее печальными результатами, чем в предшествующие годы.

Наблюдается отчетливая тенденция отхода от формационно-классовых категорий и замена их цивилизационным подходом. Можно было бы приветствовать эту тенденцию, если бы речь шла, во-первых, об изживании того примитивно-иллюстративного использования формационных и классовых понятий, которое существовало, в той или иной мере модифицируясь, в исторической науке десятилетиями, а не о полном забвении самих идей классовости и формационности, без которых сегодня в принципе невозможны сколько-нибудь широкие обобщения. Можно было бы приветствовать эту тенденцию, если бы, во-вторых, вместо формационно-классовых категорий были бы предложены какие-либо иные, сколько-нибудь последовательно, всесторонне и убедительно объяснявшие мир, человека и их прошлое.

Свобода издательского предпринимательства породила вакханалию "открытий" прошлого. Издания Валишевского, Карновича — это еще далеко не худшие примеры. Сама по себе эта кампания — еще не самое страшное: в конце концов каждый читает то, что он хочет. Однако выпуск такой литературы свидетельствует о "коммерциализации исторических знаний", что, по существу, мало отличается от существовавшей ранее "идеологизации прошлого". Мы являемся очевидцами по меньшей мере двух отрицательных последствий этого "коммерческого всплеска" для исторической науки. Во-первых, идет активный процесс замещения в издательских портфелях фундаментальных научных трудов литературой коммерческой на историческую тему. Например, гордость отечественной историографии "Полное собрание русских летописей", "Письма и бумаги Петра Великого", публикации актового материала многие годы исключаются из издательских планов. Во-вторых, коммерциализация исторических знаний начинает оказывать все более негативное воздействие на психологию историков. Если в течение полугода возможно написать брошюру и получить за нее неслыханный ранее гонорар, если за солидную плату можно заказать безграмотным издателям очередной забытый опус или криминальный исторический документ, снабдив их беглым предисловием и даже не удосужась их элементарно прокомментировать, то для чего нужен систематический труд по разработке той или иной исторически значимой проблемы? Следствие такой возникающей психологии очевидно: не только падение приобретенного ранее профессионализма, но и очевидное нежелание овладения им.

Несмотря на резкую и во многом справедливую критику современного состояния исторической науки, все же в комплексе общественных наук она пертерпела наименьшие негативные воздействия. Историография античности, средневековья, дооктябрьского периода, если и не полностью поддерживала лучшие отечественные и мировые традиции, то во всяком случае сохраняла те элементы плюрализма мнений, которые уже сегодня являются прочной основой движения вперед, освобождения науки от политического и идеологического воздействия прошлого. В этом смысле и сейчас история остается хорошим подспорьем для выработки новых философских идей.

Марксистская историческая наука уровня 7–10-летней давности формировалась на солидном экономическом фундаменте. В годы ее становления шел искренний, хотя теперь очевидно, что во многом и ошибочный, а затем и просто идеологизированный и политизированный, процесс постижения прошлого на основе выявления экономических закономерностей. Естественно, что со вре-

менем был получен обратный результат: история, за небольшим исключением, оказалась оторванной от экономики, социологии. Представители последней, занятые в свою очередь обоснованием экономических и социальных амбиций политических лидеров, меньше всего были заинтересованы в проверке, подкреплении их историческим материалом. Возникший разрыв может быть преодолен только интеграцией упомянутых отраслей науки.

Это в равной мере относится и к связям истории с другими обществоведческими дисциплинами, претендующими на статус наук. Провозгласив одним из предметов изучения классы, сословия, их интересы и антагонизмы, марксистская историческая наука невольно обеднила свою сущность, исключив из сферы внимания достижения, методы социологии, психологии, активно используемые зарубежными историками.

До недавнего времени сама постановка проблемы интеграции советской исторической науки с мировой историографией почти неизменно предполагала не столько собственно интеграцию, сколько борьбу с немарксистской историографией и критику зарубежных идей в области общественного развития. Между тем наука вообще зарождалась и развивалась как сообщество ученых, не связанных национальными, религиозными, сословными и прочими рамками. Сегодня международная интеграция — процесс и явление, составляющие, может быть, одно из самых реальных положительных явлений современного состояния дел в исторической науке. В научном плане это выражается в активном обмене идеями, связанными с постижением прошлого. В организационном отношении важно решительное расширение открытых и деловых контактов, партнерство в разработке совместных программ и их реализации на взаимовыгодной основе. Перспективы такой интеграции целиком зависят от развития политической ситуации в стране и мире и от солидной финансовой базы.

Если говорить о современности, а главное, ближайшем и отдаленном будущем советской историографии, то основной проблемой является кадровая. В ее решении можно обозначить несколько моментов. Необходимо создать условия для реальной конкуренции в исторической науке, которая бы позволила оценить способность каждого из тех, кто называет себя историком. Это возможно только при свободном соревновании инициативных конкурсных проектов или же при организации конкурсов под целевые исследовательские проекты и при их независимой экспертизе. Такие конкурсы было бы целесообразно проводить в рамках института, отделения, всего контингента историков страны. Их можно было бы дополнять контрактной системой, обеспечивающей привлечение специалиста из любого уголка страны для целевых проектов, разумеется, если такой специалист докажет свое право на участие в их реализации. Сегодня со все большей очевидностью мы убеждаемся, что изживает себя система подготовки кадров при академических институтах через аспирантуру и докторантуру, разрыв между вузовской и академической наукой увеличивается, и единственный перспективный выход — это слияние той и другой, что и может обеспечить контрактно-конкурсная система.

Сейчас становится все более ясным тот факт, что организация, по крайней мере академической, исторической науки на базе институтов является анахронизмом. Огромные коллективы со сложной структурой и иерархическим руководством удачно обслуживали потребности административно-командной системы. В них сложились психология коллективного эгоизма, неформальные родственно-кастово-профессиональные объединения, часто преследующие исключительно эгоистические цели. Так называемая "демократизация" в АН СССР, одним из краеугольных камней которой стали выборы руководства институтов, еще более усугубила ситуацию. Дирекции, по существу, превратились в заложников коллективного интереса, а в его основе в большинстве случаев лежит лишь желание спокойно жить при гарантированном минимуме материаль-

ного обеспечения. Руководство АН СССР под напором воинствующих демагогов ныне заявляет о еще большем продвижении по пути "демократизации": проект нового устава академического института предоставляет ему право фактически единолично решать вопросы, связанные с проблематикой исследований, тезис о том, что ученый лучше знает, чем ему заниматься, получает все большую популярность. Споры нет, в своей основе это абсолютно верные идеи. Но они напоминают то, что произошло у нас в политико-экономической сфере, когда попытались из страны, где извечно царствовали сила приказа, страх, а не право, принуждение, а не экономические стимулы, быстро сделать демократическую республику с рыночной структурой. Результат известен. Не надо быть пророком, чтобы представить и результат "демократизации" в науке, по крайней мере исторической: при нынешнем кадровом составе идея "саморазвития науки" будет благополучно погребена коллективным эгоизмом. И эти похороны состоятся тем скорее, чем скорее будет покончено с единственной, формально еще существующей в структуре АН СССР, профессионально независимой властной инстанцией — отделениями, на что фактически нацеливают новые проекты положения об Отделении и устава академического института.

Однако и отделения в их теперешнем виде очень незначительно отвечают задачам организации научных исследований. Это почетный ареопаг, члены которого больше озабочены лишь своими интересами. Ими фактически не выполняются уставные требования об участии в развитии науки не только личным вкладом, но и личной ответственностью за порученный участок работы по Отделению. И стимулировать такую ответственность практически невозможно, ибо отсутствует какой-либо механизм — административный, материальный.

Для историков чрезвычайно важной остается проблема архивов. Несмотря на систематическую критику, доступ к архивным документам по-прежнему ограничен. Сегодня ситуация с архивами еще более осложнилась. Комитет по архивам при Совете Министров РСФСР заявил о своих исключительных правах на центральные государственные архивы СССР. Чем это грозит? Во-первых, будет разрушена централизованная система учета и научно-справочного аппарата по документам Государственного архивного фонда СССР — то, чем всегда восхищались зарубежные архивисты. Во-вторых, будет создан политический прецедент, грозящий раздроблением архивных комплексов: например, республики, на территории которых находились генерал-губернаторства, потребуют соответствующие фонды. Повторятся ошибки 20—30-х годов, когда документальные комплексы тасовались словно колода карт. Необходимо решительно воспрепятствовать этой ошибочной идее и, возможно, в случае попыток ее реализации передать под научно-методическое руководство Отделения истории все центральные госархивы СССР.

Уже не один год продолжаются разговоры о всесоюзном совещании или съезде советских историков. Кажется, настало время от разговоров перейти к делу.

В последние годы резко обострилась ситуация, связанная с публикацией исторических исследований в издательстве "Наука". Сужение возможностей этой публикации — один из серьезнейших факторов негативного воздействия на современное состояние исторической науки. Практически свернута работа по изданию источников, тормозится выход исторических ежегодников, десятилетия составлявших гордость советской науки, резко уменьшились возможности публикации монографических исследований узкоспециального характера. Институты Отделения истории, само Отделение не имеют достаточно мощной современной базы малой полиграфии, наличие которой могло бы кардинально улучшить издание исторической продукции и обеспечить дополнительный (моральный) стимул исторических исследований.

Без преодоления обозначившихся в последние годы негативных тенденций в советской исторической науке невозможно ее дальнейшее успешное продвижение вперед.

ПРОГРАММЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В Отделении истории АН СССР разработаны капитальные научные программы и представлены на конкурсной основе в Государственный фонд фундаментальных исследований. Для ознакомления читателей с их содержанием журнал в соответствии со своим профилем публикует программы "Мировые цивилизации (сравнительная история, типы и эволюция)" и "Международные конфликты в истории".

ОБОСНОВАНИЕ НАУЧНОЙ ПРОГРАММЫ "МИРОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ТИПЫ И ЭВОЛЮЦИИ)"

Предлагаемая программа представляет собой фундаментальное научно-теоретическое исследование проблем современного мирового развития. В результате его реализации отечественная историография, основываясь на гуманистическом видении сущности исторического процесса, сможет занять достойное место в мировой исторической науке.

В наши дни решающее воздействие на формирование господствующего менталитета народов оказывают две тенденции. Первая из них порождена переходным характером данной эпохи и заключается в размытости исторической перспективы, в утрате уверенности в будущем человеческой цивилизации. Отсюда широко распространившаяся в обществе ностальгия по прошлому, в котором потерявший существенные жизненные ориентиры человек ищет укрытия от угроз, таящихся в грядущем. Нет поэтому ничего удивительного в том, что столь обострившаяся в последние десятилетия проблема выживания человечества на всех континентах активизировала историческое сознание народов.

Другая, действующая в том же направлении тенденция, связана с последствиями глобализма современной экономики. Чем больше дает о себе знать тенденция превращения обитаемой суши в единое мировое экономическое пространство, тем более обостренными становятся опасения народов быть поглощенными обезличенным культурно-историческим миром. Отсюда и проистекает поворот общественного сознания к отдаленным эпохам национальной истории, поворот, являющийся защитной реакцией народов против угрозы этнокультурной обезличенности.

В этих условиях, когда во всех слоях общества столь резко возрос интерес к историческому прошлому, когда от всех общественных наук, и в первую очередь от истории, ждут ответа на самые злободневные вопросы современного и грядущего развития, ей надлежит быть на высоте своего общественного призвания. Для исторической науки в эти дни настал момент засвидетельствовать свою роль в формировании общественного сознания народа, вооружив его адекватными историческими ориентирами.

Если общепризнано, что в переломные исторические эпохи, когда необычайно обостряется историческое сознание масс, резко возрастает интерес к трудам историков, то в данный момент особенно важно выяснить — в каких именно трудах в эти дни нуждается наше общество. Речь идет о принципиально новом для нашей страны типе историографии, в центре внимания которой находится цивилизационный подход к освещению всех сторон общественной жизни, позволяющий выявить неповторимость культурно-исторического типа духовного и материального творчества каждого народа и в то же время подчеркнуть роль исторического взаимодействия культур в их взаимном обогащении.

Итак, современная эпоха поставила перед историографией глобальную проблему: исторические судьбы человеческой цивилизации в ее пространственно-временных воплощениях. Однако и внутреннее развитие самой историографии вплотную подвело ее, по сути, к той же проблеме. Накопленный в течение нашего столетия громадный новый фактический материал и, в особенности, всемирно-исторический опыт XX в. сделали очевидной ту истину, что история может выполнить свою специфическую познавательную задачу только в той мере, в какой ее понятийный аппарат позволит представить исторический процесс как результат разностороннего раскрытия человеческой деятельности, т.е. обусловленной данной формой общественной организации исторической природы индивида — носителя данной цивилизации. Отсюда — необходимость, во-первых, в новом видении предмета научной истории, достаточно широком для включения в него совокупности общественных связей на всех уровнях (вплоть до так называемой человеческой повседневности), остававшихся вне поля зрения историографии при оперировании категорией "общественная формация" в качестве предмета изучения, и, во-вторых, необходимость значительного обновления самого понятийного аппарата исторической науки, включения в него в качестве одной из ведущих категорий "цивилизация".

Институт всеобщей истории АН СССР (ИВИ) вносит на рассмотрение Фонда фундаментальных исследований СССР широкий и многоплановый проект "Мировые цивилизации (сравнительная история, типы и эволюция)". Для реализации указанного проекта в институте уже проведена большая подготовительная работа.

Институтом намечена широкая программа исследований в этом направлении. В частности, были созданы специальная группа по вопросам сравнительной теории и истории цивилизаций, Центр по изучению истории европейской цивилизации, разработан проект двухтомного труда "История европейской цивилизации", для подготовки которой будут привлечены специалисты по истории СССР, стран Западной и Восточной Европы.

В 1990 г. в ИВИ была проведена широкая международная конференция по вопросам истории цивилизаций с участием крупных ученых из Европы, Азии, Африки и Америки. В итоге конференции на базе института создано координационное бюро для развертывания научных исследований на международном уровне. Под эгидой Отделения истории АН СССР Институтом всеобщей истории подготовлены для публикации уже три специальных сборника.

Будут осуществляться и региональные европейские исследования.

Особое значение приобретает работа над темой "Россия и СССР в системе европейской цивилизации", что позволит выявить единство и многообразие европейской цивилизации, раскрыть своеобразие роли и места Советского Союза в истории европейской цивилизации, в первую очередь — как моста между цивилизациями Европы и Азии.

В рамках этой общей программы намечены исследования тем — античная и средневековая цивилизации, индустриальная стадия цивилизации.

Особо важная тема — "Человек в системе цивилизаций". Начато издание периодического труда "Одиссей (человек в истории)", готовится ряд конкретно-исторических исследований.

Как итог всего проекта, имеется в виду осуществить написание пяти крупных трудов по темам:

1. Цивилизация как процесс (современные историофилософские воззрения);
2. Древнейшие цивилизации мира;
3. Греко-римская цивилизация;
4. Европейский тип цивилизации;
5. Цивилизации Востока.

Уникальность этого научного проекта заключается не только в пространствен-

но-временной протяженности исторического ареала, вовлекаемого в рассмотрение с культурно-исторических позиций, не только в принципиально новом подходе к задаче сравнительно-исторической типологии, но и в новизне, богатстве и разносторонности материала, который предстоит использовать, опираясь на достижения междисциплинарных методов исторического исследования.

Естественно, что реализация такого научного проекта в рамках одного пятилетия (1991–1995 гг.) потребует создания специальных авторских коллективов, включающих историков разных специальностей — философов, лингвистов, этнологов, культурологов. Имеется в виду привлечь к работе наиболее крупных ученых из высших учебных заведений страны, а также наиболее известных ученых зарубежных стран.

Мы предполагаем проведение серии внутрисююзных и международных конференций и "круглых столов" с участием советских и зарубежных ученых. Будут осуществляться публикации отдельных монографий, сборников и аналитических разработок.

Намечается проводить работу по популяризации идей цивилизационного подхода и опыта истории мировой цивилизации. С этой целью будет подготовлен обобщенный труд в одном томе, рассчитанный на широкого читателя.

Научный руководитель программы
академик *И.Д. Ковальченко*

ОБОСНОВАНИЕ НАУЧНОЙ ПРОГРАММЫ "МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ИСТОРИИ"

Институт всеобщей истории АН СССР представляет на конкурс проект "Международные конфликты в истории (с акцентом на XIX и XX столетия)".

Международные конфликты, достигающие на переломах истории крайней остроты и сопровождающиеся войнами, массовой гибелью людей, бедствиями и разрушениями, — наиболее трагические для человечества кризисные периоды всемирной истории. Изучение причин и уроков кризисов и конфликтов, механизма возникновения, возможностей их предотвращения приобретает особую значимость и актуальность в современных условиях, когда перерастание конфликтов в ракетно-ядерную войну неизбежно привело бы к гибели мировой цивилизации.

Задача проекта состоит в том, чтобы исследовать на основе новых научных подходов, методики и исторических материалов, включая материалы советских и зарубежных архивов, наиболее крупные конфликты во всемирной истории с акцентом на XIX и XX вв.: межгосударственные, межнациональные, религиозные, торгово-экономические, территориальные и др. Внимание будет уделяться как конфликтам, приведшим к катастрофическим последствиям (войнам, гонке вооружений, экономическим блокадам и другим проявлениям международной напряженности), так и конфликтам, разрешенным политическими средствами.

Проект предполагает отказ от догматического, узкоклассового, одностороннего подхода к историческим явлениям. В нем будет учтена основная сумма факторов, способствовавших зарождению и развитию международных конфликтов — геополитических, исторических, идеологических, культурных, этнических, религиозных, а также национальные интересы и ценности. Глубинная историчность будет сочетаться с широким пространственным охватом материала. В частности, в проекте будет рассмотрен механизм перехода от региональных конфликтов к глобальным.

Значение проекта подчеркивается общемировым исследовательским интересом к указанной проблеме. Предлагаемое в нем изучение длительной исторической ретроспективы позволяет аккумулировать огромный опыт прошлого,

многообразии форм зарождения и проявления конфликтов. Это, в свою очередь, расширяет возможность не только для создания научной типологии конфликтов прошлого и настоящего, но и для разработки крайне важной темы альтернативности насилию. Были ли конфликты далекого и недавнего прошлого так уж исторически неизбежны? Не было ли им практической альтернативы? Какова "цена" имевших место международных конфликтов? Каков исторический опыт политического выхода из конфликтов? Каково значение "правил игры", политической культуры, учитывающей вековой опыт мудрости и сдержанности, в указанных процессах? Все эти и ряд других вопросов предполагается рассмотреть в данном проекте.

ИВИ уже проделана значительная работа по изучению истории международных отношений и в этом контексте по истории международных конфликтов.

Применительно к истории XIX столетия была проведена большая работа по изучению европейской истории после Великой французской революции и наполеоновских войн.

Ведется разработка проблем, связанных с историей объединения Италии и Германии, с обострением международной обстановки на рубеже XIX и XX столетий.

В институте завершен труд по проблемам первой мировой войны, в котором обозначены новые подходы и сформулированы дискуссионные вопросы ее истории. На этой основе в институте определена программа исследований, которая ставит новую комплексную проблему — "война и общество".

В рамках предлагаемого проекта в институте разворачивается исследование истории происхождения, хода и итогов второй мировой войны. На базе вышедших трудов и на основе новых документов начата разработка двух международных проектов "Антигитлеровская коалиция" совместно с группой историков США и Великобритании и "Зимняя война (советско-финляндский конфликт 1939—1940 гг.)" совместно с финскими историками.

Речь идет о новом подходе к изучению этих страниц истории, к отказу от идеологизированных схем и стереотипов.

В сферу проекта войдет и многоплановая тема — "История "холодной войны"", к разработке которой привлекаются многие специалисты из различных научных учреждений.

В широком контексте истории международных отношений в институте определена тема "Идеи мира в истории". Применительно к предлагаемому проекту она рассматривается как ненасильственная альтернатива международным конфликтам. В институте уже подготовлен первый в советской историографии труд по истории пацифизма и намечена специальная программа исследований, включающая в себя теоретические вопросы, а также конкретную историю европейского миротворчества и российского пацифизма. К этим работам привлекаются не только ученые из других научных учреждений, но и деятели церкви, представители культуры. В частности, имеется в виду изучить ранее совершенно не исследованную в советской историографии историю мирных конгрессов, которые начали созываться с 40-х годов XIX в. и продолжались в XX столетии.

В недалеком прошлом у нас превалировало негативное отношение к пацифистским идеям и движениям, к мирным конгрессам, которые рассматривались как "отступление от классовых позиций", как "проявление абстрактного гуманизма и пацифизма", не соответствовавших господствовавшей идеологии. Научный проект предполагает исправление этого перекоса.

В мировой историографии имеется множество исследований таких классических примеров конфликтов, как противоборство между Афинами и Спартой, Римом и Карфагеном. Гораздо слабее представлено "конфликтоведение" в изучении современных явлений, взятых в длительной исторической ретроспек-

тиве (в контексте крупных исторических срезов, например в пределах столетия). Именно отсюда наше стремление сконцентрировать внимание на историческом материале XIX и XX вв., дающем возможность выявить закономерности образования и воздействия на политические процессы конфликтов в рамках перехода общества от одной международной структуры к другой, и вычленив основные конфликтообразующие узлы и циклы.

Выбор исторического периода для исследования диктуется его исключительным разнообразием в области типов конфликтов — от национальных до глобальных. Две революции (Французская XVIII в. и в России в октябре 1917 г.), наложившие свой отпечаток на мировое развитие и национальные революционные сдвиги, общеевропейские, мировые и локальные войны, взлет и падение империй, возникновение на их развалинах новых государств, смена социально-экономических структур, рост национализма и развитие национально-освободительных движений — у истоков всех этих событий находится тот или иной назревший конфликт, который не был вовремя решен политическими средствами. Задача исследования — найти этот критический рубеж в развитии исторических процессов, выявить момент, когда вызванный конфликтом сдвиг выходит из-под контроля, становится иррациональным, когда идеологизация берет верх над здравым смыслом, становится особенно опасной.

Намечаемые исследования позволят поставить ряд важных проблем теории и методологии международных отношений, осуществить разработку теории конфликтов, способствовать развитию новой исторической дисциплины — "исторической конфликтологии", сделать важные обобщения концептуального характера.

Значительное внимание в проекте будет уделено исследованию конфликтов, приведших к двум мировым войнам и "холодной войне". Уже предварительный анализ показывает общий для большинства мировых конфликтов результат — их цена в материальных и человеческих жертвах во многом превышает предполагаемые преимущества, получаемые любой из сторон. То же самое можно сказать практически обо всех международных конфликтах периода "холодной войны". Значительное место в проекте займет актуальная, на наш взгляд, проблема развития межнациональных конфликтов в прошлом и нынешнем столетиях, учитывая, что в данной области историческая цена ошибок особенно велика.

Практический подход к изучению международных конфликтов предполагает углубленный подход к выработке механизма их предотвращения, либо амортизации наиболее отрицательных их последствий. Важным представляется и разработка при рассмотрении каждого исторического конфликта его ненасильственной альтернативы. Намечаемые исследования помимо научных работников рассчитаны также на широкого читателя, на выработку "неконфликтного мышления" причем не только во внешнеполитической области, но и во внутривнутриполитическом плане.

Проект будет реализовываться по шести подпрограммам:

1. Международные конфликты и эволюция международно-политической системы от Венского конгресса (1813 г.) до Версальского мира (1919 г.). Отдельно в этой подпрограмме будет рассмотрена история первой мировой войны;

2. Между миром и войной (1919–1939 гг.). История назревания глобального конфликта XX столетия;

3. История первой и второй мировых войн. Будут рассмотрены вопросы происхождения войн, их характер и последствия. Специальному анализу будет посвящена история складывания антигитлеровской коалиции и выработка принципов и форм послевоенного мирного урегулирования;

4. История "холодной войны". Ее генезис, этапы, последствия и уроки.

В теоретическом плане будет исследована проблема содержания самого явления "холодная война";

5. Эволюция идей мира в истории. Поиски ненасильственной альтернативы войне и конфликтам. История пацифистских идей и движений в XIX—XX вв. Поиски мира и проблемы культуры. Интеллигенция и миротворчество;

6. Проблемы теории и методологии конфликтов, как составная часть теории международных отношений. Выработка теоретических основ и конкретного содержания новой дисциплины — "исторической конфликтологии".

Для реализации проекта имеется в виду создать организационно-кадровое обеспечение. В институте создается специальный сектор по истории международных конфликтов, для реализации всех подпрограмм будут сформированы авторские коллективы из ученых института, других учреждений АН СССР, высших учебных заведений. В эти группы будут приглашены крупные ученые из ряда зарубежных стран.

Проект будет реализован в серии монографий и обобщающих трудов по истории международно-политических систем XIX—XX столетий, по проблемам первой и второй мировых войн, других войн и конфликтов указанного периода; намечается проведение серии внутрисоюзных и международных конференций и "круглых столов".

Будет также вестись разработка проблем межнациональных и территориальных конфликтов в Европе, возникавших в связи с образованием новых европейских государств в результате национально-освободительных движений и в итоге распада Австро-Венгерской и Османской империй и революции в России в 1917 г. Особый интерес представит анализ национальных и территориальных проблем в Европе в XX столетии, накануне и после второй мировой войны.

В завершающей фазе имеется в виду подготовить специальный труд "Международные конфликты в истории", раскрывающий теоретические вопросы темы (в исторической ретроспективе и на конкретном историческом материале).

Имеется договоренность об участии в программе ученых из институтов истории СССР, славяноведения и балканистики, мировой экономики и международных отношений, международных экономических и политических исследований, Института Европы АН СССР, из Московского, Ленинградского, Пермского, Нижегородского и других университетов, Дипломатической академии, Института международных отношений и Научно-координационного центра МИД СССР.

ИВИ установил связи с Институтом современной истории в Париже, с Боннским университетом в Германии, с Колумбийским университетом в США и Кембриджским университетом в Англии, с Центром Вудро Вильсона в США, с Европейским университетом во Флоренции, с Институтом истории Польской Академии наук, с чехословацким институтом новейшей истории, с Нобелевским комитетом в Норвегии, с рядом научных центров в Швеции, Финляндии, Испании и других странах. Все они выразили готовность сотрудничать по указанным проблемам.

Научные руководители программы
академик *Г.Н. Севостьянов*
и д.и.н., проф. *А.О. Чубарьян*

Проблемы истории "холодной войны"

© 1991 г.

А.А. РОЩИН

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И "ХОЛОДНАЯ ВОЙНА"

Трудно точно определить начало "холодной войны". Отсчет обычно ведется от речи У. Черчилля в Фултоне (штат Миссури в США) 5 марта 1946 г. Вряд ли, однако, это соответствует истинному положению дел¹. Напряженность во взаимоотношениях между странами Востока и Запада не прекращалась и во время второй мировой войны. Так, на учредительной конференции по созданию Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско весной 1945 г. обнаружилось стремление противопоставить СССР и дружественные ему страны — Югославию и Чехословакию — западным державам — США, Великобритании, Франции и другим, идущим в фарватере их политики. Наиболее сложный период "холодной войны" приходится на время пребывания в Белом доме Гарри Трумэна, занявшего президентский пост в апреле 1945 г. Именно поэтому французский историк Андрэ Фонтэн писал, что "холодная война" была дуэлью между Трумэном и Сталиным. В этой оценке есть доля упрощения, но она отражает существовавшее в то время представление о взаимоотношениях Восток — Запад.

То, что "холодная война" началась до фултоновской речи Черчилля, не вызывает сомнения. В этой связи мне запомнились характерные случаи, имевшие место в Подготовительной комиссии ООН в ноябре 1945 г. На одном из ночных заседаний председатель решил проверить кворум для продолжения работы и устроил переключку присутствовавших делегатов. Представитель Белоруссии, не поняв замысла председателя, но услышав положительные выкрики предшествовавших ему делегатов западных стран, сказал "нет", хотя и присутствовал на заседании комиссии.

Мой знакомый бельгийский делегат Дехусс подарил мне свою книгу о конференции в Сан-Франциско, где мы оба работали. Главе советской делегации на Подготовительной комиссии это не понравилось, и вообще он был недоволен моим знакомством с бельгийским делегатом. Он долго и пристрастно выяснял обстоятельства, при которых я познакомился с Дехуссом, не скрывая своего негативного отношения к этому факту.

Эти эпизоды, хотя и малозначительные, отражали характер взаимоотношений представителей Востока и Запада. При решении больших политических вопросов существовавшие отношения проявлялись, подчас, драматическим образом. Они

¹ См. Корниенко Г.М. У истоков "холодной войны". — Новая и новейшая история, 1990, № 6; Шлезингер А. Некоторые уроки "холодной войны". — Новая и новейшая история, 1991, № 1; Гэддис Дж.Л. Предварительные оценки послевоенного противостояния. — Новая и новейшая история, 1991, № 3; Чубарьян А.О. Происхождение "холодной войны" в историографии Востока и Запада. — Там же; Язькова А.А. Восточная Европа в политике СССР и США (1944–1945 гг.). — Там же.

распространялись на все мероприятия, связанные с установлением послевоенного урегулирования.

Конечно, вина западных государственных деятелей за обострение отношений между СССР и западными державами несомненна. Но было бы неправильно взваливать всю ответственность на эти государства. Наша страна также несет значительную долю ответственности за эскалацию "холодной войны", в частности И.В. Сталин, В.М. Молотов и А.Я. Вышинский. Именно они возглавляли советскую дипломатию в наиболее ответственный период отношений между странами Востока и Запада.

МОЛОТОВ ВО ГЛАВЕ НКВД

Главой ведомства иностранных дел Молотов стал в мае 1939 г., сменив на этом посту тогдашнего наркома М.М. Литвинова. По наркомату прокатилась вторая волна репрессий: были арестованы заведующий протокольным отделом В.Н. Барков, член ВКП(б) с 1906 г., секретарь Литвинова П.А. Назаров, заведующий отделом печати Е.А. Гнедин, его заместитель Шмидт и многие другие. Ряд сотрудников НКВД были уволены, в том числе мои однокурсники по Институту дипломатических и консульских работников К.Д. Левычкин, А.П. Медведев. Отстранили от работы и меня. Считается, что во всем этом был виноват Л.П. Берия. Но ведь Молотов был главой правительства и наркомом иностранных дел, и без его одобрения Берия не смог бы учинить разгром ведомства, ведающего внешней политикой Советского государства.

Молотов был человеком Сталина, пользовался его неограниченным доверием. Но для главы международного ведомства явно не подходил. Молотов не был ни гибким, ни дипломатичным для того, чтобы занимать этот пост. Он не бывал за рубежом и плохо ориентировался в международных делах. К тому же не владел ни одним иностранным языком.

Ко времени назначения Молотова на пост наркома я ведал третьим западным отделом (Англия, Франция, Италия, Бельгия, Америка — Северная и Латинская). Два моих предшественника — Нейман и Вейнберг — были репрессированы. Мое знакомство с новым наркомом произошло при весьма неблагоприятных для меня обстоятельствах. 12 июня 1939 г. в газете "Известия" была опубликована передовая статья, в которой внешняя политика Англии и Франции была представлена в весьма неприглядном виде, и в ней говорилось, что у СССР нет договоров о взаимной помощи ни с Англией, ни с Францией. Такое утверждение относительно Франции не соответствовало действительности. Советско-французский договор о взаимопомощи от 1935 г. существовал и сохранил свою силу после Мюнхенского соглашения 1938 г. четырех западных держав. Исходя из лучших побуждений, я позвонил в секретариат Молотова и обратил внимание на неточность в передовой "Известий". Через несколько минут меня вызвали к наркому. Не проявляя эмоций, он спросил, что меня не устраивает в статье. Я объяснил ошибочность заявления в ней об отсутствии у нас договора о взаимопомощи с Францией. Молотов был весьма недоволен моим объяснением. Он явно не разделял мою позицию. Тогда мне было невдомек, что статья в "Известиях" была написана Молотовым и, видимо, согласована со Сталиным. Она явилась предвестницей отказа от сотрудничества в международных делах с Англией и Францией и поворота в сторону гитлеровской Германии. Через несколько дней я был освобожден от работы в НКВД. Возможно, что вопрос о моем удалении из наркомата был уже предрешен при отставке Литвинова. Беседа с Молотовым, в которой я говорил о наличии у нас договора о взаимопомощи с Францией, лишь ускорила события. Об этом я заключаю по некоторым репликам Берия в мой адрес в ходе деятельности комиссии по приему дел от одного наркома к другому.

Берия в присутствии Молотова и Г.М. Маленкова спросил, какой пост занимал

я в НКВД до третьего западного отдела. Не предвидя возможных последствий, я ответил, что был заместителем генерального секретаря НКВД. "Того самого Гершельмана, который оказался врагом народа?" — уточнил Берия. Воцарилось тягостное и напряженное молчание. Я не нашелся, что ответить. Выручил присутствовавший на комиссии Литвинов. Он объяснил руководителю НКВД, что я не имею отношения к "врагу народа" Гершельману, ибо, будучи помощником заместителя наркома, я по должности был заместителем генерального секретаря НКВД и не имел к личности Гершельмана никакого отношения. Так или иначе, но из НКВД я был уволен.

Вновь с Молотовым я встретился на конференции в Сан-Франциско в 1945 г., шесть лет спустя после ухода из НКВД. В связи с огромным объемом внешнеполитической деятельности нашей страны на заключительном этапе мировой войны нас, бывших слушателей Института дипломатических и консульских работников, уволенных из наркомата, взяли обратно.

Молотов был в зените "славы". Веяние "холодной войны" на конференции в Сан-Франциско ощущалось уже тогда. Нарком не пытался этому противостоять. Более того, своими действиями он способствовал взаимному отчуждению государств Запада и Востока. К сожалению, дружественными нам странами на конференции были лишь Югославия и Чехословакия, а недоброжелателей было немало. Поведение же главы советской делегации не сокращало, а увеличивало число недругов Советского Союза.

В те дни я задавал себе вопросы: зачем нам нужно было брать на себя инициативу устранения Франции из числа приглашающих на конференцию государств? Эта страна была традиционно дружественной по отношению к России, а затем к СССР. В вопросах поддержания европейской безопасности советские дипломаты всегда контактировали с французскими. Накануне конференции в Сан-Франциско глава советской делегации недвусмысленно выступил против предоставления Франции статуса приглашающей державы. Конечно, на такую нашу акцию в Париже отреагировали отрицательно. Франция оказалась в лагере наших недругов.

Первые дни конференцию лихорадило из-за того, что советская делегация не давала согласия на избрание председателем конференции государственного секретаря США Эд. Стеттиниуса. Глава советской делегации требовал, чтобы наряду с американцем на конференции председательствовали все представители приглашающих держав, т.е.: СССР, Англия и Китай (гоминьдановский). Сказалось отсутствие у Молотова международного опыта, согласно которому на конференциях, как правило, председательствует представитель приглашающего государства. Зачем нужно было лихорадить конференцию необоснованным требованием в отношении председательствования всех представителей приглашающих держав и тем самым растрчивать авторитет страны, приобретенный на полях сражений с гитлеровской Германией? Ни англичане, ни китайцы, ни делегаты других государств нас в этом требовании не поддержали. Те делегации, которые до того не занимали еще определенной позиции в наметившемся противостоянии Восток — Запад, не стали нашими друзьями, скорее наоборот. Конфликт вокруг председательствования на конференции закончился компромиссом. Фактическое же председательствование сохранилось за американцами.

Остро протекало обсуждение вопроса об участии в конференции Аргентины. Латиноамериканские страны, располагавшие 19 голосами из 50, настаивали на удовлетворении требований Аргентины, хотя по регламенту, принятому на Ялтинской встрече в верхах, эта страна исключалась из числа участников конференции. Государства Латиноамериканского континента выдвинули компромиссное решение вопроса. Они согласились поддержать предложение СССР об участии в конференции Украины и Белоруссии при условии предоставления Аргентине такого же статуса. Стеттиниус и 30 других делегатов оценили позицию латино-

американских делегатов и проголосовали за приглашение Аргентины на конференцию. К сожалению, Молотов вместе с делегатами Чехословакии и Югославии проголосовал против этого предложения и тем самым настроил латиноамериканские страны негативно по отношению к СССР.

Активное участие Молотова в репрессиях 1937 и последующих годов наложило отпечаток на деятельность этого человека и на международном поприще. В его поведении были элементы зазнайства, отталкивавшие многих деятелей от СССР. Имей страна более гибкого и способного наркома иностранных дел, неучастника и противника репрессий, советская дипломатия не потеряла бы тот огромный престиж в глазах общественности большинства стран мира, который был завоеван героической борьбой с гитлеризмом, и добилась бы создания устойчивого послевоенного мира.

В 1949 г. Молотов был смещен с поста министра иностранных дел. Сталин ему больше не доверял. Министерство возглавил Вышинский. После смерти Сталина в 1953 г. Молотов вновь пришел в МИД СССР. Но участие в сталинских репрессиях продолжало сказываться на его деятельности. Молотов был противником разоблачения культа Сталина и его последствий. Он не разделял внешней политики Н.С. Хрущева, был против его примирения с Тито, поездки в Англию, заключения государственного договора с Австрией и в целом его курса на разрядку международной напряженности, на сближение с западными державами. В 1957 г. вместе с Г.М. Маленковым, Л.М. Кагановичем и другими Молотов был исключен из партии и сошел с политической арены.

ВЫШИНСКИЙ – МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

С приходом в 1949 г. Вышинского в МИД взаимоотношения СССР с западными государствами отнюдь не улучшились. Как и его предшественник, он не был озабочен углублением и расширением "холодной войны" между Западом и Востоком. Наоборот, он всемерно содействовал ее развитию. Вышинский не признавал дипломатии в том виде, как это было принято в международной практике. Придя в МИД с поста Генерального прокурора СССР, он сохранил манеру "разноса" неугодных Сталину лиц. Стиль своей предыдущей деятельности Вышинский перенес и в дипломатию, для которой он явно не годился. Так, приехав на вторую сессию Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 г., Вышинский учинил "разнос" ряду представителей западных государств, назвав их "поджигателями войны". Первым среди них он назвал американского сенатора Джона Фостера Даллеса, сидевшего недалеко от советской делегации, так как все делегации в зале располагались по алфавиту. Такой выпад против американского делегата сразу же углубил наш разрыв с союзником военных лет – США. Филиппинского делегата – министра иностранных дел Карлоса Ромуло – Вышинский назвал "пустой бочкой, которая, катясь, издает большой, но бесполезный шум". Французского делегата Ивона Дельбоса Вышинский сравнил с "попугаем": "Ехать так ехать, сказал попугай, когда его кошка тащила из клетки". Такая разнузданность советского министра не способствовала рассеянию туч "холодной войны".

Упомянутый мной филиппинский министр К. Ромуло имел репутацию видного международного деятеля. Впоследствии он был избран председателем IV сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН. Как-то в зале отдыха делегатов Ромуло, несмотря на выпад Вышинского, неожиданно подошел, обнял меня и с дружеским видом прошелся под руку через делегатский зал. Хотя я знал Ромуло по совместному участию в конференции в Сан-Франциско 1945 г., от его демонстративного расположения мне стало неуютно. Я задавал себе вопрос: зачем прозападному деятелю Ромуло проявлять дружеское расположение к советскому представителю? Возможно, что он хотел продемонстрировать отсутствие у него неприязни к СССР и лично к Вышинскому, назвавшему его "пустой бочкой"?

А что, если Ромуло хотел противопоставить меня советскому министру, нанесшему ему оскорбление? Этого нельзя было исключать. По тем временам такой демарш нес большую опасность. Видимо, "инцидент" с Ромуло не попал в поле зрения Вышинского и каких-либо последствий этого события я не ощутил.

К Дельбосу, названному Вышинским "попугаем", я относился с уважением. Во время моего пребывания в Париже в 1936–1937 гг. он был министром иностранных дел в кабинете "левого блока" Л. Блюма. Наши отношения с Францией находились под действием только что заключенного договора о взаимопомощи. Мы ценили отношения с этой страной и с ее руководителями. Выпады Вышинского против Дельбоса резали ухо и вызывали у меня внутренний протест. Такое обращение с видным деятелем Франции было неуместным и беспрецедентным.

На VI сессии ГА ООН с Вышинским произошел следующий инцидент: три западных державы — США, Англия и Франция внесли предложение относительно создания системы всеобщего мира и благополучия (это было сделано в чисто пропагандистских целях). Вышинский заявил на сессии ГА ООН, что он ознакомился с выступлением Государственного секретаря США Д. Ачесона и всю ночь не спал: смех его душил, хотя он не из смешливых. В этой связи по всему Парижу были расклеены плакаты, изображавшие Вышинского с кинжалом в зубах, сдерживающего смех. Когда в Москве прочли все это, то реакция была отрицательной. Вскоре Вышинский получил указание, подписанное Сталиным, выступить вторично. Вышинскому пришлось это сделать, чтобы сгладить обстановку.

Вышинский любил бывать в ООН и участвовать в дебатах на ее форумах. Даже будучи главой международного ведомства СССР, он оставался в Нью-Йорке до конца заседаний Ассамблеи, в то время как другие министры иностранных дел покидали штаб-квартиру Организации и уезжали в свои столицы. Выступления Вышинского на форумах ООН, содержавшие, как правило, резкие выпады против известных деятелей многих стран мира, были объектом обсуждения и, в основном, осуждения. Кто-то даже вызвал Вышинского на дуэль, но дело не получило хода. Он запомнился в ООН своим словесным трюкачеством, полным игнорированием дипломатической практики и углублением разрыва между странами Востока и Запада.

В отношении сотрудников министерства Вышинский бывал невыносим. Близость к Сталину и покровительство последнего позволяли ему вести себя совершенно разнузданно по отношению к своим заместителям, заведующим отделами и ко всем остальным работникам аппарата МИДа: разность, окрики, а подчас и оскорбления сыпались на сотрудников министерства. Как заведующий отделом ООН я делал ему ежедневные доклады, которые были для меня тягостным испытанием. Но начальников не выбирают. Нужно было нести крест.

Вышинский явно не доверял коллегам. Боялся, в частности, террористического акта против себя. Он однажды без стеснения поднял мою брючину, чтобы проверить, нет ли у меня спрятанного оружия. Мое "хорошее" знание французского языка вселило в Вышинского подозрение, не являюсь ли я иностранным шпионом. Чтобы это проверить и убедиться в моем российском образовании, он заставил меня прочесть наизусть басню Крылова "Ворона и лисица". Очевидно, по его мнению, это было верным средством отличать шпиона от честного сотрудника.

После смерти Сталина Вышинский настоял на предоставлении ему поста представителя СССР при ООН. Он хотел быть подальше от антисталинских разоблачений, чреватых для него серьезными последствиями. Молотов подержал его домогательства, и Вышинский оказался в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Оттуда стали поступать его длинные речи. Но уже в 1954 г. их автор закончил свой жизненный путь: кровоизлияние в мозг сразило его в тот момент, когда он диктовал стенографистке очередную речь в Совете Безопасности ООН. Закончилась жизнь одного из активных участников и виновников неслыханных по жестокости и бесправью сталинских репрессий.

II сессия Генеральной Ассамблеи состоялась в сентябре 1947 г. под Нью-Йорком во Флэшинг-Мэдоу (у ООН в то время не было своего здания). Огромный спортзал был приспособлен для проведения крупных форумов. Комитеты и секретариат ООН разместились поблизости — в Лейк-Саксесе — в помещении завода авиационных измерительных приборов.

В зале для пленарного заседания присутствовало тогда 55 делегаций. Делегации СССР в соответствии с алфавитным порядком было отведено место в задних рядах. Поблизости с нами по левую сторону сидели англичане, далее американцы, по правую — украинцы.

Сессии Генеральной Ассамблеи ООН проводились ежегодно. Но на III и VI сессии мы ездили в Париж, поскольку они состоялись во французской столице во дворце, называемом Пале де Шайо. III сессия проводилась в 1948 г. во Франции, так как в США в этот год проходили президентские выборы, и американцы опасались, что проведение сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке окажет на них нежелательное влияние. VI, в 1951—1952 гг., тоже была во Франции, ибо расчеты на готовность собственной штаб-квартиры ООН не оправдались.

На проходивших в пик "холодной войны" шести сессиях Генеральной Ассамблеи ООН основное место занимали вопросы обеспечения и укрепления международного мира и безопасности, а также разоружения и устранения угрозы атомной войны. По первому вопросу СССР выдвинул на сессиях предложение о заключении пакта мира между постоянными членами Совета Безопасности ООН — СССР, США, Англией, Францией и Китаем.

Но тогда достичь соглашения не удалось. Западные державы выступали против любой договоренности с советской стороной по проблемам международной безопасности. По мнению руководящих кругов США, это могло привести к ослаблению солидарности западного блока перед лицом "советской угрозы". США настаивали на увеличении военных расходов Запада, а соглашение с СССР могло бы нанести ущерб американским планам.

По проблеме разоружения советская сторона выдвинула предложения о сокращении пятью державами вооружений и вооруженных сил на одну треть и о запрещении атомного оружия. Советская делегация вносила одни и те же предложения на ряде сессий Генеральной Ассамблеи. Я считал, что упорствовать в этом вопросе было нецелесообразно. Однако изменить что-либо было невозможно, ибо эти предложения исходили от Сталина, который считал их простыми и доступными для понимания среднего человека, и они, по его мнению, должны были положительно восприниматься широкими народными массами.

Указанные советские предложения ожидала та же участь, что и инициативы по проблеме безопасности. Западные державы были против соглашений с СССР и по этим вопросам. На росте вооружений и возможности применения атомного оружия строилась их военная стратегия и политика. Отказ от такой политики означал бы удар по их замыслам и отступление под натиском СССР. Когда советская сторона отвергла "план Баруха", предусматривавший монополизацию Соединенными Штатами атомного оружия, то автор этого плана стал настаивать на развязывании западными державами, и прежде всего американцами, превентивной войны против нашей страны.

В начале IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1949 г. произошло важное событие. 25 сентября ТАСС сообщило, что в СССР произведен ядерный взрыв. Это явилось шоком для многих участников Ассамблеи. В США были уверены, что их монополия на атомное оружие продлится много лет. Руководитель атомного проекта "Манхэттен" генерал Л. Гровс заявлял, что СССР не сможет изготовить атомную бомбу ранее, чем через 20 лет. Однако всего через четыре года после создания в США такого оружия советская сторона провела его испытание.

Когда в тот день я вышел с заседания комитета, то заметил необычное оживление в кулуарах. Группа журналистов попросила меня прокомментировать сообщение ТАСС. Я не смог ничего сказать, кроме того, что с атомной монополией США покончено. Неудовлетворенные корреспонденты кинулись к Вышинскому. Он не нашел ничего лучшего, как заявить, что СССР намерен широко использовать атомную энергию в целях использования воды сибирских рек для орошения земель Средней Азии.

Но вернемся к делам Генеральной Ассамблеи. Возникает вопрос — были ли реальными расчеты советской стороны на успех, когда советские представители вносили предложения об укреплении международной безопасности, о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия? Оснований для таких расчетов не было. Предложения СССР, как, впрочем, и западной стороны, выдвигались лишь для завоевания общественного мнения. Наши предложения фактически доходили лишь до советских людей, ибо длинные, многословные речи Вышинского широко публиковались только в наших центральных газетах. В моем присутствии пожилая ивановская ткачиха — участница первого Совета рабочих депутатов, хлопывая Вышинского по плечу, сказала: "Милай, ты столько наговариваешь — читать не успеваем".

На сессиях Генеральной Ассамблеи тех лет рассматривались и региональные вопросы — греческий, индонезийский, корейский, палестинский. Рассмотрение греческого вопроса было связано с развернувшейся в Греции гражданской войной из-за посылки туда вооруженных сил США и Англии в целях создания там послушного им режима. Греческие демократические силы пытались удалить из страны англо-американские войска. Демократы Греции поддерживали соседние Болгария, Югославия и Албания.

Вышинский произносил длинные разоблачительные речи по греческому вопросу. А западные державы сумели настоять на создании балканской комиссии для наблюдения за развитием событий в Греции. Советская сторона игнорировала работу этой комиссии. В конечном итоге США и Англия добились установления в Греции устраивавшего их монархического режима.

Индонезийский вопрос было поручено вести делегации Украины, возглавлявшейся Д.З. Мануильским. Представители СССР также активно участвовали в рассмотрении данного вопроса. По предложению западных стран был создан Комитет "добрых услуг", предложивший установить перемирие в Индонезии с сохранением за Нидерландами значительной части этой страны. Советский же Союз и дружественные ему страны настаивали на выводе из Индонезии всех войск колонизаторов и на провозглашении ее независимости.

Однако вопрос об Индонезии решался не в ООН, а на полях сражений индонезийских повстанцев с британскими и нидерландскими воинскими частями. Он закончился поражением последних и провозглашением в 1949 г. независимости Индонезии, которая в следующем — 1950 г. была принята в члены ООН.

Вопрос о Корее не был должным образом урегулирован после второй мировой войны. В результате возникла острая борьба между США и СССР за господствующее влияние в этой стране. США выдвинули этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН и предложили создать комиссию для наблюдения за событиями в Корее. СССР игнорировал эту комиссию, как и балканскую. Корейский вопрос продолжал обостряться и привел к возникновению войны между двумя частями Кореи — северной и южной. Вопрос этот был урегулирован лишь после смерти Сталина путем образования двух самостоятельных государств — КНДР и Южной Кореи.

Постановка в ООН палестинского вопроса была вызвана войной между арабами и израильтянами за владение Палестиной и отказом последних подчиниться решению Генеральной Ассамблеи 1948 г. о создании там наряду с Израилем также и арабского государства. Советская сторона выступала за создание в Палестине

двух государств — израильского и арабского. Но в результате войны арабская часть оказалась разделенной между Иорданией и образовавшимся Государством Израиль. Позиция СССР в данном вопросе оказалась нежизненной. Палестинский вопрос создал в дальнейшем крупные международные осложнения, не получившие своего решения и в наши дни.

Словесные баталии вокруг греческого, индонезийского, корейского и палестинского вопросов не привели к выработке в органах ООН совместной позиции по этим проблемам между западными и восточными странами. Более того, они существенно обострили международную обстановку, ухудшили отношения между государствами Запада и Востока и усилили недоверие между ними. В конечном итоге такие баталии повлекли за собой увеличение обеими сторонами военных бюджетов. Ни о каком сокращении вооружений и запрещении атомного оружия не могло быть и речи. Предложения об этом были лишь иллюзией.

Американские и британские делегаты несли свою долю ответственности за разжигание в рамках ООН "холодной войны". Используя общую политическую дискуссию, а также греческий, индонезийский и другие вопросы, они обрушились с нападками на делегатов СССР и других социалистических государств за якобы разрушение руководством нашей страны системы международной безопасности. Они выискивали поводы, чтобы переложить всю вину за эскалацию "холодной войны" только на СССР. Делегации западных держав опирались в своих нападениях на послушное им большинство делегатов ассамблеи. Советских же делегатов постоянно поддерживали лишь представители Польши, Югославии и Чехословакии.

На сессиях Генеральной Ассамблеи в эти годы рассматривалось множество других вопросов, имевших определенное значение для положения дел в ООН и в мире. Среди них процесс деколонизации, создание межсессионного комитета ООН и другие. В ряде случаев мы без необходимости вели ожесточенную полемику против рассмотрения некоторых из них, таких, например, как учреждение межсессионного комитета ООН. Было ясно, что указанный комитет не мог принимать каких-либо решений. Он был в состоянии лишь давать рекомендации Генеральной Ассамблее, не имеющие обязательного характера. Ломать копья для того, чтобы предотвратить обсуждение данного вопроса, не имело смысла. Выступление советской стороны по этому поводу лишь углубляли противоречия между Западом и Востоком в рамках ООН.

В начале 1950 г. СССР прекратил участие в работе ООН из-за препятствий, чинимых США и их партнерами на пути признания полномочий КНР в ООН. Представители США использовали эту акцию СССР для принятия решением Советом Безопасности о вмешательстве в корейскую войну. Опасаясь дальнейших неблагоприятных действий ООН, связанных с делами в Корее, СССР возобновил осенью того же года участие в Организации Объединенных Наций. Решения об уходе из ООН и возвращении в нее были приняты по прямому указанию Сталина. Уход из ООН нанес большой политический ущерб СССР. Хорошо, что это было быстро понято.

Ни по одному политическому вопросу, рассматривавшемуся в те годы на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, не было достигнуто согласия между странами Запада и Востока. Даже по вопросу о приеме в ООН новых членов не было договоренности между делегатами, принадлежавшими к противоположным лагерям. В начальные годы своего существования (1947–1953 гг.) Организация Объединенных Наций преимущественно состояла из государств, граждане которых принадлежали к белой расе. В те годы в ООН были приняты лишь девять государств: два европейских (Швеция и Исландия) и семь азиатских (Афганистан, Таиланд, Пакистан, Йемен, Бирма, Израиль и Индонезия). Большинство же стран, подавших заявление о приеме, не участвовало в работе ООН. Фактически прием новых членов в сложные годы "холодной войны" был "заморожен". Западные державы противодействовали удовлетворению заявлений социалистических стран. В ка-

честве ответственной меры СССР отклонял рекомендации Совета Безопасности для принятия в ООН государств, находившихся в западной политической орбите. Вопрос этот был урегулирован лишь в 1955 г., когда на X сессии в Организацию Объединенных Наций было одновременно принято 16 государств². В тот памятный день, 14 декабря, советская делегация, в которую довелось войти и мне, вернувшись ночью с заседания ассамблеи, устроила ужин, в ходе которого было произнесено много теплых радостных тостов.

Но это относится к последующим годам. События же, являвшиеся предметом жестоких словесных баталий в ООН в годы "холодной войны", определялись не на форумах ООН, а на полях сражений, либо руководством государств, когда речь шла о развертывании военных и других программ. Острые стычки между делегатами на ассамблеях и в те годы казались мне ненужными, неэффективными и вредными. Столкновения западных и советских делегатов на форумах ООН лишь углубляли разрыв между Западом и Востоком и способствовали раздуванию "холодной войны". При этом утрачивались связи и взаимопонимание сторон, смотревших друг на друга как на врагов, между которыми возможна лишь жесткая и бескомпромиссная борьба. Сомнение в этом в те годы было бы ересью со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями.

В годы сталинской "эпохи" руководство МИДа не проявляло склонности к реальному ослаблению напряженности во взаимоотношениях с западным миром. Оно было далеко от тех усилий, которые предпринимаются в наши дни для поисков путей к совместному существованию государств с различным общественным строем.

ФИНАНСЫ И КАДРЫ ООН

На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН большое внимание уделялось организационным, финансовым и кадровым вопросам. Содержание ООН в США стоило больших денег. Ее размещение в США было серьезной ошибкой советской дипломатии, точнее самого Сталина, от которого исходила директива добиваться решения о выборе США местом штаб-квартиры ООН. Вопрос этот решался на Подготовительной комиссии ООН в 1945 г. Большинство представителей склонялось в пользу Женевы, где уже накануне войны был воздвигнут Дворец Наций. Но, поскольку было указание Москвы, мы уговаривали многих делегатов согласиться на размещение ООН в США. К колебавшемуся уругвайцу советский представитель даже ездил на квартиру и убедил его присоединить свой голос к этому предложению. Таким образом выбор резиденции организации во многом зависел от советской стороны, которая, как мне представлялось, использовала свои полномочия вопреки интересам дела.

Расходы ООН в США были непомерно высоки. Когда составлялся первый бюджет на 1946 г., он был определен в сумме 28 млн. долл. Я высказал тогда возражение против столь высокой суммы расходов. Меня заверили, что первоначальные большие бюджетные затраты вызваны организационным периодом ООН. В действительности же все последующие бюджеты превышали предыдущие. Уверения относительно организационного периода ООН оказались фикцией. Размеры бюджетов периода "холодной войны" выглядели так (в млн. долл.):

1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
28,6	39,3	43,2	44,5	48,9	50,5

По причине больших и неоправданных расходов советская делегация была вынуждена при утверждении бюджетов ООН выступать и голосовать против их

² Албания, Австрия, Болгария, Камбоджа, Финляндия, Венгрия, Ирландия, Италия, Иордания, Лаос, Ливия, Непал, Португалия, Румыния, Испания, Цейлон (Шри Ланка).

принятия. Но бюджеты принимались "механическим большинством" делегаций. Расходы производились не взирая на возражения советской стороны.

Такова была ситуация с финансами ООН. Исходя из положений Устава Организации, мы были бессильны что-либо сделать для улучшения ее финансового положения и воспрепятствовать подчас ненужному расходованию средств, получаемых от членов ООН. Еще на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско я обратил внимание А.А. Громько на отсутствие защиты СССР от необоснованного роста расходов Организации. Ему, однако, в то время показалось, что данный вопрос не имеет существенного значения. Но уже в 80-е годы бюджет ООН вырос до суммы в 800 млн. долл., при этом доля советских республик превысила 100 млн.

Большим и сложным вопросом было сооружение штаб-квартиры организации. При мне Нельсон Рокфеллер презентовал генеральному секретарю ООН Трюгве Ли чек на сумму 6 млн. долл. для покрытия расходов на приобретение участка земли в Нью-Йорке на берегу Ист-Ривер, между 42 и 48 улицами Манхэттена. Когда я впервые в 1947 г. увидел этот участок, то был весьма разочарован. Он представлял собой жалкое зрелище — захлапленные склады металлолома, окруженные закопченными грязными заводскими трубами. Впоследствии, однако, участок был аккуратно возделан. На нем, помимо сооружения зданий организации, был разбит прекрасный сад-сквер. Там был воздвигнут дар СССР — статуя скульптора Е.В. Вучетича "Перекуем мечи на орала". Эта статуя и до сих пор украшает сад штаб-квартиры ООН. Соседствующие с участком промышленные трубы были выкрашены белой краской с красными полосами. Вокруг были построены дома для размещения представительств при ООН. Стоимость окружавших резиденцию ООН участков возросла, по утверждениям сведущих лиц, на 30 млн. долл.

Для сооружения штаб-квартиры США предоставили Организации Объединенных Наций заем в 65 млн. долл. Но этот заем должен быть выплачен членами ООН. Доля СССР составила 15%. Советской стороне сооружение штаб-квартиры ООН в США стоило 10 млн. долл. В Женеве же Дворец Наций, оплаченный и СССР, первые послевоенные годы пустовал.

В ходе II сессии Генеральной Ассамблеи наша делегация получила приглашение осмотреть макеты намечавшихся к сооружению зданий штаб-квартиры ООН. Главный архитектор Харрион давал пояснения. Но что мы, некомпетентные в строительном деле люди, могли сказать по поводу намеченных планов сооружения штаб-квартиры ООН?

После завершения строительства все сессии Генеральной Ассамблеи ООН, начиная с VII, проходили в новых зданиях.

До сих пор не могут примириться с выбором места для штаб-квартиры ООН. Манхэттен — наиболее населенный район Нью-Йорка, загазованный и задымленный, удаленный от Европейского континента и нашей страны, был избран в качестве резиденции всемирного сообщества наций. Более неподходящее место для этого трудно было найти.

Кадры в ООН подбирались прозападной, вернее проамериканской, ориентации. Этому в значительной мере способствовало размещение штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. Постаревшие чиновники Лиги Наций, набившие руку на делах, связанных с практическим решением международных проблем, также приобрели заметное положение в ООН. СССР, истощенный репрессиями, а также мировой войной, был не в состоянии занять достойное место в Секретариате ООН. В начальный период ее деятельности у нас не было необходимых людей, владеющих в нужной степени иностранными языками, знающих практику ведения международных дел, а также международное право. Мы постоянно укоряли генерального секретаря ООН за то, что он не дает возможности заполнить нашу квоту в Секретариате, но вместе с тем мы не могли выдвинуть для этой цели соответствующих кандидатов. В складывающейся системе международной службы советская

сторона не сумела занять того положения, которого она была достойна. Постоянных, т.е. пожизненных, контрактов советские сотрудники не имели. Это также отражалось на их положении в Секретариате. Со временем положение здесь изменилось, но насколько радикально, сказать трудно.

В 1952—1953 гг. в кадровом вопросе в ООН произошел "кризис", стоивший поста генеральному секретарю ООН Трюгве Ли: среди американских служащих Секретариата началась "чистка". Она осуществлялась по инициативе пресловутого сенатора Дж. Маккарти на предмет выявления "антиамериканской" деятельности. Трюгве Ли допустил в штаб-квартиру ООН агентов ФБР, проводивших дознания американских сотрудников. В результате ряд служащих, даже с постоянными контрактами, был уволен. Это вызвало всеобщее негодование и осуждение. Ли вынужден был подать в отставку. Он обратился к Вышинскому с просьбой поддержать предложение об увеличении его пенсии вдвое. Последний дал мне указание о поддержке этой просьбы, которая и была удовлетворена.

Но в общем наша делегация заняла отрицательную позицию в отношении Ли, бывшего в прошлом членом социалистической молодежной организации Норвегии. Она потребовала его отставки. Ли подпал под влияние руководства США, безраздельно командовавшего в штаб-квартире ООН.

* * *

Таково было положение дел в ООН в годы расширения "холодной войны". Я скептически относился ко многим акциям Советского Союза в ООН. Однажды, получив сообщение о казни болгарского деятеля Петкова, Вышинский в моем присутствии, говоря обо мне, бросил реплику о том, что я не сочувствую проводимому курсу по отношению к "чуждым" людям. Я смолчал. Сделал вид, что не понимаю сказанной им в мой адрес фразы. Если бы вступил с ним в полемику, то результат трудно было бы предсказать.

Мое участие в делегациях на сессиях Генеральной Ассамблеи при сталинском режиме прервалось при следующих обстоятельствах. В августе 1952 г. я был назначен старшим политическим советником представительства СССР при ООН. Но через полгода по указанию Сталина отозван Вышинским под вымышленным предлогом подготовки к VII продолженной сессии Генеральной Ассамблеи. У меня не было сомнений, что этот отзыв с поста в Нью-Йорке был окончательным. В конце февраля 1953 г. я был в Москве. Через пару дней обычные радиопередачи прекратились: передавали серьезную минорную музыку — у Сталина случился инсульт и через несколько дней он скончался.

Завершился тяжелый этап в жизни Советского государства. Сталин оставил нам тяжелое наследство, в том числе и в международных делах. Взаимоотношения с западными государствами были серьезно обострены. Это объединило их в военный блок НАТО, противостоявший СССР. Военные бюджеты этих стран приблизились к уровню, сходному с состоянием войны. "Холодная война" в последующие годы в той или иной форме продолжалась. Однако ее острота все же спала. В годы правления Н.С. Хрущева взаимоотношения с внешним миром значительно изменились. Той скованности, которая имела место во время господства культа Сталина, уже не было. В последующем — в 70-е годы наметилась даже международная разрядка, которая, однако, имела временный характер. Афганская авантюра перечеркнула все усилия добиться прекращения "холодной войны".

С возникновением нового политического мышления положение дел в мире существенно меняется. Нынешнее направление во внешней политике СССР, призванное ликвидировать последствия "холодной войны", является неоспоримым. Оно прокладывает путь к лучшей и безопасной жизни народов нашей страны и всего мира.

“КРУГЛЫЙ СТОЛ” В МИД СССР

По инициативе Совета ветеранов войны и труда при МИД СССР и редакции журнала “Новая и новейшая история” был организован “круглый стол”, посвященный теме “Советская дипломатия и вопросы послевоенного миростановления. В обсуждении приняли участие: чрезвычайные и полномочные послы М.Н. Петров, В.И. Ерофеев, В.В. Снегирев, А.А. Рошин, А.М. Ледовский, С.А. Слипченко, А.И. Зинчук, чрезвычайные и полномочные посланники А.А. Ханов, А.Н. Мамин, Н.В. Капъшин, М.П. Попов, советники первого класса Р.В. Борисов, Н.П. Кочин, Д.С. Чальян, В.И. Трифонов, д.ю.н., проф. Л.А. Моджорян.

Открывая “круглый стол”, главный редактор журнала “Новая и новейшая история” академик *Г.Н. Севостьянов* подчеркнул необходимость изучения проблем “холодной войны”, так как этот период истории пока мало исследован в научном плане. Поэтому воспоминания реальных участников описываемых событий могут быть ценным историческим источником.

Говоря об истории возникновения “холодной войны”, *М.Н. Петров* отметил, что, поскольку это явление чисто идеологического свойства, хотя в официальном языке оно появилось в 50-е годы, все же можно утверждать, что состояние “холодной войны” зародилось сразу же после Великого Октября, причем сперва в стане противников социалистической революции в России, а затем перешло в политический арсенал Советской власти. Таким образом, “холодная война” отравляла в основном общественную атмосферу многих стран – соответственно антикоммунизмом и антиимпериализмом, а через нее – климат международных отношений в целом.

В.И. Ерофеев добавил, что в период второй мировой войны в рамках антигитлеровской коалиции уже были зерна “холодной войны”. Другое дело, что они в то время не проросли, война против общего врага требовала согласия, компромиссов. Антигитлеровская коалиция сформировалась лишь тогда, когда Гитлер напал на СССР. Напротив, довоенный опыт отношений СССР с западными державами был скорее отрицательным, а все бывшие противоречия не исчезли, остались, хотя до поры до времени и не проявлялись. Антигитлеровская коалиция стала возможной только потому, что возникла смертельная угроза для стран – участниц антигитлеровской борьбы и четко выявился общий враг, против которого они и объединились. А после окончания войны расхождения относительно будущей судьбы Германии выплеснулись наружу и стали одним из основных факторов, питавших вышедшую на поверхность “холодную войну”.

Второй узел противоречий – это вопросы государственного устройства в освобожденных странах. Ни США, ни Англия не хотели допускать, чтобы в Чехословакии, Польше и других соседних с СССР странах создавались дружественные Советскому Союзу режимы. Третий узел противоречий касался международной организации. Сталин склонялся к созданию региональной организации. Ему казалось, что в региональной организации СССР может сыграть большую роль в Европе. Но потом он принял предложение Ф.Д. Рузвельта о создании ООН.

По мнению *В.В. Снегирева*, как только обозначился переход к новому положению в Европе, а именно все большее и большее доминирование СССР и ослабление Германии, так стали проявляться первые признаки того, что впоследствии назвали “холодной войной”. Говоря о годах второй мировой войны, следует подчеркнуть, что и во взаимоотношениях союзников далеко не все было гладко. Первые разногласия возникли не между западными союзниками и СССР, а имен-

но между Англией и США. Подчас эти разногласия были глубже, чем между западными союзниками и СССР. Особенно это проявилось во второй половине войны. Однако в дальнейшем начали примешиваться чисто идеологические, классовые разногласия. Особенно обострились разногласия между СССР и западными державами. Поэтому началом "холодной войны" надо считать не речь У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. и не взрывы атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки: она началась тогда, когда стали актуальными вопросы послевоенного устройства. Но это еще не была "холодная война" в том виде, в каком мы ее знаем. Необходимость решения вопросов завершения военных действий по разгрому Германии, а особенно Японии, побуждала западных союзников, в первую очередь США, ставить в основу взаимоотношений с СССР принципы сотрудничества, а не конфронтации и противоборства, что стало доминирующим впоследствии.

Л.А. Моджорян, говоря о начале "холодной войны", обратила внимание на то, что еще в июле 1940 г. в США была опубликована "Инструкция о военном управлении", в которой излагались полицейские меры, правила организации управления на оккупированных США территориях и приводились даже типовые образцы прокламаций к местному населению. В июле 1941 г. в США развернулась напряженная деятельность по подготовке кадров для будущих оккупационных управлений. Одновременно были созданы специальные факультеты в ряде американских университетов (Бостоне, Чикаго, Гарварде, Мичигане, Питтсбурге, Висконсине и др.). Большинство слушателей этих учебных заведений изучали языки не Германии и союзных с нею стран, а народов СССР и стран Восточной Европы. Этот малоизвестный факт может вызвать интерес у историков.

А.А. Роцин подчеркнул, что ответственность за возникновение и развитие "холодной войны" падает как на западные страны, так и на советскую сторону. В этой связи он упомянул о некоторых эпизодах деятельности В.М. Молотова и А.Я. Вышинского, ответственных за эскалацию "холодной войны" в наиболее сложный ее период¹.

В условиях, которые сложились во время сталинской системы политического и дипломатического негативизма, был создан фактор неизбежности "холодной войны". В те годы руководство МИДа не стремилось к ослаблению напряженности во взаимоотношениях с западным миром, к рассеиванию туч "холодной войны", не искало путей к совместному сосуществованию социалистических и капиталистических государств. При новом понимании международной обстановки видно, что "холодной войны" могло бы и не быть.

Р.В. Борисов, касаясь отношения правящих кругов США к перестройке в СССР, отметил, что оно носит сложный, неоднозначный, многоплановый характер. С одной стороны, налицо поддержка правительством США этих процессов, вызванная в значительной степени соображениями собственной безопасности. С другой — нет фундаментального отказа Вашингтона от всех постулатов и доктрин "холодной войны". Поэтому многое зависит от гибкости политики СССР, от успешного решения политических, экономических, национальных проблем в СССР, от успехов в развитии научно-технической революции, от дальнейшей демократизации советского общества.

В этой связи *А.А. Ханов* заметил, что если ученые Советского Союза достаточно эффективно поработают в области теории, то, учитывая неисчерпаемые материальные и интеллектуальные ресурсы страны, у СССР есть все основания вернуть себе авторитет государства, которое стоит во главе прогресса.

В выступлении *А.М. Ледовского* основной акцент был сделан на азиатском театре "холодной войны", где главным очагом напряженности был Китай. События, развернувшиеся внутри этой страны после капитуляции Японии, привели

¹ Подробнее см. публикуемые в этой рубрике воспоминания А.А. Роцина.

к кровопролитной гражданской войне. Эта война закончилась поражением гоминьдана, свержением правительства Чан Кайши, приходом к власти правительства КПК во главе с Мао Цзедунем, образованием Китайской Народной Республики. Гражданская война стоила китайскому народу миллионов человеческих жизней и колоссальных разрушений, потерь и других бедствий в дополнение к тем неисчислимым жертвам, которые понес Китай в 14-летней войне против японской агрессии. Внутренняя борьба в Китае и вокруг Китая до предела обострила отношения между СССР и США, всю ситуацию на Дальнем Востоке и уже тогда подвела мир к грани термоядерной катастрофы. В СССР всю вину за это было принято возлагать на США. Они осуждались за вмешательство во внутренние дела Китая, за помощь гоминьдану, за развязывание гражданской войны, за враждебную политику, проводившуюся ими в отношении КНР, и за многое другое. Несомненно, правящие круги США причинили немало вреда китайскому народу, вмешиваясь во внутренние дела суверенного государства, а также другими действиями.

Однако в свете гласности и переосмысления истории следует признать, что, во-первых, наряду со справедливой критикой в адрес США в советских публикациях американцам приписывалось немало лишнего. И, во-вторых, политика советского руководства и его практические акции в отношении Китая не во всем и не всегда были безупречны. В частности, обвиняя США во вмешательстве во внутренние дела Китая и требуя прекращения этого вмешательства, советское руководство само нередко прибегало к подобного рода действиям: особенно это проявилось в Маньчжурии после освобождения ее от японцев².

С.А. Слипченко остановился на способности стран "третьего мира" воспринять новое политическое мышление и его реализацию в международных делах.

Сегодня Советскому Союзу стало гораздо сложнее строить свои отношения с развивающимися странами, в частности с африканскими государствами. Мы не можем, да и раньше не могли, воздействовать на африканские страны своими экономическими результатами. Главный упор делался на идеологизацию отношений. И это было ошибкой. Как можно было стать другом СССР? В застойные времена достаточно было периодически клясться в верности марксизму-ленинизму, провозглашать СССР первым и бескорыстным борцом против империализма, как это делал, например, Иди Амин, регулярно посылавший верноподданнические послания Л.И. Брежневу. Это открывало перед угандийским диктатором сейфы Госбанка СССР и возможность получения щедрой военной помощи.

При выработке новой политики по отношению к странам Африканского континента необходим дифференцированный подход. Ведь в силу различия экономических, социальных, культурных и традиционных политических связей восприятие этими странами международных проблем и степени их приоритетности не могут быть однозначными при принятии решений.

А.Н. Мамин, анализируя советско-японские отношения, отметил, что в отношениях с Японией со стороны советского руководства был также допущен ряд ошибок. Так, СССР не подписал мирный договор с Японией в 1951 г., поскольку советские руководители ошибочно считали, что мирная конференция в Сан-Франциско будет сорвана, так как в ней не будут участвовать такие страны, как Индонезия, Бирма, Таиланд и др. Действительно, многие азиатские страны не приняли участия в конференции, но потом, когда Япония согласилась удовлетворить их требования о репарациях, они подписали мирный договор, а СССР не изменил своего решения, и сейчас это стало основным вопросом советско-японских отношений. В настоящее время эти отношения продолжают оставаться сложными, их улучшение идет медленно. Все это является результатом ошибочных оценок

² Более подробно об этом см. *Ледовский А.М.* СССР и Китай в 1937–1949 гг. – Новая и новейшая история, 1990, № 5.

прежним руководством СССР положения в Японии, потенциала этой страны, ее роли и влияния в Азии.

Н.П. Кочин рассказал о проявлениях "холодной войны" в международных организациях, особенно Организации Объединенных Наций. Со времени создания ООН "холодная война" была перенесена и туда. В 1950 г. началась война в Корее. Военные успехи Северной Кореи были таковы, что оставалось всего два города, после падения которых вся Южная Корея была бы воссоединена с Северной и была бы единая Корея. Но с заседания Совета Безопасности ООН, когда решался вопрос о посылке войск ООН, представитель СССР Я.А. Малик ушел, хлопнув дверью, и в результате была принята резолюция ООН о посылке войск ООН в Южную Корею. Костяк этих сил составляли американские войска, хотя официально в составе войск числились части и соединения 16 стран. Таким образом, если бы Я.А. Малик не ушел, делегацией СССР было бы наложено вето на это решение, и тогда американцам и их союзникам было бы трудно добиться соответствующей резолюции.

Полемизируя с Н.П. Кочиним, *А.М. Ледовский* подчеркнул, что за события в Корее главную ответственность несут США, хотя есть доля ответственности и советской стороны. Но не в том, что Сталин, советское руководство подталкивали руководителей Северной Кореи к войне. То, что инициатива в вопросе развязывания корейской войны исходила от Сталина, — это лишь гипотеза. Документально она не подтверждена.

Но подталкивать руководителей Северной Кореи вряд ли требовалось. Скорее, их надо было удерживать. В любом случае не следовало допускать перехода войсками КНДР 38-й параллели и продвижения их на юг, что советское руководство вполне могло сделать. Но оно не приняло таких мер, в частности не удовлетворило требование США отвести войска КНДР с территории юга Кореи к исходным позициям. С советской стороны было заявлено, что события в Корее — это гражданская война и что никто не должен в нее вмешиваться извне. В действительности эта война не была гражданской. Таким образом, была проявлена политическая близорукость. Нельзя было серьезно рассчитывать на то, что США могут примириться с захватом войсками КНДР Южной Кореи. В Москве забили тревогу лишь после того, как произошла высадка в Корее крупных американских сил и под их ударами войска КНДР начали быстро откатываться на Север.

Тогда советское руководство стало призывать к прекращению огня в Корее. Но только после вступления в эту страну крупных сил китайских добровольцев положение было выправлено, что заставило США пойти на прекращение огня. На это ушло три года. Было потеряно много тысяч человеческих жизней, понесены крупные материальные и другие потери. И определенная доля вина за это, несомненно, лежит на тогдашнем советском руководстве.

Н.В. Капышин основной акцент в своем выступлении сделал на советско-иранских отношениях. Иранцы выступают за то, чтобы не снимать с повестки дня идеологическую борьбу против империализма, так и коммунизма, но они против того, чтобы вести борьбу межгосударственную. И в беседах с советскими дипломатами заявляют, что антисоветизм будет все больше свертываться и что в этом плане они против "холодной войны" и ее любых проявлений в советско-иранских отношениях.

Одним из таких проявлений "холодной войны" у советской стороны они считают ошибочные, на их взгляд, оценки иранской революции 1979 г. и исламского режима в Иране. И высказывают мысль о том, что между теми нравственными нормами, по которым живем мы, и теми, что утверждает исламский режим в Иране, есть много общего. Действительно, мы до последнего времени отвергали все, что устанавливал в Иране новый режим, и даже не пытались искать точек соприкосновения. Сейчас, к счастью, положение начинает меняться.

М.П. Попов остановился на проблеме "холодной войны" и Ближнего Востока.

В условиях и "холодной войны", и межимпериалистических противоречий СССР внес большой вклад в освобождение арабских стран. В значительной степени в результате усилий советской дипломатии изменился облик Арабского Востока. Успехи советской дипломатии стали более убедительными после революции в Египте, которая вызвала развитие прогрессивного, демократического, антиимпериалистического движения в этом районе. СССР активно поддержал это движение. Нашими друзьями были абсолютное большинство арабских стран. Но военный разгром Египта, Сирии и Иордании в июне 1967 г. подорвал эти достижения СССР, который многое потерял на Ближнем Востоке не только в политической области, но и в материальной.

В настоящее время серьезную проблему в отношениях с арабскими странами представляет эмиграция советских евреев в Израиль. Многих из них расселяют на оккупированных арабских территориях, а это в определенной степени затрудняет поиски ближневосточного урегулирования.

Д.С. Чальян коснулся вопросов теории международных отношений. Он затронул вопрос о властвующих элитах ведущих стран Запада и о расстановке сил внутри этих элит. Долгое время в Советском Союзе процесс формирования политических решений в этих странах сводился к понятию "лобби". Однако, оперируя только этим понятием, нельзя дать научный анализ и разработать какую-нибудь теорию, которой можно было бы руководствоваться в проведении внешней политики. Стереотип о военно-промышленном комплексе (ВПК) США заслуживает особого рассмотрения. Впервые этот термин прозвучал 17 января 1961 г. в речи, произнесенной президентом США Д. Эйзенхауэром за три дня до завершения им своих официальных полномочий. По прошествии 15 лет, со второй половины 70-х годов, без всякого на то основания он был заново переосмыслен и превращен нашими теоретиками и практиками в ведущий стереотип, якобы объясняющий сложнейшие процессы, происходящие в странах Запада.

Но ВПК не является, да и не может стать решающей силой в политической жизни США. Военное производство в США в последние годы не превышает 5—6% от валового национального продукта; там насчитывается восемь промышленных корпораций, доля военной продукции которых в общей стоимости произведенной продукции колеблется от 30 до 75%. У таких крупнейших компаний, как "Дженерал моторз корпорейшн" и "Интернэшнел бизнесс мэшин корпорейшн", оно колеблется от 0,5 до 2,0%. В суммарном объеме производства 33 крупнейших подрядчиков Пентагона, на которых приходится более половины всех первичных военных заказов, доля этих заказов не превышает 9%, все остальное — гражданская продукция. Вот почему необходим новый подход к изучению политических сил, влияющих на принятие решений в высших эшелонах власти стран Запада. Это тем более необходимо для правильного научного понимания событий, порожденных таким историческим явлением, как "холодная война".

А.И. Зинчук, характеризуя нынешний внешнеполитический курс СССР, отметил, что он выбран правильно, другого пути у нас нет. Разрядка нужна, но прогресс, успех будет только там, где совпадают интересы СССР и других стран.

В.И. Трифонов затронул вопрос о перспективах мирового развития. Он подчеркнул, что все политические силы, если они хотят действовать на основе подлинных реалий, должны руководствоваться пониманием того, что решение классовых интересов может быть достигнуто лишь с учетом общечеловеческих интересов, так как сегодня непременным условием выживания и прогресса человечества является учет интересов усложнившихся социальных структур и осознание того факта, что сила и угроза силы не могут быть средствами ведения реальной политики.

Г.Н. Севостьянов, подводя итоги "круглого стола", отметил, что сегодня необходимо установить правду о "холодной войне". Над этой проблемой следовало бы подумать и в теоретическом, и в научном планах, ибо публицистика, к сожа-

лению, иногда несколько односторонне освещает события истории международных отношений, дает нередко предвзятую интерпретацию внешней политики СССР. При освещении "холодной войны" в международных отношениях американские историки акцентируют внимание на возможностях альтернативности их развития, об упущенных в этой связи возможностях. Поэтому, по-видимому, было бы разумнее поставить вопрос именно в такой плоскости. Есть основание полагать, что советское руководство использовало не все возможности для того, чтобы не быть втянутым в "холодную войну". В ответ на действия США СССР вынужден был прибегать к тем или иным акциям. Здесь нужен всесторонний научный анализ каждого события. Возьмем, к примеру, Берлинский кризис. Советская сторона не все сделала для того, чтобы его избежать. Но когда исследователи говорят об этом кризисе, выделяют только ошибки СССР, — то это односторонний подход. Было бы более правильно объективно изучить историю его возникновения, действия государств, в том числе и СССР, а также проанализировать результаты этих действий.

Председательствующий высказал мысль о желательности публикации документов, освещающих историю "холодной войны", ибо документальная история является наиболее правдивой. Этим следовало бы заняться многим государствам.

Говоря о сроках возникновения "холодной войны", он отметил, что в этом вопросе важно придерживаться историзма. Известно, что экономическая, политическая, дипломатическая, идеологическая борьба шла между государствами и до второй мировой войны, и во время нее, и после ее окончания. Однако после мировой драмы конфронтация между США и СССР в отдельные периоды достигала исключительной напряженности, иногда она была на грани "горячей войны". Надо также учитывать, что каждое государство имеет национальные интересы, которые оно защищает и будет защищать всегда. В этом противостоянии были приливы и отливы. Вполне оправдано, что период "холодной войны" в литературе традиционно и справедливо относят ко времени после окончания второй мировой войны. Он сложен, противоречив и требует тщательного изучения. Одним из элементов такого изучения стала нынешняя встреча ветеранов советской дипломатической службы за "круглым столом".

Материал подготовил *И.М. Хлуденев*

© 1991 г.

В. Б. Р Я З А Н Ц Е В

ОБРЕЧЕННЫЙ НА ПОДВИГ:

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА КОМАНДУЮЩЕГО

ЮГО-ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ ГЕНЕРАЛА М.П. КИРПОНОСА

Среди множества вопросов, поставленных перед нами историей в последние годы, с особенной остротой звучат те, что касаются начального периода Великой Отечественной войны, хода военных действий на первом ее этапе. Почему таким трагичным стало для нас начало войны? Кто виновен в том, что первые же удары гитлеровцев оказались столь ошеломляющими? Неужели командующие войсками, штабы округов, Генеральный штаб, Народный комиссариат обороны, Совет обороны не чувствовали, что с запада неотвратимо надвигается военная угроза?

В минувшие 50 лет мы, к сожалению, не смогли дать исчерпывающе объективные ответы на эти и другие вопросы. Более того, многие факты и события освещали под соответствующим конъюнктурным моментом углом зрения. И тем самым порождали легенды, версии, слухи, свергали с пьедестала одних и ставили других.

Судьба Юго-Западного фронта (ЮЗФ) и его командующего Героя Советского Союза генерал-полковника М.П. Кирпоноса¹ в этом отношении особенно показательна. Каких только слухов, с ним связанных, не возникало в 1941 г. И что командующий, якобы сдав немцам четыре армии, сам перешел на сторону врага. И что Кирпонос, как и командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов, был расстрелян в Москве за утрату управления войсками, растерянность, некомпетентность. Да и спустя десятилетия фронтовики не всегда едины в оценках места и роли своего командующего, описании обстоятельств его гибели.

¹ Михаил Петрович Кирпонос родился в бедной крестьянской семье в селе Вертиевка Нежинского уезда Черниговской губернии 9 (21) января 1892 г. В 1915 г. призван на военную службу в 126-й запасной полк. В 1917 г. ротный фельдшер 285-го Ольгопольского пехотного полка Кирпонос на Румынском фронте. Избран председателем околоточного солдатского комитета, полкового комитета, товарищем председателя ревкома 5-й пехотной дивизии, в ноябре 1917 г. — председателем рады (совета) 26-го корпуса.

В мае 1918 г. вступил в РСДРП (б). В Нежинском уезде формировал повстанческие отряды для борьбы с оккупантами и гайдамаками, 22-й Советский Украинский полк (2-й Богунский полк 44-й стрелковой дивизии). Награжден Реввоенсоветом грамотой и именным оружием.

После гражданской войны М.П. Кирпонос был помощником начальника и комиссаром школы Червонных старшин. Окончив в 1927 г. Военную академию им. М.В. Фрунзе, до 1934 г. служил начальником штаба 51-й Перекопской дивизии, затем начальником Казанского пехотного училища им. Верховного совета Татарской АССР. В советско-финляндской войне командовал 70-й стрелковой дивизией, награжденной в марте 1940 г. орденом Ленина. Тогда же ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

С апреля по июнь 1940 г. командовал стрелковым корпусом, потом до февраля 1941 г. войсками Ленинградского военного округа.

В соответствии с оперативной директивой генерального штаба верховного командования сухопутных сил Германии от 31 января 1941 г., развивавшей и конкретизировавшей план "Барбаросса", группа армий "Юг" должна была, нанося главный удар левым крылом на Киев, уничтожить русские силы в Галиции и Западной части Украины и своевременно овладеть переправами через Днепр в районе Киева и ниже его по течению с целью обеспечения дальнейшего наступления восточнее реки Днепр. Через пять дней замысел операции был уточнен в штабе группы армий "А" в Сен-Жермене. Идея глубокого охвата основной группировки сил Киевского Особого и Одесского военных округов (КОВО и ОДВО) на западном берегу Днепра с севера, потом и с востока, уничтожения ее здесь же, на правобережье, обретала реальные контуры боевого замысла.

Стрелы, указывающие движение 6-й, 17-й армий, 1-й танковой группы, 8-го венгерского корпуса (всего 36 пехотных, танковых, моторизованных дивизий), на картах вермахта были нацелены на Тернополь, Киев. Самая длинная упиралась в Днепр у Запорожья и тянулась к Ростову-на-Дону. Стратеги вермахта рассчитывали быстро захватить юг Украины и европейской части России, а там и Кавказ — добраться до столь желанных запасов продовольствия, угля, железной руды, нефти, марганца и тем самым обеспечить военную экономику Германии необходимыми ресурсами.

В полосе КОВО за короткий промежуток времени сосредоточились 27 пехотных, 5 моторизованных, до 3 танковых, 3 горнострелковые дивизии, 9 кавалерийских, 3 зенитно-артиллерийских полка, прожекторный дивизион, более 600 самолетов².

С пятидневной поездкой вдоль границы в первой половине декабря 1940 г. здесь побывал главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич в сопровождении генерал-фельдмаршалов В. Листа, В. Рейхенау и других высших военных лиц. Сразу после их поездки начались работы по расширению железнодорожных путей, возводились мосты, появлялись новые склады боеприпасов, автобазы и базы горючего. В срочном порядке было построено около сотни аэродромов и пять посадочных площадок³.

В феврале 1941 г. в Киев прибыл новый командующий войсками КОВО генерал-лейтенант М.П. Кирпонос. Так получилось, что принимать дела ему было не у кого: его предшественник генерал армии Г.К. Жуков, назначенный начальником Генерального штаба, уже отбыл в Москву. Познакомившись со штабом, новый командующий сразу уехал в войска, которые в случае необходимости по плану прикрытия должны были первыми вступать в бой.

Вернулся он из поездки явно расстроенный. Особую тревогу вызывало затягивание работ по возведению оборонительных сооружений. По настоянию Кирпоноса 14 февраля 1941 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло решение о ежегодном выделении 19 тыс. рабочих и 600 подвод для оборонительного строительства. 3 апреля уже на союзном уровне рассматривался вопрос об укреплении границы. Совнарком СССР обязал Волынскую, Дрогобычскую и Львовскую области отправить на инженерные работы 6445 рабочих, 1133 подводы, 302 тыс. кубометров деловой древесины. Политбюро ЦК КП(б)У в апреле четырежды обсуждало состояние спецстроительства в западных областях Украины⁴.

Командующего беспокоило несоответствие планов реальному положению дел. В частности, планом прикрытия границы не предусматривалось создание единой

²Центральный государственный архив Советской Армии (далее — ЦГАСА), ф. 25874, оп. 2, 530, л. 390.

³Там же, л. 436.

⁴Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО), ф. 131, оп. 542204, л. 1, л. 14, 36, 56.

маневренной группировки для ответного удара в случае агрессии. По плану четыре общевойсковые армии должны были не допустить прорыва врага на нашу территорию. Если же это произойдет, уничтожить его силами своих вторых эшелонов. Главным силам округа вменялось в обязанность выбить агрессора за границу и вести боевые действия на его территории.

На бумаге все выглядело пристойно. Стрелы, указывающие направление удара Юго-Западного и Западного фронтов, нацеливались на Краков, отрезали Германию от Балкан. Предполагалось, что уже на пятый, максимум на десятый день наши войска выйдут к Висле. Сильная насыщенность войск (дивизия действует на фронте 10–13 км) вполне должна была обеспечить столь быстрые темпы продвижения.

Убеденность в том, что "Красная Армия всех сильнее", что ни пяди родной земли мы не отдадим врагу, что воевать будем на чужой территории, была определяющей в ходе подготовки и затем сказалась на исходе первых сражений войны. Так, во Львовском выступе КОВО были сосредоточены наиболее укомплектованные механизированные корпуса: около 2,5 тыс. танков, в том числе КВ, Т-34, 5-й кавалерийский корпус. Эти силы предназначались для проникающего контратакующего удара. О слабостях выступления с точки зрения обороны вслух не говорилось, как и о том, что значительная часть танкового парка устарела, что ощущался комплект вооружения и боевой техники. Никто даже не прикинул, во что может обернуться концентрация сил в случае массированных ударов по их скоплениям в такой близости от границы. И сильные стороны, как нам уже известно, стали слабостями...

В районе Львова была хорошо развита сеть грунтовых, шоссеиных и железных дорог. Значительная часть населения западных областей Украины выражала недовольство насильственной коллективизацией, мобилизацией молодежи в армию. Все это могло создать благоприятные обстоятельства для стремительного продвижения немецкой армии, а вместе с тем и для превращения "львовской дуги" из удобного плацдарма для организации контр наступления в западню для наших войск.

С учетом этих обстоятельств Кирпонос и предлагал выделить из состава армий прикрытия по одной стрелковой дивизии для создания ударной группировки, которую можно использовать и для контратакующих действий, и для закрытия возможных брешей.

Но после каждого выезда в части командующий все больше убеждался в иллюзорности многих намерений, рождавшихся в тиши штабных кабинетов. Жизнь диктовала свои условия. Дивизия первого эшелона прикрывала до 50 км по фронту. Войска размещались по-разному, в 8–40, а иные и в 100 км от границы, т.е. от намеченных рубежей развертывания. Главные силы и того хуже – в 250–400 км от границы.

А донесения разведчиков становились все тревожнее. Разведывательный отдел штаба КОВО в сводке за 10–20 мая сообщал, что в Венгрии нарушено расписание, сокращено движение поездов. И указывалась причина – массированное передвижение войск из глубины страны в сторону нашей границы⁵.

По просьбе командующего КОВО начальник управления пограничных войск УССР генерал-майор В.А. Хоменко теперь дважды в сутки лично представлял ему разведывательные сводки – по состоянию на 8 часов утра и 19 вечера. В обязанности начальников погранотрядов вменялось информировать таким же образом командующих армиями⁶.

Сведения о реальности нависшей над страной опасности все ширились.

Получив 19 июня распоряжение Генерального штаба о передислокации поле-

⁵ЦАМО, ф. 127 оп. 12915, д. 16, л. 232.

⁶ЦАМО, ф. 461, оп. 34568, д. 1, л. 282.

вого управления округа на командный пункт в районе Тернополя, командующий войсками КОВО понял, что события развернутся со дня на день.

Вечером 20 июня часть полевого управления округа отбыла к новому месту по железной дороге, а на следующий день в Тернополь двинулась и штабная автоколонна.

За этот день произошло столько разных событий, что в особом отделе не сразу решились докладывать командующему о сообщении из 5-й армии. В районе Сокаля Львовской области около 21 часа границу перешел обер-ефрейтор 75-й немецкой пехотной дивизии, который предупредил о том, что через несколько часов, в 4 часа утра 22 июня, Германия нападет на Советский Союз. Может, очередная провокация?

Но все-таки ближе к полуночи доложили.

Многое что мог представить командующий в те накаленные ожидания самого неожиданного минуты. Все шло к тому, что не сегодня завтра Гитлер мог переступить черту. А командующему на все его предложения и просьбы в Москве отвечали коротко и ясно: "Не поддавайтесь на провокации". Неужели же и этот, как ему объяснили, насмерть перепуганный обер-ефрейтор, — тоже провокатор? Принесли директиву наркома обороны С.К. Тимошенко и Начальника Генерального штаба Г.К. Жукова о приведении войск в боевую готовность и занятии огневых точек на границе. Теперь уже никто не сможет упрекнуть командующего за его отданное больше месяца назад распоряжение частям Владимир-Вольнского укрепленного района занять подготовленные долговременные огневые точки. Указанием начальника Генштаба тогда в приграничных укрепрайонах (УР) предусматривалась лишь установка табельного вооружения в дотах. Кирпонос самовольно расширил его, что в то время было чревато серьезными последствиями. Директива пришла в штаб округа после полуночи. В штабах армий она была получена лишь в 2–3 часа ночи в связи с тем, что распоряжение Тимошенко и Жукова передавалось не условленным сигналом, а зашифрованным текстом по штабным инстанциям: округ, армия, корпус, дивизия.

Директива завершалась категорическим "никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить". Наступило утро 22 июня 1941 г.

41-я танковая дивизия из 22-го мехкорпуса, насчитывавшая 425 танков (из них 31 КВ), сумела задержать продвижение противника на своем направлении. А что могла противопоставить натиску гитлеровцев 19-я танковая дивизия того же корпуса, в которой из 163 танков в первом бою участвовало лишь 45⁷. В 19-м мехкорпусе всего танков было 449. 241 из них, в том числе 5 КВ, состояли на вооружении 43-й танковой дивизии, но из них исправных оказалось лишь 87 — менее 40%⁸. Из 275 танков 9-го мехкорпуса почти половину имела в своем распоряжении 35-я танковая дивизия, в 131-й же моторизованной дивизии первый бой приняли лишь чуть больше 40% танков⁹.

Если с артиллерией дело обстояло несколько лучше, то автомашинами и тракторами дивизии были обеспечены лишь на 50%, недостающие 50% техники они должны были получить из народного хозяйства восточных областей Украины.

Большинство подвижных разведывательных средств нуждались в капитальном ремонте, из них в наличии было не более 25–55%¹⁰.

В таком же положении, если не в худшем, находились связь, инженерное обеспечение. В пять–десять раз меньше положенной нормы хранилось на складах боеприпасов к pistolетам-пулеметам, зенитным пушкам, бронебойных снарядов для орудий всех калибров.

⁷ЦАМО, ф. 625, оп. 26057, д. 8, л. 13.

⁸ЦАМО, ф. Автобронетанковое управление (далее — АБТУ) ЮЗФ, оп. 157, д. 7/2, д. 341

⁹Там же. д. 17/1, л. 100–105.

¹⁰ЦАМО, ф. 983, оп. 10278 с, (секретная) д. 3, л. 56.

Вообще дивизий, укомплектованных по штатам военного времени, в округе фактически не было. Стрелковые дивизии, в частности, имели, в лучшем случае, до 75% личного состава. Пополниться они должны были в соответствии с мобилизационными планами, главным образом, за счет приписников, унтер-офицеров бывшей польской армии. Назначение сержантов намечалось произвести после переподготовки на дивизионных учебных сборах. Водителей автомобилей и тракторов-тягачей рассчитывали получить из восточных областей Украины. Но когда по требованию командующего занялись более основательной проверкой, корректировкой мобилизационных планов, обнаружилось, что они далеки от реального положения дел.

Приписной состав 35-й танковой дивизии, к примеру, должен был формировать Житомирский областной военный комиссариат. Но выяснилось, что он мог обеспечить лишь 26% от потребности в младших командирах. Оставались вакантными — 161 место водителей, 24 — электриков, 51 — различных специалистов-ремонтников, 7 — пневматиков, 140 — понтонеров¹¹.

Лишь с объявлением мобилизации планировалось развертывание автотранспортных, ремонтно-восстановительных, понтонно-мостовых, медико-санитарных батальонов, хлебопекарен, штаты которых оставались укомплектованными по мирному времени. Во что это может обернуться с началом военных действий, Кирпонос хорошо представлял еще по гражданской войне, когда занимался комплектованием будущего 2-го Богунского полка: брали всех, кто мог держать в руках оружие.

Но даже многоопытный Кирпонос не представлял тогда масштабов грядущей катастрофы. Построенные на песке вероятного и желаемого планы затрещали и расплозились сразу после объявления мобилизации. А немцы умело вносили повсюду сумятицу и неразбериху. В нашем тылу появились диверсионные отряды и группы: захватывали или взрывали мосты, перерезали линии связи, убивали командиров, комиссаров, представителей Советской власти. Действовали в красноармейской форме. Позже, когда удалось взять первых пленных, выяснилось, что это были отряды и группы из полка специального назначения "Бранденбург".

В штабе образованного Юго-Западного фронта не имели ни малейшего представления о том, что происходит, настолько мощным и точно нацеленным оказался первый удар немцев. Так, например, к 10 часам 22 июня гитлеровские части вышли почти к северо-западной окраине Владимир-Волынского. Казалось, еще чуть-чуть и город будет захвачен. Но из полевого лагеря Когильно стремительно (насколько позволяла техника) выдвинулись части 87-й стрелковой дивизии генерала Ф.Ф. Алябушева. Им удалось отбросить фашистов на 6–10 км западнее Владимир-Волынска. На большее сил не хватило, и к вечеру левофланговые части дивизии оказались во вражеском полукольце. В тылу дивизии действовал десант в составе нескольких десятков парашютистов¹².

Когда же начали поступать донесения из войск, командующий с горечью заметил членам Военного совета, что план прикрытия лопнул, как проткнутый иглой воздушный шарик. И внести в него коррективы практически невозможно из-за полной неясности обстановки.

И все-таки Кирпонос не терял надежду на то, что в районы сбора по тревоге войска выйдут в готовности вести боевые действия. До последнего момента он не хотел верить, что гитлеровцы решатся перейти границу сразу большими силами, что многие участки передовой линии уже стали вражеским тылом.

Потом выяснилось, что намеченные районы сбора таковыми не стали, назначенные планом прикрытия полосы обороны вскоре тоже оказались в тылу, потому что части, пытаясь действовать строго по плану, понесли на больших переходах

¹¹ ЦАМО, ф. 35 танковая дивизия оп. 1, д. 12, л. 110–116.

¹² ЦАМО, ф. 131, оп. 454171 секретная, д. 1, л. 41, 59, 77, 97–98.

огромные потери. Организовать оборону удалось лишь на отдельных участках фронта. Но тем не менее сопротивление врагу шло повсеместно, хотя уже более суток бойцы и командиры не получали продовольствие и боеприпасы, не спали.

В этой обстановке нужно было во что бы то ни стало организовать управление войсками, поддержку их действий авиацией, зенитно-артиллерийское обеспечение. Но существовавшие коммуникации связи немцам удалось нарушить сразу. Резерва средств связи войска не имели. Гибли, наткнувшись на диверсантов, офицеры связи. Доставляемые ими данные зачастую оказывались устаревшими. О воздушной разведке, авиационном прикрытии войск речь не шла: истребительная да и бомбардировочная авиация понесла такой урон, что не могла выполнять боевые задачи.

БЕССИЛИЕ ИНЕРЦИИ

Вермахт с первых часов войны захватил инициативу и стал диктовать Красной Армии условия ее ведения. К этому оказались не готовыми и войска, и высшее командование.

В 2 часа 23 июня на стол командующего фронтом легла расшифровка директивы наркома обороны № 3, содержащая практически невыполнимое распоряжение: концентрическими ударами 5-й и 6-й армий на Люблин (это пять мехкорпусов) при поддержке всей авиации фронта (практически не способной к активным действиям) окружить (!) и уничтожить группировку противника на участке Владимир-Вольнский, Крыстынопопль, а к исходу следующего дня овладеть Люблином¹³.

Первые же донесения командующих фронтов обнажили явное несоответствие распоряжений из Москвы реальному положению вещей в войсках. По предложению Сталина на Западный фронт отправились маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, на Юго-Западный — генерал армии Жуков для изучения обстановки на местах и оказания помощи командующим.

Кирпонос искренне обрадовался приезду своего предшественника. Жукову понравился размеренный ритм боевой работы Военного совета и штаба фронта, отнюдь не растерянный вид командующего. Кирпонос доложил обстановку, свои соображения.

При самом лучшем раскладе на участке между Люблином и Сокалем десяти гитлеровским дивизиям (без учета вероятного наращивания сил за счет резервов) могли противостоять лишь семь наших дивизий (если подоспеют 22-й мехкорпус и 135-я стрелковая дивизия). Начальник штаба ЮЗФ генерал-лейтенант М.А. Пуркаев сомневался в возможности и этого. Надо исходить из того, говорил он, что у немцев будет превосходство не менее чем в два с половиной раза.

Не приходилось рассчитывать и на фронтовые резервы. Лишь 4-й, 8-й, 25-й мехкорпуса, да и то при хорошем стечении обстоятельств, могли перегруппироваться и выйти на направление главного удара врага через сутки-двое. 9-му и 19-му мехкорпусам для этого понадобится трое-четверо суток, а 31-му и 36-му стрелковым корпусам пять-шесть.

Конечно, если бы все они начали контрнаступление одновременно, удар мог быть мощным. А так получались слабосильные тычки растопыренными пальцами, да еще когда противник набрал инерцию в практически непрерывном движении.

Жуков, Кирпонос и член Военного совета фронта Н.Н. Вашугин не согласились с доводами генерала Пуркаева и приняли решение действовать в соответствии с полученной директивой. Правда, с поправкой Кирпоноса — до прояснения обстановки не замахиваться с выходом на территорию противника, сначала ввести

¹³ЦАМО, ф. 65, оп. 26057, д. 7, л. 3.

в бой ближайшие резервы для его сковывания, а уж затем наступать силами второго эшелона. Решиться и на такое отступление от директивы из Москвы, появившейся, как потом выяснилось, не без ведома самого Сталина, требовало смелости.

К вечеру 23 июня беспорядочное отступление большинства наших войск стало совершившимся фактом. Но и отходившие организованно части, соединения несли большие потери от ударов авиации.

Стали поступать доклады о том, что командиры сами не могут остановить бегущих, что необходимо, видимо, вмешательство особого отдела и военной прокуратуры. Были созданы первые группы заграждения, которые останавливали отходивших, формировали из них подразделения, направляли их на передовую.

Командующий приказал командирам соединений использовать ночное время для укрепления оборонительных рубежей, глубокой разведки, перегруппировки войск, пополнения запасов продовольствия и боеприпасов, передислокации с отрывом от противника, нанесения внезапных контрударов.

Разбирались мосты, устраивались завалы на дорогах, засады. Но это были скорее пожарные меры, лишь как-то позволявшие выигрывать время. Решающий контрудар намечалось нанести в 22 часа 23 июня. Но и 22-й мехкорпус, и 135-я дивизия не успевали к указанному сроку выйти в назначенный район — вражеская авиация господствовала в воздухе и без помех билась по нашим маршевым колоннам, выводила из строя технику, людей. Лишь к утру 24 июня частям резерва удалось, и то не всем, занять исходное положение.

Слишком мало времени оказалось в распоряжении командиров мехкорпусов, чтобы слить части в крепкий кулак. 8-й мехкорпус генерала Д.И. Рябишева, кстати, представлявший наиболее грозную силу, в назначенный район смог выйти лишь вечером 24 июня, а 9-й и 19-й мехкорпуса уже вступили в бой еще днем. Боевыми действиями руководил сначала Жуков, а потом, когда его срочно вызвали в Москву, Кирпонос.

Жестокое сражение развернулось в районах Луцка, Ровно, Дубно, Броды. Свыше полутора тысяч танков участвовало в нем с двух сторон. Немцы не ожидали, что после столь ошеломляющих ударов войска ЮЗФ смогут не только упорно сопротивляться, но и попытаются перейти в контрнаступление. Генерал-полковник Ф. Гальдер записал в дневнике 27 июня: "На фронте группы армий "Юг" продолжают сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение... Это, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу и в районе между Броды и Дубно. ... Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека".

Наконец-то подошли к линии фронта оперативные резервы — 31-й, 36-й, 37-й стрелковые корпуса. Представилась возможность залатать хотя бы самые опасные бреши в обороне, на время вывести из боев разбросанные по широкому фронту мехкорпуса, чтобы привести их в порядок, собрать мощный ударный кулак для контрудара на луцком и дубненском направлениях. 8-й и 15-й мехкорпуса по приказу командующего фронтом уже начали отход с занимаемых позиций, когда Ставка отменила решение Кирпоноса и приказала не давать врагу передышки, продолжать контрнаступление, которое в тех условиях больше походило на предписанное сверху самоубийство...

Многие решения принимались в угоду политической конъюнктуре, а не исходя из мотивов оперативной тактической целесообразности. Разве могли контратаковать обескровленные, понесшие огромные потери в технике и личном составе соединения 5-й армии, если они на одних участках с превеликим трудом одерживали напор гитлеровцев, а на других — пятились и пятились к востоку? То же самое относилось и к 8-му и 15-му мехкорпусам.

Продолжала обостряться обстановка на стыке 5-й и 6-й армий, где вражеские подвижные соединения рвались на Ровно, Новоград-Волынский, Остров, Шепетовку.

При повороте на юг они выходили в тыл 26-й и 6-й армиям, наши войска оказались бы отрезанными от укрепленных районов по старой границе. Это было бы катастрофой, и командующий фронтом принял решение преградить путь соединениям врага на юг, создав отсечный рубеж по линии Староконстантинов, Базаля, Новый Вишневец силами его резерва — 24-м мехкорпусом, 109-й стрелковой дивизией, тремя противотанковыми бригадами.

Это было ошибкой. Немцы не стали наращивать усилия на южном направлении, а спокойно и методично продолжали штурмовать Владимир-Волынский и Рава-Русский укрепрайоны, буквально прогрызая лазейки на Киев. Тщательно подготовленный, массивованный удар на большую глубину они, по свидетельству Гальдера, планировали нанести позже¹⁴.

Над Киевом нависла реальная угроза, ибо на прикрытие новоградволинского и староконстантиновского направлений сил у командующего фронтом уже не оставалось. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В районе Шепетовки готовилась к переброске на разваливающийся Западный фронт 109-я моторизованная дивизия 16-й армии генерала М.Ф.Лукина. Ее-то да еще части 213-й моторизованной дивизии Лукин и двинул навстречу вражеской 11-й танковой дивизии, пытавшейся таранить нашу оборону на острожско-бердичевском направлении. Ставка продолжала диктовать. 29 июня поступило распоряжение ликвидировать разрыв на участке Луцк, Станиславчик, блокировать и уничтожить механизированную группу гитлеровцев, но выполнить его было невозможно: совершенно измотанные и сильно поредевшие в бесплодных контрударах 8-й и 15-й мехкорпуса уже не представляли собой сколько-нибудь серьезной боевой силы. 6-я армия вела тяжелейшие бои с превосходящими силами. Бойцы сражались до последнего патрона.

Лишь 5-й армии удалось несколько стабилизировать фронт и тем самым создать угрозу левому флангу, тыловым коммуникациям проникшей в стык наших армий моторизованной группировки противника. Командарм генерал М.И. Потопов получил приказ: "1 июля из района Цумань, Ставок, Клевань нанести удар на юг с целью отрезать от своих баз и войск моторизованную группу противника, перешедшую р. Горынь у Ровно, и ликвидировать прорыв"¹⁵.

Поддерживая такое решение штаба, командующий вряд ли собирался столь слабыми силами выполнить приказ Ставки. Он просто вынужден был имитировать максимум возможных усилий, почти не надеялся на успех, но резонно рассчитывал решить хотя бы некоторые локальные задачи. Если бы 5-й армии удалось оттянуть к северу побольше гитлеровских сил, появилась бы возможность несколько облегчить положение мехкорпусов фронтового подчинения и отходящих частей 6-й армии.

Вечером 29 июня, когда войска 5-й армии уже приступили к подготовке контрудара, последовало новое распоряжение Ставки. Оно предписывало до 9 июля отвести войска фронта на линию Коростеньского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского УРов.

Штаб фронта превращался не то в передаточное звено между Ставкой и армиями, не то в испорченный телефон: не успеет приказ дойти до части, как его уже нужно отменять следующим. Армии предстояло — с боями! — отходить на 35—50 км за сутки. Как-то выручить могла имитация контрудара на дубненском направлении, но задумана и осуществлена она была на ограниченном пространстве и не привела к выполнению поставленных задач.

Тем не менее за десять дней непрерывных боев в принципе удалось достичь определенных результатов, по крайней мере, левое ударное крыло группы армий "Юг" оказалось скованным, сорван был и рывок 3-го мотокорпуса на Киев. У

¹⁴ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, с. 58.

¹⁵ ЦАМО, ф. 229, оп. 3814 совершенно секретно, д. 1, л. 145—146.

германского командования, возможно, впервые в этой войне, возникли опасения за исход "блицкрига", точнее, развития наступательной операции южной группы армий¹⁶.

Вечером 2 июля Кирпонос получил телеграмму Потапова: "Создавшаяся обстановка требует срочных мер по приведению в оборонительное состояние Новоград-Волынского УРа, однако все строительные батальоны и инженерные средства сосредоточены на сарнском направлении в болотах и спокойных лесах. Считаю совершенно нецелесообразным строить сооружения и держать целую дивизию на таких рубежах, как р. Горынь, р. Случь, где нет основания ожидать появления значительных сил противника, и прошу Вашего распоряжения все средства и силы перевести на новоград-волыньское направление"¹⁷.

Что мог ответить комфронта командарму? Отчитать за непонимание ситуации и тон телеграммы? Но за время совместной работы Кирпонос сумел хорошо узнать Потапова, оценить его высокий профессионализм и бескомпромиссность. И Потапов был абсолютно прав. Но отменить или переиначить решение Ставки командующий фронтом не мог. Скрепя сердце, подписал ответную телеграмму, что намерен "стройбаты и инжсредства перебросить на Новоград-Волыньский УР", но после завершения работ на сарнско-оленском направлении.

Впоследствии многие обвиняли Кирпоноса в том, что он принимал не всегда взвешенные решения, торопился отдавать распоряжения, побаиваясь окриков Ставки. Наверное, правы критики в том, в частности, что при отходе наших войск разграничительные линии между армиями иногда не совпадали с фланговыми границами УРов, и это затрудняло взаимодействие, управление полевыми войсками и гарнизонами укрепрайонов. Но четкие квадраты и линии хорошо смотрятся на занятиях и учениях, когда есть возможность — условный противник ведь не возражает — что-то подравнять, что-то повторить.

Подавляющее большинство дивизий, имевшихся в распоряжении командующего КОВО, предполагалось использовать в первом эшелоне. В резерве оставалось две танковых, моторизованная и четыре стрелковые дивизии. Предполагалось создать подвижные группы фронтов, составленные из конных и механизированных частей.

Планы не предусматривали организацию обороны фронтовыми и армейскими резервами; на стратегических военных играх в январе 1941 г. вообще не прорабатывалась организация позиционной обороны в масштабах армии, фронта. По замыслу игр войска отходили только в пределах тактической зоны обороны, до развертывания армейских резервов. Причем, осуществлялось это без помех со стороны противника.

БРЕМЯ РЕШЕНИЙ

С первых минут войны на результатах боевых действий войск Красной Армии серьезно отразилась скованность командиров всех степеней указаниями, распоряжениями сверху, нередко противоречивыми, исключающими одно другое. Принимая свое, отличное от рекомендаций очередной директивы решение, командующий рисковал многим.

Но, говоря об этом, мы часто забываем, что иерархическая лестница работала и в германской армии. В конце июля появились серьезные разногласия в командовании вермахта. Одни настаивали на необходимости продолжать наращивать натиск на московском направлении, другие все более склонялись к необходимости перенести главные усилия на ленинградское и харьковское направления.

¹⁶ Филиппи А. Припятская проблема. М., 1959, с. 73.

¹⁷ ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 7. л. 13.

Впервые об этом сказано в директиве штаба оперативного руководства верховного командования вермахта от 23 июля. Вскоре группе армий "Север" была передана из группы армий "Центр" 3-я танковая группа, 2-я танковая группа и 2-я полевая армия получили задачу овладеть Харьковским промышленным районом, потом Крымом, форсировать Дон, выйти к Кавказу. При этом предполагалось быстро отсечь войска ЮЗФ от Днепра, не позволить отвести их на левый берег и закрепиться там. Жуков предвидел такой вариант развития событий и разрабатывал ответные меры. Свою точку зрения он изложил Сталину. Предполагалось за счет западного, юго-западного направлений, резерва Ставки укрепить Центральный фронт, а Юго-Западный фронт отвести в начале августа за Днепр. При этом Жуков считал, что Киев следовало оставить.

Результатом этого острого разговора, к сожалению, стала не выработка оптимального варианта действий войск на всем западном фронте, а привычные "оргмеры". Сталин удовлетворил резко прозвучавшую просьбу Жукова об освобождении его от обязанностей начальника Генштаба — он был назначен командующим Резервным фронтом.

2 августа в районе Умани были обнаружены 6-я и 12-я армии Южного фронта. В стыке Юго-Западного и Южного фронтов образовалась брешь, это предоставляло для 1-й танковой группы и 17-й полевой армии противника возможность создать угрозу охвата войск ЮЗФ с юга, а правофланговым дивизиям группы армий "Центр" — с севера.

Принять контрмеры своими силами фронт уже был не в состоянии. Командующий решил обратиться за поддержкой в Генштаб. Маршал О.М. Шапошников (сменивший Г.К. Жукова на посту начальника Генштаба) внимательно выслушал его и сказал, что он тоже понимает возникшую опасность, будет докладывать "хозяину".

Сталин разрешил отвести... войска Южного фронта. О Юго-Западном запретил говорить вообще, коротко пояснив, что Ленинград, Одесса и Киев являют сегодня миру образцы стойкости, мужества, непобедимости советских людей. Наверное, это был тот критический для фронта момент, когда через "не могу" его войска действовать уже были не в состоянии, ждали только разрешения на отход, а план его, порядок вывода соединений в штабе фронта уже был разработан.

Но даже когда 2-я полевая армия 8 августа нанесла удар в тыл ЮЗФ в направлении Гомеля, а из района Рославля атаковали части 2-й танковой группы, Сталин не увидел угрозы глубокого охвата и расчленения войск фронта. Он продолжал считать, что главный удар противник нанесет на Брянск и Орел с целью выхода к Москве. Его предположения подтверждала и разведка. У разведчиков были все основания для такой уверенности, потому что и командующий 2-й танковой группы генерал-полковник Г. Гудериан, руководство сухопутных войск и группы армий "Центр" настаивали именно на этом варианте. Но Гитлер с ними не согласился, основные силы группы армий "Центр" были перенацелены на юг. И это решение роковым образом отразилось на судьбе Юго-Западного фронта.

Сведения, подтверждающие вышесказанное, почерпнуты не только из архивных документов. Есть они в мемуарах маршалов И.Х. Баграмяна, А.И. Еременко, К.С. Москаленко, генералов вермахта. Для разгрома 2-й танковой группы Гудериана в пешном порядке был создан Брянский фронт под командованием генерала Еременко. 14 августа прибыл Еременко в Москву, где в присутствии Сталина, Шапошникова, Василевского, других членов Государственного Комитета Обороны твердо пообещал в ближайшие же дни разгромить Гудериана.

В состоянии ли эйфории от нового назначения был недавний командующий армией, верил ли в свою полководческую звезду, знал ли уязвимые места Гудериана, но пообещал. Шапошников снова поставил вопрос об отводе войск правого крыла ЮЗФ на левый берег Днепра: угроза окружения их становилась все ощутимее. Сталин опять отклонил это предложение.

Положение было тяжелое, но и немцам приходилось нелегко. Гальдер отмечал, что в эти дни потери в 6-й армии достигали 1600 человек. Пехота была измучена и не могла наступать. И поэтому непроизвольная передышка с 9 по 14 августа стала желанной для обеих сторон.

16 августа главком Юго-Западного направления маршал С.М. Буденный испросил у Ставки разрешения отвести ослабленные в боях 5-ю армию и 27-й стрелковый корпус за Днепр. 19 августа Жуков вторично высказал Сталину свои соображения о возможности окружения немцами киевской группировки войск. Он писал в докладной: "Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросит против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта". После чего нанесет главный удар на Москву в обход Брянских лесов и на Донбасс. Для срыва этого опасного замысла гитлеровского командования он считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов, Чернигов, Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника. В состав ударной группировки необходимо включить десять стрелковых дивизий, три-четыре кавалерийских дивизии, не менее тысячи танков и 400—550 самолетов. Их можно выделить за счет Дальнего Востока, сил Московской зоны обороны и ПВО, а также внутренних округов¹⁸.

Ответ из Ставки пришел в тот же день: "Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилуки считаю правильными. Продвижение немцев ... будет означать обход нашей киевской группировки с левого берега Днепра и окружение наших третьей и двадцать первой армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых сообщим особо ... Сталин, Шапошников"¹⁹.

Ставка дала разрешение на отвод 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса вечером 19 августа. Но от ЮЗФ требовалось прочно оборонять правый берег Днепра, во что бы то ни стало удерживать Киев. Если учесть, что в верхнем течении Днепр был преодолен немцами еще в июле, что основные силы их повернули на юго-восток, столь усеченное "добро" на отвод не решало возникшей проблемы охвата отводимых войск с севера. Лишь перемещение их на Десну или на Сулу могло устранить такую опасность.

Командующий фронтом, учитывая все обстоятельства, своей директивой от 19 августа приказал правый фланг 5-й армии развернуть на Чернигов и вдоль левого берега Десны. Но 20 августа ему пришлось изменить это решение.

Чем это было вызвано? Вероятно Кирпонос выполнил требование Ставки, затеявшей сложную перестройку фронтов и армий, связанную с переподчинением и передислокацией войск. И это в момент для Юго-Западного фронта едва ли не решающий. Кирпоносу удавалось использовать выгодное оперативное расположение 5-й армии по отношению к ударному крылу группы армий "Юг". Дразнящими, а то и по-настоящему болезненными ударами, перемещениями войск армии Кирпонос заставлял противника все время думать об этой нависшей над его северным флангом небезопасной группировке войск.

Войска ЮЗФ отходили организованно, под прикрытием арьергардов, минно-взрывных заграждений. Обнаружив 22 августа отход войск 5-й армии (27-й кор-

¹⁸ ЦАМО; ф. 132А, оп. 2642, д. 30, л. 18.

¹⁹ ЦАМО, ф. 219, оп. 178510, д. 29, л. 1—3.

пус оставался на позициях, и правый фланг его оказался никем не прикрытым), немцы бросили на дорогу вдоль реки Тетерев к Днепру 11-ю танковую дивизию. Корпусной резерв был просто раздавлен танками. Та же судьба постигла артиллерийскую батарею в районе Иванково, заслон пограничников и роты 96-го стрелкового полка... Во второй половине 23 августа гитлеровские танкисты вышли к переправе через Днепр у Окуниново. Мост не был взорван, и до того, как нашей авиации удалось разрушить две его опоры, танкисты и пехота немцев переправились на левый берег Днепра и заняли плацдарм в районе Окуниново. Дальше — больше. Немцы продвинулись на глубину 60 км, овладели районом Короп, Лутов, Старая Карпиловская Гута.

На плацдарм у Окуниново переправлялись все новые и новые подразделения гитлеровцев. С каждым часом нарастала угроза войскам 5-й армии. И это совсем недалеко от Киева. Здесь, на крохотном в сравнении с почти тысячекилометровой фронтовой линией участке приднепровской земли по непостижимой логике боя решалась практически судьба всего фронта.

Снова пришлось вводить в бой до предела измотанные части против сравнительно свежих войск противника, поддерживаемых хорошо скоординированными действиями авиации, артиллерии с правого берега Днепра. Правда, в течение первого дня удалось даже потеснить гитлеровцев, блокировать плацдарм с севера и с востока. Но вскоре в полосу 5-й армии вошли части 21-й армии Брянского фронта генерала Еременко, что сразу внесло сумятицу и неразбериху. 25 августа Кирпонос обратился одновременно к Буденному и Шапошникову с просьбой подчинить ему 21-ю армию²⁰.

Буденный поддержал его и в тот же день сообщил в Ставку: "В связи с отходом войск Центрального направления в южном направлении создавалась обстановка, при которой два самостоятельных фронта заняли положение своими тылами один по отношению другого под прямым углом... Отсутствие единого руководства на гомельском и черниговском направлениях может создать путаницу и неразбериху". Для исправления положения Буденный предлагал либо передать Еременко 5-ю армию, либо включить в состав Юго-Западного фронта 3-ю и 21-ю армии²¹.

На его просьбу Ставка не ответила. На следующий день Буденный снова потребовал Ставку: "Вторично докладываю о ненормальном взаимном положении войск бывшего Центрального, а теперь Брянского и Юго-Западного фронта. Отходящие на юг из района Гомеля дивизии 21-й армии находятся всего в 20 км севернее Репок, где организуют оборону 200-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. Встает вопрос об объединении командования. Командующий Брянским фронтом в своем приказе нарезал левую разгранлинию 13-й армии в пределах полосы Юго-Западного фронта.

Необходимо срочно внести ясность в положение Брянского и Юго-Западного фронтов, в противном случае при дальнейшем отходе 21-й армии может возникнуть неразбериха в управлении и ответственности"²².

И снова никакой реакции Ставки. Не обращал особого внимания на стык с ЮЗФ и Еременко, увлеченный заботами о том, как лучше выполнить свое обещание — разгромить танковую группу Гудериана. На своем правом фланге он ждал наступления гитлеровцев на Жиздру в обход Брянска и сам готовил удар на Рославль, Стародуб. До беспорядков ли тут в хозяйстве соседа, создаваемых и его отступавшими частями. В предвкушении близкой блестящей победы командующий Брянским фронтом готов был атаковать бронированные танки Гудериана двумя дивизиями. И атаковал...

²⁰ ЦАМО, ф. 229, оп. 2146, д. 11, л. 126–127.

²¹ ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 483, л. 73.

²² Там же, л. 86.

И пришлось Юго-Западному фронту латать разрыв между 13-й и 21-й армиями Брянского фронта, на который нацелились подвижные части противника, усилениями еще не сформированной 40-й армии. На какое-то время силы наступавших были скованы, но угроза отсечения 5-й армии между Днестром и Десной с юга сохранилась.

Вечером 30 августа начальник штаба ЮЗФ генерал Тупиков вызвал к прямому проводу командующего 5-й армией генерала Потапова.

—Тупиков. Здравствуйте, товарищ Потапов. Командующий фронтом лично не в состоянии быть у аппарата — болен²³ и поручил мне передать, что он поражен вашей телеграммой, одинаково ее неожиданностью и содержанием, не вяжущимися с твердым мнением о вас. Ведь вы знаете, что такое Днестр, и этого достаточно, чтобы телеграмма была неожиданной. В течение полутора-двух часов командующий ждет донесения, в котором изложено ваше решение на восстановление фронта 62-й и 200-й стрелковых дивизий с частями усиления и приданными частями.

Сталин и его устами советский народ сказали: "Ни шагу от Днестра!". Так обязаны понимать обстановку и мы. Сейчас ваши войска отступают перед меньшими силами немцев... Чтобы от отступления перейти к удару, вас усиливают 1-м воздушно-десантным корпусом, ставят задачу 66-му стрелковому корпусу.

Потапов. Я доложил командующему обстановку так, как я ее понимаю. Сдерживать удар всех частей противника теми силами, которые находятся у меня на правом фланге, очень тяжело. Поэтому я считаю необходимым доложить об этом Военному совету, хотя я и понимаю значение Днестра. Но ведь Днестр открыт у меня на правом фланге, и в этом главная беда, но не по моей вине. Сосед справа уже откатился километров на 70 от Днестра.

Тупиков. Хорошо, мне ясно.

Потапов. Мое решение я уже вам передал. Я выдвигаю в этот район 45-ю стрелковую дивизию с артиллерией. Больше у меня ничего нет. Я уже отдал приказ командиру 15-го стрелкового корпуса во что бы то ни стало положение восстановить. Мне хотя бы штук десять танков дали. Положение должно быть и будет восстановлено.

Тупиков. В рассвете к вам выедет Бурмистенко (член Военного Совета ЮЗФ.—В.Р.). Доложу командующему. До свидания"²⁴.

15-й стрелковый корпус "восстановить положение" не смог ни 31 августа, ни 1 сентября. Более того, в ожесточеннейших боях противник продвинулся вперед и оказался в 10 км от Чернигова. Новая попытка нанести контрудар завершилась ухудшением положения. В ночь на 2 сентября фашистские войска на стыке 5-й и 21-й армий форсировали Десну южнее Свины.

Москва быстро отреагировала на это приказом: "Командующему ЮЗФ. С захватом противником Вибли создается явная угроза Чернигову и стыку фронтов. Немедленно сообщите о ваших мероприятиях на этом направлении. Чернигов должен быть удержан нами во что бы то ни стало.

По поручению Верховного Главнокомандующего начальник Генерального штаба Б. Шапошников".

А командующий фронтом уже принимал меры, выделив на усиление 5-й армии все, чем еще располагал: 135-ю стрелковую дивизию, полк 41-й стрелковой дивизии, танковый батальон, отряд кораблей Пинской флотилии. И тоже потребовал удержать Чернигов "во что бы то ни стало"²⁵.

Излучина Днестра в этом месте, еще несколько дней назад казавшаяся самой природой созданной для организации контратакующего удара, все более превра-

²³ 23 августа Кирпонос попал в автомобильную катастрофу и получил ранения.

²⁴ ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 128, л. 193—194.

²⁵ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 42. М., 1969. С. 147.

щалась в ловушку. Концентрировать оказалось нечего, даже просто сгруппировать имеющиеся силы было невозможно под нарастающим натиском противника.

Реальную возможность такой ситуации Кирпонос предвидел и еще 18 августа поделился своими соображениями с Буденным: "Судя по сложившейся к настоящему времени оперативно-стратегической обстановке, следует предположить, что после выхода противника к южному течению Днепра его основные усилия могут быть направлены против обоих флангов и глубокого тыла ЮЗФ. Наиболее вероятными для этих ударов противника являются направления: с севера — из района Гомеля — на юго-восток и с юга — с фронта Кременчуг, Днепропетровск — на север"²⁶.

27 августа командующий группой армий "Юг" генерал-фельдмаршал Рундштедт сообщил своему генштабу о намерении силами 17-й армии и 1-й танковой группы отрезать русским войскам юго-западного направления пути отхода на восток и затем их уничтожить. План Рундштедта получил поддержку с рекомендацией 1-й танковой группе наступать на Ромны, а главным силам 17-й армии — в направлении Полтавы, Харькова.

7 сентября противник усилил натиск. Когда Кирпонос услышал по ВЧ взволнованный голос Потапова и его просьбу разрешить в ночь на 8 сентября отвести войска армии за Десну, он тяжело вздохнул и коротко ответил: "Нет, — помолчал и добавил, — не могу". Он не стал объяснять командарму, что буквально накануне отправил телеграммы Буденному и Шапошникову с такой же просьбой. Ждал ответа, не надеясь на то, что он будет положительным.

9 сентября наконец-то было получено разрешение Сталина отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии за Десну на фронте Брусилowo—Воропаево, но с обязательным удержанием фронта Воропаево—Тарасовичи и киевского плацдарма. Но время было явно упущено, спасти войска фронта от разгрома могло только чудо.

Положение изменить мог лишь отвод всех войск фронта на восток к реке Псел, т.е. с оставлением киевского плацдарма. Ставка категорически не соглашалась с этим. Киев должен остаться нашим, чего бы это ни стоило! И это решение действительно многого стоило. Теперь даже получившие разрешение войска не отходили, а пробивались из окружения, теряя людей, технику, оружие и, главное, веру в разум, в своих командиров, в возможность одолеть врага. Не стало штабов 195-й стрелковой и 215-й механизированной дивизий. В 228-й осталось 200 человек. Всего в некогда мощной 5-й армии, надежде и опоре комфронта, к 10 сентября насчитывалось не более 4 тыс. "штыков", около 200 орудий и минометов²⁷.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ

В 17 часов 10 сентября Тупикову доложили, что оборона 40-й армии между Котопом и Бахмачом прорвана, подвижные части Гудериана соединились в Ромнах с воздушным десантом. 21-я армия под угрозой окружения, откатывается на Нежин и Ичня. Правое крыло фронта становилось хуже решета, латать дыры было нечем.

Не лучше обстояли дела и на левом фланге. Южнее Кременчуга 38-я армия при поддержке 5-го кавалерийского корпуса еще пыталась контратаковать немцев на восточном берегу Днепра у Дерневки, но с каждым часом становилось все яснее, что попытки эти обречены. Стоит немцам усилить натиск, и клещи сомкнутся.

В Ставку ушла телеграмма: "Танковая группа противника прорвалась в Ромны, Гайворон. 40-я и 21-я армии не могут ликвидировать эту группу. Требуется

²⁶ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 40. М., 1967, с. 115–117.

²⁷ ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 25 л. 239–240.

немедленная выброска войск из Киевского укрепленного района на пути движения противника и общий отход войск фронта на рубежи, доложенные Вам. Прошу санкцию по радио”²⁸.

На этот раз Ставке понадобилось не много времени для ответа. В 1 час 15 мин (уже 11 сентября) у прямого провода был начальник Генштаба. Он еще раз обосновал решение не давать ”добро” на отвод войск ЮЗФ на восток. Прорыв немецких танков к Ромнам Шапошников назвал ”эпизодом”, с которым, мол, ”Военный совет фронта сумеет справиться”, для чего ”необходимо в течение трех дней ликвидировать передовые части противника в Ромнах”. Поэтому ”Ставка считает, что нужно держаться на тех позициях, которые занимают части, так как этого требуют наши уставы”. Брать части из Киевского УРа было запрещено. Надеяться на поддержку Ставки не приходилось. Разве что через три дня Еременко попробует закрыть (чем только?) прорыв к северу от Конотопа да генерал П.А. Белов со своим 2-м конным корпусом прорвется от Днепропетровска на Путивль (400–500 км). Маловато, конечно, вариантов для создания чуда.

Кирпонос решил посоветоваться с Буденным. Тот долго не раздумывал, и ранним утром 11 сентября на имя Сталина ушла телеграмма: ”Со своей стороны полагаю, что к данному времени полностью обозначился замысел противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта со стороны Новгорода-Северского на юг и от Кременчуга на север. Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу войск. Юго-Западный фронт сделать этого не в состоянии. Если Ставка ВГК в свою очередь не имеет возможности сосредоточить в данный момент такую сильную группу, то отход Юго-Западного фронта является назревшим”. Иначе – потеря ”войск и огромного количества материальной части”. Главком как милостыни просил в самом крайнем случае ”разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УРа. Эти силы и средства, безусловно, помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению”.

Вечером у Кирпоноса состоялся разговор со Сталиным. Начался он, как обычно, в спокойном тоне, с обмена информацией. Но по мере того, как из доклада командующего все яснее становилась безнадежность и бессмысленность попыток и дальше удерживать Киев, Верховный Главнокомандующий все более закипал. И в конце концов обрушил разговор жесткой фразой: ”Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути для сопротивления”²⁹.

Эти слова еще долго будут звучать в ушах Михаила Петровича, выбивая его из рабочей колеи, заставляя осторожничать там, где в иных условиях он бы брал ответственность на себя без просчета возможных последствий. Кстати, быть поосмотрительнее ему советовал перед отъездом и отстраненный в тот же день от должности главкома Юго-Западного направления Буденный.

В 18.30 14 сентября Кирпонос отправил боевое донесение в Ставку и новому главкому маршалу Тимошенко: ”1. 40, 38 армии – донесений не поступало. Самолеты не вернулись...”

8. Фронт перешел к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций.

Переносу КП в Киев, как единственный пункт, откуда имеется возможность управления войсками.

Прошу подготовить необходимые мероприятия к снабжению фронта огнеприпасами при помощи авиатранспорта.

Кирпонос, Бурмистенко, Рыков, Тупиков”³⁰.

События развивались быстро и неотвратно. В районе Кременчуга немцы захватили плацдарм на восточном берегу Днепра. Угроза охвата войск фронта с

²⁸ Там же, оп. 973, д. 22, л. 176.

²⁹ Там же, оп. 161, д. 25, л. 66.

³⁰ Там же, д. 10/1, л. 468.

юга из гипотетической стала вполне реальной. И в 200 км восточнее Киева части группы армий "Центр" уже снимали малочисленные местные гарнизоны да отряды обороны из рабочих, двигаясь на Ромны и Лохвицу. В ночь на 14 сентября генерал Туликов передал Шапошникову: "Начало понятной Вам катастрофы — дело пары дней"³¹.

И получил ответ: "Генерал-майор Туликов номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова и Попова прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания тов. Сталина, данные им 11 сентября"³².

Второй раз удостоился Туликов хулы за трезвость оценки обстановки и смелость суждений.

То, что видел и знал командующий ЮЗФ, не было ведомо в Ставке. Шапошников и Тимошенко еще не представляли масштабов надвигающейся катастрофы, надеялись, что удастся перегруппировать войска, все-таки осуществить контратакующий удар по прорвавшимся немецким войскам. Тимошенко сообщал начальнику Генштаба, что войска ЮЗФ по его распоряжению продолжают удерживать позиции Киевского УРа и на рубеже Днепра.

16 сентября штаб ЮЗФ направил в войска (фактически в армии, по составу давно близкие дивизиям, в дивизии, в лучшем случае равные батальонам) информацию о положении войск. "На всякий случай, — сказал начштаба Туликов, — чтобы люди знали, на что идут".

"Информацией безнадежности" назвал ее Кирпонос и тут же поправился: "Или, наоборот, — надежды на то, что и в этот раз мы сумеем выкрутиться, потому хотя бы, что, по крайней мере, знаем: надеяться нужно только на самих себя".

А "ловушка" уже захлопнулась. 15 сентября в тылу фронта, в районе Лохвицы, 3-я танковая дивизия гудериановской группы соединилась с 9-й танковой дивизией группы Клейста. В окружение попали 5-я, 21-я, 37-я и части 38-й армий — фронт оказался в кольце.

Именно в то время, когда бронированные танковые группы все плотнее сжимают кольцо, начальник Генштаба продолжал считать, что "мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта"³³. Тимошенко 15 сентября поддерживал оптимизм начальника Генштаба, но уже 16-го, вникнув в обстановку, решился на невиданное: не согласовывая со Ставкой свое решение, через начальника оперативного отдела ЮЗФ И.Х. Баграмяна передал устный приказ командующему фронтом "незамедлительно начать отвод главных сил на тыловую оборонительный рубеж"³⁴.

Это распоряжение Кирпонос исполнять не поторопился: у него в памяти еще свежи были слова Сталина, его категорическое указание "Киева не оставлять". Он ждал подтверждения Ставки или главкома. Но связи со Ставкой уже не было, а штаб главкома ночью 16 сентября отбыл из Полтавы в Ахтырку.

В документах конца августа — начала сентября из глубины стандартных, обкатанных годами, по-уставному лаконичных формулировок уже пробивается некая, несвойственная Кирпоносу на протяжении всего времени боев внутренняя обреченность, согласие с неотвратимостью судьбы. Получив очередной отказ Ставки на вывод войск из Киевского УРа, он был готов ко всему. Это подтверждают

³¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 2606, д. 25, л. 92, 108.

³² ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 466, л. 92, 109–110.

³³ Москаленко К. С. На Юго-западном направлении, кн. 1. М., 1978, с. 81.

³⁴ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1958, с. 332.

самые авторитетные свидетели – участники трагических событий. А. Ачкасов из Ростовской области встретил его еще совсем юным лейтенантом. Он писал автору этого очерка: "Помню, в конце августа фашисты сбросили листовки с картой Киевского укрепрайона. В них, как всегда, говорилось о бесполезности нашего сопротивления. Но и было нечто новое: утверждалось, что командующий фронтом генерал Кирпонос сдался в плен. Командующий собрал командиров и политработников 1-го сводного полка, спросил:

– Все читали листовки?

– Да, – ответили мы хором.

– Так вот, запомните и передайте всем, что я в плен никогда не сдамся и не оставлю Киев, пока по мне не проползут фашистские танки.

Он сказал это с такой силой и страстью, что у меня мурашки по телу пробежали. Не знаю точно, как погиб наш командующий, но в том, что держался он до конца, не сомневаюсь – такой это был человек".

Немцы распространяли в те дни самые разные слухи о разгроме Юго-Западного фронта, о смерти его командующего с помощью листовок и громкоговорителей. Провокаторы доверительно шептались об этом в поездах и в колоннах беженцев, в госпиталях и концлагерях.

... Держу в руках темно-зеленые, с мелкими светлыми клеточками конверты. Какой из них подписан в тот день, когда у командующего ЮЗФ Кирпоноса вышло окончательное решение – последний его приказ войскам: всем рассредоточиваться и пробиваться на восток? Письма адресовались в Саратов – там были члены правительства, члены ЦК КП (б) Украины с семьями. Шли они чаще не по почте, с оказией. Шли долго. Наверное, не все доходили до адресата...

Маленькие конвертики, но сколько в них вмещалось... Из одного домашние узнали об автомобильной аварии: Михаил Петрович написал, что зацепило правую руку, но "ею и пишу" – все, мол, в порядке. А все было гораздо серьезнее, о чем он нечаянно проговорился в последнем письме дочери Евгении от 10 сентября: "Добрый день, моя дорогая дочурка! Письмо твое от 27.8 я получил 8 сентября, но сразу не мог тебе на него ответить, так как не имел времени... Сейчас у меня внешность несколько изменилась, так как после автомобильной катастрофы обрил голову. Рана на голове зажила хорошо, и я думаю, что большого следа не останется".

У него все боли и беды проходили вроде бы бесследно, а что он переживал сам – о том мы можем лишь догадываться. Евгения Михайловна, его дочь, рассказывала: "В те редкие вечера, когда отец не слишком поздно задерживался на службе, или когда вдруг пораньше гас свет в его кабинете и он, веселый, готовый весь мир обнять; выходил в детскую, начинался в доме большой праздник. Суэта, игры, стихи, а потом папа и мама пели украинские народные песни. Это было чарующе неповторимо". Однажды такой вот семейный "сабантуй" завершился несколько неожиданно. Михаил Петрович то ли в шутку, то ли всерьез сказал, что из-за его промашки кому-то из пяти дочерей придется всю жизнь носить девичью фамилию – дабы с его смертью не исчез род Кирпоносов. Вряд ли кто из них воспринял тогда эти слова всерьез. А вышло так, что отцовская шутка стала для Евгении Михайловны завещанием...

С переездом в Ленинград, а потом в Киев такие праздники становились все более редкими. Все чаще он бывал молчаливым. "За вечер мог и слова не проронить, – вспоминает Евгения Михайловна. – Включит приемник, вроде слушает. А мы же видим: ничегошеньки не слышит, а думает, думает".

Первый раз так было, когда убили С.М. Кирова. Впервые за столько времени Михаил Петрович пришел домой засветло. И за весь вечер никому не сказал ни слова. Молчал, слушал приемник.

Это повторилось в Казани, когда был снят с поста как пособник врагов народа и исключен из партии его хороший товарищ Я.И. Ефимов, работавший пред-

седателем госплана Татарской АССР. Дома Кирпонос отмогался, а по партийной линии принял меры: Ефимов был реабилитирован и восстановлен в партии.

17 сентября Кирпонос решился все-таки снова запрашивать, наперекор воле Сталина, разрешение на отвод войск из Киева. Штабная рация работала почти непрерывно, пытаясь обеспечить командующего связью с 21-й, 37-й и 26-й армиями. В ответ – тишина.

Было ясно, что 5-я и 21-я армии, под мощными ударами танкистов Гудериана неся большие потери, откатывались на юг, прямо “черту в зубы” – под не менее сокрушительные удары танковой группы Клейста. Еще держатся 40-я и 38-я армии. Но надолго ли хватит сил у истощенных морально и физически, почти безоружных людей?

Вечером 18 сентября было получено разрешение Ставки Верховного Главнокомандования оставить Киев. Поздно, слишком поздно... Майор в отставке И. Марученков воевал тогда в сводном отряде генерал-майора Ф.И. Маткина, состоявшем из моторизованного и артиллерийского полков, танкового батальона. Сначала на дальних подступах южнее столицы Украины, потом в пригороде Киева под несколько необычным названием – Мышеловка. Он пишет: “Никогда не забыть утро 19 сентября. С боями уходим за Днепр, чтобы сосредоточиться в Дарницком лесу и разобраться в обстановке.

Только выбрались из леса, отошли от опушки километра на три, слева по нашей колонне ударили минометы и артиллерия. Будто кем-то наведенные, налетели бомбардировщики. На шоссе образовалась пробка из горящих машин, повозок. В кузове одной из них стали рваться патроны. Растаскивать завал было некогда. Колонна свернула с шоссе на живые.

Знать бы нам, что у Борисполя, куда мы стремились, кольцо окружения уже сомкнулось... Волнами наступавшие гитлеровцы прижали нас к реке Трубеж. Невелика река, воробью, как говорится, по колено, да для многих стала она последним рубежом и пристанищем. На огромнейшем пространстве бориспольских, переяславльских, яготинских, березанских полей полегли тысячи и тысячи наших бойцов. Вдоль дорог и на окраинах болот в почерневшем кустарнике, на полях, у околиц деревень и на их улицах – повсюду под ознобным осенним дождем лежали убитые, стонали тяжело раненные, умоляя о помощи или о смерти. У тех, кто еще мог двигаться, а значит, сражаться, не было ни еды, ни патронов”.

И.Х. Баграмян считал: “Основной причиной окружения четырех армий фронта и неспособности 5-й и 21-й армий к выходу из окружения является слишком запоздалое решение на оставление Киева и на выход из окружения.

Основными и грозными противниками, приведшими к потере боеспособности частями 5-й и 21-й армий, оказался не столько противник, вышедший на тылы, сколь сильная группа его войск, наступающая с севера против этих армий. Под ударами этой группы 5 и 21 армии непрерывно откатывались на юг, все время неся большие потери. Истощение дошло до такого предела, что еще до выхода подвижных групп противника последние почти полностью потеряли свою боеспособность. Появление же мелких групп мотомехчастей противника в непосредственном тылу наших войск еще в большей степени ускорили темпы их деморализации.

К началу выхода из окружения боеспособность сохранила лишь одна 289 сд, оборонявшая район Пирятин.

Из окружения выходила бесформенная и дезорганизованная масса, состоявшая главным образом из тылов”³⁵.

Под Пирятином удалось собрать около 3 тыс. штыков, пять–семь бронемашин роты НКВД охраны штаба фронта, несколько противотанковых орудий, счетверенных пулеметов. Попытки пробиться за реку Сулу на тыловые рубежи по реке Псел оказались “мертворожденными”: дороги уже были перерезаны пехотой и танками противника. Не дали результатов поиски обходов.

³⁵ ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 10/1, л. 81.

К полудню 19 сентября к Пирятину вышли Военный совет и штаб 5-й армии без единой боеспособной части. Стало ясно: нужно пробиваться. Единственной реальной силой, способной обеспечить прорыв Военного совета фронта из окружения, оставалась 289-я стрелковая дивизия.

"19 сентября еще попытка выйти из окружения, создана ударная группа для прорыва, — свидетельствует документ, подписанный подполковником интендантской службы Б. Бородиным и порученцем члена Военного совета фронта майором В. Жадовским. — Во главе — полковник (на самом деле генерал-майор. — В.Р.) Баграмян, начальник оперативного отдела штаба фронта. Вслед за ним должен был устремиться Военный совет фронта.

Войска полковника Баграмяна прорвали немецкое кольцо и вышли из окружения. Но кольцо сомкнулось снова. Военный совет оторвался от группы Баграмяна. Повторить прорыв уже не было необходимых материальных сил и бойцов".

Из 3 тыс. человек осталось около 800. Боевая техника — одно название; боеприпасов — кот наплакал. Все, на что можно было надеяться, что представляло реальную силу, ушло с Баграмяном, кроме Военного совета и раненого командующего...

Как и почему такое могло случиться? Сохранилась довольно объемистая объяснительная записка Баграмяна, написанная им по свежим следам простым карандашом на тетрадной бумаге: "18—19.9 штаб фронта разделился на две группы.

Основная группа штаба во главе с Военным советом — из Верхоярвки на Пирятин. Дорога запружена легковыми и грузовыми машинами, тракторами и повозками, шедшими наперегонки в 3—4 ряда. Неуправляемая масса хлынула на узкие и немногочисленные ул. Пирятин — быстрее на переправу через р. Удой на восточной окраине города.

(Без полка охраны) автоколонна штаба фронта пробралась с огромными усилиями.

В Пирятине после долгих поисков — штаб 289 сд ... В ночь на 18-е должна была начать наступление. Вслед за ней — Военный совет фронта, штаб фронта, тылы 21 и 5 армий.

Вторая группа штаба фронта — выходить по оси наступления 5 армии, встретив сопротивление небольшой группы противника на восточном берегу р. Удой, повернула на юг. Из-за этого тыловой эшелон штаба фронта вынужден был направиться на Пирятин, еще больше усиливая хаос и беспорядок в городе.

Дезорганизованные массы группировались, но на 3—4 часа, и тут же распались...

18 и 19-го сохранившаяся рация штаба фронта непрерывно добивалась связи с 21, 26 и 37 армиями. Ни одна рация не отвечала, а связь с 40 и 38 армиями — нормально.

Самолетами связи с вечера 17.9 штаб фронта не располагал вовсе.

Лишь к полудню 19.9 вошел в непосредственное общение со штабом 5 армии, не имевшей к этому времени ни одной части.

К вечеру 19.9 по предложению НШ фронта Тупикова и командарма 5 генерал-майора Потапова наметилось совершенно не отвечающее обстановке решение — попытаться прорваться из кольца окружения через Чернухи. Мотивировка — противник хорошо знает о нашем намерении прорваться через переправу у Городище. Через Чернухи — внезапно и легко форсировать р. Многа.

Я, будучи вызван к командующему фронтом, назначаюсь командиром роты НКВД, являющейся охраной Военного совета. Рота — во 2-й эшелон вместе с Военным советом.

Не успел я принять командование ротой, как паника среди красноармейцев и командиров на высотах западнее Городище и в самом Городище: до батальона мотоциклистов с минометами переправились у Мелехи (с севера).

Генерал-полковник Кирпонос поставил роте задачу — немедленно развернуться

и, наступая на высоты западнее Городище, занять их, навести порядок. Несколькими минутами ранее генерал-майор Тупиков указал мне, что моя рота, вопреки первоначальным наметкам, должна наступать в первом эшелоне (эшелон прорыва).

Рота моя развернулась и быстро вышла на указанные высоты. Генерал-майор Алексеев по собственной инициативе остановил бегущую толпу красноармейцев и, возглавив их, повел в наступление. Моя рота смешалась с отрядом т. Алексеева, и мы с ним быстро переправились через разрушенную переправу у Мелехи.

С момента смещения роты с неорганизованной массой бойцов я окончательно потерял управление ротой.

Мы продолжали движение на Сенча.

Вторые и последующие эшелоны стали подходить к р. Сула позднее.

Немцы весьма выгодно использовали болотистую долину р. Сула: заняли все мосты через реку небольшими отрядами при поддержке танков, а остальные силы расположили в глубине за рекой, как подвижный резерв.

Из окружения ушли лишь те, кто незаметно для противника нашел глухое место переправы и через тропы — на восточный берег.

Моей группе в 50 человек удалось переправиться у Лучка. По неполным данным, через этот участок вышло из окружения около 3 тыс. человек³⁶.

Вроде все ясно, но почему же среди этой довольно большой массы бойцов и командиров не оказалось командующего, членов Военного совета фронта и 5-й армии? Как могло случиться, что ударная группа Баграмяна, целью которой по всем военным канонам было обеспечение выхода из окружения Военного совета, обеспечила такую возможность лишь себе? Непросто сегодня пытаться ответить на эти вопросы без опасения ошибиться. Не знаю, была ли хотя бы малейшая возможность у генералов Баграмяна и Алексеева овладеть деморализованной солдатской массой, подчинить ее своей воле и все-таки выполнить задачу по выводу Военного совета фронта из окружения. Наверное, если бы была, они воспользовались бы ею.

Сам маршал Баграмян не очень охотно возвращался к этому печальному эпизоду в своей насыщенной событиями биографии. Тогда не принято было не то что анализировать — вспоминать о поражениях первых месяцев, страшных потерях, просчетах командования, трусости, необъяснимом упрямстве, приводивших к бессмысленным жертвам, считалось дурным тоном. А Баграмян был сыном своего времени, как и многие другие.

... О том, что происходило в небольшой роше Шумейково, в десятке километров от Лохвицы, куда после неудачной попытки прорваться вышли командующий, члены Военного совета Бурмистенко, Рыков и штаб фронта с остатками войск, различные публикации рассказывают по-разному. Многие авторы, к сожалению, пошли на поводу у слухов. И как-то в тени оставались наиболее объективные свидетельства непосредственных участников событий — объяснительные, письма, рассказы Жадовского и порученца командующего майора Гненного.

20 сентября ближе к рассвету колонна военных советов и штабов Юго-Западного фронта и 5-й армии сосредоточилась в роше Шумейково. Это была, пожалуй, единственная возможность укрыться на день от немецкой разведки с земли и с воздуха, немного передохнуть и осмотреться.

Вряд ли есть сомнения в том, что немцы "вели" эту колонну, не спуская с нее глаз. И прорыву группы Баграмяна они по-настоящему активно противодействовали лишь поначалу, до тех пор, пока не убедились, что основная часть штаба фронта в ее состав не вошла и не успевает войти в коридор, пробитый Баграмяном. Немцы уверенно шли по следу штабной колонны. Убедившись, что она втянулась в рошу, не стали сразу форсировать события.

³⁶ Там же.

Раннее утро 20 сентября. Из тумана едва проглядывают старые шумейковские липы, дубы, клены. Приник к земле кустарник. Офицеры штаба разошлись по хатам села Дрюковщина: умыться, побриться, переодеть белье.

Мотоциклисты появились со стороны Дрюковщины, едва рассеялся туман. Выпустили несколько очередей в сторону роши и скрылись. Но с востока и северо-востока тут же пошли в атаку в лоб на рошу танки и пехота. Пришлось обнаруживать себя, отбиваться, отсекая пехоту фашистов от боевых машин. Кирпонос, Рыков, Бурмистенко, Туликов, Потапов, члены Военного совета 5-й армии дивизионный комиссар М.С. Никишев, бригадный комиссар Е.М. Кальченко заняли места в цепи оборонявшихся.

Отбивались все, кто мог держать в руках оружие. Командующего снова ранило. Он с усмешкой сказал: "Эх, не везет мне на левую ногу". (Михаил Петрович имел в виду злополучную автомобильную аварию под Борисполем, когда повредил ту же ногу.) Били по роше минометы, артиллерия. Фронтовики утверждают, что от мин одно спасение – вперед. А тут путь вперед закрыт и плотным огнем, и неподготовленностью броска, и, наконец, неспособностью командующего передвигаться без посторонней помощи. Мины, взрываясь в болотистой жиже, противно чавкали, обдавая все вокруг ржавой грязью и осколками. Михаил Петрович, присевший на корточки неподалеку от Бурмистенко и Туликова, вдруг негромко застонал и повалился набок...

Хоронили командующего в неглубокой выемке неподалеку от ручья. Тело забросали листьями. Документы, личные вещи и звезду Героя Советского Союза № 91 майоры Гненный и Жадовский 27 октября 1941 г. передали лично члену Военного совета Юго-западного направления Н.С. Хрущеву в г. Валуйки.

Выстрелы из роши Шумейково раздавались по 22 сентября. Потом туда вошли немцы.

12 или 13 октября Андрей Трофимович Нецко из колхоза им. Щорса с хутора Андреевка на поле нескошенного гороха обнаружил тело советского генерала. При нем наши кожаную офицерскую сумку с картой, 240 рублей, наручные часы с пятью стрелками – предмет зависти всех штабников ЮЗФ. Часы принадлежали начальнику штаба Василию Ивановичу Туликову. То, что это был именно он, подтвердил и партбилет.

Подожли сельчане, долго стояли над телом погибшего, сняв трухи, низко-низко опустив головы, отдавая дань глубочайшего мужского уважения солдатской смерти генерала: в его пистолете не было ни одного патрона...

Подожли Тимофей Макарович Мокиенко, Калиник Иванович Гринько, как и Нецко, и другие, вот уже которую неделю бродившие по несжатым полям и оврагам вроде бы с одной целью – взять на пропитание лишний колосок ржи, стручок гороха, ягоды шиповника, боярышника. И только они сами знали, из-за чего днями они ходят по окрестностям, а ночами там, где они прошли, мелькают таинственные тени, слышен шорох земли. И возникали в разных местах в роше Шумейково и неподалеку от нее неприметные чужому глазу холмики, которые через два года окажутся братскими могилами. 32 их обнаружат в 1943-м в роше Шумейково. В одной колхозница Сердюк (Антоненко) из села Исковцы спрятала Боевое знамя Н-ского артиллерийского полка. В другой найдут печати военного совета ЮЗФ, в третьей – партийные билеты № 2659048 Цветкова Николая Ивановича (капитан, офицер оперативного отдела ЮЗФ) и № 3911004 Сайкина Александра Афанасьевича.

Когда немцы уехали, сельчане пришли в рошу и в овраг, чтобы отдать последний долг убитым. А потом сюда тайком от гитлеровцев пришли жители соседних сел и хуторов во главе со священником П.С. Моцным и устроили поминки.

Они чисто по-человечески воздали должное подвигу, который совершили бойцы, командиры Юго-Западного фронта и их командующий.

БЕНИТО МУССОЛИНИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

9 мая 1936 г. Рим. Мощные прожектора освещают монументальный средневековый дворец Венеция в самом центре вечного города. Над 30-тысячной толпой, собравшейся на площади, гремит одно-единственное слово: "Ду-че, ду-че, ду-че. . ." На балконе дворца стоит человек, "ниспосланный Италии провидением", "мудрый вождь", который "всегда прав", "гениальный полководец, вернувший былую славу и величие нации".

Дуче — Бенито Муссолини — медленно обводил толпу тяжелым взглядом. Он не случайно выбрал в качестве трибуны балкон дворца. Для "чистейшего гения латинской расы" ростом 167 см, с явно обозначившимся брюшком, мясистым носом и короткими, пухлыми пальцами было крайне необходимо возвышаться над толпой, стоя за перилами балкона, скрадывавшими некоторую непропорциональность его фигуры. Но, несмотря на нарочито выпяченный подбородок, маленькие вращавшиеся глаза и надутые щеки, внешность дуче нельзя было назвать отталкивающей. На его лице застыла цезаристская маска: решительно-волевая, как подобает вождю великой нации. Но маска могла меняться и становиться иной: покровительственной и отечески внимательной, высокомерной и надменной, глубокомысленной и непримиримой — в зависимости от обстоятельств. Способность перевоплощаться удивляла даже его камердинера¹. Дуче поднял руку, и толпа стихла: вождь готовился провозгласить завоевание империи.

Муссолини часто казалось, что именно он творит историю, единолично вершит судьбу миллионов. И он действительно обладал огромной, почти необъятной и никем не контролируемой властью. Было бы неверным умалять его значение в истории Италии, в принятии решений, повлекших за собой трагедию итальянского народа. Но не меньшей ошибкой явилось бы преувеличение этой роли. Многие действия Муссолини диктовались интересами различных социальных сил и групп, хотя сам он не всегда отдавал себе в этом отчет. Его поступки, как правило, обуславливались конкретной ситуацией, логикой развития итальянского империализма и фашизма, многими другими обстоятельствами. В то же время Муссолини нередко оказывался в плену собственных иллюзий, двигался по инерции, теряясь в лабиринте событий, лиц, фактов, но неизменно шел напролом к единственной цели — власти над людьми. Эта неуемная жажда власти, определявшая все его заботы, мысли и поступки, не была до конца удовлетворена даже тогда, когда дуче оказался на самой вершине политической пирамиды.

Идеи и доктрины имели для него сугубо прикладное значение. Он с легкостью жонглировал словами и теориями, отказываясь от одних и принимая другие, т.е. меняя их по мере надобности. Муссолини ничуть не смущало, что многие его поступки часто шли вразрез с теми принципами, которые он провозглашал раньше. Интересы Италии, благосостояние народа, революция, социализм, величие нации — все это были лишь символы, использовавшиеся в случае необходимости. Его мораль — а моральным он считал все, что способствовало его личному успеху и сохранению власти, — как щитом, закрывала от воздействия окружающего мира. Дуче не был нищенским "сверхчеловеком". Он был земным — человеком

¹ *Quinto Navarra M. Memorie del cameriere di Mussolini. Milano, 1974, p. 16.*

действия, ценившим конечный результат, пусть даже достигнутый и не лучшими средствами.

Муссолини испытывал устойчивое отвращение к нравственности. Человек являлся для него лишь инструментом в достижении цели и потому измерялся степенью своей полезности. В жизни Муссолини никогда не было настоящей любви, как не существовало друзей и "своего круга". Пожалуй, он и не ощущал необходимости во всем этом. Муссолини изменил социалистам, стал главой правительства, но никогда не был принят как равный среди аристократии, генералитета, промышленных и финансовых воротил. Ему угождали, льстили, его боялись, но видели в нем слугу, а не хозяина. Среди "камератов" — соратников по фашистской партии — Муссолини пользовался непрерываемым авторитетом, но держался на расстоянии, как и подобает лидеру. В сущности, он всегда был одинок, но это одиночество его не тяготило: он считал себя осью, вокруг которой вращалась вся остальная жизнь. Именно эгоцентризм являлся определяющей чертой личности дуче.

Следует отметить и еще одну, не менее значимую для понимания его облика особенность. Муссолини был блестящим актером и поэтом, в избытке наделенным характерным итальянским темпераментом. Он играл всю жизнь, его диапазон был широк: ярый революционер и упрямый консерватор, великий дуче и свойский "рубаха-парень", необузданный любовник и благочестивый семьянин. Как человек эмоциональный, он остро переживал свои взлеты и падения, полосы отчаяния и триумфа. Его настроение часто менялось, а импульсивность приводила к поступкам, нередко удивлявшим даже хорошо знавших его людей. В 20-е годы Муссолини глубоко уверовал в свою мессианскую роль: пули при покушениях летели мимо, противники отступали, многие начинания удавались. Перед изумленным взором итальянского обывателя он предстал как архитектор и кавалерист, скрипач и истребитель мух, строитель водопроводов и автомобилист, враг беспечности и инфлюэнцы, сеятель риса и гонитель антифашистов, творец "великой Италии" и борец за производство зерна и детей. Муссолини умел ловко превращать в "героическое" и "историческое" то, что на самом деле было прозаичным и повседневным. "Потемкинские деревни", демонстрировавшиеся фаворитом Екатерины II, были ничто по сравнению с тем гигантским спектаклем фальшивого величия, который Муссолини демонстрировал всему миру. Он был и, пожалуй, до сих пор остается непревзойденным мастером политического блефа. Но за всем этим скрывался искусный политикан и демагог, умевший безошибочно рассчитать время и место для удара, сравнить между собой противников, сыграть на людских слабостях и низменных страстях, воспользоваться благоприятной обстановкой. Муссолини обладал феноменальной способностью не просто улавливать настроения масс, но и воздействовать на них, накалять атмосферу и зажигать толпу. Он не был великим политическим деятелем. Он был популистским вождем, приведшим страну на грань национальной катастрофы.

Неординарная личность дуче привлекала к себе внимание многих исследователей и публицистов. Количество статей, книг и брошюр о "фашисте № 1" исчисляется тысячами. Практически в каждой работе, посвященной периоду "черного 20-летия", так или иначе фигурирует это имя, и не только потому, что дуче был политическим лидером и руководителем страны, без которого не принималось ни одно сколько-нибудь важное решение, но и потому, что "итальянский фашизм, первый в Европе, без сомнения, носил на себе сильный отпечаток личности Бенито Муссолини"². Труды ученых-антифашистов противостоят многотомной апологетике, авторы-либералы спорят с католиками и марксистами, поверхностные журна-

² Кин Ц.И. Итальянский ребус. М., 1991, с. 61.

листы смакуют подробности интимной жизни диктатора, а политологи ищут аналогии с современными политическими деятелями³. Бурной научной и публицистической полемикой сопровождается выход в свет каждого нового тома фундаментальной биографии Муссолини (фактически — истории итальянского фашизма), принадлежащей перу корифея итальянской историографии Р.Де Феличе⁴.

Набросок исторического портрета диктатора содержится и в работах советских авторов. Б.Р. Лопухов писал о начале его политической карьеры⁵, Г.С. Филатов и П. Овсянин — о ее закате и драматическом жизненном финале дуче⁶. Блестящая социально-психологическая характеристика Муссолини дана в вышедших недавно очерках Ц.И. Кин, неоднократно видевшей его во время публичных выступлений в Риме⁷.

Никто из советских и серьезных зарубежных авторов не пытается упростить далеко не однозначную персону дуче, хотя ее сложность и незаурядность вовсе не означают исключительной глубины и непостижимости. Когда в 30-е годы одна из итальянских газет объявила конкурс на лучшее эссе-портрет, раскрывающее "тайну облика Муссолини", дуче остановил конкурс, написав в газету, что такое соревнование абсурдно, ибо даже он сам якобы не смог бы предложить правильную версию. Это была откровенная рисовка, типичная для Муссолини, стремившегося к созданию ореола таинственности и загадочности вокруг своего имени. Элементы насаждавшегося имиджа диктатора переплетались с действительными чертами его характера, а правду не всегда удавалось отличить от вымысла.

Со времени смерти Муссолини минуло почти полвека. За это время историки сумели "приподнять" огромный пласт материалов, касающихся нашего персонажа. К их числу относятся не только бесчисленные выступления, публицистика и переписка вождя, вошедшие в многотомные собрания его сочинений, но также воспоминания и дневники людей из близкого окружения, obsługi и семьи Муссолини; есть даже мемуары женщин, не постеснявшихся рассказать всему миру о своих

³ Не имея возможности подробно характеризовать всю эту литературу, упомянем лишь некоторые из тех работ, которые посвящены именно дуче в качестве главного действующего лица: *Donosti M.* Mussolini e l'Europa. Roma, 1945; *Megaro G.* Mussolini dal mito alla realtà. Milano, 1947; *Dorso G.* Mussolini alla conquista del potere. Torino, 1949; *Salvemini G.* Mussolini diplomatico (1922–1932). Roma–Bari, 1952; *Artieri G.* The ritratti politici a quattro attentati. Roma, 1953; *idem.* Mussolini e l'avventura repubblicana. Milano, 1982; *Monelli P.* Mussolini piccolo borghese. Milano, 1959; *Martinelli F.* Mussolini ai raggi X. Milano, 1964; *Bertoldi S.* Mussolini tale e quale. Milano, 1965; *Gallo M.* Vita di Mussolini. Bari, 1967; *Giudice G.* Benito Mussolini. Torino, 1969; *Vené G.F.* La condanna di Mussolini. Milano, 1973; *Fermi L.* Mussolini: Una biografia. Milano, 1974; *De Felice R.* Mussolini e Hitler: I rapporti segreti, 1922–1933. Firenze, 1975; *Valera P.* Mussolini. Milano, 1975; *De Ambris A., Campolonghi L., Girardon M., Rygier M.* Benito Mussolini. Firenze, 1976; *Bozzetti G.* Mussolini direttore dell' "Avanti!". Milano, 1979; *Cederna A.* Mussolini urbanista: Lo sventramento di Roma negli anni del consenso. Bari, 1979; *Mack Smith D.* Mussolini. Milano, 1981; *Braschi A.* Mussolini e De Gasperi: Vite divergenti. Bologna, 1983; *Gatta B.* Mussolini. Milano, 1988; *Spinosa A.* Mussolini. Il fascino di un dittatore. Milano, 1989.

⁴ *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1965; *Mussolini il fascista. V.1.* La conquista del potere. 1921–1925; v. 2. L'organizzazione dello Stato fascista. 1925–1929. Torino, 1966; *Mussolini il duce. V. 1.* Gli anni del consenso, 1929–1936. Torino, 1974, v. 2. Lo stato totalitario. 1935–1940. Torino, 1981; *Mussolini l'alleato. V. 1.* Dalla guerra "breve" alla guerra lunga, v. 2. Crisi e agonia del regime. Torino, 1990.

⁵ *Лопухов Б.Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968; его же. История фашистского режима в Италии. М., 1977.

⁶ *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973; его же. Последние дни Муссолини. — Новая и новейшая история, 1965, № 2–3; *Овсянин П.* Конец режима Муссолини. М., 1965.

⁷ *Кин Ц.И.* Указ. соч.: ее же. Начало итальянского фашизма: Бенито Муссолини, социально-психологический портрет. — Вопросы философии, 1988, № 11.

отношениях с дуче, в том числе интимных⁸. Муссолини умудрился написать первую автобиографию уже в 28 лет⁹, а в конце 20-х годов, укрепившись у власти, с радостью откликнулся на предложение американского посла в Италии Р.В. Чайлда и надиктовал автобиографию для американской аудитории¹⁰. В Италии эта книга так и не была издана. В 1932 г. он удостоил немецкого публициста Э. Людвига серией "бесед", запись которых, предварительно отредактированная самим диктатором, была переведена на несколько европейских языков¹¹. В годы Сопротивления дуче написал серию очерков, по-своему интерпретировавших события его жизни, предшествовавшие краху фашистского режима 25 июля 1943 г.¹². Наконец, важнейшим источником является деятельность вождя, характеризующая его личность значительно полнее и разностороннее, чем все, что им написано.

В 1983 г., в связи со 100-летием Муссолини, в Италии предпринимались попытки возрождения мифа о нем: выходили статьи и книги, пластинки и телефильмы, массовыми тиражами штамповались открытки и статуэтки. И хотя желаемого эффекта эта кампания не принесла, она еще раз показала, что в стране есть силы, испытывающие ностальгию по "твердой руке" Муссолини. И до тех пор, пока существуют эти силы, задача борьбы с фашизмом во всех его ипостасях не утратит своей политической актуальности, а зловещая фигура фашистского дуче будет маячить на горизонте общественной жизни.

"РЕВОЛЮЦИЯ В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ"

"Я родился 29 июля 1883 г. в местечке Варано дей Коста, расположенном на небольшой возвышенности; в деревне Довиа, входящей в коммуну Предаппио. Я родился в воскресенье, около двух часов пополудни, в тот день, когда в местной церкви отмечался престольный праздник"¹³. Так зимой 1911/12 г. мало кому известный молодой Муссолини, страдавший от безделья в тюрьме г. Форли, начал первую автобиографию.

Деревушка Довиа уютно расположилась в 12 км от Форли, в провинции Эмилия-Романья, издавна славившей очагом бунтарских настроений. Семья Муссолини занимала три небольшие комнаты на втором этаже трехэтажного каменного дома. Одна из комнат служила кухней, другая — спальней, а третья днем превращалась в классы: Роза Мальтони, мать Муссолини, была сельской учительницей. Отец Бенито, Алессандро, промышлял кузнечным и слесарным ремеслами. Спустя два года после рождения первенца в семье появился еще один сын, Арнальдо, а через пять лет дочь Эдвидже.

Как всякая мелкобуржуазная сельская семья, Муссолини жили небогато, но и не бедствовали. Они смогли оплатить учебу старшего сына в школе монахов в Фазнце, хотя для ребенка это был не лучший выбор, ибо он рос строптивым, капризным, агрессивным и часто нарушал установленные монахами жесткие

⁸ *Orano P.* Mussolini da vicino. Pinciana, 1932; *Rossi C.* Mussolini com'era. Roma, 1947; *Maugeri F.* From the Ashes of Disgrace. New York, 1948; *Bottai G.* Vent'anni e un giorno (24 luglio 1943). Milano, 1949; *Montagna R.* Mussolini e il processo di Verona. Milano, 1949; *Bastianini G.* Uomini, cose, fatti. Roma, 1950; *Hitler A.* Conversazioni segrete Napoli, 1954; *Mussolini E.* Mio fratello Benito. Firenze, 1957; *Mussolini V.* Vita con mio padre. Milano, 1957; *Federzoni L.* Italia di ieri per la storia di domani. Mulano, 1967; *Mussolini R.* Mussolini. An Intimage Biography by His Widow Rachele Mussolini as told to Albert Larca. New York, 1974; *Quinto Navarra M.* Op.cit.; *Rafanelli L.* Una donna e Mussolini. Milano, 1975; *Ciano G.* Diario 1937-1943. Milano, 1982; *Sarfatti M.* Dux. Milano, 1982; Caro duce. Lettere di donne italiane a Mussolini. 1922-1943. Milano, 1989.

⁹ *Mussolini B.* La mia vita. Roma, 1947.

¹⁰ *Mussolini B.* My autobiography. New York, 1928.

¹¹ *Ludwig E.* Colloqui con Mussolini, Milano, 1965.

¹² *Mussolini B.* Storia di un anno. Milano, 1982.

¹³ *Mussolini B.* La mia vita, p. 3.

правила. Уже тогда будущий дуче пытался верховодить товарищами, был злопаятен и жесток, нередко таскал в кармане нож и в драках даже раза два пускал его в ход. Заметное влияние на формирование сына оказывал отец. Упрямый, безбожник и бунтарь, с симпатией относившейся к идеям М.Бакунина Алессандро знал понаслышке о марксизме и считал себя социалистом. В беседах с ним Бенито быстро впитывал анархо-синдикалистские, антиклерикальные и антимилиитаристские идеи.

По окончании средней школы Муссолини преподавал в младших классах, но не долго, а в 1902 г. отправился на поиски счастья в Швейцарию. Он быстро выделился из массы итальянских эмигрантов, так как умел читать, писать, складно говорить и сносно объясняться по-французски. Еще в годы учебы Муссолини пристрастился к публичным выступлениям, полюбил аплодисменты и внимание толпы. В 18–19 лет он уже выступал перед небольшими аудиториями, громя итальянское правительство и называя себя социалистом. В Швейцарии Муссолини научился говорить с чувством, имитировать возбуждение, делая вид, что идея его полностью захватила. Драматические, театральные жесты подчеркивали его "искренность", паузы и интонации выделяли выигранные моменты выступлений, факты подавались в упрощенном виде. Его популярность среди рабочих-эмигрантов росла, а имя стало хорошо известно швейцарской полиции, несколько раз арестовывавшей его за "подстрекательские речи". В те годы Муссолини познакомился с работами К. Каутского и П. Кропоткина, Р. Штирнера и О. Бланки, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, прочитал "Манифест" К. Маркса и Ф. Энгельса, но углубляться в марксизм не стал, да и не смог бы. У него никогда не было склонности ни к систематическому изучению философии, ни к социально-экономическому анализу. Муссолини был умным, но весьма поверхностным человеком: он с легкостью усваивал чужие идеи, имел обыкновение спустя некоторое время выдавать их за свои, выхватывал из теорий лишь то, что ему нравилось и было понятно.

Как и многие другие социалисты его поколения, Муссолини испытал сильное влияние завораживавших своей новизной и решительностью идей французского синдикалиста Жоржа Сореля. В глубоком и емком, но не лишенном внутренней противоречивости учении Сореля о профсоюзах как главном орудии классовой борьбы пролетариата Муссолини прочно усвоил ту его часть, которая подводила к выводу о необходимости бескомпромиссной, тотальной войны с буржуазией. В борьбе за социализм пролетариат должен был отстаивать свои чисто классовые интересы и отсекал все остальное, в частности демократические задачи и ценности, как не соответствовавшие его главной цели и отвлекавшие силы. Именно эта сорелевская установка питала непримиримую враждебность Муссолини к парламентской группе социалистов-реформистов. При этом сам социализм не только не был синонимом демократии, но прямо противопоставлялся ей. По мнению Муссолини, социализм должен был иметь смелость стать "варварским" для блага народа. Кроме антитезы "социализм – демократия" Муссолини заимствовал у Сореля идею значимости социальных мифов и культа насилия. Познакомившись с его работой "Размышления о насилии", Муссолини навсегда остался ярким приверженцем прямого действия, не скованного никакими моральными преградами. Формулы и теории имели значение лишь после совершения акта насилия и служили его оправданию, а приоритет действия всегда был абсолютным и универсальным. И если поначалу Муссолини вслед за Сорелем говорил о насилии во благо людей, то позднее отказался от этой мысли и перешел на позиции Ницше.

Немецкий философ, с чьим именем связывают идейные истоки фашизма, незримо присутствовал в помыслах молодого социалиста из Форли. Муссолини был потрясен ницшеанской концепцией "сверхчеловека", который призван завоевать мир и преобразовать его. Он понял, что этого "сверхчеловека" надо искать не где-то на стороне, а культивировать в самом себе, что он может родиться в

борьбе с буржуазией и буржуазным менталитетом. Кроме того, Муссолини явно импонировало у Ницше понимание народа как "постаumenta для избранных натур", а войны — как наивысшего проявления человеческого духа. При этом Муссолини считал, что война почти всегда предшествует революции. Сама же революция виделась ему как взрыв насилия, ниспровергающий существующий порядок. Этот взрыв направляется в нужную сторону энергичным меньшинством и в конечном счете приводит к триумфу возглавивших движение деятелей, среди которых первую роль играет он сам. Муссолини полагал, что достаточно будет натиска небольшой, но хорошо организованной элитарной группы революционеров, чтобы свергнуть господство правящего обществом буржуазного меньшинства. Массы непременно поддержат переворот, и тем самым будет окончательно решен вопрос о власти.

Эти идеи дуче¹⁴ проповедовал в небольшой газете "Лотта ди класе" ("Классовая борьба"), которой он обзавелся с помощью социалистов провинции Эмилия-Романья. Безусловно, он был одаренным журналистом. Небольшой по формату листок, ставший ежедневным органом Итальянской социалистической партии (ИСП) в Форли, почти полностью состоял из его статей. Муссолини громил монархию и милитаризм, ругал богатых и священников, социалистов-реформистов и республиканцев. Его статьи были злы и беспощадны, их тон безапелляционен и агрессивен, фразы категоричны и напористы. Популярность газеты росла, ее тираж удвоился, достигнув 2,5 тыс. экземпляров, а дуче, став секретарем социалистической партии в Форли, в октябре 1910 г. впервые попал на очередной съезд ИСП, проходивший в Милане.

Исповедуя культ силы, Муссолини не мог мириться с реформистским, рассчитанным на постепенную эволюцию курсом ИСП. Он был недоволен всем: вялостью и нерешительностью руководства, его нежеланием идти на открытый конфликт с правительством, деятельностью парламентской группы социалистов, самой атмосферой соглашательства, царившей в их среде. Но под этим недовольством скрывались иные, более глубокие мотивы его поведения. Жажда популярности провинциального бунтаря постепенно вытеснялась трезвым расчетом путей и возможностей завоевания власти. Тонкий нюх и чутье политика безошибочно подсказывали Муссолини, что назревший в партии кризис, вызванный обострением борьбы между сторонниками реформистской и революционной тактики, можно использовать для продвижения наверх. И он разыгрывает эту карту на очередном съезде ИСП в Эмилии-Романье в июле 1912 г.

Для политической карьеры Муссолини этот съезд имел особое значение. "Непримиримые" деятели "революционной фракции" и среди них Муссолини сумели добиться изгнания из ИСП правых реформистов. Речь Муссолини на съезде имела шумный успех. Ее комментировали, цитировали в печати. Но это не могло полностью удовлетворить честолюбие дуче. Для человека, в избытке наделенного способностями публициста, самым надежным путем наверх была центральная общенациональная газета ИСП, и мысль об этом не давала Муссолини покоя. В грезах он уже давно был в Милане — цитадели промышленного пролетариата и рабочего движения. И все-таки у него хватило выдержки ничем не выдать своего восторга, когда в ноябре 1912 г. ему было поручено возглавить редакцию газеты "Аванти!" ("Вперед!"). В 29 лет Муссолини, еще год назад мало кому известный, подучил один из самых ответственных постов в партийном руководстве. Ни одному из итальянских социалистов не удавалось прежде совершить столь стремительный

¹⁴ "Маленьким вождем" ("пикколо дуче") он был впервые назван в 1907 г. после высылки из кантона Женевы. Спустя несколько лет этот титул, но уже без определения "пикколо" замелькал в газете революционной фракции итальянских социалистов "Ла соффита" ("Чердак") и с тех пор прочно закрепился за Муссолини, который не скрывал своего удовлетворения по этому поводу.

рывок. И дело было не столько в расположении к нему К. Ладзари, Дж.М. Серрати, А. Балабановой, Ф. Чиккотти и некоторых других руководителей ИСП, поддержавших его кандидатуру, сколько в его ловкости и беспринципности, безграничной самовлюбленности и цинизме. Муссолини не брезговал ничем: ложь, лесть, интриги, демагогия – весь арсенал средств карьериста был пущен в ход. И люди пасовали перед его напором, психологически не могли противостоять агрессивному честолюбцу. Внутри ИСП не было крепкого единого ядра революционных руководителей, тесно связанных пролетарскими массами, и это обстоятельство создавало благоприятную для бонапартизма обстановку, в которой, по меткому наблюдению А. Грамши, "более или менее решительные люди могли на основании преходящих личных успехов. . . захватить самый высокий руководящий пост путем неожиданных и внезапных действий"¹⁵. Так и случилось с Муссолини.

Мало сказать, что Муссолини знал ремесло репортера. Он любил газету и был виртуозом журналистского дела. Броские заголовки, животрепещущие темы, простой, доступный пониманию, нередко переходящий грань приличия язык, а главное – свежие радикальные идеи, пришедшие на смену реформистским, – все это привлекало читателей "Аванти!". Через полтора года тираж газеты возрос с 20 до 100 тыс. экземпляров, она стала одной из самых читаемых в Италии.

А затем разразилась мировая война, и социалистическая партия, верная своей давней антимилитаристской традиции, обратилась к массам с антивоенным манифестом и выдвинула лозунг "абсолютного нейтралитета". Однако по мере развития конфликта тон публикаций в "Аванти!" приобрел ярко выраженный антигерманский и антиавстрийский характер, а проантантовские симпатии Муссолини становились "секретом полицинеля". 18 октября 1914 г. в "Аванти!" была опубликована передовая статья "От нейтралитета абсолютного к нейтралитету активному и действительному", и, хотя эта формула противоречила антивоенному курсу социалистов, Муссолини пытался навязать ее партийному руководству. Заявив, что прежняя установка является не слишком обязывающей и догматической, он потребовал проведения в партии референдума по этому вопросу. После длительных и ожесточенных дебатов на заседании руководства ИСП резолюция Муссолини была отклонена, сам он освобожден от обязанностей главного редактора, а еще через месяц с шумом исключен из партии.

Трудно было поверить, что Муссолини, признанный вождь левого крыла социалистов, столь решительно изменил свою политическую ориентацию. Однако ренегатство дуче – факт сугубо внешний. Ему не предшествовала длительная внутренняя борьба, оно не сопровождалось мучительными переживаниями и сомнениями, не было и никакой трансформации взглядов. Муссолини никогда не был марксистом, а эклектичная амальгама его взглядов позволяла без труда выбрать из них то, что было необходимо в данный момент. В этом смысле Муссолини сам себе не изменил. Он ни в малейшей степени не ощущал себя предателем и был уверен в своей правоте.

Для вульгарного прагматика, исповедовавшего крайний индивидуализм и считавшего собственную персону источником истины, этот шаг был результатом рациональной оценки всех "за" и "против". В Муссолини удивительным образом уживались расчетливость и авантюризм. Когда началась война, он нутром ощутил приближение крупных исторических перемен. Лидерство в социалистической партии его уже не устраивало, ибо он пришел к выводу, что "поставил не на ту лошадь". В этом убеждала и неспособность ИСП возглавить массовые революционные выступления в дни "красной недели"¹⁶, и крах II Интернационала, мно-

¹⁵ Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 185.

¹⁶ Повсеместные антиправительственные выступления в июне 1914 г., зачастую перераставшие в жаркие схватки с полицией и войсками.

гие ведущие деятели которого проголосовали в парламентах за выделение военных кредитов. Война вдохновляла Муссолини разгулом насилия, которое он так долго воспевал, а насилие было несовместимо с нейтралитетом. К тому же его не покидала уверенность, что война дестабилизирует обстановку, облегчит осуществление социального переворота и захват власти. Какого именно переворота – неважно, важно другое – вакантное место лидера в грядущих событиях. Этот решающий аргумент и перевесил чашу весов.

Муссолини вел беспроигрышную игру, так как, вступив в конфликт с ИСП, он уже обеспечил себе тыл и исходные позиции для нового наступления. Еще весной 1914 г. он познакомился с неким Ф. Нальди, издателем одной болонской газеты. У Нальди были связи при королевском дворе, он знался с министром иностранных дел Сан-Джулиано, имел друзей среди крупных промышленников и финансистов. В 1960 г. 74-летний Нальди дал обширное интервью газете "Иль паэзе" ("Страна"). Суть его откровений в лаконичной форме выражена в подзаголовке к публикации – "Проблема для правительства Саландры: найти продажного социалиста"¹⁷. Исподволь готовясь втянуть Италию в войну, правительство считало необходимым подготовить к этому общественное мнение, по возможности развеять антивоенные настроения масс и раздуть милитаристский психоз. Для этого нужно было отыскать и опереться на таких людей, которые могли бы ради личных выгод козырнуть собственной популярностью.

Муссолини, как никто другой, подходил для этой цели. Речь шла не о деньгах, это признают почти все писавшие о нем авторы, но дуче не мог и не пытался противостоять соблазну иметь собственную большую газету, которая стала бы в его руках мощным политическим оружием, дающим возможность дальнейшей борьбы за власть. Муссолини всю жизнь мечтал об этом.

Первый номер "Пополо д'Италия" ("Народ Италии") вышел в свет 15 ноября. Сразу нашлись и деньги, и бумага, и оборудование. Хотя газета поначалу называлась "ежедневная, социалистическая", именно руководство ИСП и социалистическая партия в целом подвергались на ее страницах злобным, ожесточенным нападениям. "Пока у меня карандаш в руке и револьвер в кармане, – цинично заявил Муссолини, вернувшись к себе в редакцию после исключения из ИСП, – я не боюсь ничего. Я силен, несмотря на то, что остался почти один. Может быть, я силен именно потому, что остался один"¹⁸. Карандаш был пущен в ход сразу, револьвер – спустя несколько лет. Статьи Муссолини становились все злее и агрессивнее, а голос набирал силу в общем хоре интервентистов – тех, кто ратовал за немедленное вступление Италии в войну на стороне стран Антанты. Общую тональность задавали националисты, устраивавшие шумные антиавстрийские кампании, им вторили представители так называемой "демократической левой" (социал-реформисты, республиканцы), которые связывали с победой над австро-германским блоком надежды на решение многих социальных проблем и торжество либерально-демократических принципов.

Муссолини не мог примкнуть ни к одному из этих движений. Усвоив идеи националистов, он не обнаружил в них столь желанной для себя перспективы политического переворота. Что же касается реформистов, то они оставались его лютыми врагами со времени исключения из ИСП. Цепкий ум и безошибочное политическое чутье помогли дуче нащупать третий путь, позволявший синтезировать идеи "величия Италии" и социальной революции. Так он оказался на позициях революционных интервентистов, став среди них наиболее яркой и колоритной фигурой.

Значительная часть сторонников нового течения примкнула к нему именно потому, что верила в возможность своим участием в войне приблизить револю-

¹⁷ 11 Paese, 14.I.1960.

¹⁸ Цит. по: Кин Ц.И. Миф, реальность, литература. М., 1968, с. 53.

цию и сделать Италию великой. Идея "революционной войны за место под солнцем" оказалась весьма соблазнительной и удобоваримой для широких слоев мелких собственников. И постепенно Муссолини стал выразителем именно их настроений. Его экстремизм был легко доступен пониманию обывателей и люмпенов. Жажда насилия и наживы, стремление к самоутверждению через надругательство над личностью, слепая ненависть к другим народам, мелочно-тщеславное себялюбие и зависть — вся эта муть, годами копившаяся в тайниках души мелких буржуа и деклассированных элементов и разжигавшаяся милитаристской пропагандой националистов, выплеснулась наружу. В этом грязном потоке Муссолини чувствовал себя как рыба в воде. "Я все больше убеждаюсь, — писал он, — что для блага Италии было бы полезно расстрелять. . . дюжину депутатов и сослать на каторгу хотя бы несколько экс-министров. . . Парламент в Италии — это чумная язва, отравляющая кровь нации. Ее необходимо вырезать"¹⁹.

Официально Италия вступила в первую мировую войну 23 мая 1915 г. Муссолини не последовал примеру многих националистов и не бросился записываться добровольцем. Газетчики обвиняли его в трусости, он огрызнулся, как мог, уверяя, что ждет призыва своего года. Повестка пришла лишь в конце августа, а с середины сентября он был уже в действующей армии. Легенда о безрассудной храбрости Муссолини на фронте создана им самим после окончания войны. На самом деле он не совершил ничего выдающегося. Дуче носил военную форму 17 месяцев, но лишь треть этого срока провел в окопах, остальное время был в тылу — в госпиталях, в отпусках. В феврале 1917 г. он стал жертвой несчастного случая: во время инструктажа по пользованию минометом в траншее разорвалась одна из мин. Четверо солдат были убиты наповал, а Муссолини ранен в правую ногу. Через полгода он демобилизовался и вернулся в редакцию "Пополо д'Италия", а еще спустя два месяца разразилась трагедия под Капоретто. Итальянская армия была наголову разбита австрийскими войсками. По дорогам Северной Италии брели домой сотни тысяч измученных, озлобленных людей, еще недавно называвшихся солдатами.

Муссолини знал чувства и настроения фронтовиков. Многие из них уверовали в силу, как в универсальное средство разрешения противоречий, а цена прав личности, да и человеческой жизни в их шкале нравственных ценностей резко упала. Эта масса ожесточенных на весь мир людей была переполнена недовольством, которое могло вспыхнуть от первой же искры.

По сравнению с прочими демагогами, коих в то время было в Италии немало, Муссолини обладал одним бесспорным преимуществом: он сумел не только понять интересы фронтовиков, но и выразить в простой и доступной форме сокровенные мысли и чаяния этих людей, нащупать такие пружины в их сознании, которые усугубляли чувство обиды и побуждали к решительным действиям. Если бы он не нашел этой точки опоры, ему бы грозила судьба безработного журналиста. А Муссолини предстал перед фронтовиками именно таким лидером, живой легендой и "сверхчеловеком", для которого не было и нет ничего невозможного. Постепенно он стал не просто выразителем настроений неудовлетворенности этого слоя, но его кумиром, героем собственного мифа. Муссолини был подвержен резким вспышкам гнева, мстителен и жесток, но эти качества лишь дополняли его имидж "человека действия", готового на все.

Бывшие фронтовики были превосходной социальной базой, однако вскоре Муссолини понял, что для захвата власти необходима крепкая, боевая организация, действующая по мановению руки своего вождя и дающая возможность пустить в ход и револьвер. 21 марта он собрал в Милане бывших интервентистов, националистов, футуристов. Всего около 60 человек. Они решили создать

¹⁹ *Mussolini B. Scritti e discorsi*, v. 1. Milano, 1934, p. 35–36.

”Боевой союз” (”Фашио ди комбаттменто”, откуда происходит и название нового движения) и с этой целью созвать некое учредительное собрание. На опубликованный в газете ”Пополо д’Италия” призыв откликнулось немногим более сотни человек. 23 марта 1919 г. эти люди расположились в особняке миланского торгово-промышленного клуба на площади Сан-Сеполькро.

Два дня лились патриотические речи, звучали ставшие привычными призывы к восстановлению величия Италии, шли дебаты о внешней политике. 54 человека подписали декларацию, в которой фашисты – так стали именовать себя члены новой организации – обязались защищать требования фронтовиков и саботировать бывших нейтралитов. Они провозгласили себя противниками всякого, в частности итальянского, империализма и тут же потребовали аннексии спорных с Югославией областей Далмации и Фиуме. Вскоре их программа была дополнена обширным перечнем социальных лозунгов, звучавших очень радикально: упразднение сената, полиции, каст, привилегий и титулов, всеобщее избирательное право, гарантии гражданских свобод, созыв Учредительного собрания, отмена тайной дипломатии и всеобщее разоружение, запрет банковских операций и прогрессивный налог на капитал, установление для всех 8-часового рабочего дня и минимума заработной платы, участие рабочих в техническом управлении предприятиями, секвестр 85% прибылей военных корпораций и национализация военной промышленности, передача земли крестьянам, запрет детского труда до 16 лет, всеобщее образование и бесплатные библиотеки, лишение имущества религиозных конгрегаций и многое другое. Таким образом, фашисты обращались не к какому-то конкретному социальному слою, а ко всем итальянцам, жаждавшим ощутимых социальных и политических перемен.

Не прошло и трех недель, как боевики образованной организации заявили о себе погромом, положившим начало целой серии нападений на профсоюзы, редакции рабочих газет и помещения рабочих партий. Вскоре фашисты почувствовали, что их призывы к установлению ”сильной власти” находят все большее сочувствие наверху, а пространная социальная программа привлекает массы.

Муссолини не скрывал своих намерений. В условиях спада революционного движения, когда непосредственная угроза существующему строю миновала, он открыто заявил о своих претензиях на завоевание политической власти. ”Фашизм – это гигантская мобилизация моральных и материальных сил, – писал он 23 марта 1921 г. – Чего мы добиваемся? Говорим об этом без ложной скромности: управления нацией”²⁰.

Условия для захвата власти фашистами складывались весьма благоприятные: правящие круги увидели в них силу, способную разгромить революционное движение и обеспечить преемственность своего господства силовыми методами. Рабочий класс, расколотый противоречиями между коммунистами и социалистами, уже не мог оказать фашизму должного сопротивления. Сектантская политика молодой компартии, с одной стороны, и пассивно-реформистская тактика социалистов – с другой, обезоруживали даже тех рабочих, которые сражались с фашизмом, день ото дня наращивавшим силы.

В мае 1921 г. Муссолини был избран в итальянский парламент. Это давало ему возможность приобщиться к механизму законотворчества, заглянуть в те ”коридоры власти”, о вхождении в которые он давно с вожделием мечтал. Кроме того, 35 мандатов, полученных фашистами, позволяли им участвовать в парламентской игре, закулисных комбинациях и сделках. И хотя Муссолини называл все это ”мышьиной возней”, а парламентскую группу фашистов – ”карательным взводом”, он тем не менее внимательно присматривался к внутрипарламентской кухне, просчитывал шансы на успех. В ноябре 1921 г., в момент созда-

²⁰ Ibid, p. 131.

ния фашистской партии (ПНФ), он демонстративно отказался от поста генсека: он должен был быть выше текущих партийных дел. Этот жест был типичен для Муссолини, ставшего членом руководства партии, но на деле обладавшего всей полнотой власти. Кроме того, это соответствовало его представлениям о роли партии в революционном процессе и общественной жизни. Дуче считал партию необходимым, но все же второстепенным инструментом в завоевании политической власти, ибо главным было движение масс, ведомых элитарным меньшинством. В организации общественной жизни после захвата власти партии отводилась роль идейной дубинки, с помощью которой следовало вколотить в сознание итальянцев новые стереотипы мышления и нормы поведения, а реальная исполнительная власть должна была быть сконцентрирована в руках чиновников государственного аппарата. Так оно в дальнейшем и произошло.

Осенью 1922 г. в Италии фактически установилось двоевластие: фашисты захватывали все новые города и провинции, а центральное правительство смотрело на это сквозь пальцы. Стало ясно, что правящие круги окончательно взяли курс на передачу фашизму власти. Оставалось лишь решить вопрос о том, в какой форме это сделать. Однако обстановка изменялась столь стремительно, что окончательный выбор уже не зависел от воли тех или иных политических деятелей.

О том, что произошло в Италии в октябре 1922 г., написаны тысячи страниц. Многие выдумали последствия Муссолини и его апологеты, реальные факты переплелись с домыслом, а наиболее часто повторяемые эпизоды для целого поколения итальянцев стали азбучными истинами, в которых сами участники событий уже не всегда могли отличить правду от выдумки.

Азартный игрок, Муссолини сделал ставку на вооруженный захват власти. Однако его одолевали сомнения. Фашисты не имели необходимых технических средств для осуществления мятежа. На их "высокий боевой дух" рассчитывать также не приходилось, ибо они привыкли одерживать победы, лишь будучи в большинстве. Муссолини отдавал себе отчет в том, что военная авантюра может закончиться плачевно, так как регулярным войскам не составляло труда разогнать толпу фашистов. Но общий тактический расчет Муссолини был верен: ставка делалась не столько на удар, сколько на нежелание противника сопротивляться. По мере того как машина подготовки мятежа набирала обороты, остатки сомнений у Муссолини рассеивались. В какой-то момент он понял, что проявление нерешительности может загубить все дело и в одночасье разрушить его авторитет среди оголтелых экстремистов. Точки над "и" были поставлены 24 октября в Неаполе, где в театре Сан-Карло открылся очередной съезд фашистских союзов.

Муссолини выступил на нем с агрессивной речью, ультимативно потребовав у правительства предоставить фашистам пять министерских портфелей и комиссариат авиации. Он красочно живописал о своей преданности монархии, которая якобы не может и не должна противиться силам, несущим оздоровление нации. Муссолини, всю свою политическую карьеру шедший под республиканским флагом и всего лишь год назад демонстративно покинувший зал заседаний парламента во время тронной речи короля, Муссолини, отстоявший в упорной борьбе с монархистами республиканскую формулу фашизма, этот самый Муссолини за несколько дней до фашистского мятежа отказался от своего антироялистского прошлого и, понимая силу монарха, из конъюнктурных соображений расшаркивался перед ним.

Вечером того же дня в отеле "Везувий", где остановился дуче, собрались его ближайшие сподвижники и квадрумвиры (И. Бальбо, Ч.М. Де Викки, Э. Де Боно, М. Бьянки) – члены оперативного руководства фашистскими отрядами. После недолгих дебатов решение было принято: 27 октября – всеобщая мобилизация фашистов, 28 – атака на главные центры страны. Три колонны сквадристов – членов фашистских боевых отрядов (сквадр) – должны были войти в Рим со стороны Перуджи, предъявить ультиматум правительству Л. Факта и овладеть основ-

ными министерствами. В случае провала операции предполагалось провозгласить создание фашистского правительства в Центральной Италии и готовить новый "поход на Рим".

Сразу полилась кровь: в Кремоне, Болонье и Александрии сквадристы стали уже неуправляемы. Кабинет министров принял решение об отставке, но предварительно утвердил и даже разослал на места декрет об осадном положении, в соответствии с которым армия получала необходимые полномочия для наведения порядка. Однако в последний момент вызванный из загородной резиденции король Виктор-Эммануил III отказался подписать этот декрет. Остается лишь догадываться, чем он при этом руководствовался. Вероятно, надеждой сторговаться с Муссолини и тем самым избежать лишних потрясений.

Фашисты перевели дух. 28 октября, когда их колонны бодрим маршем двинулись к Риму, Муссолини забаррикадировался в редакции "Пополо д'Италия", хотя особых оснований для беспокойства у него не было: префект Милана специально выставил армейские патрули на улицах, ведущих к редакции. Дуче выглядел скорее охраняемой, нежели преследуемой властями персоной. Кроме того, на случай провала "похода на Рим" у него был разработан нехитрый план бегства: быстроходный полуспортивный автомобиль, купленный два года назад, в считанные часы мог доставить его к швейцарской границе. Но воспользоваться им не пришлось. Днем 29 октября Муссолини получил столь желанное извещение о назначении его премьер-министром и вечером того же дня на специальном поезде, в спальном вагоне отбыл в Рим. Переодевшись в фашистскую форму (черную рубашку, темно-зеленые брюки и краги), дуче явился к королю. В этот, как ему казалось, исторический миг Муссолини очень нравился самому себе. Несколько лет спустя в беседе с немецким писателем Э. Людвигом он признался, что по дороге в Рим чувствовал себя артистом²¹. И как всякий артист, Муссолини играл на публику. Выйдя с королем на балкон, он приветствовал ликовавшие толпы чернорубашечников. Санкилоты фашизма не очень стройными рядами маршировали перед дворцом короля. Так завершился фашистский переворот, с иронией названный в народе "революцией в спальном вагоне".

"ДУЧЕ ВСЕГДА ПРАВ"

Став премьером, Муссолини сохранил многие привычки провинциального популиста. Мелкобуржуазная среда, в которой он вырос, навсегда привила ему пристрастие к помпезности, показной пышности, дешевым эффектам. Его поведение и стиль жизни были далеки от аристократической утонченности, вульгарны и мелочно-тщеславны. Муссолини демонстративно презирал светские манеры и даже на официальных церемониях и обедах не всегда соблюдал правила этикета, так как толком их не знал, да и не хотел знать.

Дуче так уверовал в собственную исключительность, был столь беспредельно самоуверен, что, став во главе правительства и не имея ни малейшего опыта управления страной, с лихостью принял, нередко по наитию, плодить многочисленные декреты и распоряжения²². Эта деятельность носила сугубо эмпирический характер, но ее направленность была очевидна. Муссолини стремился сосредоточить в своих руках всю полноту власти, в первую очередь – исполнительную. "Демократия – это правительство, – утверждал он, – которое дает или пытается дать народу иллюзию того, что он является господином"²³. Однако своими

²¹ *Ludwig E.* Op. cit., p. 96.

²² Главными среди них были создание в декабре 1922 г. Большого фашистского совета (БФС), состоявшего из лично назначавшихся Муссолини членов, и преобразование в 1923 г. фашистских сквадр в так называемую Добровольную милицию национальной безопасности (ДМНБ), присягавшую королю, но подчиненную дуче.

²³ *Mussolini B.* Opera omnia, v. XXV. Firenze, 1957, p. 262.

действиями фашистское правительство не давало даже такой иллюзии. В эти годы Муссолини, в недавнем прошлом "непримиримый революционер" и борец против засилья капитала, видел путь оздоровления экономики в свертывании государственного регулирования и поощрении частной инициативы. Мероприятия его кабинета²⁴, призвавшего граждан "копить и обогащаться", ударили по благосостоянию основной массы налогоплательщиков, однако способствовали стабилизации капитализма и выводу страны из затяжного послевоенного кризиса.

В политической биографии Муссолини случались моменты, когда шансов на "выживание", казалось, уже почти не оставалось. Так было в ноябре 1919 г., когда дуче сделал первую попытку прорваться в итальянский парламент, но потерпел сокрушительное поражение. Вечером 16 ноября, когда стали известны итоги голосования, его политические противники пронесли по улицам Милана гроб, имитируя похороны Муссолини. По свидетельству М. Сарфатти, его любовницы и биографа, Муссолини был полностью деморализован: хотел продать газету и бросить политику, стать каменщиком или пилотом, убраться куда подальше и даже эмигрировать²⁵.

Еще более тяжелый удар он пережил весной—летом 1924 г., когда в стране разразился острейший политический кризис, поводом к которому стало убийство фашистами лидера Унитарной социалистической партии Д. Маттеотти. Копившееся в народе недовольство мощным потоком выплеснулось наружу, грозя смести чернорубашечников вместе со всеми их сквадрами. Газеты наперебой печатали сообщения об убийстве, города и поселки бурлили от гнева, на улицах проходили многотысячные митинги, вспыхивали стихийные забастовки. Массы требовали отставки Муссолини и наказания виновных. Фашисты боялись выходить из домов и прятали значки своей партии, многие помещения ПНФ были разгромлены, ряд общественных организаций, в частности влиятельная ассоциация бывших фронтовиков, заявили о своем отказе от поддержки фашизма. Правительство полностью утратило контроль над ситуацией и не смогло мобилизовать даже фашистскую милицию. В верхах ПНФ царил паника. Депутаты оппозиционных нефашистских партий (либералы, пополяри, социалисты, коммунисты и др.), возмущенные совершенным злодеянием, покинули парламентский дворец Монтечitorio и образовали оппозиционный блок, названный по аналогии с одним из эпизодов борьбы в Античном Риме Авентинским²⁶.

Муссолини был вынужден прервать работу парламента. Никогда прежде он не был так потрясен и растерян. Удары обрушивались на него со всех сторон, соратники прятались по углам, чиновники министерств разбежались кто куда, на улицах взбудораженные горожане угрожали самосудом. По свидетельству помощников Муссолини, в те кризисные дни он был охвачен паникой: метался по кабинету, бил себя кулаками по голове, кричал, что с фашизмом в Италии покончено навсегда. Муссолини казнил себя за неосмотрительность, но это были не упреки совести, а муки политика, совершившего ошибку и поставившего на карту свою карьеру. А потом он впал в протрацию. Законченный индивидуалист, Муссолини остро нуждался в помощи и поддержке. Бледный, с потухшим взором на небритом лице, трясущимися губами и бессильно опущенными на письменный стол руками, он выглядел как некий "торговец, собирающийся объявить о своем банкротстве". Таким его застали главарь болонских фашистов Л.Арпинати и четверо сквадристов, специально приехавших в Рим, чтобы поддержать своего

²⁴ Отмена именной регистрации ценных бумаг, замена прогрессивного налогообложения пропорциональным, отмена ограничений на рост платы за жилье, денационализация телеграфа, телефона и трамвайных путей, сокращение расходов на социальное страхование и др.

²⁵ *Sarfatti M.* Op. cit., p. 260.

²⁶ Авентинский холм — один из семи холмов Вечного города, на который удалились плебеи в знак протеста против политики патрициев.

дуче "Ситуация невыносима, — промямлил Муссолини в ответ на бодрые речи Арпинати, — мне швырнули под ноги труп"²⁷. Спустя несколько лет дуче признался своему лечащему врачу, что "в те дни достаточно было бы натиска 50, нет, даже 20 решительных людей", и он бы ушел в отставку.

Постепенно пик кризиса миновал, буржуазия вновь сплотилась на платформе фашизма, и дуче воспрянул духом. 3 января 1925 г. он выступил в парламенте с речью, которая означала переход фашизма в наступление. В короткий срок в Италии была издана серия "чрезвычайных законов", приведших к ликвидации демократических институтов общества и установлению фашистской диктатуры²⁸. Удар по демократии был для Муссолини логичным, ибо само понятие "свобода" существовало в его представлении в качестве некоей отвлеченной категории, лишенной конкретного содержания. Не раз он откровенно насмеялся над принципами Великой французской революции, говорил, что свобода всегда была лишь плодом воображения философов, а народ, мол, просит у него не свободу, а хлеб, дома, водопроводы.

Муссолини присвоил себе новый официальный титул — "глава правительства" и отныне должен был формально отчитываться в своих действиях только перед королем, который в свою очередь мог подписывать декреты лишь с ведома и согласия дуче. Традиционное разделение законодательной и исполнительной властей было в значительной степени сведено на нет, так как правительство получило право издавать законы даже без формального согласия парламента. Дуче прочно усвоил привычку объявлять о своих решениях с балконов официальных резиденций: дворцов "Киджи", позже "Венция". Собиравшиеся перед дворцом чернорубашечники, да и просто любопытные восторженно вопили "ДА"! в ответ на вопрос дуче, нужен ли тот или иной декрет. Эта нехитрая процедура позволяла Муссолини представлять "да", сказанное фашистами, как согласие с его, политикой большинства итальянцев. Официальным органам информации оставалось лишь преподнести соответствующим образом это "народное одобрение".

Для Италии 30-е годы были временем упрочения и господства режима Муссолини. Многим тогда казалось, что фашизм укрепился надолго, что он расширил национальные горизонты, добился реальных успехов и обеспечил себе поддержку подавляющего большинства итальянцев. Методы, которыми пользовался Муссолини для насаждения таких представлений, сочетали элементы прямого насилия с попытками капиллярного, всеохватывающего проникновения фашистских постулатов и структур в ткань гражданского общества, в души и мысли людей. Дуче был изощренным и умным диктатором. Он понимал, что одним лишь насилием невозможно создать прочный фундамент политической власти, что необходимо нечто большее — согласие людей с существующей системой, отказ от попыток противодействия ей. С этой целью фашизм активно насаждал в обществе собственную систему идейно-политических и нравственных "ценностей", основанную на безоговорочном признании авторитета вождя, олицетворявшего абсолютную истину во всех ипостасях. Моральная уязвимость господствовавшей идеи была очевидна. Однако осознание этого факта толкало носителей идеи не к нравственной самопереоценке, а к силовому подавлению всякого другого мнения, затыканию ртов и физическому устранению инакомыслящих. При этом отсутствие массовых форм проявления диссидентства объявлялось верным признаком всеобщего согласия.

Полностью отрицать такое согласие нет достаточных оснований, ибо замыкание протеста на личностном уровне, его самоограничение рамками неконтроли-

²⁷ Цит. по: *Fermi L.* Op. cit., p. 246.

²⁸ Роступск антифашистских партий и организаций, запрет антифашистской печати, создание Особого трибунала и тайной политической полиции режима (ОВРА), фашизация государственных институтов, присвоение БФС законодательных функций и др.

руемой мыслительной деятельности является не чем иным, как формой безропотного принятия навязываемых сверху устоев и догм. Кроме того, режиму Муссолини действительно удалось "оболванить" значительные массы людей, в особенности молодых, привить им стереотипы поведения, внедрить в их сознание жизненные устои, соответствовавшие теории и практике фашизма²⁹. И хотя это влияние оказалось не столь глубоким, как хотелось Муссолини и его окружению, оно тем не менее сформировало определенный пласт политической культуры итальянского общества того времени. Консенсус был, таким образом, достигнут, но стабильным он не был никогда: до середины 30-х годов зона конформистского согласия в обществе расширялась, но после интервенции в Испанию и издания "расовых законов" в 1938 г. приоритет в средствах обеспечения политической стабильности и консенсуса вновь был отдан силовым методам.

В условиях католической Италии обеспечение общественного согласия в значительной степени зависело от отношений государства с Ватиканом. Конечно, Муссолини очень хотелось решить "римский вопрос"³⁰, перед которым пасовали все его предшественники. Собственное прошлое его ничуть при этом не смущало. В молодости он был воинствующим атеистом и даже некоторые из своих статей подписывал как "подлинный еретик". Его ортодоксальность с порога отвергала мнение тех социалистов, которые считали религию частным делом каждого, а не "опиумом для народа".

Злобные нападки на христианское учение, культ и его служителей продолжались вплоть до начала 20-х годов, однако вскоре тон выступлений Муссолини резко изменился. В первой речи в парламенте он имел смелость упомянуть десятилетиями не поднимавшийся "римский вопрос", а став премьером, нанес сильный удар по антиклерикальной традиции либералов: выделил средства на восстановление разрушенных церквей, в школы и больницы вернул распятие, признал католический университет в Милане и увеличил жалованье 60 тыс. приходских священников.

Действия Муссолини не сопровождалась какой-либо ломкой мировоззрения, они диктовались потребностями политической стратегии и тактики. Вне рамок этих потребностей Муссолини оставался верен себе: в церковь не ходил, никогда не исповедовался, религиозные обряды не признавал. Лишь однажды, в 1932 г., он нанес официальный визит в Ватикан и в соответствии с обычаем должен был

²⁹ Оставляя в стороне нуждающийся в специальном рассмотрении вопрос об идеологии итальянского фашизма, отметим лишь то, что ее стержнем был примат интересов нации над интересами всех социальных групп и отдельно взятых индивидуумов. Именно нация становилась тем высшим нравственным мерилom, которое, по замыслу фашистов, должно было определять поведение и помыслы людей. Интегрированные интересы нации должно было выражать фашистское государство, вне которого не могли существовать ни политические организации общества, ни группы, ни даже индивидуумы. Основываясь на принципах корпоративизма, государство должно было примирять в своем единстве различные общественные интересы. В свою очередь корпоративизм, трактованный фашистами как "новый тип политической организации общества", был противопоставлен социализму и либерализму одновременно. В развернутом виде эти идеи изложены в "Хартии труда", одобренной БФС весной 1927 г., а также в "Доктрине фашизма", написанной философом Дж. Джентиле и отредактированной самим дуче. Этот документ был опубликован в XIV томе "Энциклопедии Треккани", вышедшем в свет в 1932 г. В советской литературе идеология итальянского фашизма наиболее полно освещена в упоминавшейся выше монографии Б.Р. Лопухова "История фашистского режима в Италии".

³⁰ Так называемый "римский вопрос" возник в прошлом веке в ходе завершения объединения Италии под эгидой Савойской династии. В сентябре 1870 г. королевские войска заняли Рим — столицу папской области. Первосвященник лишился светской власти, проклял итальянское государство и запретил католикам участвовать в политической жизни. В условиях страны, подавляющая часть населения которой была верующей и находилась под духовным влиянием Ватикана, такой разрыв выглядел явной аномалией, однако попытки либерального государства примириться с папой успеха не имели.

участвовать в торжественной молитве у гробницы святого Петра. Дуче опустился на колени только после того, как из храма были удалены все фотокорреспонденты.

“Римский вопрос” был официально урегулирован в 1929 г. В обмен на официальное признание Итальянского королевства Ватикан получил статус самостоятельного государства с территорией 44 гектара и населением около тысячи человек. Однако отношения святого престола с фашистским режимом оставались непростыми и в дальнейшем неоднократно обострялись.

Держа под контролем тайную полицию, дуче постоянно требовал от агентов максимально полной информации об умонастроениях в стране, как о деятельности высших иерархов, так и о высказываниях бывших политических противников, находившихся в тюрьмах и эмиграции. Муссолини, человеку, глубоко презиравшему всякую идеологию, было совершенно непонятно, как можно за идеи обрекать себя на страдания и идти на смерть. Впрочем, это не мешало ему требовать от итальянцев самопожертвования во имя фашизма. Он хотел знать все о поведении и мыслях людей – каждый их шаг и замысел должен был быть под контролем. Пожалуй, контроль над мыслью был для него даже важнее, чем истинная приверженность фашизму.

Ежедневно обычный, средний итальянец, раскрывавший за чашкой утреннего кофе свежую газету, на первых же полосах узнавал о деяниях “любимого дуче”, о его новых победах и полных глубочайшего философского и политического “смысла” изречениях. Перевернув несколько страниц, он снова наткнулся на выделенные крупным шрифтом слова “ДУЧЕ” и “МУССОЛИНИ”³¹ и, как всегда, узнавал, что успехи страны в области культуры и спорта также являются результатом “гениального воздействия” вождя. Муссолини со страниц газет представлял автором всех “великих достижений” нации, ее гордостью и символом. Если поезд приходил по расписанию, а спортсмен выигрывал турнир, если итальянский самолет пересекал Атлантику, а крестьяне собирали хороший урожай, если “Ла Скала” обнаруживала новые таланты, а генуэзские портовики быстро разгружали транспортные суда – все это было неизменной “заслугой ДУЧЕ”.

Почерпнув из газет эту немудреную “истину”, обычный итальянец отправлялся на работу и, едва выйдя за порог дома, вновь наткнулся на изображение человека с большим черепом и “решительным, волевым взглядом”. Он сопровождал обывателя всюду: портреты вождя были расклеены на стенах домов и трамваев, его бюсты заполнили городские площади и скверы, его высказывания “украшали” рекламные афиши, фронтоны жилых домов и государственных учреждений, щиты вдоль шоссе и железных дорог.

Похоже, в какой-то момент Муссолини и сам уверовал в то, что он человек, “ниспосланный Италии провидением”, что все ее успехи есть плод его гениального творчества. Он прочно усвоил привычку обо всем – будь то фашистская милиция, государство, армия или рабочее законодательство – говорить “мое” или “созданное мной”. “Править” значило для него “править образцово”, ибо иначе Муссолини якобы не мог править вообще. Представление об “образцовом правлении” и реальность слились в его сознании воедино, и тем самым он в какой-то мере стал жертвой им же созданного обмана. “Итальянцы, будьте спокойны, – заявил он однажды в ходе поездки по Реджо-Эмилии, – я буду вести вас все выше и все дальше”³². И чем дальше он вел, тем активнее и грубее насаждался в стране его культ.

Среди политических деятелей XX в. дуче – беспорный чемпион по количеству занимавшихся им государственных постов. В 1929 г. он был одновременно главой правительства, Большого фашистского совета, фашистской милиции, министром

³¹ Обязательный набор этих слов крупным шрифтом был предписан всем издательствам специальным распоряжением секретаря фашистской партии А. Стараче в феврале 1933 г.

³² *Mussolini B. Scritti e discorsi*, v. 2. Milano, 1934, p. 134.

внутренних и иностранных дел, военным, военно-морским, министром авиации и корпораций. Кроме того, он являлся вождем партии и итальянской нации, хотя таких должностей никто никогда не устанавливал, "почетным академиком" Болонской филармонии, обладателем многих других титулов, а позже стал еще и первым маршалом империи. Все рекорды прошлого были побиты. Муссолини мог бы по праву занять достойное место в "Книге рекордов Гиннеса".

Раздувание мифа о "сверхчеловеке", ведущем нацию к "светлому будущему", достигло апогея во второй половине 30-х годов. В честь дуче слугали поэмы и песни, снимали кинофильмы, создавали монументальные скульптуры и штамповали статуэтки, рисовали картины и печатали открытки. Бесконечные славословия лились на массовых митингах и официальных церемониях, по радио и со страниц газет. Даже календарь должен был приравниваться к посту "великого человека": с 1933 г. новое официальное летоисчисление начало отсчитывать годы "фашистской эры".

Фашизм внес в повседневную жизнь итальянцев серию ритуалов, условно объединявшихся понятием "фашистский стиль". "Весь комплекс наших повседневных привычек должен быть преобразован: наши манеры есть, одеваться, работать и спать", — заявил Муссолини в 1932 г.³³ И вот, чтобы создать "новый моральный и физический тип итальянца", режим Муссолини начал яростно внедрять в общество смехотворные, а порой и просто глупые нормы поведения. По инициативе Стараче, разумеется, одобренной дуче, среди фашистов были отменены рукопожатия, женщинам было запрещено носить брюки, для пешеходов устанавливалось одностороннее движение по левой стороне улицы (чтобы "не мешать друг другу"). Фашисты обрушились на "буржуазную привычку" пить чай и попытались вытравить из речевого употребления личное местоимение женского рода *Lei*, использовавшееся в качестве вежливой формы обращения. Редакторы газет и журналов были вынуждены вычеркивать из текстов преследуемое слово, ибо, по мнению Муссолини, оно было обращением буржуазным и служило для отделения буржуазии от народа. В официальной печати указывалась и другая причина травли несчастного местоимения: чуждость "женственной формы обращения мужественному стилю" фашистской жизни.

Этот стиль — "быстрота, решительность, динамизм" — должны были укрепить так называемые "фашистские субботы". По решению правительства все итальянцы, независимо от возраста, социального положения и пола должны были по субботам заниматься военно-спортивной и политической подготовкой. Муссолини сам являл пример для подражания, устраивая массовые заплывы, бег с барьерами и скачки на лошадях. На пляже Риччоне он демонстрировал перед фотокамерами обнаженный бронзовый торс и, как заправский культурист, играл накачанными мускулами. Модными и повсеместными стали массовые гимнастические упражнения, ибо движения в едином ритме, по мнению фашистов, способствовали выработке чувства коллективизма. Муссолини требовал, чтобы все партийные собрания сопровождалось занятиями физкультурой, а иерархи сдавали спортивные нормы. Даже в повседневной жизни он нашел способ проверять "уровень" их подготовки: входя в здание в сопровождении свиты, Муссолини стремглав несся вверх по лестнице, увлекая за собой и престарелых охающих генералов и полных сил фашистских молодчиков.

В 30-е годы появился еще один новый массовый ритуал: "фашистские свадьбы", на каждой из которых Муссолини считался посаженным отцом. Стимулирование прироста населения он возвел в ранг государственной политики и придавал этому особое значение, выразив свой замысел в сжатой формуле: "Больше населения — больше солдат — больше могущества". В ноябре 1933 г. в Риме вступили в брак

³³ *Mussolini B. Opera omnia*, v. XXI. Firenze. 1956, p. 371.

2 тыс. 620 юных пар, многие из которых специально прибыли в столицу. Каждая семья получала символический подарок от дуче, а в ответной благодарственной телеграмме или письме обещала через год "подарить фашистской родине маленького солдата".

Вездесущий дуче вдохновлял массы личным примером не только в "битве за высокую рождаемость" (у него было к 1929 г. уже пять детей), но и во всех прочих "битвах" фашистского режима: "за хлеб", "за лиру", "за интегральную мелиорацию". Он демонстративно участвовал в молотье, танцевал с крестьянками, получал символическую заработную плату. Он часто ездил по городам и провинциям, вся жизнь которых задолго до визита подчинялась этому "историческому событию": к торжественной встрече вождя со всей округи сгоняли крестьян и стягивали воинские части, предприятия прекращали работу, дети усиленно репетировали приветствия.

Тем, кто страдал от этого лицемерия, ханжества и фальши, приходилось замыкаться в себе, однако значительная часть обывателей, особенно в середине 30-х годов, судила о Муссолини приблизительно так: он установил в стране порядок, многим безработным дал работу, искренне печется о величии нации и пытается установить "социальную справедливость". Разговоры о "социальной справедливости" стимулировались насаждением в стране корпоративной системы, нацеленной, по замыслу дуче, на преодоление классовых антагонизмов³⁴. Именно такое поверхностное восприятие на уровне обыденного сознания служило надежным фундаментом вождизма, пестовавшего рабскую психологию толпы.

"Битва за хлеб" и "интегральную мелиорацию" была составной частью более широкой экономической политики, направленной на усиление государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Оно преследовало цель вывести страну из кризиса, обеспечить приоритетное развитие военных отраслей производства, сохранить систему буржуазных отношений как таковую. От отрицания частной собственности в бытность свою социалистом Муссолини пришел к провозглашению ее необходимой составной частью жизни индивида, "его правом и даже обязанностью". Несмотря на сложные отношения с хозяевами итальянской экономики³⁵, дуче был кровно заинтересован в их поддержке, понимая, что без этого ему не удастся сохранить политическую власть даже в условиях тоталитарного режима. Поэтому меры, осуществлявшиеся фашистским правительством по "оздоровлению" экономики, были направлены на укрепление именно государственно-монополистического альянса.

Укрепившись у власти, Муссолини рьяно взялся за перестройку Рима. С 1925 по 1942 гг. с целью высвобождения места под гражданское строительство в столице было разобрано на кирпичи 19 церквей. Когда же один из фашистских иерархов Дж. Боттаи посмел заметить патрону, что разрушение памятников старины деморализует народ, дуче презрительно бросил: "Ха! Этот народ эстетов! Искусство отравило итальянцев"³⁶.

В кругу родных и близких дуче не скрывал своего непонимания искусства и презрения к нему. М. Сарфатти он признался, что ощущает себя "абсолютным варваром, бесчувственным к красоте"³⁷, а жене Ракеле как-то раз заявил, что

³⁴ В 1930 г. в стране был учрежден национальный Совет корпораций, руководивший деятельностью 22 отраслевых корпораций. По замыслу фашистов, эти организации должны были регулировать условия найма рабочей силы и мирным путем разрешать возникающие конфликты. В корпорациях на паритетной основе были представлены предприниматели и рабочие.

³⁵ То, что фашизм выражал интересы в основном монополистического капитала, вовсе не означало, что между ними не было противоречий, поскольку политика в фашистском государстве имела значительно большую самостоятельность по отношению к экономике, чем в либерально-демократических государствах.

³⁶ *Bottai G. Op.cit.*, p. 207.

³⁷ *Sarfatti M. Op.cit.*, p. 262.

был бы счастлив, если б музеи "хранили больше захваченных у неприятеля знамен, нежели античных статуй"³⁸. По свидетельству зятя Муссолини министра иностранных дел графа Г. Чиано, сопровождая Гитлера в галереях Питти и Уффици, дуче не скрывал раздражения и усталости, а в 1940 г. всерьез говорил о возможности продажи в Германию произведений итальянского искусства³⁹. К счастью, этого не произошло. Неприязнь к искусству дуче объяснял по-своему понимаемой им природой человека. "Прежде чем ощутить необходимость в культурном развитии, — считал он, — человек почувствовал потребность в приказе. В известном смысле можно сказать, что в истории полицейский предшествовал педагогу"⁴⁰.

Рабочий день Муссолини начинался с просмотра приготовленных ему бумаг. Он накладывал резолюции красным или синим карандашом, его почерк был мелким и неразборчивым. Затем наступал черед приема высших функционеров, каждый из которых докладывал о состоянии дел в своем ведомстве. Практически ежедневно перед дуче представляли: шеф полиции и глава карабинеров, министр национального воспитания, секретарь ПНФ, а также начальник телефонной службы, пользовавшийся особым доверием Муссолини и прослушивавший все интересовавшие его телефонные разговоры. Муссолини требовал от подчиненных полной и достоверной информации, вплоть до пересказа анекдотов, ходивших о нем по стране. Почти никто, однако, не решался их воспроизводить, так как дуче не любил шуток в свой адрес и ужасно злился. Кроме того, что Муссолини раздражался по поводу любой малоприятной информации, иерархи предпочитали ее утаивать, следуя негласно установившемуся среди них правилу: говорить Муссолини то, что он хочет услышать. Дуче окружало много малограмотных, тупых людей. Он сам подбирал себе исполнителей и слепую преданность тупицы всегда предпочитал трезвости рационального ума. Своему секретарю А. Де Стефани он даже как-то раз признался: "Между разбойником и человеком достойным, если я ни того, ни другого не знаю, всегда выбираю первого"⁴¹. Принцип подбора кадров был до смешного прост — личная симпатия или неприязнь дуче. Нередко выбор счастливица определялся его внешним видом, умением себя подать, удачной шуткой или чем-либо еще в этом роде. По свидетельству фашистского функционера Ч. Росси, дуче назначил префектом Милана известному своим нейтралистскими взглядами генерала Н. Рокка лишь потому, что у того была пышная борода⁴². 26 мая 1927 г., выступая в палате депутатов, Муссолини так высказался по поводу своего аппарата: "Все министры и их заместители — это солдаты. Они идут туда, куда их направляет Глава правительства, и останавливаются, если я приказываю остановиться"⁴³.

Давно ушли в прошлое те времена, когда Муссолини был хоть и признанным, но все же одним из лидеров фашизма, когда он яростно спорил с соратниками, учитывал их позиции и настроения. Теперь между дуче и иерархами была незримая, но от того не менее глубокая пропасть: даже докладывать Муссолини в его кабинете они обязаны были стоя. Дуче не скрывал, что ОВРА по его поручению контролирует частную жизнь и переписку иерархов. Каждого из них ни на минуту не покидало чувство неуверенности и страха за карьеру, ибо Муссолини часто и тщательно "тасовал колоду" своих приближенных, сообщая о смещениях и перемещениях через средства массовой информации. В 1939 г. посол фашистской

³⁸ *Mussolini R.* Op.cit., p. 111.

³⁹ *Ciano G.* Op.cit., p. 231.

⁴⁰ *Mussonini B.* Opera omnia, v. XIX. Firenze, 1955, p. 137.

⁴¹ Цит. по: *Bertoldi S.* Op. cit., p. 121.

⁴² *Rossi C.* Op. cit., p. 247.

⁴³ *Mussolini B.* Opera omnia, v. XXII. Firenze, 1956, p. 287.

Италии в Англии Д. Гранди, приехавший в Женеву по делам службы, был ошарашен газетным сообщением о том, что он покинул Лондон и вернулся в Рим, чтобы занять пост министра юстиции.

Однако сквозь иллюзорную величавость диктатора проглядывали его мелочное тщеславие и некомпетентность. Вину за серьезные промахи он обычно сваливал на кого-либо из высших функционеров (иначе и быть не могло, ведь дуче непогрешим!) и в то же время не мог расстаться с привычкой вмешиваться даже в самые мелкие, малозначительные дела. К примеру, только с разрешения дуче регулировщики на площадях могли переходить на летнюю или зимнюю форму одежды. Муссолини был удивительно последователен в своей непоследовательности. По словам Чiano, он часто "дезорientировал тех, кто с ним работал"⁴⁴. Начальник политического отдела полиции Г. Лето упоминал случаи, когда решения Муссолини по какому-либо ведомству вступали в противоречие с интересами другого ведомства. Оно, в свою очередь, предлагало диктатору вариант решения, исключавший предыдущее, и Муссолини без колебаний его принимал. Создавалась тупиковая ситуация, которая никоим образом не разрешалась, но зато развязывала руки аппаратчикам обоих ведомств. Государственная бюрократия обрела в 30-е годы реальную силу и немалую автономность. И хотя в Италии принцип вождизма не был формально закреплен на местном уровне, каждый провинциальный партийный и административный божок ощущал себя полноправным хозяином вотчины. Тотальное возвеличивание Муссолини рождало неумную тягу фашистских главарей к созданию собственных культивов, вело к злоупотреблениям и хамской вседозволенности. Коррупция и казнокрадство захлестнули бюрократический аппарат в центре и на местах, а многочисленные финансовые аферы на военных заказах привели к расцвету нуворишей.

Муссолини со своего Олимпа сквозь пальцы взирал на эту мышиную возню, лишь изредка карая самых зарвавшихся. Он лишал их постов и привилегий, а на освободившиеся места назначал новых временщиков. Многие назначения формально осуществлялись от имени короля, на прием к которому дуче регулярно являлся по вторникам и четвергам. Юридически Виктор-Эммануил III оставался главой государства, что создавало видимость дуализма в управлении страной. Зремя от времени между дуче и королем возникали разногласия, но во всех принципиальных вопросах победу одерживал Муссолини. Как-то раз он сказал своей жене Ракеле, что, "если король попробует помешать мне делать то, что я хочу, я снова стану республиканцем"⁴⁵. Ему даже удалось сделать фашистскую песню "Джиовинецца" государственным гимном наряду с "Королевским маршем". Пожалуй, это был единственный случай в истории, когда страна имела два официальных гимна.

Личные отношения между Муссолини и Виктором-Эммануилом III не сложились. Дуче презирал стареющего монарха за слабости и чванливость; король, в свою очередь, платил ему той же монетой, видя в Муссолини выскочку из плебса, которого он не может обуздать.

В отличие от своего зятя Г. Чiano Муссолини не стремился к безудержному личному обогащению. Он был равнодушен к деньгам, но не к тем благам, которые они обеспечивают. Дуче любил повторять, что "единственное преимущество", которое в личной жизни предоставила ему власть, это "возможность владеть хорошей лошадей". Уточним для правдивости, что лошадей на вилле "Торлония", где он жил, было больше дюжины, а недостатка в средствах "на личные расходы" Муссолини не испытывал. Он мог демонстративно отказаться от жалованья

⁴⁴ *Ciano G. Op. cit., p. 389.*

⁴⁵ *Mussolini R. Op. cit., p. 152.*

премьера, сделав вид, что не замечает, как ретивые помощники аккуратно складывают эти деньги на специальный счет дуче в "Банко д'Италия" в Брешии. К 1943 г. на этом счету скопилось около 1,5 млн. лир. Основным источником дохода семьи Муссолини служила принадлежавшая ему газета "Пополо д'Италия". Кроме того, он получал жалование депутата, приличные гонорары за статьи в зарубежных изданиях, изрядные суммы за всевозможные титулы. Эти средства позволяли дуче ни в чем не отказывать ни себе, ни своим близким. Фанатичный автостроитель, он купил для собственного удовольствия несколько наиболее престижных автомобилей и часто ими пользовался.

Однако все эти расходы не шли ни в какое сравнение с теми государственными средствами, которыми Муссолини распорядился почти бесконтрольно. Львиная их доля уходила на так называемые "представительские цели", к которым принадлежали и яхта "Аврора", стоявшая на рейде в постоянной готовности, и персональный самолет — дуче сам нередко управлял им, — и реставрация его замка "Рокка делле Камминате" в провинции Форли, и организация многочисленных шоу, стоившая десятки миллионов лир. Наконец, дуче располагал огромными секретными фондами политической полиции, отчета в расходовании которых вообще не предусматривалось. При желании Муссолини мог сказочно разбогатеть, но не испытывал в этом потребности. Он имел все, что хотел, удовлетворив собственное представление о роскоши.

Дуче всегда жил в себе и для себя. Он "не принадлежал семье" — не из-за чрезмерной загруженности работой, а из-за склада характера. Общение с детьми (Эддой, Витторио, Бруно, Романо, Анной-Марией) было спорадическим и поверхностным, близких друзей дуче никогда не имел и "физически" не выносил людей, которые были ему чем-то неприятны. У него были хорошие отношения с братом и сестрой, и в декабре 1931 г., когда Арнальдо умер, Муссолини испытал искреннюю горечь утраты. Он даже написал небольшую книжку "Жизнь Арнальдо", но это был "памятник" не столько брату, сколько самому себе. Еще один личный удар дуче пережил в связи со смертью сына Бруно, разбившегося при выполнении тренировочного полета в августе 1941 г.

Жена Муссолини, донна Ракеле, была женщиной трезвого крестьянского ума и практической сметки. Она не вмешивалась в государственные дела супруга, знала о многих его амурных похождениях, но активно вступала в бой лишь тогда, когда ощущала угрозу семейному благополучию.

Муссолини часто произносил внешнеполитические речи и часто угрожал. Некоторые европейские дипломаты настолько к этому привыкли, что даже не придавали им особого значения. Они полагали, что крикливость дуче не подкреплялась военно-экономической мощью Италии. Понимал это и сам Муссолини. В 1933 г., когда заметно поутихли кризисные боли в экономике, он принял решение о существенном увеличении военных расходов и модернизации технической оснащенности армии. Особый упор делался на создание бронетанковых частей, дальноточной артиллерии, скорострельного оружия для пехоты. Новый закон о военной подготовке в той или иной форме охватывал все взрослое мужское население страны.

Во внешней политике у Муссолини не было каких-либо твердых принципов. Как привило, он руководствовался сугубо прагматическими соображениями, пытаясь из каждой конкретной ситуации извлечь максимум возможного для укрепления своего реноме. Он всячески пытался привлечь к Италии внимание крупных держав, изобразить увеличение ее веса в международной политике, снискать себе лавры вершителя судеб народов мира. Прагматизм толкал его к поиску трещин и противоречий в отношениях между европейскими государствами, к их углублению и расширению. Он был готов заключать какие угодно договоры, ибо они усиливали в нем чувство собственного величия, хотя на деле почти ничего не значили. Так обстояло дело и с подписанным 2 сентября 1933 г.

советско-итальянским "Пактом о дружбе, ненападении и нейтралитете"⁴⁶. Дуче не раз повторял, что вечных договоров не существует и что все они рано или поздно пересматриваются. Одно лишь воспоминание о поражении итальянских войск под Адуа в 1896 г. значило для него больше, нежели любая статья любого договора. Он жаждал оплатить "великий счет, открытый в 1896 г.", и воссоздать империю.

В апреле 1935 г. Муссолини подписал с министром иностранных дел Франции П. Лавалем соглашение о разделе сфер влияния в Африке, и спустя полгода итальянские войска вторглись на территорию Эфиопии. Колониальная война продлилась семь месяцев и два дня. Муссолини всерьез уверовал в свой военный гений, полагая, что разгром врага был обеспечен его умелым руководством из Рима. Виктор-Эммануил удостоил главу правительства большого военного ордена Савои за "подготовку, руководство и победу в самой большой колониальной войне, какую знает история". В угаре шовинизма даже многие противники режима были вынуждены признать, что дуче возродил былое могущество и величие Италии. Упивавшийся собственной славой, Муссолини наверняка рассмеялся бы в лицо тому, кто осмелился бы предположить, что всей его империи не суждено прожить и десятка лет, а временный триумф — это не начало победоносного шествия, а первый шаг на пути к неминуемой катастрофе.

Окончание следует

⁴⁶ Подробнее см.: *Lozzi C. Mussolini — Stalin. Storia delle relazioni italo-sovietiche prima e durante il fascismo. Milano, 1983.*

© 1991 г.

А.В. ПОТАПОВ

КРИЗИС ГДР В 80-х ГОДАХ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Осень 1989 г. положила начало процессу бурных перемен в странах Восточной Европы. Общим для этих государств являются глубокий кризис прежней модели общественного развития и стремление найти рациональные пути выхода из него.

В то же время как исходные условия кризиса, так и пути его преодоления в каждой стране имеют свои специфические черты.

Особое место здесь занимают события в бывшей ГДР, что связано прежде всего со скоростью изменений, завершившихся объединением двух немецких государств и созданием предпосылок для окончания противостояния в Европе.

Автору этой статьи довелось работать в ГДР в последние четыре года правления Э. Хонеккера. Постоянно возникало какое-то двойственное впечатление: разум подсказывал, что далеко не все так хорошо, как показывали витрины, но иногда прорывалось: "Вот, могут и при той же системе!". Проводившаяся идеология полных витрин магазинов во многом помогала прежней власти поддерживать искаженное впечатление о себе у многих правительств Восточной Европы и СССР.

Крах ГДР! Еще два года назад мало кто поверил бы в такое, а говорить в открытую об этом было просто невозможно. И никто ни на Востоке, ни на Западе не ожидал, что все рухнет так быстро¹. Ведь еще летом 1989 г. Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) готовилась к своему XII съезду и основным был вопрос о будущем преемнике Хонеккера. Фасад системы казался весьма прочным, создавалось впечатление, что еще минимум два-три года все будет по-прежнему, а потом понемногу начнется перестройка сверху.

Но ситуация обострялась чрезвычайно быстро. За пять месяцев страна прошла путь от "бетонного" (как говорили на Западе) социализма до создания основ буржуазной (в нашем недавнем понимании) демократии. Более того, вырвались на свободу требования объединения нации.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

Кризис конца 80-х годов в ГДР не был изолированным явлением, он стал логическим продолжением кризисных ситуаций предыдущих 40 лет существования страны. Наиболее отчетливо кризисность развития проявилась в 1953 г. (экономический и политический кризисы), 1961 г. (в основном — политический), конец 60-х годов (экономика и политика). Все эти события расшатывали устой тоталитарного общества, и их взаимосвязь с событиями 1989—1990 гг. несомненна. В данной статье автор уделяет основное внимание событиям конца 80-х годов

¹См., например: *Bender P.* Deutsche Parallelen. Berlin, 1990, S. 141—170; *Der Vertrag zur deutschen Einheit.* Hrsg. G. Bannas. Frankfurt a.M., 1990, S. 117—131; *Ein Deutschland wird es sein.* Hrsg. W. Venohr. Erlangen, 1990, S. 19—37; *Königsdorf H.* Adieu DDR. Hamburg, 1990, S. 9—11.

и внутренним аспектам объединения. Изменения в международной политике, произошедшие в связи с объединением Германии, имеют самостоятельное значение и требуют специального анализа.

Причины кризиса ГДР вытекали непосредственно из сущности тоталитарного государства, в значительной степени были результатом экономического и политического волюнтаризма². При этом особую роль сыграло нахождение у власти СЕПГ, партии сталинистского типа, как оценивают ее сегодня многие, в том числе и ее формальная преемница — Партия демократического социализма (ПДС).

Монопольная власть СЕПГ стала основным фактором обострения и углубления застойных и кризисных явлений в жизни страны. Особенно это проявилось в 80-е годы, когда все страны Восточной Европы стали резко отставать в экономическом развитии от остального мира, поскольку настроенная на экстенсивное развитие модель экономики (а при всеобщем огосударствлении собственности иного быть не могло) не сумела угнаться за все ускоряющимся научно-техническим прогрессом. Провалы в экономике неизбежно повлекли за собой реакционные меры в политике.

Кризис в ГДР в немалой степени был вызван политикой руководства правящей партии во главе с Э. Хонеккером. Однако необходимо отметить и взаимосвязь многих событий в ГДР, как, впрочем, и в других странах Восточной Европы, с политикой прежнего руководства КПСС.

Перед VIII съездом СЕПГ в 1971 г. произошла смена лидера и Первым секретарем ЦК СЕПГ стал Э. Хонеккер. Прежний руководитель партии В. Ульбрихт нарушил "правила игры" того времени: несмотря на принципиальное единство позиций ГДР и СССР, в ряде вопросов были существенные расхождения, особенно в области международной политики. Советский Союз к концу 60-х годов начал активно прорабатывать вопросы разрядки, а руководство ГДР не было в этом заинтересовано в силу специфики германской проблемы. Расхождения были и в отношении к социал-демократии, так как СЕПГ пыталась тогда наладить контакты с Социал-демократической партией Германии (СДПГ). ГДР, как наиболее развитая страна Восточной Европы, стремилась проводить самостоятельную политику по отношению к другим восточноевропейским странам. Были расхождения и в теоретических вопросах — "развитое социалистическое общество", например, рассматривалось в ГДР не как этап коммунизма, на чем настаивала КПСС, а как самостоятельная общественно-экономическая формация.

На фоне трений Ульбрихта с руководством КПСС активизировалась борьба группировок в высшем руководстве ГДР, чему способствовали провалы в экономике республики в конце 60-х годов, когда в результате отката на прежние позиции был сорван эксперимент с "новой экономической системой", которая по сути своей была аналогична хозяйственной реформе середины 60-х годов в СССР. В группу Хонеккера входили сравнительно молодые члены и кандидаты в члены Политбюро: Г. Миттаг, Х. Аксен, К. Хагер, В. Штоф. Поскольку далеко не все были согласны с избранием Хонеккера на роль нового главы партии и государства, Л.И. Брежнев лично принял участие в работе VIII съезда СЕПГ и гарантировал поддержку Хонеккеру³.

Судьба Хонеккера была неразрывно связана с коммунистическим движением в Германии, включая все его успехи, недостатки и провалы. Он родился 25 августа 1912 г. в семье шахтера-коммуниста, в одном из городков земли Саар на западе Германии. Район Саара наряду с Руром и Гамбургом был одним из центров профсоюзного и левого движения, где сильные позиции имели социал-демократы и коммунисты. Хонеккер занимался работой среди молодежи, в 17 лет вступил в КПГ. В 1930 г. был направлен на годичную учебу в Москву, после чего продол-

² См. *Königsdorf H.* Op. cit., S. 9–11.

³ См. VIII съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1972, с. 116–130.

жал участвовать в молодежном коммунистическом движении. В 1934 г. был избран в ЦК Коммунистического союза молодежи Германии.

В 1935 г. он был арестован гестапо и провел 10 лет в тюрьме. После освобождения Германии от фашизма был избран секретарем ЦК КПГ по работе с молодежью, а в 1946 г. возглавил созданный Союз свободной немецкой молодежи. На Объединительном съезде КПГ и СДПГ в 1946 г. его избрали в состав Правления СЕПГ. В 1955–1956 гг. он вновь находился на учебе в Москве, после чего постоянно входил в состав руководства партии. В 1976 г. на IX съезде СЕПГ Хонеккер стал Генеральным секретарем, а чуть ранее занял важнейшие государственные посты – Председателя Государственного Совета и Председателя Совета обороны ГДР⁴.

В результате победы группировки Хонеккера в ГДР получила дальнейшее развитие командно-административная система, сталинистская модель общества – тоталитарное государство. Эта модель была навязана стране в конце 40-х годов, и лидеры, которые были выдвинуты самой системой, постоянно ее поддерживали и модернизировали.

Отношение партийных масс к руководству неуклонно ухудшалось, так как на фоне демократизации в других странах в ГДР все оставалось по-прежнему.

По заключению рабочей группы Чрезвычайного съезда СЕПГ–ПДС (декабрь 1989 г.) основными чертами 40-летнего правления СЕПГ являлись:

- концентрация власти в руках “надменных единоличных властителей”;
- командование экономикой из центра, который не имеет никакого понятия об элементарных потребностях производственных и социальных отраслей общества и об уровне жизни и запросах населения;
- регламентация и бюрократическая централизация в области культуры, науки и образования, что привело к утечке критически настроенных личностей за границу;
- лишение населения страны права голоса, уголовное преследование инакомыслящих;
- отстранение партийных масс от процесса формирования политики партии и принятия решений⁵.

Политическое и гражданское подавление инакомыслящих – один из основных принципов сталинизма. На Востоке Германии после войны подверглись репрессиям коммунисты, антифашисты и их семьи, которые пострадали еще в СССР в 30-е годы. Арестовывались социал-демократы, представители других партий. За несколько лет в ГДР были уничтожены многолетние традиции демократического движения, которое только начало возрождаться в результате разгрома фашизма.

Тоталитарный однопартийный режим СЕПГ маскировался существованием Национального фронта и блоковых партий – Христианско-демократической (ХДП), Либерально-демократической (ЛДП), Национально-демократической (НДПД) и Демократической крестьянской партии (ДКП). Все эти партии являлись политическими марионетками и реальной роли в системе власти не играли.

Процесс монополизации политической власти логически закончился в 1960 г. постановлением, которое делало решения СЕПГ обязательными для всех государственных органов.

Стремление обезопасить свою власть нашло выражение и в принятии решения о сооружении Берлинской стены в 1961 г. Этот факт явился отражением объективно сложившегося в то время жесткого противостояния двух систем, но он имел значение и собственно для СЕПГ. Возведение такой преграды послужило не пре-

⁴ Erich Honecker. Biographie. Berlin, 1984.

⁵ Neues Deutschland, 18. XII. 1989.

кращению, как тогда говорилось, подрывных экономических и разведывательных акций Запада, а устранению возможности для населения ГДР непосредственно сталкиваться с реалиями прогресса экономики на Западе. Были введены строгие ограничения на поездки в ФРГ и на встречи с родственниками оттуда. Берлинская стена фактически стала символом системы власти в ГДР.

В 60-е годы основную опасность для режима представляла собой экономическая реформа, идеи которой почти полностью совпадали с концепцией экономической реформы 1965 г. в СССР и могли привести к подрыву сверхцентрализованной командно-административной системы, монопольной власти СЕПГ. В конце концов реформа была провалена, а ее идеологи отстранены от участия в общественной жизни. На первый план выдвинулись ортодоксальные экономисты Х. Коциолек и О. Райнхольд, сгруппировавшиеся вокруг члена Политбюро Г. Миттага, который руководил экономической политикой и стал вторым лицом в стране.

Был ли Хонеккер диктатором, существовал ли его личный культ? Внешние атрибуты культа существовали, но безоговорочного подчинения не было. Действовала система государственного подавления, которую он возглавлял. Хонеккера нельзя назвать диктатором, он выступал как лидер своей группировки, где, кроме него, сильные позиции имели Г. Миттаг, министр госбезопасности Э. Мильке, идеологи партии К. Хагер и Й. Херманн. Эта группировка и возносила Хонеккера, прикрываясь им. "Огромным" был личный вклад Хонеккера, но на него одного возлагать всю ответственность нельзя.

Выпячивая "выдающиеся" личные качества Хонеккера и его "заслуги", правящая верхушка пыталась убедить народ в "жизненной важности" поддержки этого руководства. На XI съезде СЕПГ подчеркивалось, что еще VIII съезд партии внес "коренные изменения" в жизнь страны, провозгласив "единство направленной на интересы народа экономической и социальной политики"⁶. Группировка Хонеккера выбрала при этом два лозунга – жилищную проблему и низкие цены. Вся пропаганда строилась на подчеркивании скорого достижения этих целей, хотя связанные с их реализацией проблемы возрастали год от года и были очевидны для многих.

Бывшее руководство ГДР вело диалог на международной арене, но отказывалось от такового внутри страны, осуществляло репрессии по отношению к инакомыслящим, пренебрегало закономерностями общественного развития. }

Особо при существовавшем в ГДР режиме стоял вопрос об отношениях с церковью. В ГДР насчитывалось около 9 млн. верующих, в том числе евангелистов 8 млн., католиков около 1 млн., протестантов около 100 тыс; другие церкви и секты охватывали примерно 150 тыс. человек, т.е. более половины населения страны⁷. Церковь была отделена от государства -- СЕПГ рассматривала ее как отмирающий пережиток буржуазного общества. На словах постоянно подчеркивались добрые отношения государства и церкви и их взаимопонимание, но на деле существовало шаткое перемирие между светской и духовной властями.

Церковь, со своей стороны, никогда не стояла в прямой оппозиции к государственной власти. Более того, лидеры разных церквей, особенно евангелической, выступали за взаимодействие с СЕПГ в деле перемен в обществе. СЕПГ же, естественно, пыталась всячески ослабить влияние церкви на население.

Отношения официальных властей с церковью обострились в конце 70-х – начале 80-х годов, когда в ГДР активизировалось пацифистское движение. Его участники требовали демилитаризации страны, отказа от конфронтации и военных блоков. Эмблемой пацифистских групп была выбрана знаменитая скульпту-

⁶ XI съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1987, с. 16.

⁷ DDR – Handbuch, Bd. 1. Köln, 1985, S. 715.

ра Вучетича "Перекуем мечи на орала", стоящая перед зданием ООН. Госбезопасность ГДР по приказу руководства СЕПГ провела аресты активистов движения, а оставшихся на свободе членов групп укрыла евангелическая церковь. Для того, чтобы как-то улучшить осложнившиеся после этого отношения с церковью, СЕПГ активно участвовала в праздновании 500-летия Мартина Лютера в конце 1983 г. Эта акция дала некоторые результаты, но полностью всех проблем не сняла. Церковь продолжала собирать под своим крылом оппозиционеров.

К середине 80-х годов в ГДР наметился кризис власти, идеологии и политики правящей партии. Основными чертами этого кризиса были: идеологический застой и реакционность группировки Хонеккера; проведение откровенно сталинистской политики руководством ГДР; глубокий кризис СЕПГ. Провозглашение руководящей роли партии привело в конечном итоге к самолюбованию руководства, к полному отрыву от партийных масс и к узурпации власти. В то же время первичные партийные организации всегда безропотно соглашались со всеми решениями Политбюро ЦК СЕПГ, беспрекословно следовали волюнтаристским установкам руководства партии; от государственной власти были полностью отстранены все другие партии и общественные организации.

При этом особенно сильному давлению подвергались члены СЕПГ. Вплоть до осени 1989 г. действовало решение Политбюро ЦК СЕПГ, запрещавшее коммунистам смотреть западные телевизионные программы, а также встречаться с родственниками из ФРГ. Этот запрет был чисто формальным, но при необходимости активно использовался против неугодных лиц.

Узурпация власти руководством СЕПГ привела и к кризису системы хозяйства. К началу 80-х годов в ГДР был достигнут пик экстенсивного развития, о чем свидетельствовали высокие темпы роста экономики. В 1979–1980 гг. был сделан новый шаг – созданы комбинаты, зачастую объединяющие целые отрасли промышленности, что позволило за счет административных мер сохранить сравнительно благоприятную ситуацию еще четыре-пять лет. Но уже в 1985 г. проявилась полная несостоятельность выбранного пути экономического развития. Народное хозяйство страны вступило в предкризисную стадию, а в 1988–1989 гг. стало входить в кризис. Официально заявленные в эти два года темпы роста составляли, соответственно, 2,7 и 2,0%, но минимум 1,5–2% в них приходилось на рост цен. Экономика стагнировала.

Основная причина кризисных явлений в экономике заключалась в ее идеологии и ложности самой идеологии. Идентификация государственной и общественной собственности привела к почти полному огосударствлению производства и монополизации всех функций собственника в лице государства. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда производство стало практически неуправляемым, а у производителей полностью отсутствовала экономическая заинтересованность в труде. Огосударствление собственности привело к сращиванию государства и правящей партии, экономика оказалась в подчинении у административных структур.

Инструментами государственно-партийного управления стали директивные планы, балансы и прямое вмешательство в оперативную деятельность предприятия. Не выполняли своих функций такие важнейшие экономические инструменты, как цены, кредит и деньги. Наука была поставлена на службу сиюминутным целям, которые в основном сводились к латанию постоянно возникающих "дыр". В итоге народное хозяйство ГДР лишалось важнейшей составляющей – гибкого научно-технического потенциала, обеспечивающего прогресс на важнейших направлениях.

ГДР не удалось сократить свое отставание от Запада по производительности труда, которая в 1989 г. была в два раза ниже, чем в ФРГ⁸.

⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 3.I.1990.

Несоблюдение объективных закономерностей развития экономики и необходимость поддерживать при этом достигнутый уровень жизни населения привели к нарушению процесса воспроизводства основных фондов. Перераспределение все больших средств в пользу потребления привело к снижению доли направляемого на накопление национального дохода, при этом доля инвестиций в общем объеме использовавшегося внутри страны национального дохода снизилась с 16,1% в 1970 г. до 8,1% в 1985 г.⁹.

Ухудшению ситуации в экономике способствовала и ошибочная структурная политика, не учитывавшая возможностей страны. Ведущими отраслями экономики ГДР оставались традиционные отрасли международной специализации — химия, судостроение, вагоностроение, точная механика и оптика. Наряду с ними создавались многочисленные новые виды производства — микроэлектроника и робототехника. На их развитие тратились огромные средства, изымаемые из других отраслей. Развитие промышленности шло по методу прорывов в одних областях за счет всех остальных. Только в машиностроении страны выпускалось до 50% мировой номенклатуры изделий (в ФРГ — 17%).

Неправильная инвестиционная и структурная политика привела к старению основных фондов. Если в начале 80-х годов 60% оборудования находилось в эксплуатации не более 10 лет, то в 1989 г. 27% — до 5; 52% — от 5 до 20; 21% — свыше 20 лет. Средняя степень износа оборудования составляла 55%¹⁰. Его старение приводило к резкому росту затрат на ремонт.

Снижалась фондоотдача: с 226 марок на 1000 марок стоимости основных фондов в 1985 г. до 219 в 1989 г. Крайне низкой была окупаемость инвестиций: в 1981—1985 гг. 1000 марок инвестиций давали ежегодно прирост национального дохода в размере 202 марок, в 1986—1989 гг. — 150 марок в год¹¹.

Эти и многие другие просчеты в развитии народного хозяйства страны привели к постоянному снижению качества и конкурентоспособности продукции, что сказалось и на внешнеэкономических связях. Отрицательное внешнеторговое сальдо после 1980 г. ежегодно превышало 2,5—3% товарооборота¹².

Быстрыми темпами росла задолженность ГДР Западу. Если в 1980 г. она составляла 13,3 млрд. долл., то в 1989 г. — уже 21,6 млрд. долл.¹³. С 1983 г. перед ГДР постоянно возникал "призрак неплатежеспособности", и, чтобы избежать этого, приходилось во все больших размерах прибегать к краткосрочным коммерческим кредитам под большие проценты.

Снижение эффективности народного хозяйства привело к обострению социальной напряженности в стране. В ГДР на протяжении ее истории неоднократно повышались пенсии, пособия матерям и многодетным семьям, крайне незначительным был рост цен на продовольственные товары, не увеличивались квартплата и транспортные тарифы. Но это достигалось в основном за счет увеличения дотаций из госбюджета, которые в 1989 г. достигли 25% его расходной части. Размер дотаций в последнее время превышал 40% стоимости покупки. Данные расходы государство пыталось в некоторой степени возместить завышенными ценами на промышленные товары. В 80-е годы цены возрастали ежегодно не менее чем на 6%. Но вырученных сумм для покрытия дефицита государственного бюджета явно не хватало. В 1989 г. дефицит достиг 17 млрд. марок, что составило 7% госбюджета¹⁴.

⁹ Neues Deutschland, 18.XI.1988.

¹⁰ Neues Deutschland, 20.III.1990.

¹¹ Ibidem.

¹² Berliner Zeitung, 26.VII.1990.

¹³ Wochenberichte des Deutschen Instituts für Wirtschaftsforschung. Berlin (West), 1990, № 13, S. 2.

¹⁴ Neues Deutschland, 11.II.1990.

Усилия по поддержанию уровня жизни населения не приносили успехов: ежегодно за последние 10 лет доходы увеличивались на 3–4%, а инфляция составляла не менее 6%.

Страна жила не по средствам. Потребляемый национальный доход в 80-е годы превышал производимый. Только в 1986–1989 гг. такое превышение достигло 46 млрд. марок, т.е. до 3% объема производимого национального дохода ежегодно. Постоянно возрастал и внутренний долг предприятий, который в 1989 г. превысил 94% валового национального продукта¹⁵.

Кризис в политике и экономике все более обострял недовольство населения. Руководство же, будучи полностью оторванным от народа, продолжало реализовывать свой курс. На X пленуме ЦК СЕПГ в октябре 1989 г. член Политбюро В. Хергер признался: "Это неправда, что не было сигналов, сигналов прежде всего из нашей партии . . . Многие говорили о сложных и неясных проблемах. Люди писали нам тысячи писем . . . Мы читали письма, но не действовали"¹⁶. Из бывших членов Политбюро только К. Хагер выступил на том же пленуме как бы с покаянием: "Я сегодня пришел к убеждению, что одной из решающих ошибок, которые мы сделали и за которую я тоже отвечаю, была недооценка роли демократии, участия широких масс в разработке наших концепций. Это же относится и к реализации задач"¹⁷.

Особо отчетливо отрыв руководства страны от народа стал проявляться после апреля 1985 г., когда под влиянием перемен в СССР идеи перестройки распространялись во многих странах Восточной Европы. На X пленуме ЦК СЕПГ В. Хергер так оценил позицию руководства СЕПГ по отношению к перестройке в СССР: "В 1985–1986 гг. мы не поняли важнейшего и для нас сигнала: начала революционной перестройки в СССР. Конечно, речь не шла и не идет о копировании, об этом не может быть и речи . . . Мы считали, что в ГДР все в порядке и надо посмотреть, куда еще заведут перестройка и гласность. На словах мы поддерживали события в СССР, а на деле — дистанцировались . . . Ленин называл такую позицию "комчванством"¹⁸.

В 1987 г. в ГДР был запрещен советский журнал "Спутник". В ответ на это решение в ЦК СЕПГ посыпались тысячи возмущенных писем от членов партии. В этом потоке Политбюро усмотрело прямую угрозу для себя и отдало указание "разобраться" с их авторами. Началась кампания борьбы с "нытиками" и "паникерами". Такую оценку авторам писем дали на одном из внутренних партийных разбирательств¹⁹. Многие были исключены из партии. Инцидент со "Спутником" послужил поводом для реанимации сталинского тезиса об усилении классовой борьбы, для дискредитации и исключения из рядов партии "перерожденцев", "членов пятой колонны".

Чуть позднее был запрещен показ советских фильмов "Покаяние", "Комиссар", "А завтра была война". Когда "Покаяние" было показано по второй программе телевидения ФРГ, улицы столицы ГДР опустели: все были у телевизоров.

Отношение населения бывшей ГДР к перестройке в СССР было и остается неоднозначным. Для жителей Восточной Германии М.С. Горбачев олицетворял дух перестройки. По крайней мере, когда в начале июня 1987 г. полиция и госбезопасность ГДР разгоняли толпу молодежи, собравшуюся у Берлинской стены послушать концерт в честь 750-летия города, проходивший перед рейхстагом, молодые люди не менее двух часов кричали под окнами посольства СССР: "Дайте нам Горбачева!".

¹⁵ Berliner Zeitung, 25.III.1990.

¹⁶ Neues Deutschland, 10.XI.1989.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Berliner Zeitung, 30.XI.1989.

Кратким выражением отношения руководства СЕПГ к перестройке в СССР стала знаменитая фраза члена Политбюро ЦК Хагера, сказанная в интервью журналу "Штерн": "Если сосед переклеивает обои, это не означает, что нам надо делать то же самое"²⁰.

Одновременно руководство ГДР выдвинуло свою концепцию "Социализма в цветах ГДР"²¹, основу которой составляло утверждение об отсутствии необходимости перемен в жизни страны. Широко пропагандировался тезис о том, что перестройку в ГДР осуществил еще VIII съезд СЕПГ, якобы ставший переломным моментом на пути к интенсификации производства в условиях построения развитого социализма.

Для уменьшения "разлагающего" воздействия нового образа мыслей власти ГДР пытались сократить до минимума контакты своих граждан с советскими людьми. В 1988 г. перестали поступать заявки на лекции советских специалистов для выступления в немецких аудиториях. Под любыми предложениями коллеги из ГДР стали отказываться от встреч. Чувствовалось, что была соответствующая директива, запрещающая это делать. С 1989 г. восточногерманские студенты перестали направляться на учебу в СССР для изучения общественных дисциплин.

Однако осуждение в народе и в партии такой политики остановить не удалось. В этих условиях бывшее руководство, опираясь на догматическую, консервативную часть партии, пыталось продлить агонию режима. "Были сигналы, — признавался Хергер, — сменить руководство по причине возраста. Были мужественные товарищи, которые обращались к нам с такими предложениями даже в письмах. Но мы слишком долго считали, что обновление социализма в ГДР возможно с Хонеккером и другими товарищами из Политбюро. При этом у нас перед глазами — и это был основной тормозящий фактор — всегда стоял призрак раскола партии. Это была решающая ошибка, которая имела свои корни в неверно понимаемой партийной дисциплине, в неверно понимаемом тезисе о единстве партии"²².

Вместо того чтобы пойти на перемены в своей политике, руководство СЕПГ и партаппарат перешли в наступление, стали "очищать" партию. В декабре 1988 г. был проведен VII пленум ЦК СЕПГ, ставший последней "пирровой победой" группировки Хонеккера. Именно на этом пленуме наиболее отчетливо проявилась вся абсурдность ситуации, когда верхушка партии пыталась свои узкокорыстные интересы превратить в истину в последней инстанции. Всплыл тезис об "усилении классово-борьбы". Тогда же была сделана попытка наказать Х. Модрова, возглавлявшего Дрезденскую окружную партийную организацию и ходившего в "вольнодумцах". Репрессии против Модрова "за ослабление идейно-воспитательной работы" должны были приструнить недовольных.

Но этого сделать не удалось. Реакция на пленум была совсем не той, которую ожидали руководители. Произошел окончательный разрыв партийно-государственного аппарата с передовой, демократически настроенной частью партии и народа.

Далее развитие событий нарастало стремительно, как снежный ком. 7 мая 1989 г. в ГДР прошли коммунальные выборы. На них народ в открытую высказал недовольство существовавшей системой власти. По многим избирательным участкам до 20–30% голосов было подано против кандидатов СЕПГ. Результаты выборов были фальсифицированы. Последовало сообщение о "новой убедительной победе СЕПГ и выступающих в блоке с ней партий". Такое надругательство над волей избирателей вызвало волну демонстраций протеста, которые разогнали полиция и работники госбезопасности.

²⁰ Stern, 1987, № 16, S. 47.

²¹ См. Einheit, 1989, № 6.

²² Neues Deutschland, 10.XI.1989.

Одновременно с выборами впервые легально было создано оппозиционное общественное движение "Новый форум", куда вошли в основном представители творческой интеллигенции. В начале лета "Новый форум" подал заявление о регистрации, но оно было отклонено: движение клеймилось как "не соответствующее задачам социализма". Последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, стали события конца лета 1989 г. Когда Венгрия открыла границу с Австрией, началось массовое бегство туристов из ГДР через эти две страны в ФРГ. Люди бросали свое имущество, машины, дома и бежали семьями. За месяц после открытия границы число беженцев составило около 30 тыс. человек. Тогда же, в августе—сентябре, сотни граждан ГДР просили и получали убежище в посольствах ФРГ в Варшаве и Праге.

Руководство ГДР было напугано возрастающим числом беженцев. Приближалось 40-летие республики, которое, по замыслам Хонеккера, должно было продемонстрировать все успехи в развитии страны под руководством СЕПГ. Оно не собиралось признавать, что причиной бегства являлись экономические неурядицы внутри страны и недовольство населения политикой партии. Вина за происходившее вновь возлагалась на враждебные внешние силы и прежде всего ФРГ.

Все это привело к социальному взрыву. Во многих городах стали проводиться многотысячные демонстрации с требованиями изменения закона о выездах. Отсутствие реакции властей привело к появлению политических лозунгов, среди которых основным было требование отставки руководства страны.

В это же время активизировалась группировка "молодых" в Политбюро, в нее входили первый секретарь Берлинского окружкома Г. Шабовски, ответственный за оборону и госбезопасность Э. Кренц, председатель госплана Г. Шюрер и другие деятели. Хонеккер с середины августа 1989 г. болел, и его замещал Миттаг. "Молодые" перешли в наступление. В середине сентября, уже в присутствии Хонеккера, Кренц выступил на Политбюро с резкой критикой Хонеккера, но тот "не сделал выводов из состоявшегося обсуждения"²³.

Эти события происходили на фоне нарастания недовольства в обществе накануне 7 октября, Дня республики. 7—8 и 9 октября 1989 г. в Берлине, Дрездене и других городах на улицы вышли десятки тысяч людей. Демонстранты требовали обновления социализма.

Выступления были охарактеризованы Хонеккером, Миттагом, Мильке как антисоциалистические вражеские вылазки. Вместо того чтобы пойти на диалог с народом, последовало распоряжение применить полицейские силы. Более того, в Лейпциге, где происходили наиболее крупные столкновения с полицией, был первоначально отдан устный приказ стрелять в демонстрантов. Правда, его сразу же отменили. Кренц в 1990 г. в западноберлинской печати обвинил Хонеккера в подготовке расстрела. Последний через несколько дней заявил, что такой приказ отдал Кренц, а он отменил его.

В результате разгона демонстраций 7—9 октября было арестовано более 3 тыс. человек, в основном в Берлине и Дрездене²⁴. При этом арестованных избивали, на длительное время забирали в непригодных для содержания людей помещениях, не кормили.

КРАХ СТАРОЙ МОДЕЛИ

На фоне этих событий группировка "молодых" перешла в решительное наступление. 17 октября Политбюро ЦК СЕПГ после бурных дебатов приняло решение освободить Хонеккера от обязанностей Генерального секретаря и вывести из Политбюро Миттага и Херманна. 18 октября состоялся пленум ЦК, где эти реше-

²³ Neues Deutschland, 9.XI.1989.

²⁴ Neues Deutschland, 20.XI.1989.

бы. В результате напряжение внутри страны на несколько дней спало. Но вскоре вновь начались демонстрации с прежними политическими требованиями.

Возмущение в обществе нежеланием руководства СЕПГ пойти на реальные перемены достигло предела. Партийные организации стали требовать созыва чрезвычайного съезда СЕПГ. Кренц был против, так как чувствовал опасность отставки.

В это время стала резко меняться внутривнутриполитическая ситуация в стране. Во-первых, изменилась позиция партий, выступавших в едином блоке с СЕПГ, к началу ноября прежний блок развалился. Свое политическое лицо стали приобретать две партии — Либеральные демократы и Христианские демократы. Активизировались их связи с родственными партиями в ФРГ — с СвДП и ХДС. Во-вторых, возникли многочисленные новые партии и общественные движения, среди которых наибольшее число сторонников приобрели социал-демократы, партия "Демократический прорыв" (ДП) и Немецкий социальный союз (НСС). ДП объявила себя близкой западногерманской ХДС, а НСС — ХСС.

К концу ноября в ГДР существовало более 100 политических партий, политизированных общественных движений и групп.

В ноябре 1990 г. Политбюро попыталось закрепить позиции "нового старого" руководства. Председателем Совета Министров был назначен Модров, который пользовался симпатиями и доверием значительной части населения. Этот выбор впоследствии оказался правильным — до окончания полномочий правительства все то немногое, что делалось в стране, происходило в основном благодаря авторитету Модрова.

В правительственном заявлении Модрова²⁹ было сказано, что у переходного коалиционного правительства две основные цели: обеспечение стабильности в обществе до выборов (тогда их собирались провести 6 мая) и реализация необходимых демократических преобразований в экономике и общественной жизни. В политической сфере намечалось формирование многопартийной системы, укрепление государственной власти, обеспечение достоверности информации. В экономике первоначально шла речь о демократизации плановой системы хозяйствования. Предполагалось изменить систему планирования, сделав государственный план суммой планов предприятий; говорилось о необходимости усиленного развития сельского хозяйства и легкой промышленности, снижения капитальных вложений и перераспределения средств в пользу социальной сферы. Правительство выступало за сохранение, при некотором видоизменении, господства государственной собственности. Существование других видов собственности допускалось, но предполагалось, что они должны были играть лишь второстепенную роль. Правительство Модрова первоначально не собиралось переходить к рынку: планировался косметический ремонт старой системы.

Однако надо отдать должное Модрову — он, будучи опытным политиком, смог в течение короткого времени частично переосмыслить свои взгляды, хотя до конца отказаться от старой модели так и не сумел.

Пока Кренц занимался борьбой за власть, ситуация в стране быстро менялась.

В СЕПГ необычайно широкий размах приобрело движение за реформирование партии. Требования созыва чрезвычайного съезда достигли максимальной силы, но партийная верхушка противилась этому. Была сделана попытка уговорить партию на проведение конференции, не имевшей права замены руководства, но партийные массы на это не поддались. В итоге окончательно оборвалась связь между партийными массами и руководством СЕПГ. Парторганизации были брошены на произвол судьбы. Это привело к массовым выходам из СЕПГ. Если в начале кризиса из партии выходили в основном те, кто вступил в нее по карьерным соображениям, то в декабре 1989 г. этот процесс охватил людей, разуверив-

²⁹ Neues Deutschland, 18.XI.1989.

шихся в возможности реформирования партии. Если при Хонеккере в СЕПГ было 2,3 млн. членов, то к началу декабря 1989 г. в ее рядах осталось 1,7 млн. человек³⁰.

Нарастанию негативного отношения к коммунистам способствовала и кампания по "возданию должного" прежнему руководству. Были заведены уголовные дела на всех бывших членов Политбюро и ряд руководителей окружных парт-организаций. В их адрес были выдвинуты обвинения в использовании служебного положения в личных целях, в присвоении государственных средств. Хонеккер, Миттаг и Мильке были обвинены и в антиконституционной деятельности, приведшей к развалу экономики и кризису в обществе. Образовалась парламентская комиссия по расследованию деятельности бывших руководителей страны.

Эта кампания приобрела двойственный характер. Для СЕПГ она имела значение очищения в своих собственных глазах и перед народом. Другие же партии использовали ее для низвержения СЕПГ, чего в конце концов и удалось добиться.

В начале декабря парламентская комиссия опубликовала следующие выводы. Во-первых, крупные финансовые нарушения были при сооружении личных жилых домов для бывшего руководства и их детей. Так, например, для сына бывшего зампреда Совмина В. Кроликовски был построен дом стоимостью более 400 тыс. марок, за который с владельца взяли только 125 тыс. Во-вторых, члены Политбюро и правительства пользовались различными видами незаконных привилегий, среди них особое возмущение населения вызывали охотничьи спещхоззайства, на содержание которых тратились огромные суммы из государственного и местных бюджетов. В-третьих, был поднят вопрос о дачном поселке бывших членов Политбюро, где плата за пользование была минимальной, а многие услуги предоставлялись бесплатно. В-четвертых, Хонеккер и Миттаг получали от Строительной академии ежегодно, начиная с 1978 г. (когда они стали почетными членами), по 20 тыс. марок в виде персональных доплат, что за 12 лет составило в сумме по 240 тыс. на каждого. Такие доплаты были введены в 1978 г., ранее их не было³¹.

Тогда же возник вопрос об Управлении коммерческой координации, которое подчинялось непосредственно ЦК СЕПГ и занималось валютными операциями. В состав управления входил ряд фирм, основной их задачей было обеспечение валютных доходов партии, причем любыми способами. Это же управление снабжало западными товарами все руководство. Во главе управления стоял числившийся заместителем министра внешней торговли А. Шальк-Голодковски, имевший карт-бланш вообще на все валютные операции страны. Сразу же после начала расследования он сбежал на Запад и сдался органам правосудия ФРГ, вернув, правда, ГДР 60 млн. западногерманских марок, которые, по его словам, составляли все средства, имевшиеся под его контролем за границей. Несколько месяцев бывшего замминистра держали в заключении в Западном Берлине, но потом он был выпущен на свободу и скрылся. В связи с этим невыясненным остался вопрос с валютными средствами СЕПГ, вложениями в западные банки и предприятия — по некоторым данным, эти суммы доходили до 80 млрд. марок³², — а также со многими другими валютными операциями СЕПГ и государства. Масштабы деятельности управления Шальк-Голодковского, очевидно, станут известны позднее. Но преемник СЕПГ — ПДС по наследству почти никакой валюты не получила.

Хонеккер по выходе из больницы был арестован на одни сутки, но на следующий день его выпустили, поскольку прокурор опротестовал арест в связи с состоя-

³⁰ Neues Deutschland, 19.XII.1989.

³¹ Neues Deutschland, 2-3.XII.1989.

³² Berliner Zeitung, 10.VII.1990.

нием здоровья бывшего лидера ГДР Хонеккера и его жену Маргот первоначально приютил священник в небольшом городке близ Берлина. Церковь при этом сделала заявление, что руководствуется прежде всего гуманными соображениями. Но жители города стали проводить митинги протеста, и Хонеккер взял на попечение советский военный госпиталь, из которого он в марте 1991 г. был перевезен в связи с ухудшением здоровья в СССР.

В развитии ситуации внутри страны важное значение имело 1 декабря 1989 г., когда Народная палата отменила прежнюю 1-ю статью Конституции, закреплявшую руководящую роль партии.

Здоровые силы СЕПГ к этому времени уже окончательно порвали с руководством, 3 декабря была создана рабочая комиссия по подготовке чрезвычайного съезда партии. Через несколько дней Кренц был вынужден уйти в отставку со всех партийных и государственных постов. После этого процесс перехода партии в оппозицию пошел быстрыми темпами.

Чрезвычайный съезд был проведен в два этапа — 10–11 и 16–17 декабря. Уже на первом этапе было сделано давно ожидавшееся заявление: "Мы извиняемся перед народом за кризис, к которому привело бывшее руководство СЕПГ"³³. Председателем партии был избран Г. Гизи, адвокат, не занимавший ранее никаких партийных постов. Было обновлено Правление партии, заменившее ЦК.

На втором этапе съезда был принят ряд документов, в частности Устав, в котором определялось, что СЕПГ — Партия демократического социализма (ПДС) (к старому названию было добавлено новое) является марксистской социалистической партией и стремится выражать интересы всех трудящихся. Свою теоретическую основу партия видела в коммунистических и социал-демократических традициях рабочего движения, а также в социалистических, антифашистских, пацифистских традициях международного левого движения, особенно в идеях Ленина³⁴. Был отменен территориально-производственный принцип организационного строения партии, проведена "департизация" армии и провозглашен переход к преимущественно территориальному строению. До 1% от заработной платы был снижен размер членских взносов.

В экономическом разделе доклада Гизи было заявлено, что партия выступает за социальное рыночное хозяйство при сохранении главенства государственной собственности и высоких социальных гарантий. Это, по сути, исключало рынок, так как под гарантиями в основном понималась прежняя система социальной уравниловки.

На съезде было отмечено крайне тяжелое положение в партии: под влиянием негативного отношения к СЕПГ и отсутствия реальных перемен в партии к середине декабря многие парторганизации либо приостановили свою деятельность, либо самораспустились. Связь центра с парторганизациями на местах была утрачена³⁵.

Чрезвычайный съезд СЕПГ—ПДС стал только первой вехой в разрыве со старой идеологией и на пути формирования левой партии нового типа, действовавшей на парламентских принципах.

Политический вакуум, который возник в обществе в ноябре—декабре 1989 г., был быстро заполнен иными формами общественно-политической деятельности. Одно время важную роль играл "круглый стол", в работе которого принимали участие все основные партии и общественные организации страны. В условиях дестабилизации обстановки в республике, ухода с политической арены бывшей правящей партии и отсутствия полного доверия к правительству "круглый стол" занимался решением основных вопросов управления страной и согласования

³³ Neues Deutschland, 13.XII.1989.

³⁴ Neues Deutschland, 19.XII.1989.

³⁵ Ibidem.

интересов различных социальных групп. Все решения Совета Министров передавались на утверждение в Народную палату только после обсуждения "круглым столом".

Отличительной чертой "круглого стола" было то, что его организация и ведение доверялись единственной силе, не вызывавшей в обществе подозрения, — церкви. Ни одна партия не могла сказать, что церковь защищает чьи-то иные интересы, кроме своих собственных, и не пытается привести разнообразные общественные силы к диалогу в интересах обновления страны.

"Круглый стол" дал возможность участвовать в формировании политики на переходном этапе тем демократическим и левым движениям ("Новый форум", "Демократия сейчас", "Объединенные левые"), которые положили начало процессу демократических изменений.

В это время, в ноябре—декабре 1989 г., на первый план выдвинулись две партии — Христианско-демократический союз и Социал-демократическая партия. Их выход на авансцену политической борьбы был предопределен к тому времени даже не их позициями, а родством с соответствующими партиями ФРГ. Если еще в ноябре 1989 г. 70% населения ГДР выступало за обновление социализма, то уже в декабре резко возросли объединительные настроения, имевшие целью восстановление единства Германии. На этой основе и формировались позиции ХДС и СДП.

СДП образовалась в ГДР в начале сентября 1989 г.; тогда в ее состав вошли 43 человека. Члены СДП принимали активное участие в октябрьских событиях. Партия определила свои позиции следующим образом: в экономике — переход к рыночному хозяйству на основе частной собственности, но при сохранении части собственности в руках государства для решения экологических и социальных проблем; в германском вопросе — помощь ГДР со стороны ФРГ и быстрое объединение двух стран. Как сказал в интервью журналу "Шпигель" член правления СДП С. Райхе, "мы хотим бороться за то, чтобы ГДР в итоге 40-летней неправильной политики СЕПГ упала в руки ФРГ, как спелая груша. Мы хотим совместного роста двух немецких государств в рамках общеевропейского дома"³⁶.

К началу 1990 г. количество членов СДП возросло уже до 45—50 тыс. В эту партию переходили многие бывшие члены СЕПГ. Быстро увеличивалось число сочувствующих СДП, что объяснялось прежде всего двумя причинами: во-первых, часть населения видела в СДП левую альтернативу бывшей власти, а во-вторых, в начале переходного периода у населения ГДР большие надежды вызывала программа СДПГ ФРГ. В результате, если в ноябре 1989 г. за СДП собиралось голосовать только 9% опрошенных, то в феврале 1990 г. — уже 54% из 79%, желавших принять участие в выборах³⁷.

В корне изменились позиции бывших блоков с СЕПГ партий. В декабре все они заявили, что будут вести самостоятельную политику и не собираются больше вступать в блок с СЕПГ—ПДС. Определяющее влияние на политику этих партий, как и на всю ситуацию в стране, оказал переход к конкретному решению вопроса объединения. В конце ноября 1989 г. канцлер ФРГ Г. Коль выдвинул свою программу из 10 пунктов, которая послужила началом объединительного процесса. В этой программе отмечалось, что ФРГ согласна сотрудничать и помогать ГДР только в том случае, если в ГДР произойдет основополагающее изменение политической и экономической системы и будут созданы гарантии необратимости таких изменений. Г. Коль подчеркнул также, что ФРГ готова пойти на создание федеративных структур при условии избрания в ГДР демокра-

³⁶ Der Spiegel, 1989, № 44, S. 25.

³⁷ Berliner Zeitung, 19.XII.1989; 7.II.1990.

тического правительства³⁸. В развитие этой идеи Г. Коль высказался за создание экономического и валютного союза двух стран. Данная программа была основана на реальных изменениях, произошедших в массовом сознании населения ГДР. Настроения резко изменились в пользу объединения. Стало ясно — эта цель может быть достигнута в ближайшем будущем, что явится закономерным решением национального вопроса для разделенной на две части нации. План Коля сначала встретил возражения со стороны финансистов и промышленников, но очень быстро было достигнуто согласие.

Правительство ГДР в ответ выдвинуло свою программу постепенного создания конфедеративного государства, шагами на пути к которому должны были стать формирование экономического и валютного союза и образование общегерманских государственных структур³⁹. Сперва правительство ФРГ согласилось с предложением Модрова, так как не видело в ГДР сил, способных поддержать иную точку зрения.

Но за короткое время обстановка изменилась. Увидев перспективу объединения, почти все партии, за исключением левых радикалов, заявили о своем отказе от социализма и о приверженности западноевропейской системе демократии и социальному рыночному хозяйству. ХДС, либералы, национал-демократы и Демократическая крестьянская партия стали считать себя политической силой центра (после выборов, в июне—июле, Крестьянская партия вошла в ХДС, а НДПД — в либеральную партию). Крупнейшими левыми партиями стали СДП и ПДС.

Со времени выдвижения программы объединения все менее крупные партии и движения перестали оказывать сколько-нибудь серьезное влияние на политическую жизнь страны даже в рамках "круглого стола".

Крупные же партии, за исключением ПДС, нашли поддержку у "братских" партий ФРГ: ХДС ГДР, а также партия того же направления "Демократический прорыв" установили связи с ХДС ФРГ; Немецкий социальный союз — с ХСС; либералы — со свободными демократами; социал-демократы — с СДПГ. Инициатива в этом процессе была обоюдная, поскольку была и обоюдная заинтересованность. Партия ГДР была нужна помощь, прежде всего финансовая, для проведения предвыборной кампании, а партии ФРГ завоевывали себе новые голоса.

Взаимоотношения между восточногерманскими партиями иногда приобретали высокий накал, но в одном они были едины — в резком неприятии СЕПГ—ПДС (с середины января 1990 г. — ПДС).

Ситуация в самой ПДС все более усугублялась. К середине января ряды партии сократились до 1,1 млн. человек⁴⁰. Многие ее бывшие члены переходили в другие партии, прежде всего в СДП и ХДС. Отношение населения к ПДС все более ухудшалось. Несмотря на сделанные в ходе Чрезвычайного съезда заявления об изменении политики партии на деле перемен не было. Гизи и новые члены правления партии прилагали все силы к налаживанию работы парторганизаций, но они не давали результата.

Недовольство населения и других партий вызывало то, что ПДС, заявив об изменениях и теряя своих приверженцев, продолжала владеть крупной собственностью, что сводило на нет тезис о равных условиях для всех партий. ПДС не предприняла реальных шагов по избавлению от прежних функционеров, практически не изменила принципов своей деятельности. Прогрессивная часть партии продолжала требовать решительной перестройки. Отсутствие таких мер приводило к неуверенности в рядах партии, местные партийные комитеты бездействовали. В первичных парторганизациях в это время набирал силу процесс самороспуска. В повестку дня был поставлен вопрос о роспуске всей партии.

³⁸ Das Parlament, 1.XII.1989.

³⁹ Neues Deutschland, 16.XII.1989.

⁴⁰ Neues Deutschland, 1.II.1990.

В начале февраля ПДС в целях подтверждения серьезности своих намерений к обновлению перечислила со своих счетов в госбюджет более 3 млрд. марок, которые накопились за последние 20 лет в результате деятельности партийных предприятий. Начался процесс смены кадров на местах и сокращения партаппарата. Гизи ездил по стране и занимался налаживанием работы партии. Но, как показали последующие события, промедление предыдущих месяцев оказалось роковым. К лету в ПДС осталось около 300–350 тыс. человек, т.е. было потеряно 2 млн. членов⁴¹.

Правительство Модрова управляло страной неуверенно, так как его концепция расходилась с потребностями реальной жизни, а действия отставали от развития событий. В то же время Модров вплоть до выборов пользовался большой популярностью, что объяснялось его способностью вести сравнительно гибкую политику. Влияние на общественное мнение оказало и принятое Модровым в январе 1990 г. решение о приостановлении своего членства в партии до выборов.

Конечно, многого от данного правительства и нельзя было ожидать. Слишком короткий срок был ему отведен – с 17 ноября 1989 г. до 18 марта 1990 г. Но, даже если бы правительство имело более длительные полномочия, оно вряд ли бы провело те изменения в экономике, которые назрели и без учета реалий процесса объединения.

Дело в том, что параллельно с переменами в политической жизни начался процесс распада прежней экономической системы. Сверхмонополизированные комбинаты стали разваливаться. Резко активизировался поиск возможностей для привлечения иностранного капитала, произвольно, без контроля со стороны каких-либо органов стала складываться система свободного предпринимательства. Все шире начали выдвигаться требования разгосударствления и приватизации собственности как единственно возможного пути формирования эффективной экономики.

Одним из решений было постановление о совместных предприятиях, которое имело целью привлечение в страну капитала ФРГ, так как на этом основывалась идея Модрова об экономическом и валютном союзе. Доля иностранных капиталов была установлена от 20 до 49%. Такое ограничение явно не устраивало западные фирмы, тем более что не было закона о защите иностранных инвестиций. Совместные предприятия регистрировались, но деятельность свою начинать не спешили: они просто обеспечивали себе место на будущем рынке.

Правительство разрабатывало концепцию экономической реформы до начала февраля. Постепенно возрастало недовольство медлительностью его действий, что привело к правительственному кризису. ХДС в конце января заявила о выходе своих представителей из правительства, и все остальные партии в рамках "круглого стола" потребовали изменения его состава. Основной причиной таких требований было преобладание в Совете Министров членов СЕПГ–ПДС. В правительство было введено восемь министров "без портфеля" от новых партий, что позволило продолжить деятельность Совета Министров.

В концепции правительства явно просматривались ее теоретическая основа – идея "третьего пути", разработанная в то время ПДС. Эта идея предполагала создание эклектической экономики, чего-то среднего между плановой и рыночной системами. Концепция Модрова предусматривала сохранение главенствующей роли государственной собственности, что в любом случае свело бы на нет все другие меры – разделение банковской системы, повышение роли кредита, процента, денег. Такая концепция дезориентировала предприятия ГДР, которые не получили реальных ориентиров на будущее и остались в полной неопределенности.

В то же время правительство отказалось от идеологических шор, когда встал

⁴¹ Neues Deutschland, 9.VI.1990.

вопрос о безработице. Многие предприятия, видя бездеятельность правительства, стали самостоятельно готовиться к рынку, снижать затраты, в частности и путем сокращения штатов. Одновременно появилась и "политическая" безработица. Был момент, когда многие предприятия не принимали на работу членов СЕПГ—ПДС, бывших сотрудников госбезопасности.

Правда, скоро ситуация в этой области нормализовалась и возобладал деловой подход. Правительством были приняты законы о досрочном выходе на пенсию и о выплате пособий по безработице. Размер пособия достигал 70% средней заработной платы, при этом одну половину суммы выплачивали из бюджета, а другую — из средств предприятий. Но этот шаг явился экстренной мерой и не был подкреплен положениями других законодательных актов, в частности так и не разработанного закона о предприятиях. Поэтому многие предприятия, вступив в полосу финансовых затруднений в связи с переходом к рынку, перестали выплачивать свою долю пособий.

Незадолго до выборов правительство приняло еще одно важное решение — о создании Управления государственной собственностью⁴². Ему передавались все государственные предприятия (около 8 тыс.), оно должно было обеспечивать их акционирование, а также привлечение иностранного капитала. Основной целью такого нововведения называлось приспособление государственной собственности к условиям рыночного хозяйства. Предполагалось выпустить акции предприятий, часть их продать западным фирмам, но контрольный пакет акций всегда оставлять в руках Управления.

Это решение несло в себе много противоречий. Основным из них была полная абсурдность создания Управления с такими обширными правами при переходе к рынку. Обладая большей частью акций, Управление превратилось бы в новое суперминистерство.

Такая политика показала, что правительство Модрова находилось в плену собственных иллюзий: в одних случаях пыталось спасти то, от чего надо было срочно отказаться, а в других — не решало назревших вопросов. За первый квартал 1990 г. объем промышленного производства упал более чем на 5%, не было проведено никаких изменений в преддверии перехода к рыночному хозяйству⁴³. Основной "аслужой" правительства был перенос на более ранние сроки выборов, что было сделано по настоянию "круглого стола".

Политическая борьба перед выборами обострилась. Ее особенность состояла в активном участии в предвыборных митингах ведущих политиков ФРГ на стороне "братских" партий ГДР. Вплоть до выборов по всем вопросам общественного мнения пальма первенства была у социал-демократов. Почти не замеченным прошло предупреждение почетного председателя социал-демократической партии В. Брандта: опросы — это еще не выборы и не надо обольщаться.

Консервативные партии для противоборства СДП создали "Альянс за Германию", в который вошли ХДС, "Демократический прорыв" и "Немецкий социальный союз".

Позиции всех партий, за исключением ПДС, расходились в одном: как должно произойти объединение Германии. СДП выступала за объединение на основе статьи 146-й Конституции ФРГ, которая предполагала после создания единого государства разработку новой Конституции, т.е. создание нового государства. "Альянс за Германию" призывал к следованию статье 23-й, где оговаривается вхождение в состав ФРГ новых земель без изменения Конституции с принятием законов ФРГ⁴⁴. ПДС была против таких подходов и выступала за сохранение суверенитета ГДР.

⁴² См. Gesetzblatt der DDR, Bd. 1, 1990, № 14, S. 107—109.

⁴³ Berliner Zeitung, 19.IV.1990.

⁴⁴ См. Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. — Bundesgesetzblatt, 1949, № 1.

Ход предвыборной борьбы омрачался проявлениями насилия, инсинуациями и подтасовкой фактов. Срывались плакаты противников, были нападения на штаб-квартиры разных, но прежде всего консервативных, партий. Использовалось и такое средство, как кампания обвинений всех лидеров крупнейших партий в сотрудничестве с госбезопасностью.

Эта кампания началась с дела председателя партии "Демократический прорыв" В. Шнура. Как оказалось, он был двойным агентом спецслужб ГДР и ФРГ. В ГДР доносил на своих соратников из различных оппозиционных кружков, работавших под эгидой церкви. После таких разоблачений Шнур подал в отставку, что серьезно подорвало начавший было возрастать авторитет его партии.

В феврале 1990 г. аналогичные обвинения были выдвинуты в адрес руководителя ПДС Г. Гизи, председателя ХДС Л. де Мезьера, лидера СДП И. Беме. Если бы кампания направлялась против партий одного политического спектра, можно было бы предположить ее целенаправленность. Но всеобщность обвинений, очевидно, вызывалась крайней напряженностью предвыборной борьбы и излишней подозрительностью. Дошло до того, что выдвигались требования проверить всех депутатов Народной палаты ГДР на предмет связей с госбезопасностью.

Как бы то ни было, обвинения с Гизи и де Мезьера были сняты, но вновь выдвинуты в марте 1991 г. А обвинения в адрес социал-демократов остались в силе. Хотя против Беме не было найдено никаких обличительных документов, сам факт неясности этого вопроса приводил к снижению авторитета партии. Беме пришлось уйти с поста председателя СДП. Впоследствии, в июле, выяснилось, что и эти обвинения были голословными.

Но не только эта кампания обеспечила победу "Альянсу за Германию". Основным фактором было отношение населения ГДР к своему будущему. Уже в январе две трети опрошенных высказывались за объединение⁴⁵. Правящая коалиция ФРГ обладала реальной властью и могла оказать срочную помощь в преодолении кризиса и преобразовании экономики Восточной Германии. Избиратели ГДР действовали по принципу "лучше синица в руках, чем журавль в небе". Кроме того, надо учесть, что и социал-демократы выступали за объединение, так что преобладающее число избирателей ГДР высказалось за создание единого государства.

ХДС, учитывая настроения существенной части населения ГДР, активно призывала к немедленному объединению, хотя пальма первенства в этом вопросе принадлежала СДП. Последним перед самыми выборами пришлось изменить свою позицию. За 10 дней до выборов лидер партии М. Мекель сделал заявление, что объединение будет длительным процессом, во время которого надо урегулировать многие экономические и социальные вопросы⁴⁶. Такая перемена курса с точки зрения политики партии вполне объяснима: социальную основу СДП составляли в основном представители интеллигенции и служащих, а их интересы после объединения оказывались под наибольшей угрозой. СДП, сделав ставку только на эти слои населения, просчиталась, поскольку лозунг "За единое Отечество!" был одним из важнейших в предвыборной борьбе.

Выборы прошли 18 марта 1990 г. (по партийным спискам, а не по отдельным кандидатурам) и принесли следующие результаты: "Альянс за Германию" получил 48,3% голосов, в том числе ХДС — 40,8%; социал-демократы — 21%, ПДС — 16,4% голосов избирателей⁴⁷.

Неожиданно высокими были результаты ПДС, поскольку по опросам общественного мнения за нее собирались голосовать не более 11%. За ПДС прогосо-

⁴⁵ Berliner Zeitung, 7.II.1990.

⁴⁶ Berliner Zeitung, 8.III.1990.

⁴⁷ Neues Deutschland, 24–25.III.1990.

вало почти 1,9 млн. человек из 12,5 млн. избирателей. Это были в основном люди, несогласные с курсом на рыночное хозяйство образца ФРГ.

Выборы отразили настроения населения по районам страны: на юге и западе победил "Альянс за Германию", на севере и востоке — СДП. В Берлине СДП набрала более 33%, ПДС — 32%, после чего город сразу назвали "красным"⁴⁸.

ПОДГОТОВКА ОБЪЕДИНЕНИЯ

После выборов начались переговоры о создании "большой коалиции" союза всех партий, кроме ПДС, при образовании правительства. ХДС понимала, что правительство будет переходным, и не хотела брать на себя ответственность за принятие решений. Кроме того, для внесения изменений в Конституцию нужно было квалифицированное большинство.

Правительство было образовано 12 апреля. В его состав вошло 26 человек, в том числе от ХДС 13 (премьер-министр, министры экономики, общественных средств информации, науки и информации и т.д.), от СДП 7 (министры иностранных дел, финансов, торговли, труда, социальных вопросов и т.д.), от либералов 3 (в том числе юстиции, строительства), от НСС 2 (в частности министр внутренних дел), от "Демократического прорыва" 1.

В результате такого распределения портфелей "большая коалиция" получила 303 голоса в парламенте из 400 (почти 78%), т.е. вполне достаточное количество для изменения Конституции.

Премьер-министром стал председатель ХДС Л. де Мезьер. За него проголосовало 285 депутатов (71%). Де Мезьер — по образованию музыкант и юрист. Он работал адвокатом в Берлине, в 1986 г. был избран вице-президентом Синода Союза евангелических церквей ГДР, в ХДС вступил в 16 лет⁴⁹.

Свое отношение к прошлому де Мезьер выразил в заявлении при вступлении на пост: "Наши переломные события — часть революционного процесса обновления в Восточной Европе, который одновременно является и общеевропейским, и мировым процессом.

Некоторым хочется думать, что этот процесс в конечном итоге является контрреволюционным. После таких 40 лет развития реального социализма именно такое "контр", такое "против" объективно необходимы. Те, кто фактически приравнял социализм к жестокой партийной диктатуре, к созданию "немого" общества, к государственной собственности на средства производства и централистскому плановому руководству, так глубоко заблуждались, что возможным было только решительное "контр".

Но и те, кто считает, что мы в результате должны отказаться от идеалов социальной справедливости, международной солидарности, помощи людям в собственном обществе и во всем мире, — те точно так же заблуждаются"⁵⁰.

В области экономики в правительственном заявлении был провозглашен переход к социальному рыночному хозяйству путем разгосударствления и приватизации собственности, активного развития мелкого и среднего предпринимательства и обеспечения социальных гарантий для населения.

В международной политике правительство поставило своей задачей объединение с ФРГ "так быстро, как только можно, но его условия должны быть настолько хорошими, благоприятными и направленными в будущее, насколько это необходимо"⁵¹. Здесь же было подчеркнуто, что все вопросы объединения должны решаться при обязательном учете интересов всех стран.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ См. Berliner Zeitung, 14–15.IV.1990.

⁵⁰ Neues Deutschland, 20.IV.1990.

⁵¹ Ibidem.

Создание нового правительства открыло путь для проведения конкретных переговоров с правительством ФРГ, поскольку с Модровым канцлер Коль отказывался вести переговоры. Была создана совместная комиссия по разработке проекта договора об экономическом, валютном и социальном союзе, который был готов к концу апреля. В этом проекте однозначно указывалось, что договор основывается на 23-й статье конституции ФРГ. В соответствии с договором в ГДР создаются структуры, характеризуемые прежде всего частной собственностью, свободным ценообразованием и рынками труда, капитала и товаров. Валютой ГДР становится марка ФРГ, а все функции центрального банка передаются Федеральному банку ФРГ. Тем самым ГДР отказалась от своего экономического суверенитета и переходила к созданию основ рыночной экономики по образцу ФРГ. Введение договора в действие было определено 1 июля 1990 г.

Наиболее серьезным для населения ГДР стал вопрос об обмене денег. Первоначально предлагалось обменять валюту по курсу 1 : 1 по 2 тыс. марок сбережений на человека, а остальное – по курсу 2 : 1. Такие условия не устраивали граждан ГДР, начались демонстрации протеста, где нередко встречались лозунги типа "Нас предали!". Партии "большой коалиции" провели переговоры с правительством ФРГ, и условия обмена были пересмотрены: на детей до 16 лет – 2 тыс. марок, людям в возрасте от 16 до 59 лет – 4 тыс., пенсионерам – 6 тыс. марок по курсу 1 : 1⁵². Договор вступил в действие, как и предусматривалось, 1 июля⁵³. Сразу же проявились негативные последствия нерешительных действий правительства в предыдущие месяцы. Переход к рынку в столь короткие сроки стал "шоковой терапией" для страны, где еще недавно все строилось на принципах волонтаристского администрирования, а люди привыкли жить по принципу социального иждивенчества.

Серьезные проблемы встали в связи с гарантиями труда. Только 30% предприятий ГДР могли без особых потрясений перейти на рыночные рельсы; 50% требовали модернизации, а 20% не имели никаких шансов и должны были быть закрыты⁵⁴. За время после начала перемен в стране положение двух последних групп предприятий никак не изменилось, и их рабочие обреченно ждали закрытия заводов. При этом многие из них за 40 лет так привыкли к прежним порядкам, что, даже зная о предстоявшем переходе к рынку, не пытались найти себе новое рабочее место. К концу июля 1990 г. более чем на 2 тыс. предприятий пришлось ввести укороченное рабочее время⁵⁵.

Серьезная ситуация сложилась и в сельском хозяйстве, где себестоимость производства была в два-три раза выше, чем в ФРГ. Сельхозкооперативы первоначально отказывались менять форму организации производства, но у них были крайне высоки непроизводительные затраты, что в конце концов поставило сельское хозяйство ГДР на грань кризиса. Торговля перестала закупать продукцию производства ГДР. Крестьянам ничего иного не оставалось, кроме как самим продавать свою продукцию по очень низким ценам, едва покрывающим расходы. Часть крестьян пополнила армию временно безработных.

Не менее сложным было положение у тех, кто сохранил свое рабочее место. Дело в том, что средняя заработная плата в ГДР в два-три раза ниже, чем в ФРГ. Это следствие более низкой производительности труда. Восточная Германия превратилась в резервуар относительно дешевой рабочей силы. Выравнивание уровня заработной платы, по прогнозу министра труда ФРГ Н. Блюма, следует ожи-

⁵² Die Welt, 26.IV.1990.

⁵³ См. Vertrag über die Schaffung einer Wirtschafts-, Währungs- und Sozialunion zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik. Bonn, 1990.

⁵⁴ Die Wirtschaft, 1990, № 17, S. 2.

⁵⁵ Tribüne, 14.VIII.1990.

дать не ранее чем через пять лет⁵⁶. Против такого уровня заработной платы в ГДР открытых выступлений не было вплоть до середины июля 1990 г., когда выяснилось, что в результате введения в действие налоговой системы ФРГ рабочие на руки стали получать меньше. Тогда начались демонстрации и забастовки на многих предприятиях. Работники некоторых отраслей получили доплаты, компенсирующие рост налогов.

Способом снизить безработицу и стимулировать деловую активность является развитие мелкого и среднего предпринимательства. Этот сектор, по оценкам, может создать в восточногерманских землях в ближайшее время до 500 тыс. рабочих мест⁵⁷. Существенные резервы есть и в сфере услуг. Для тех же, кто не смог найти работу, созданы курсы переобучения и введена западногерманская система помощи безработным.

Структурная перестройка экономики, сопровождающаяся определенным снижением уровня жизни, займет несколько лет. Объединение обойдется Германии недешево. Уже летом 1990 г. для помощи восточным землям из федерального бюджета на период 1990–1994 гг. было выделено 155 млрд. марок, которые составили фонд "немецкое единство"⁵⁸. Но этих сумм не хватит для решения всех проблем.

Введение в действие Договора об экономическом, валютном и социальном союзе создало экономические основы для объединения. Но положения этого документа не охватывали всех сторон процесса объединения. Поэтому еще в июне 1990 г. началась работа над вторым договором, которая завершилась к середине августа⁵⁹. В этом втором договоре были более подробно определены все экономические и юридические вопросы объединения, были разработаны конкретные изменения, которые надо было внести в действующее законодательство ФРГ и ГДР, а также правовые нормы, регулирующие многие стороны жизни общества на востоке Германии в ближайшее после объединения время. В начале сентября 1990 г. Договор об объединении был ратифицирован. Датой его вступления в силу было определено 3 октября 1990 г.

В преддверии объединения Народная палата ГДР приняла решение об изменении территориально-административного деления страны⁶⁰. Вместо ранее существовавших округов были созданы пять земель: Мекленбург—Передняя Померания (прежние округа Нойбранденбург, Росток и Шверин), столица — Шверин, население — около 2 млн. человек; Бранденбург (округа Коттбус, Франкфурт-на-Одере и Потсдам), столица — Потсдам, 2,5 млн. человек; Саксония-Анхальт (округа Галле и Магдебург), столица Магдебург, 2,5 млн. человек; Саксония (Дрезден, Лейпциг, Хемниц), столица — Дрезден, 5 млн. человек; Тюрингия (Эрфурт, Гера и Зуль), столица — Эрфурт, 2,5 млн. человек. Восточный Берлин вошел в состав Федеральной земли Берлин. 14 октября прошли земельные выборы, в результате которых в Тюрингии, Саксонии, Саксонии-Анхальте и Мекленбурге—Передней Померании победил ХДС в союзе с СВДП, а в Бранденбурге социал-демократы в союзе с СВДП⁶¹.

Следует остановиться на таком принципиальном вопросе, как международные аспекты объединения Германии, затрагивающем интересы всех стран Европы и, естественно, СССР. Еще в начале 1990 г. Коль заявил, что Германия будет

⁵⁶ Der Spiegel, 1990, № 36, S. 43.

⁵⁷ Der Spiegel, 1990, № 28, S. 66.

⁵⁸ Das Parlament, 17. VI. 1990.

⁵⁹ См. Vertrag über die Herstellung der Deutschen Einheit zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik. Bonn, 1990.

⁶⁰ Verfassungsgesetz zur Bildung von Ländern in der DDR. — Gesetzblatt der DDR, Bd. 1, 1990, № 51, S. 955–970.

⁶¹ См. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 17.X.1990.

входить в НАТО. Завязался новый узел противоречий, что потребовало от СССР активных действий по обеспечению своих интересов.

Для урегулирования внешних аспектов объединения Германии прошли переговоры по формуле "2 + 4" (ФРГ, ГДР, СССР, США, Англия и Франция).

Принципиальное и обоюдовыгодное решение было принято в середине июля 1990 г., во время визита в СССР канцлера Г. Коля и его переговоров с М.С. Горбачевым. Основу для принятия конкретных шагов навстречу друг другу составили коренные изменения, произошедшие в европейской и мировой политике в последнее время. Начался процесс трансформации военных блоков, установления новых отношений между ними — отношений не конфронтации, а сотрудничества, движения к мирной, безопасной, объединенной Европе.

Важнейшим итогом переговоров было согласование следующих основных моментов: территорию будущего единого государства составят земли сегодняшних ФРГ, ГДР и Западного Берлина, т.е. никаких территориальных притязаний или претензий ни к каким странам Германия предъявлять не будет; к моменту объединения страна получит полный суверенитет, права и ответственность четырех держав на ее территории будут отменены; между СССР и новым государством будет заключен договор о выводе советских войск из ГДР в течение трех-четырех лет; ФРГ сокращает свою армию до 370 тыс. человек (армии ФРГ и ГДР в сумме насчитывали до 600 тыс. человек); объединенная Германия отказывается от производства, хранения и применения атомного, биологического и химического оружия.

Эти договоренности практически дали "зеленый свет" завершению переговоров по формуле "2 + 4"; последний этап которых был проведен в Москве 12 сентября 1990 г. и завершился подписанием Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии. Все вышеуказанные моменты вошли в договор в полном объеме⁶².

13 сентября был парафирован Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и Германией, в котором были зафиксированы многие важные моменты двусторонних отношений. Так, "исключается использование вооруженных сил друг против друга, а также оказание помощи или иного содействия нападающему, если СССР или Германия стали бы объектом какой-либо агрессии". Стороны обязались "строго уважать права и интересы друг друга, установить уровни оборонной достаточности, решать все спорные вопросы путем консультаций"⁶³.

Предусмотрено расширение гуманитарного и экономического сотрудничества.

Одновременно СССР и ФРГ нашли возможность решить вопрос о выводе советских войск. Была достигнута договоренность о том, что Германия выделит 12 млрд. марок на содержание и обеспечение вывода советских войск до конца 1994 г. Из этой суммы 7,8 млрд. пойдет на строительство жилья, а также предприятий строительной промышленности и смежных отраслей в тех районах СССР, где расквартировываются войска. Строительство будет вестись иностранными фирмами.

В марте—апреле 1991 г. все договоры между СССР и Германией были ратифицированы Верховным Советом СССР и бундестагом ФРГ.

Необходимо отметить, что вывод советских войск не будет иметь односторонний характер. По имеющимся уже планам, к 1996 г. существенно сокращается численность находящихся в ФРГ войск НАТО. Таким образом снизится напряженность в центре Европы.

Итак, 3 октября 1990 г. на Берлинской ратуше прозвонили колокола объединения. Национальное единство Германии было восстановлено, причем, что очень важно, мирным путем. Перевернута еще одна страница послевоенной истории.

⁶² См. Известия, 14.IX.1990.

⁶³ См. Известия, 18.IX.1990.

Что принесло объединение немцам помимо решения национального вопроса? Возникли крупные проблемы, связанные прежде всего с экономической отсталостью хозяйства прежней ГДР. Валовой общественный продукт в расчете на душу населения в восточных землях ФРГ был в 1990 г. более чем в два раза ниже уровня западных федеральных земель: Мекленбург–Передняя Померания – 11,6 тыс. марок; Тюрингия – 14,8; Бранденбург – 15,2; Саксония – 16,0; Саксония-Анхальт – 17,1; Берлин (восточная часть) – 17,1, тогда как в среднем по западно-германским землям – 38,6 тыс. марок на душу населения⁶⁴. Еще до объединения "де-факто" было понятно, что восточные земли ждут тяжелый переходный период, период вживания в систему ФРГ, когда многим придется отказаться от своих привычек и научиться жить в условиях конкуренции, бороться за место под солнцем. После 40 лет социального инфантилизма и иждивенчества это будет сделать нелегко.

Именно экономические вопросы были основными в ходе предвыборной борьбы накануне 2 декабря. ХДС в своей предвыборной платформе сделал упор на создание жизнеспособных рыночных структур в Восточной Германии и обеспечение социальных гарантий для населения, подкрепляя эти обещания финансовыми гарантиями. Социал-демократы, как оппозиция, основное внимание уделили критике программы ХДС, в особенности проблеме реальной стоимости объединения. Такая позиция СДП была объективно обоснованной, поскольку после момента объединения в обществе продолжала царить эйфория. Но программа ХДС была более фундаментальной и проработанной с экономической точки зрения, тогда как СДП не смогла противопоставить ей сколь-либо целостной концепции. Сказался и фактор личной популярности Г. Коля как первого канцлера новой объединенной Германии.

В результате прошедших 2 декабря выборов ХДС вновь получил возможность возглавить правительственную коалицию в союзе со свободными демократами.

Развитие ситуации в стране, однако, показало, что прогнозы были неправильными. За 1990 г. объемы производства в Восточной Германии снизились на 50%, постоянно росло число безработных. Если в июле 1990 г. на территории бывшей ГДР было зарегистрировано 272 тыс. безработных (3,1% от общего числа занятых в народном хозяйстве в 1989 г.), то в декабре 1990 г. – уже 642 тыс. (7,3%), а в феврале 1991 г. – 787 тыс. человек (8,9%)⁶⁵. Количество занятых по сокращенному графику, когда фактически отработанное время оплачивается полностью, а остальное из расчета 63% прежней заработной платы, достигло в феврале 1991 г. 1,9 млн. человек. При этом более половины из них выполняло не более 50% прежней работы, многие вообще не работали. К лету 1991 г., по мнению президента Федерального ведомства труда Х. Франке, доля безработных может возрасти до 30–50%⁶⁶.

Безработица составляет сейчас основную проблему для населения Восточной Германии, поскольку она приводит и будет приводить к снижению жизненного уровня многих семей. Свои негативные результаты приносит и социальная пассивность людей. Несмотря на страх перед безработицей, весной 1991 г. было занято всего около 20% мест на курсах по переобучению, хотя ясно, что многие предприятия будут вынуждены увольнять рабочих, чтобы удержаться на плаву.

Гораздо медленней, чем ожидалось, идет приватизация в промышленности. К марту 1991 г. было приватизировано 260 самостоятельных предприятий и

⁶⁴ Die Wirtschaft, № 4, 1991, S. 3.

⁶⁵ Deutsche Sparkassenzeitung, 22.II.1991.

⁶⁶ Süddeutsche Zeitung, 26.III.1991.

426 филиалов и цехов предприятий из 8 тыс. прежних государственных предприятий, находящихся в ведении Опекунского управления государственной собственности. На приватизированных предприятиях сохранили работу 290 тыс. человек, т.е. около 50% прежнего персонала⁶⁷. Приватизация идет медленно не только в силу уже упоминавшихся причин, но и в связи с тем, что "бывшие собственники" выдвинули в конце 1990 г. требование пересмотра положений Договора об объединении в части вопросов собственности. Ссылаясь на положения Конституции ФРГ, лица, имеющие права на земельные участки или недвижимость на территории бывшей ГДР, потребовали отмены положения о незыблемости изменений прав собственности, произошедших в период 1945–1949 гг. Вопрос был передан на рассмотрение в Конституционный суд ФРГ. Однако правительство уже в марте своими решениями предотвратило дальнейшее ухудшение социально-политической обстановки в восточных землях.

В промышленности восточной части Германии продолжается спад производства. В октябре 1990 г. ведущие экономические институты в своем прогнозе предсказывали, что самая глубокая точка кризиса будет достигнута летом 1991 г., а к концу года ситуация начнет улучшаться. Весной же 1991 г. самые оптимистические оценки содержали новые сроки начала подъема экономики – 1992–1993 гг.

Не улучшилась к весне этого года ситуация и в сельском хозяйстве. По сравнению с летом 1990 г. добавилась еще одна крайне серьезная проблема – население Восточной Германии предпочитает покупать продукты западного производства, хотя по качеству они нередко не превосходят продукцию сельхозпроизводителей восточных земель. По мнению многих экономистов западных земель, восточно-германское сельское хозяйство вряд ли скоро сможет выйти из кризиса.

Серьезные проблемы возникли в области внешней торговли с СССР и странами Восточной Европы. Только с СССР объемы торговли в 1991 г. могут сократиться на 50%, а это означает рост безработицы среди 600 тыс. рабочих, производивших продукцию для восточных рынков.

Кризис в народном хозяйстве дополняется отсутствием дееспособных органов земельной и коммунальной власти, что не позволяет даже при наличии средств начать реализацию мероприятий по улучшению условий жизни населения.

Но самую большую проблему объединенной Германии, как представляется, составляет морально-психологический климат в восточных землях. Надежды населения на быстрое улучшение положения в результате объединения, естественно, не оправдались. В марте 1991 г. вновь стала нарастать волна демонстраций протеста, основным лозунгом которых являлось требование уменьшения безработицы, прекращения закрытия предприятий и т.п. В Лейпциге, например, появились плакаты "Верните нам стену!". Социальная напряженность все более возрастала.

Такое развитие ситуации в стране предсказывалось многими еще в середине 1990 г. Причиной этого стал, с одной стороны, экономический оптимизм федерального правительства, а с другой – нежелание населения бывшей ГДР платить высокую цену за объединение после обещаний быстрого улучшения обстановки. В то же время необходимо подчеркнуть, что хотя в социальном плане требования и протест обоснованны, с точки зрения развития экономики они не имеют пока никаких оснований. Конечно, вопрос взаимосвязки социальных и экономических процессов невероятно сложен, и первостепенное значение социальных сторон жизни не вызывает сомнения ни в одном обществе. Но в то же время ни один социальный вопрос не может быть решен без достаточных экономических основ. Экономика всегда остается первостепенной, что подтверждает с особой убедительностью ситуация в СССР и странах Восточной Европы, вставших на путь реформ. Структура производства в Восточной Германии не меняется, производи-

⁶⁷ Handelsblatt, 15–16.III.1991.

тельность труда не растет, многие убыточные предприятия продолжают работу, а население требует резкого роста доходов. Ни одна даже самая богатая страна не в силах вынести такого "перегрева" народного хозяйства.

Существенную ошибку сделала правящая коалиция, которая постоянно задушевывала предстоящие сложности в экономике в интересах достижения своих политических целей. Только в конце марта 1991 г. посланцы правительства направились в восточные земли с призывами соблюдать благоразумие и "затянуть ремни" в ожидании последующих перемен к лучшему.

С июля 1990 г. по конец 1991 г. на финансирование восточных земель уже выделено более 100 млрд. марок⁶⁸. Эти средства пойдут на развитие промышленности, стимулирование приватизации и частных инвестиций, выплату пособий по безработице (потребность на год при 3 млн. безработных – примерно 39 млрд. марок)⁶⁹, оказание социальной помощи малоимущим, развитие инфраструктуры, решение коммунальных задач, выплату пособий под предстоящий рост квартплаты и т.д. За прошедшее после объединения время на 15% были повышены пенсии на востоке страны, а летом 1991 г. они возрастут еще на 15%⁷⁰. Началось повышение зарплаты в отраслях народного хозяйства. До конца 1991 г., вместо 1 июля, продлено действие соглашения об оплате труда работающих по сокращенному графику. Федеральное правительство еще до принятия решения Конституционным судом разрешило передавать земельные участки и недвижимость "бывших" владельцев иным лицам, если те гарантируют создание новых производств и рабочих мест (собственникам в этом случае будет выплачиваться возмещение, хотя Договор об объединении предусматривает примат возврата собственности). Всем владельцам земельных участков в восточных землях разрешено выкупить их за символическую плату при наличии соответствующим образом оформленных документов, полученных в период существования ГДР.

Для уменьшения социальной напряженности правящая коалиция идет иногда на прямое нарушение не только Договора об объединении, но и своей предвыборной программы. Так, например, для финансирования все возрастающих затрат пришлось увеличить налоги на акцизные товары и налог на заработную плату, хотя Г. Коль ранее неоднократно заявлял, что финансирование единства страны не будет происходить за счет налогоплательщиков. Такие меры, естественно, вызвали недовольство населения и позволили СДПГ в марте 1991 г. поднять вопрос о новых выборах в связи с нарушением правящей коалицией предвыборных обещаний и неспособностью справиться с кризисом. Это требование не было поддержано бундстагом, но такая ситуация, очевидно, будет неоднократно повторяться.

Не вызывает сомнения, что процесс выравнивания, вернее, подтягивания восточных земель к уровню западных, будет происходить в течение длительного времени и вряд ли завершится за 5–10 лет. И это связано прежде всего не с финансовыми, а с морально-психологическими проблемами – преодолением глубоко укоренившихся в сознании людей стереотипов иждивенчества и принципов всеобщей уравниловки.

Развитие событий в Восточной Германии показывает, что преодоление кризиса, углублявшегося на протяжении 40 лет движения по социалистическому пути, – не простое дело, даже при наличии такого мощного "ведущего", как Западная Германия.

⁶⁸ Das Parlament, 22.III.1991.

⁶⁹ Рассчитано по: Der Spiegel, 1990, № 36, S. 87.

⁷⁰ Süddeutsche Zeitung, 26.III.1991.

© 1991 г.

У. ШИРЕР

“БАРБАРОССА”: ОЧЕРЕДЬ РОССИИ*

“МИР ЗАТАИТ ДЫХАНИЕ”

Муссолини был приглашен в Бергхоф на 19 и 20 января [1941 г.]. Потрясенный и униженный скандальными неудачами в Египте и Греции, он готовился к вояжу без всякой радости. Чиано, наблюдавший за своим тестем в дороге, нашел его “хмурым и нервным”. Незадачливый диктатор опасался оскорбительной снисходительности со стороны Гитлера, Риббентропа и немецкого генералитета. На беду дуче взял с собой заместителя начальника генштаба генерала Альфредо Гуццани. Чиано квалифицировал его как посредственность, которую немцам лучше не показывать.

К своей радости и удивлению, Муссолини был на заснеженной платформе небольшой станции Пух сердечно и с большим тактом встречен фюрером, видимо, полностью проигнорировавшим боевые поражения союзника. Как заметил Чиано в дневнике, фюрером уже овладело антирусское настроение. На следующий день он прочел итальянским гостям и своим генералам лекцию, продолжавшуюся два с половиной часа. Хотя официальной повесткой всего мероприятия являлась помощь Италии в Ливии и Албании, но главные мысли фюрера были связаны с Россией: “Я не вижу особой опасности от вступления Америки в войну. Гораздо опаснее громадная Россия. Хотя у нас есть весьма благоприятные политические и экономические соглашения с Россией, я предпочитаю полагаться на те мощные материальные средства, которые мы имеем”¹.

Намекнув партнеру по “оси”, как он намерен распорядиться этими “средствами”, фюрер, однако, планов своих не раскрыл. Глава генштаба, отвечавший за подготовку этих планов, через две недели уже в Берлине представил их нацистскому главнокомандующему.

Следующая военная конференция, где были высшие чины верховного командования вермахта (ОКВ) и верховного командования сухопутных сил (ОКХ), началась в полдень 3 февраля и продолжалась примерно шесть часов. Впоследствии Гальдер, представивший план генштаба, утверждал в книге “Гитлер как полководец”², что он с Браухичем выражали сомнения в своих собственных оценках русской военной мощи и вообще были против плана “Барбаросса”, считая его “авантюрой”. Но в дневнике Гальдера вечером того же дня не было написано об этом ни слова, так же как и в совершенно секретной докладной ОКХ о конференции³. Из имеющихся материалов видно, что Гальдер в деловом духе дал примерную оценку сил противника. У него получилось, что враг будет иметь примерно

* Окончание. Начало см. в № 4 нашего журнала за 1991 г.

¹ Nazi Conspiracy and Aggression (далее – NCA), t. I–VI. Washington, 1946, v. VI, p. 939.

² Halder F. Hitler als Feldherr. Munchen, 1949, S. 22–24.

³ NCA, v. III, p. 636.

155 дивизий. При этом генерал отмечал: немцы собираются использовать почти "столько же войск гораздо более высокого качества". Позднее, когда немцев постигла катастрофа, Гальдер и его коллеги-генералы поняли задним числом, как плохо они знали Красную Армию. Но 3 февраля 1941 г. они ничего не подозревали. Более того, доклад Гальдера на конференции о планах ликвидации Красной Армии* оказался настолько убедительным, что в конце заседания Гитлер, во-первых, выразил "в целом" согласие с представленным планом, а во-вторых, настолько возбудился захватывающими перспективами будущих завоеваний, что воскликнул: "Когда начнется "Барбаросса", мир затаит дыхание и потеряет дар речи!"

Фюрер сгорал от желания поскорее начинать войну. Он распорядился представить карту операций и план развертывания сил "как можно скорее".

БАЛКАНСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

До начала "Барбароссы", т.е. к весне, надо было укрепить южный фланг на Балканах. К третьей неделе февраля немцы сосредоточили вдоль 300-мильной советско-румынской границы – от Польши до Черного моря – внушительную армию в 680 тыс. человек⁴. Но южнее в тылу итальянцы с трудом отбивались от греков, и в Берлине имели основания опасаться, что возможна переброска британских войск из Ливии на греческую территорию. Гитлер боялся, как свидетельствуют материалы многочисленных совещаний того периода, что севернее Салоник может возникнуть (как это уже было в первую мировую войну) новый фронт. Причем этот фронт был бы много опаснее предшествующего, поскольку англичане получили бы тогда возможность бомбить румынские нефтяные районы. Более того, тогда мог бы пострадать и план "Барбаросса". Такой неблагоприятный вариант событий немцами учитывался еще в декабре 1940 г., когда появилась первая директива к плану "Марита", предусматривавшая мощную немецкую атаку на Грецию через Болгарию из Румынии.

Болгария, не сумевшая заранее определить победителя в первой мировой войне, опять повторяла свою ошибку. Поверив заверениям Гитлера, что война им уже практически выиграна, соблазнившись заманчивой перспективой получить кусок греческой территории, дававшей Болгарии выход к Эгейскому морю, болгарское правительство согласилось с планом "Марита" – во всяком случае, насчет транзита германских войск. Соглашение на этот предмет было тайно заключено между фельдмаршалом Листом и болгарским генштабом 8 февраля 1941 г.⁵ А в ночь на 28 февраля немецкие части пересекли Дунай и заняли в Болгарии стратегические позиции. На следующий день Болгария присоединилась к Тройственному пакту.

Югославы оказались менее уступчивыми. Но их упрямство только усилило желание немцев привлечь в свой лагерь и эту страну. 4–5 марта регент князь Павел был тайно вызван к фюреру в Бергхоф. После традиционных угроз Гитлер пообещал регенту Салоники в качестве взятки. 25 марта югославский премьер Драгиша Цветкович и министр иностранных дел Александр Цинцар-Мартович, тайно улизнувшие из Белграда накануне вечером, опасаясь враждебных демонстраций или даже физической расправы, прибыли в Вену, где в присутствии Гитлера и Риббентропа подписали акт о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Перед отъездом из Вены югославские руководители получили два письма от Риббентропа, где подтверждалась "решимость Германии уважать суверенитет

* Стратегия операции была в основном уже изложена в директиве № 21 от 18 декабря 1941 г. В ходе февральской конференции Гитлер, комментируя доклады Гальдера и Браухича, подчеркнул, что важно "уничтожить крупные соединения врага" и не допустить их отхода. Он специально указывал, что "главная цель – овладение Прибалтикой и Ленинградом".

⁴ Nazi-Soviet Relations (далее – NSR). Washington, 1948, p. 275.

⁵ NCA, v. IV, p. 272.

и территориальную целостность Югославии во все последующие времена". Давалось также обещание, что страны "оси" не потребуют пропуска своих войск через югославскую территорию "во время настоящей войны"⁶. Оба эти официальных обязательства Гитлер тут же нарушил, установив личный рекорд политического вероломства.

Не успели югославские министры вернуться в Белград, как в течение 26 и 27 марта регент и правительство были свергнуты народным восстанием под руководством нескольких высших офицеров авиации. Армия тоже поддержала это восстание. Малолетний наследник престола Петр, ускользнувший из-под надзора придворных чиновников, спустившись из дворца по водосточной трубе, был объявлен царем. Новое правительство генерала Душана Симовича немедленно предложило немцам подписать акт о ненападении. Несмотря на это предложение, Берлину стало ясно, что из Югославии не удастся сделать такую марионетку, какая нужна фюреру. Во время шумных и страстных манифестаций в Белграде толпа оплевала автомобиль германского посланника. Сербы вполне ясно дали понять, куда направлены их симпатии и антипатии.

Белградский переворот привел фюрера в совершенно неопишемую ярость, что случалось довольно редко. Он воспринял его как личное оскорбление и в состоянии дикого гнева быстро принял несколько опрочечивых решений, впоследствии отразившихся на судьбе "третьего рейха".

27 марта в рейхсканцелярии спешно созывается совещание военного руководства, настолько спешно, что Браухич, Гальдер и Риббентроп не успели к его началу. Здесь уже фюрер в полную силу обрушил свой демонический гнев на югославов. Белградский переворот, бушевал Гитлер, поставил под угрозу план "Марита" и даже "Барбароссу". Поэтому он решил, "не ожидая возможных деклараций нового правительства о его лояльности к Германии, уничтожить в военном отношении Югославию и югославов как нацию. Никаких дипломатических мер или ультиматумов, — продолжал осерчавший завоеватель, — не будет!" Югославия будет раздавлена с "безжалостной жестокостью". Тут же Герингу был отдан приказ "разрушить Белград волновыми налетами" бомбардировщиков, базирующихся в Венгрии. Издаётся директива № 25⁷ о немедленном вторжении в Югославию; Кейтель с Йодлем получают распоряжение в тот же вечер разработать необходимые для этого военные планы. Риббентропу фюрер велит дать совет Венгрии, Румынии и Италии принять участие в территориальном разделе Югославии, от которой остается карликовое марионеточное государство Хорватия*.

После этого фюрер объявил самое, как оказалось впоследствии, роковое свое решение. В записи совещания⁸, сделанной одним из руководителей ОКВ, зафиксировано: "Начало операции "Барбаросса", — приказал Гитлер, — откладывается на четыре недели"⁹. Эта затяжка с нападением на Россию, вызванная тем, что оскорбленный фюрер сводил персональные счета со слабеньким балканским государством, осмелившимся ему перечить, была, может быть, самой крупной ошибкой Гитлера за всю его карьеру. Приняв в порыве гнева это решение, фюрер наверняка упускал золотую возможность выиграть русскую войну и сделать тем самым "третий рейх" полным владыкой Европы и величайшей в германской истории империей. Сам он автоматически становился бы абсолютным властителем континента. Позднее главнокомандующим сухопутных сил фельдмаршал фон Браухич и весьма

⁶ NCA, v. I, p. 783.

⁷ NCA, v. VI, p. 938.

* "Война против Югославии будет очень популярна в Италии, Болгарии и Венгрии", — злобно говорил фюрер. Он собирался отдать Банат — Венгрии, Македонию — Болгарии, а Адриатическое побережье — Италии.

⁸ NCA, v. IV, p. 275.

⁹ В директиве от 18 декабря 1940 г. начало "Барбароссы" планировалось на 15 мая 1941 г.

способный начальник генштаба генерал Гальдер с глубокой горечью вспоминали об этой необдуманной отсрочке, когда глубокие снега, русские морозы и потерянные три-четыре недели, как им казалось, вырвали у них из рук окончательную победу. Следует заметить, что в марте военные даже не пытались выступить против перенесения сроков нападения на СССР. И только после войны немецкие генералы стали хором порицать это поспешное, необоснованное решение тщеславного бешеного фюрера, считая его причиной последовавших для Германии бед.

Военная директива № 25, оглашенная Гитлером своим генералам еще до конца совещания, была выдержана в типичном для фюрера стиле: "Военный путч в Югославии изменил политическую ситуацию на Балканах. Несмотря на свои заверения в лояльности, Югославия в настоящее время должна рассматриваться как враг и поэтому должна быть сокрушена немедленно.

Мое намерение заключается в том, чтобы вторгнуться в Югославию . . . и уничтожить югославскую армию".

Йодль, начальник оперативного отдела ОКВ, получил в тот же вечер указание подготовить военные планы. В Нюрнберге он вспоминал: "Я работал в рейхсканцелярии всю ночь. В четыре утра я вручил меморандум генералу Ринтелену, офицеру связи с итальянским верховным главнокомандованием"⁹. Требовалось немедленно ввести в курс дела Муссолини, чьи вконец истрепанные части в Албании могли быть побиты еще и югославами. Дуче оповещался о планах немецких операций и приглашался к сотрудничеству. Чтобы удостовериться, что дуче все понял верно, Гитлер, не дожидаясь, пока Йодль завершит свою срочную работу, в полночь посылает союзнику письмо с указанием вручить его адресату немедленно: "Дуче, события вынуждают меня сообщить Вам максимально быстрым путем свою оценку ситуации и возможные ее последствия.

С самого начала я рассматривал Югославию как опасный фактор в конфликте с Грецией. . . Поэтому я честно предпринял все возможное, чтобы привлечь Югославию на нашу сторону. . . К сожалению, эти усилия успеха не имели. . . Сегодняшние сообщения не оставляют никаких сомнений насчет поворота югославской внешней политики.

Поэтому я уже принял все необходимые меры. . . для применения военных средств. Сердечно прошу Вас, дуче, в связи с этим не предпринимать никаких операций в Албании в ближайшие несколько дней. Мне представляется необходимым, чтобы Ваши силы заняли и прикрыли самые важные проходы из Югославии в Албанию всеми наличными подразделениями.

. . . Считаю также необходимым, дуче, чтобы Вы усилили свои войска на итальянско-югославской границе как можно быстрее.

Совершенно необходимо, дуче, чтобы все наши действия и распоряжения оставались абсолютно секретными. . . Иначе они практически обесценятся. . . При соблюдении же тайны. . . я не сомневаюсь, что мы оба, дуче, добьемся успеха не менее крупного, чем в Норвегии в прошлом году. В этом моя уверенность непоколебима. Примите мои сердечные и дружеские приветствия.

Ваш Адольф Гитлер"¹⁰.

Что касается непосредственной цели ближайших действий, тут фюрер был вполне прав. Но, похоже, он не задумывался над тем, во что обойдется ему месть Югославии в долгосрочной перспективе. На рассвете 6 апреля его мощные многочисленные армии набросились на Югославию и Грецию, быстро подавляя плохо вооруженных противников, уже потрясенных предварительными налетами люфтваффе. Агрессия была проведена с территориями Венгрии, Болгарии и австрийской

⁹ NCA, v. IV, p. 278.

¹⁰ Ibid., p. 475.

части Германии. Белград, в соответствии с приказом Гитлера, был буквально стерт с лица земли. Трое суток подряд, днем и ночью, бомбардировщики Геринга беспрепятственно (у города не было противоздушной защиты) летали почти на высоте крыш. Погибло 17 тыс. человек, раненых было гораздо больше. Все это Гитлер, явно довольный тем, как старательно исполняются его приказы, назвал "Операция возмездия". Югославы, которые не имели времени мобилизовать свою небольшую, но крепкую армию, сделали ошибку, стараясь держать оборону на всех направлениях. Немцы их буквально раздавили. 13 апреля венгерские и германские войска вошли в развалины Белграда, а 17 апреля оставшаяся часть югославской армии, 27 дивизий, капитулировала в Сараево. Король и премьер-министр самолетом улетели в Грецию.

Греки, уже около полугода успешно сражавшиеся с итальянцами, не могли, конечно, противостоять 12-й германской армии фельдмаршала Листа, четыре из двенадцати дивизий которой были танковые. Британцы спешно послали грекам на помощь около четырех дивизий — всего 53 тыс. человек. Но и они вместе с греками были подавлены немецкими танками и убийственными налетами люфтваффе. Северная греческая армия сдалась немцам и — что было грекам особенно горько — итальянцам 23 апреля. Через четыре дня нацистские танки громыхали на афинских улицах, а флаг со свастикой развевался над Акрополем. В это время англичане, отчаянно торопясь, проводили свой "второй Дюнкерк", правда меньший по масштабам, но почти столь же успешный, как первый.

К концу апреля — за три недели — было завоевано все, кроме Крита. 20 мая немцы с помощью авиадесанта отобрали у англичан и Крит. Где Муссолини позорно ковырялся всю зиму, Гитлер преуспел за несколько весенних дней. Дуче, конечно, почувствовал облегчение, но оно отравлялось тем унижительным для него обстоятельством, что все за него сделали немцы. Не порадовали его и результаты дележа Югославии, к которому тут же приступил Гитлер*.

Балканы были не единственным местом, где фюрер облегчил положение своему незадачивому союзнику. После того, как британцы уничтожили итальянскую армию в Ливии, Гитлер согласился, правда неохотно, послать наконец дивизию легких танков и несколько авиасоединений в Северную Африку. Командующим всеми итало-германскими силами был назначен генерал Эрвин Роммель. Этот смелый, находчивый офицер хорошо проявил себя, командуя танковой дивизией во время битвы за Францию. С таким командующим британские колониальные войска в Северной Африке еще не встречались. В последующие полтора года он стал для них громадной проблемой. Причем не единственной. Довольно крупные подкрепления, посланные грекам в апреле, существенно ослабили британскую армию в Ливии. Поначалу англичане не понимали опасности, даже после агентурных сообщений о прибытии в конце февраля в Триполитанию германских бронетанковых частей. Но очень скоро осознали ее.

31 марта Роммель со своей танковой и двумя итальянскими дивизиями, одна из которых тоже бронированная, неожиданно перешел в наступление. За 12 дней он вернул занятую англичанами часть Ливии, завоевал Тобрук и достиг городишка Бардия, расположенного в нескольких милях от египетской границы. Снова вся британская оборона в районе Египта и Суэцкого канала оказалась под угрозой. Причем теперь, когда немцы с итальянцами были еще и в Греции, английские позиции стали в Восточном Средиземноморье существенно уязвимее, чем первый раз — в 1940 г.

* 12 апреля 1941 г., через шесть дней после нападения, Гитлер издал секретную директиву, по которой Югославия делилась между Италией, Германией, Венгрией и Болгарией. На оставшейся территории было создано марионеточное государство Хорватия. Себя фюрер тоже не обидел, присоединив к Германии соседние со старой Австрией славянские области. Кроме того, немцы оккупировали всю старую Сербию и районы добычи меди и угля. Итальянская доля оказалась существенно меньшей.

4 мая в очередной речи в рейхстаге Гитлер неплохо использовал свои новые победы. Речь по большей части состояла из ядовитых и саркастических нападок лично на Черчилля как подстрекателя (вместе с евреями) войны и основного виновника предстоящего поражения Британии: "Это самый кровожадный, самый дилетантский из всех политиков в истории. . . Больше пяти лет этот человек, как безумец, рыщет по всей Европе в стараниях хоть что-нибудь, но поджечь. . . Как солдат он дурной политик, а как политик — такой же солдат. . . Дар, которым владеет мистер Черчилль — это дар лгать с благочестивой миной на лице до такой степени обмана, когда славные победы превращаются в ужасные поражения. Черчилль, самая безнадежная бездарность в стратегии, только что умудрился потерпеть поражение сразу на двух театрах военных действий — на Балканах и в Африке. В любой другой стране его бы судили военным судом. . . Его патологическое состояние ума может быть объяснимо только как результат паралитической болезни или хронических запоев".

Относительно югославского переворота, который привел фюрера в такое неистовство, он своих эмоций и не скрывал: "Мы все были поражены переворотом, который провела кучка подкупленных заговорщиков. . . Поэтому вы, господа, понимаете, что я, как только узнал об этом, сразу дал приказ атаковать Югославию. Так обращаться с германским рейхом невозможно".

Надменно упиваясь своими новыми победами, особенно над англичанами, Гитлер, похоже, не отдавал себе отчета, насколько страшный удар он нанес Англии и какая смертельная опасность нависла над всей Британской империей. В тот самый день, когда он выступил с речью в Берлине, Черчилль отправил Рузвельту письмо. Речь в нем шла о серьезных последствиях потери Египта и Среднего Востока. Британский премьер просил США вступить в войну. Настроение сэра Уинстона было, быть может, самым мрачным за всю войну: "Я очень прошу Вас, мистер Президент, не недооценивать серьезность возможных последствий средневосточной катастрофы"¹¹.

Командование германского военного флота изо всех сил старалось сагитировать Гитлера максимально использовать свои успехи в Восточном Средиземноморье. К явной выгоде держав "оси" новый премьер Ирака Рашид Али, настроенный прогермански, организовал нападение на английскую авиабазу Хаббания близ Багдада и официально обратился за помощью к Берлину для изгнания англичан из страны. Это произошло в начале мая. После того, как к 27 мая Крит был окончательно очищен от противника, адмирал Редер, всегда очень прохладно относившийся к плану "Барбаросса", рекомендовал Гитлеру 30 мая подготовить решающее наступление на Египет и Суэц. Из Северной Африки вошедший во вкус завоеваний Роммель слал подобные же предложения, заодно запрашивая подкреплений для дальнейшего наступления. "Такой удар, — убеждал Редер Гитлера, — будет для Британской империи смертельной, чем захват Лондона!" Через неделю гросс-адмирал вручил Гитлеру меморандум оперативного отдела военно-морского штаба. Документ предостерегал, что, "хотя "Барбаросса" и имеет приоритет в планах ОКВ, ни при каких обстоятельствах нельзя прекращать или задерживать ведение войны в Средиземноморье"¹².

Но фюрер уже принял свое решение; собственно, оно было неизменным еще с Рождества, когда была издана директива № 21 и Гитлер заявил Редеру, что Россия должна быть "устранена первой". Фюрер, понимавший лишь сухопутную стратегию, просто не воспринимал более масштабную концепцию, которую разрабатывало военно-морское ведомство. Еще до беседы с Редером 30 мая он издал 25 мая директиву № 30¹³. Согласно ей, в Ирак командировалась военная миссия, не-

¹¹ Churchill W. The Grand Alliance. London, 1950, p. 235.

¹² NCA, v. VI, p. 998.

¹³ Fuhrer Conferences on Naval Affairs, 1941, p. 50–52.

сколько самолетов и партия оружия. "Я решил, — говорилось дальше, — поддержать движение на Среднем Востоке путем помощи Ираку". Но в общем это была мелочь. Относительно стратегии, предлагавшейся адмиралами и Роммелем, Гитлер заявил: "Вопрос о том, возможно ли — и если да, то какими средствами — проведение наступления на Суэцкий канал и последующее устранение британцев из областей между Средиземным морем и Персидским заливом, не может быть решен до завершения операции "Барбаросса"".

Сначала надо уничтожить Советский Союз, все остальное потом. Теперь, задним числом, видно, что это было главной ошибкой. В этот момент, в конце мая 1941 г., Гитлер, используя лишь малую часть своих сил, был в состоянии нанести Британской империи такой удар, который вполне мог бы оказаться смертельным. Никто не понимал этого лучше, чем затравленный нацистами Черчилль. В письме Рузвельту 4 мая он признавал, что в случае потери Египта и Среднего Востока война для Англии станет "тяжелым, затяжным и неопределенным предприятием", даже если США вступят в войну на ее стороне. А вот Гитлер этого не понимал. Его слепота тем более непостижима, что из-за балканской кампании осуществление плана "Барбаросса" откладывалось на несколько недель.

Задержка, как выяснилось, оказалась фатальной. Сторонники Гитлера утверждают, что балканская кампания не главная причина запоздалого начала операции "Барбаросса". Дело будто бы в поздней распутице, из-за которой дороги в Восточной Европе в том году до середины июня были непроезжими. Свидетельства лучших германских генералов не подтверждают и эту версию. Фельдмаршал Фридрих Паулюс, широко известный впоследствии в связи со Сталинградской битвой, все это время был главным конструктором русской кампании в армейском генштабе. В Нюрнберге он заявил, что решение Гитлера уничтожить Югославию отодвинуло начало плана "Барбаросса" примерно на пять недель. В военном дневнике морского штаба Германии содержится та же оценка¹⁴. Фельдмаршал Рундштедт, командовавший группой армий "Юг", заявил после войны союзникам на допросе, что из-за балканской кампании операцию "Барбаросса" "мы начали как минимум на месяц позже срока. Это стоило нам очень дорого"¹⁵.

Как бы там ни было, по завершении своей греко-югославской кампании, фюрер 30 апреля установил новую дату начала "Барбароссы" — 22 июня 1941 г.¹⁶

ТЯГОСТНАЯ АГОНИЯ КРЕМЛЯ

Невзирая на совершенно ясные намерения Гитлера — развернутые войска в Восточной Польше, миллионная нацистская армия на ближних к России Балканах, блиц-завоевания в Югославии и Греции, оккупация Румынии, Болгарии и Венгрии, — кремлевская команда, и прежде всего Сталин, при всей своей репутации практиков-реалистов (таковыми они, несомненно, были) по-прежнему слепо верила, что Россия сумеет как-то избежать гнева нацистского тирана. Взаимная подозрительность, подкрепляемая очевидными фактами, росла. Москва была очень недовольна оккупацией Гитлером всей Юго-Восточной Европы. Было, однако, что-то ирреальное, гротескное, почти невероятное в дипломатических сношениях Москва—Берлин в эти недели. Немцы неуклюже старались обмануть Кремль до самого последнего момента. А советские лидеры словно желали продолжения этого обмана, как будто были не в состоянии признать действительность и что-то сделать.

Москва несколько раз заявляла протест по поводу немецкой оккупации Румынии и Болгарии, нападения на Югославию и Грецию, считая эти действия наруше-

¹⁴ NCA, v. VI, p. 996.

¹⁵ Ibid., p. 978.

¹⁶ Ibid., p. 633.

нием германо-советского пакта и угрозой советским "интересам безопасности". В то же время продолжалось умасливание Берлина. С приближением часа нападения участие в этом принял лично Сталин. 13 апреля 1941 г. Шуленбург отправил телеграфом в Берлин любопытную депешу с информацией об отъезде в тот же день из Москвы японского министра иностранных дел Иосуге Мацуоки. На проходах Сталин вел себя необычайно дружелюбно по отношению не только к японцам, но и немцам. На вокзале, докладывая германский посол, Сталин "демонстративно оказывал мне внимание, обнял за плечи, произнося при этом: "Мы должны остаться друзьями, и теперь вам надо сделать все для этого!" Чуть позже Сталин обратился к замещавшему германского военного атташе полковнику Кребсу. Предварительно удостоверившись, что разговаривает с немцами, он сказал: "Мы с вами останемся друзьями, что бы ни случилось"¹⁷. Три дня спустя германский поверенный в делах в Москве Типпельскирх подчеркнул в своей служебной телеграмме в министерство иностранных дел, что эта демонстрация дружбы на вокзале особенно важна "ввиду упорно циркулирующих слухов о скором конфликте между Германией и Советским Союзом". А за день до этого, 15 апреля, Типпельскирх сообщил в Берлин, что Кремль принял "безусловно" германский вариант демаркации границы от реки Игорки до Балтийского моря, до этого много месяцев бывшей предметом бесконечных русско-германских препирательств. "Уступчивость Советского Союза, — по мнению немецкого дипломата, — весьма примечательна". С учетом того, что планировали в Берлине, это, безусловно, так и было.

При снабжении Германии важным для нее сырьем Советское правительство четко выполняло свои обязательства. 5 апреля Шнурре, главный германский представитель на экономических переговорах, торжествующе рапортовал своему начальству, что после замедления в январе—феврале русских товарных поставок, обязанного "охлаждению политических отношений", они резко возросли в марте, особенно по зерну, нефти, марганцевой руде, металлам и драгоценным металлам. "Наш товарный транзит через Сибирь, — добавил Шнурре, — идет хорошо, как обычно. По нашей просьбе советское правительство согласилось даже выделить специальный железнодорожный состав под наш каучук из Маньчжурии".

Спустя шесть недель, 15 мая, Шнурре доложил, что обязательные россияне предоставили несколько специальных фрахтовых составов для доставки позарез нужных Германии 4 тыс. т каучука по Транссибирской магистрали: "Заявляемые объемы поставок пунктуально передаются русскими, несмотря на все свои внутренние затруднения. . . У меня складывается впечатление, что мы могли бы расширить наши экономические предложения Москве по сравнению с соглашением 10 января, что дало бы возможность усилить обеспечение Германии довольствием и сырьем"¹⁸.

Встречные поставки из Германии отставали от советских, но это не очень волновало Шнурре, считавшего, видимо, это делом русских. Беспокоило его другое. "Большие затруднения создают, — жаловался он в донесении 15 мая, — бесконечные слухи о предстоящем германо-советском конфликте". Вину за это он возлагал на германские официальные источники. Очень удивляло Шнурре то, что, оканчивается, "трудности", как он подробно разъяснял своему министерству иностранных дел, проистекают вовсе не от русских, а от германских промышленных фирм, которые стараются "воздержаться" от контрактов с Россией.

Гитлер пытался бороться с этими слухами. В то же время он не забывал внушать своим генералам и окружению, что растет опасность русского нападения на Германию. Хотя генералы как профессионалы знали реальную ситуацию не хуже фюрера, его гипнотическое влияние было весьма велико. Даже после войны

¹⁷ NSR, p. 322.

¹⁸ Ibid., p. 340.

Гальдер, Браухич, Манштейн и другие (но не Паулюс, оказавшийся честнее) утверждали: советская военная деятельность на польской границе к началу лета стала чрезвычайно угрожающей. Шуленбург, ненадолго отлучившийся из Москвы, повидался с Гитлером 28 апреля и попытался убедить его в мирных намерениях России. "Русские, — толковал он фюреру, — очень восприимчивы к слухам о германском нападении на Советский Союз. . . Я не верю, что Россия вообще собирается воевать с нами. Если Сталин не смог договориться с Англией и Францией в 1939 году, когда те были еще сильными, он наверняка не примет подобного решения сегодня, когда Франция побеждена, а Британия жестоко побита. Наоборот, я убежден, что Сталин склонен к дальнейшим уступкам Германии".

Фюрер продемонстрировал скептическое отношение к этому. Для него "предупреждением" послужили, заявил он своему послу, "события в Сербии. . . Что за бес вселился в русских — заключать договор о дружбе с Югославией?"* Лично он, Гитлер, тоже не верил, что "Россию можно побудить напасть на Германию". Тем не менее он обязан быть "осторожным". Своего посла в СССР Гитлер не посвящал в планы относительно России, и Шуленбург — честный, порядочный немец, дипломат старой школы — ничего о них не знал до объявления войны.

Сталину об этих планах тоже ничего не было известно. Зато он знал о фактах, предвещающих реализацию гитлеровских замыслов. 22 апреля Советское правительство заявило официальный протест по поводу нарушений границы немецкими самолетами. Каждое из 80 нарушений, совершенных с 27 марта по 18 апреля, было в ноте детально описано. Например, 15 апреля немецкий самолет-разведчик приземлился около Ровно. Были обнаружены фотокамера, несколько заснятых пленок и порванная топографическая карта западных районов Украины, что "делает очевидными цели экипажа самолета". Выражая протесты, русские все равно продолжали идти на уступки. В ноте говорилось, что приграничным войскам "дан приказ не открывать огонь по немецким самолетам над советской территорией, если эти самолеты не предпринимают враждебных действий"¹⁹.

Сталин продолжал уступать даже в мае. В угоду Гитлеру он выслал из Москвы дипломатических представителей Бельгии, Норвегии, Греции и даже Югославии. Их миссии были закрыты. Москва признала пронацистское правительство Рашида Али в Ираке. Советская пресса строжайше контролировалась во избежание малейших поводов для провокации с германской стороны.

"Эта демонстрация намерений правительства Сталина, — писал 12 мая Шуленбург в свое министерство иностранных дел, — рассчитана на ослабление напряженности между Советским Союзом и Германией и на создание более благоприятной атмосферы будущих отношений. Нам следует помнить, что Сталин лично всегда выступал за дружеские отношения двух стран"²⁰.

Хотя Сталин уже давно был абсолютным диктатором, термин "правительство Сталина" в переписке дипломатов появляется впервые. Дело в том, что 6 мая Сталин занял пост председателя Совета Народных Комиссаров, т.е. стал премьером СССР. Наркомом иностранных дел остался Молотов. Еще ни разу всемогущий генсек ВКП (б) не занимал руководящих правительственных постов*. Мировая общественность это событие поняла так, что ситуация, особенно в отноше-

* 5 апреля, за сутки до нападения немцев на Югославию, СССР. поспешно заключил договор о ненападении и дружбе с новым белградским правительством, видимо, пытаясь помешать Гитлеру. Молотов информировал об этом Шуленбурга вечером 4 апреля. Посол воскликнул, что для такого шага "момент крайне неудачен", и безуспешно пытался отговорить русских от такого шага или хотя бы убедить их отложить подписание договора.

¹⁹ NSR, p. 316.

²⁰ Ibid., p. 338.

*Здесь допущена неточность. В 1917–1922 гг. Сталин был членом правительства. — Прим. ред.

ниях с нацистской Германией, настолько серьезна, что Сталин в состоянии сладить с надвигающейся угрозой, лишь совместив свое положение фактического правителя с официальным постом главы правительства. Такое объяснение было очевидным. Но существовала еще одна причина, менее очевидная. Проницательный Шуленбург срочно указал на нее Берлину. Сталин, на его взгляд, был недоволен ухудшением советско-германских отношений и возлагал вину за это в значительной степени на неудачную дипломатию Молотова. "По-моему, — отмечал Шуленбург, — с уверенностью можно предположить, что Сталин преследовал внешнеполитическую цель громадной важности. . . которую он надеется достичь путем личных усилий. Я убежден, что в создавшейся международной ситуации, которую он считает серьезной, Сталин ставил себе целью уберечь Советский Союз от конфликта с Германией"²¹.

Сознавал ли опытный советский диктатор теперь, в середине мая 1941 г., что цель его была нереальна, что только полная капитуляция перед Гитлером позволяла ее достичь? Сталин отлично понимал значение захвата Югославии и Греции, присутствия немецких войск в Румынии и Венгрии, развертывания дивизий вермахта в Восточной Польше. Упорные слухи о войне, ходившие по Москве, наверняка были ему известны. В начале мая они стали так многочисленны, что германское посольство просто изнемогало в борьбе с ними.

"Учтите, пожалуйста, — предупреждал германский посол свое министерство иностранных дел, — что противодействовать этим слухам здесь, в Москве, бесполезно, поскольку они постоянно поступают из Германии. Причем чуть ли не каждый приезжающий в Москву не только привозит новые слухи, но и подтверждает их, ссылаясь на факты"²².

Почтенного посла и самого стали беспокоить подозрения на этот счет. Из Берлина шли инструкции опровергать слухи и распространять встречные о том, что, во-первых, сведения о большом скоплении германских войск на советских границах не верны, а во-вторых, вообще часть войск (восемь дивизий, сообщалось ему в порядке "личного осведомления") "переводились с востока на запад". Не исключено, что эти инструкции только усиливали беспокойство посла, потому что к тому времени вся мировая пресса уже упорно трубила о сосредоточении германских войск на советских границах.

Еще задолго до этого Сталин получал предупреждения о планах нацистов, но как будто не придавал им значения. Весьма серьезная информация пришла от правительства США.

В начале января 1941 г. коммерческий атташе посольства Соединенных Штатов Америки в Берлине Сэм Е. Вудс прислал в госдепартамент секретный отчет. В нем говорилось, что, по сведениям из надежных германских источников, Гитлер разрабатывает планы нападения на Россию весной этого же года. Документ Вудса был обстоятельным и детальным, содержал описание разработанных немецким генштабом планов нападения (впоследствии полностью подтвердившихся), а также приготовлений по экономической эксплуатации завоеванного Советского Союза*.

²¹ NSR, p. 335.

²² Ibid., p. 337.

*Сэм Вудс, необычайно оригинальный человек со своим видением мировой политики и истории, нам, знавшим и ценившим его, представлялся последним человеком в американском посольстве, кто мог иметь прямое отношение к столь серьезной агентурной информации. Многие его сослуживцы по Берлину до сих пор сомневаются в этом. Но Корделл Хэлл в воспоминаниях проясняет вопрос. У Вудса, рассказывает покойный госсекретарь США, был друг немец, противник нацизма, имевший связи в высоких министерских кругах, в рейхсбанке и нацистской партии. Еще в августе 1940 г. он сообщил Вудсу, что на совещаниях в штаб-квартире фюрера шла речь о подготовке к нападению на Советский Союз. С этого времени немец постоянно держал американского коммерческого атташе в курсе того, что происходило в германском генштабе и в кругах, готовивших планы экономического

Сначала глава госдепартамента Хэлл подумал, что Вудс немцы сознательно дезинформируют. Он пригласил Эдгара Гувера. Шеф ФБР ознакомился с донесением Вудса и подтвердил его достоверность. Вудс указал несколько своих источников в Берлине и немецком генштабе. По мнению Вашингтонских экспертов, производивших проверку донесения, эти люди вполне могли знать, что происходит в германском руководстве, и сами были настроены достаточно антинацистски. Несмотря на натянутые отношения между США и СССР, Хэлл решил проинформировать русских. Он попросил своего заместителя Самнера Уэллеса сообщить главное из информации Вудса советскому послу в Вашингтоне Константину Уманскому. Это произошло 20 марта. Реакцию Уманского Уэллес изобразил так: "Мистер Уманский побледнел. Немного помолчав, он просто сказал: "Я полностью осознаю всю серьезность вашего сообщения. Мое правительство будет очень благодарно вам за доверие. Я немедленно сообщу ему о нашем разговоре"".

Прониклось ли московское руководство, как утверждал Уманский, благодарностью и поверило ли оно вообще в эту своевременную агентурную информацию – судить затруднительно, поскольку оно никак не отреагировало на предупреждение своих американских коллег. Корделл Хэлл вспоминает, что как раз в это время Москва становилась более враждебной и резкой, так как американская помощь Британии тормозила снабжение России нужными ей товарами. Тем не менее, согласно Хэллу, госдепартамент, получив в начале июня депеши от своих дипломатических миссий в Бухаресте и Стокгольме, сообщавшие, что Берлин вторгнется в Россию в течение полумесяца, отправил копии этих донесений американскому послу в Москве Стейнхардту, который передал их Молотову.

Черчиллю тоже пытался предупредить Сталина. 3 апреля он попросил сэра Стеффорда Криппса, посла в Москве, вручить вождю личное послание, где обращал внимание адресата на важные для России перемещения германских войск в Южной Польше, о чем премьеру стало известно от одного британского агента. В своих мемуарах Черчилль вспоминал, как у него вызвала раздражение проволочка с доставкой Криппсом письма по назначению.

К концу апреля и Криппс уже знал дату гитлеровского нападения на СССР, о чем стало известно немцам. 24 апреля германский морской атташе в Москве прислал короткую телеграмму в штаб ВМС в Берлине: "Британский посол предсказывает, что 22 июня начнется война!"^{2 3}

Эта телеграмма, сохранившаяся в трофейных немецких документах, в тот же день была полностью внесена в германский военно-морской дневник, включая и восклицательный знак. Адмиралы удивились точности прогноза британского посла, а бедный московский атташе, который не был в курсе дела, добавил в своем сообщении, что британская информация "явно абсурдна".

Молотов, видимо, считал так же. Через месяц, 22 мая, он принимал Шуленбурга, с которым надлежало обсудить разные вопросы. "Он вел себя дружелюбно, держался уверенно и был, как всегда, хорошо информирован", – докладывал посол, подчеркивая при этом, что Сталин и Молотов, "два могущественнейших человека в Советском Союзе", стараются "прежде всего" избежать конфликта

грабежа России. Для конспирации Вудс встречался со своим информатором на различных берлинских выставках, где тот передавал американцу записки. – *Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, v. II. London, 1948, p. 967.*

Я уехал из Берлина в декабре 1940 г. Дж. Кеннан, блестящий дипломат, потом сообщил мне, что посольство из нескольких источников узнало о предстоящем нападении на Россию. За две-три недели до начала войны, по словам находящегося тогда в Германии Кеннана, американский консул в Кёнигсберге Куйкендолл сообщил своему посольству в Берлине точную дату начала войны.

^{2 3} *Ibid.*, p. 330.

с Германией. Обычно проницательный Шуленбург на этот раз ошибся. Молотов определенно не был "хорошо информирован". Как, впрочем, и сам посол.

О мере информированности наркома говорит эпизод с сообщением ТАСС 15 июня. Накануне вечером Молотов вручил послу его текст, тогда же переданный по радио и опубликованный на следующий день в советской прессе²⁴. Обвинив персонально Криппса в "широком распространении слухов о якобы "предстоящей войне между СССР и Германией" в английской и зарубежной печати", Советское правительство официально заклеимило их как "явно абсурдные" и как "неуклюжие пропагандистские маневры сил, враждебных Советскому Союзу и Германии". Сообщение также утверждало, что, "по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и напасть на СССР лишены всяких оснований", а недавняя переброска немецких войск с Балкан к советским границам "связана, надо полагать, с . . . мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям", и "слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными".

По иронии судьбы сообщение ТАСС совпало с двумя немецкими акциями: одной — 15 июня, другой — на следующий же день.

Из Венеции, где 15 июня велись переговоры с Чиано, Риббентроп послал секретное сообщение в Будапешт, предупреждая венгерское правительство о необходимости "предпринять шаги для обеспечения безопасности своих границ": "Ввиду серьезной концентрации русских войск на германской восточной границе фюрер, возможно, будет вынужден не позднее начала июля прояснить советско-германские отношения и, в этой связи, выдвинуть определенные требования".

Немцы предупреждали венгров, но не своего главного союзника. Когда на следующий день во время прогулки на гондолах по венецианским каналам Чиано спросил Риббентропа насчет слухов о готовящемся нападении Германии на Россию, нацистский министр ответил: "Дорогой Чиано, пока ничего определенного сказать не могу, потому что каждое решение до поры заперто в непроницаемой груди фюрера. Ясно, однако, одно: если мы их атакуем, сталинская Россия будет стерта с карты за восемь недель"*.

В тот самый день, когда Кремль с серьезным видом готовился оповестить мир об "очевидной абсурдности" германской агрессии, Гитлер проводил последнее крупное военное совещание по "Барбароссе" с ведущими командирами вермахта. Сосредоточение войск на Востоке и их развертывание на исходных позициях началось еще 22 мая. Через пару дней подкорректированный график этих приготовлений был оформлен официально. Из этого объемистого детализированного документа ясно, что к началу июня не только были завершены все планы вторжения в Россию, но и шли полным ходом, точно по расписанию масштабные и сложные перемещения войск, артиллерии, танков, самолетов, судов и военного снаряжения. В военно-морском дневнике 29 мая сделана краткая запись: "Подготовительные перемещения судов для "Барбароссы" начались". Переговоры с генштабами Румынии, Венгрии и Финляндии (финны горели желанием вернуть то, что они потеряли в зимней войне год назад) были завершены. 9 июня из Берхтесгадена Гитлер приказал созвать главкомов и полевых генералов на заключительное совещание по операции "Барбаросса". Оно состоялось 14 июня в Берлине.

Несмотря на громадную сложность задачи, и Гитлер, и генералитет чувствовали себя уверенно, обрабатывая последние детали самой крупной в истории

²⁴ Ibid., p. 345.

* Этот отрывок взят из последней дневниковой записи Чиано от 23 декабря 1943 г., сделанной в камере № 27 веронской тюрьмы за несколько дней до казни. Он еще добавил, что итальянское правительство узнало о германском вторжении в Россию "через полчаса после его начала". — The Ciano Diaries, 1939–1943. New York, 1946, p. 583.

военной операции — общего наступления на фронте протяженностью более 1500 миль от Арктики до Черного моря. Накануне вечером Браухич возвратился из инспекционной поездки на восточный фронт. Гальдер отметил в дневнике, что главнокомандующий сухопутных сил остался вполне удовлетворен увиденным. Офицеры и рядовой состав, сказал он, находятся в наилучшей форме и полной боевой готовности.

Совещание военных началось в 11 утра и завершилось в 18.30. Оно прерывалось двухчасовым отдыхом с трапезой, во время которой фюрер произносил огненные напутственные речи перед предстоящими сражениями. Согласно Гальдеру, в ходе "обстоятельного политического обзора" Гитлер подчеркивал, что он должен атаковать Россию, потому что ее разгром принудит Англию "сдаться". Кровожадный фюрер указал еще на одно обстоятельство, о чем поведал в Нюрнберге подсудимый Кейтель: "Главная тема [речи Гитлера] заключалась в том, что предстоит решающая битва двух идеологий и ход войны, с которой мы, старые солдаты, знакомы по собственному опыту — в рамках международных военных законов, — теперь должен измеряться совсем другими стандартами".

В связи с этим, показал Кейтель, фюрер отдал ряд приказов о проведении в России небывалого террора "брутальными средствами".

"Возражали ли вы или кто-либо другой в связи с этими приказами? — поинтересовался адвокат Кейтеля у своего подзащитного.

— Нет. Лично я никаких протестов не заявлял, — ответил подсудимый генерал. И добавил:

— Другие тоже"*.

Просто не укладывается в сознании, как кремлевская команда — со всей своей подозрительностью, ловкостью и деловой цепкостью, — несмотря на совершенно явные признаки и поступающие со всех сторон предупреждения, до самого последнего момента как будто не сознавала, какая чудовищная угроза нависла над страной — угроза национального уничтожения.

Летним вечером 21 июня 1941 г., за девять часов до того, как должно было, согласно плану, начаться германское вторжение, Молотов принимал у себя в Кремле Шуленбурга, что являлось, как выразился Черчилль, "окончательной бессмыслицей". Напомнив о новых нарушениях границ германской авиацией, о чем немецкому послу было поручено сообщить Риббентропу, Молотов обратился к другой теме. Суть ее посол в ту же ночь передал на Вильгельмштрассе. "Появился ряд признаков, что германское правительство испытывает неудовлетворение Советским правительством, — заявил Молотов. — Ходят даже слухи о близкой войне между Германией и СССР. . . Советское правительство не может понять причин неудовлетворенности Германии". . . Он был бы признателен, если бы я смог объяснить ему, чем вызвана нынешняя ситуация в советско-германских отношениях. Я ответил, что не могу дать ответа на эти вопросы, так как не располагаю надежной информацией"²⁵.

*Хассель подтверждает это. 16 июня он записывает в дневнике: "Браухич и Гальдер уже согласились с гитлеровской тактикой (в России). Таким образом, армия берет на себя ответственность за убийства и поджоги, до сих пор бывшие сферой СС".

Сначала антинацистские "заговорщики" наивно полагали, что генералы будут в ужасе от приказов Гитлера проводить террор в России и чуть ли не примкнут к восстанию против нацистов. Но уже к 16 июня Хассель лишился иллюзий. Дневниковую запись за этот день он начал словами: "Срочно совещаний с Поппицем, Герделером, Беком и Остером проводилась для оценки того, достаточны ли определенные приказы, полученные командармами, но еще не спущенные в войска, для того, чтобы военные руководители поняли суть режима, ради которого они воюют. Эти приказы предусматривают зверские меры армии против большевиков после вторжения в Россию.

Мы пришли к выводу, что надеяться не на что. . . Генералы вводят себя в заблуждение. . . Безнадежные служаки!" — The von Hassel Diaries. London, 1948, p. 198.

²⁵ NSR, p. 355.

Вскоре Шуленбург получил эту информацию. В тот самый момент, когда посол объяснялся с наркомом, радиоволны несли из Берлина в Москву длинную кодированную шифровку от Риббентропа. Она была датирована 21 июня 1941 г. и помечена грифом "Крайне срочно, государственная тайна, г-ну послу лично". Начинаясь она словами: "По получении этой телеграммы все оstarшиеся шифрованные материалы немедленно уничтожаются. Радиоаппаратура выводится из строя.

Пожалуйста, немедленно уведомите г-на Молотова о том, что вам поручено сделать ему срочное сообщение. . . Затем зачитайте ему следующее заявление". Далее следовала уже знакомая декларация, наполненная ложью и фабрикациями, которые Гитлер с Риббентропом так мастерски наловчились стряпать, чтобы оправдать свою очередную неспровоцированную агрессию. При повторном чтении этого документа у автора, правда, создалось впечатление, что здесь, пожалуй, нацисты поставили рекорд наглости и обмана.

В то время, когда Германия лояльно придерживалась советско-германского пакта, говорилось в заявлении, Россия постоянно его нарушала. СССР "практиковал саботаж, терроризм и шпионаж" против Германии, "препятствовал германским попыткам установить стабильный порядок в Европе", вошел в стовор с Англией "для нападения на германские войска в Румынии и Болгарии". Сосредоточив "все наличные русские силы на протяженном фронте от Балтийского до Черного моря", Советский Союз "угрожает" рейху.

"Полученные за последние дни сообщения устраниют последние сомнения в агрессивном характере концентрации русских войск. . . . Кроме того, из Англии поступает информация о переговорах посла Криппса, имеющих целью тесное политическое и военное сотрудничество между Англией и Советским Союзом.

Суммируя вышесказанное, правительство рейха заявляет поэтому, что советское правительство, вопреки принятым на себя обязательствам:

1. Не только продолжает свои попытки подрыва Германии и Европы, но и усилило их.

2. Ведет все более и более антигерманскую внешнюю политику.

3. Сконцентрировало, приведя в боеготовность, все свои вооруженные силы на германской границе. Тем самым советское правительство нарушило свои договоры с Германией и намеревается напасть на Германию, ведущую войну не на жизнь, а на смерть, с тыла. Поэтому фюрер приказал германским вооруженным силам отразить эту угрозу всеми доступными им средствами"²⁶.

В конце сообщения Риббентроп давал совет: "Пожалуйста, не вступайте в дискуссию по поводу передаваемого заявления". Да и что мог сказать потрясенный, прозревший наконец Шуленбург, отдавший столько лет попыткам улучшить советско-германские отношения? Вернувшись в Кремль уже на рассвете 22 июня, он ограничился тем, что зачитал германскую декларацию*. Пораженный на сей раз Молотов молча выслушал текст до конца, затем произнес: "Это война. Как вы полагаете, мы ее заслужили?"

В те же предрассветные часы сходная сцена происходила на Вильгельмштрассе в Берлине. Всю вторую половину дня 21 июня советский посол Владимир Деканозов пытался по телефону устроить свидание с Риббентропом, чтобы заявить

²⁶ Ibid., p. 347.

* На этом завершилась дипломатическая карьера посла-ветерана. Вернувшись в Германию, вынужденный уйти в отставку, он примкнул к оппозиционному кружку, которым руководили генералы Бек, Герделер, Хассель и др. Одно время заговорщики даже намечали его в министры иностранных дел антигитлеровского правительства. По сообщению Хасселя, Шуленбург в 1943 г. выражал готовность проникнуть в Россию и провести со Сталиным переговоры о мире с будущим антигитлеровским правительством Германии. — The von Hassel Diaries, p. 321.

После неудачного покушения на Гитлера 20 июня 1944 г. Шуленбург был арестован, а затем казнен гестаповцами 20 ноября того же года.

тому небольшой протест по поводу очередных нарушений немцами воздушной границы СССР. Ему постоянно говорили, что министр "вне города". Вдруг в два часа ночи на двадцать второй попытке пробиться в министерство иностранных дел послу сообщили, что Риббентроп примет его в 4 часа утра. Во время этой встречи хваткий сталинский "силовик", занимавший также пост заместителя Молотова, испытал сильное потрясение. Вот как описывает это свидетель событий переводчик Шмидт: "Еще никогда я не видел Риббентропа в таком возбуждении, как перед прибытием Деканозова. Он вышагивал по кабинету, как пойманный зверь. . .

Вошел Деканозов и, явно ничего не подозревая, протянул руку Риббентропу. Мы сели и. . . Деканозов начал по поручению своего правительства ставить вопросы, требовавшие выяснения. Но очень скоро Риббентроп с каменным выражением лица прервал посла, заявив: "Теперь это не актуально".

После этого высокомерный нацистский министр объяснил, что именно актуально сейчас, и вручил послу копию декларации, которую Шуленбург примерно в это же время читал Молотову. Министр сообщил также, что в данный момент германские войска уже принимают "военные контрмеры" на советской границе. Опешивший было посол, вспоминает Шмидт, "быстро взял себя в руки, выразив свое глубокое сожаление таким оборотом событий, вину за которые он возложил на Германию. Он встал, демонстративно холодно откланялся и вышел из комнаты без рукопожатий"²⁷.

Так завершился советско-нацистский "медовый месяц". В 3.30 утра 22 июня 1941 г., за полчаса до заключительных дипломатических формальностей в Кремле и на Вильгельмштрассе, огонь гитлеровских орудий на 1000-мильном фронте уничтожил эту "дружбу" навсегда.

²⁷ NSR, p. 356.

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ

начальник VI управления Главного управления имперской безопасности,
группенфюрер СС, генерал-майор полиции

МЕМУАРЫ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция продолжает публикацию материалов в рубрике "Вторая мировая война – глазами противника".

Из помещаемых ниже мемуаров В. Шелленберга читатель узнает, какие попытки предпринимались руководителями "третьего рейха" в последние дни войны с целью заключения сепаратного мира с нашими западными союзниками по анти-гитлеровской коалиции.

Автор мемуаров Вальтер Шелленберг (1910–1952) – группенфюрер СС, генерал-майор полиции. В январе 1933 г., когда фашисты пришли к власти в Германии, ему было 23 года. Учился он в Боннском университете сначала на медицинском, затем на юридическом факультетах. Подобно тысячам других немецких студентов вступил в национал-социалистскую партию. Многие годы работал в разведслужбе СС, возглавлявшейся Гейдрихом, где и сделал за несколько лет головокружительную карьеру. Заняв пост начальника VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА – от нем. "das Reichssicherheitshauptamt"), он возглавил зарубежную политическую разведку и контрразведку рейха. После безоговорочной капитуляции Германии как нацистский военный преступник за преступления против человечности был приговорен американским военным трибуналом к шести годам тюремного заключения, но по просьбе тогдашних властей ФРГ освобожден досрочно.

Мемуары В. Шелленберга (W. Schellenberg. Memoiren. Köln, 1953) вышли уже после его смерти. Вскоре они были переведены на английский язык с предисловием Алана Буллока (The Labyrinth. Memoirs of Walter Schellenberg. New York, 1956). Мемуары примечательны тем, что в них даны зарисовки жизни нацистской Германии, показана борьба за власть между соперничавшими ведомствами – Главным управлением имперской безопасности, министерством иностранных дел, министерством пропаганды, Главным верховным командованием, нацистской партией. Автор пытается дать психологические портреты тех, с кем ему приходилось сталкиваться, в частности, Гейдриху, которого он называет "человеком с железным сердцем", Гиммлеру, личному врачу Гитлера д-ру Моррелю, Канарису, Мюллеру, Кальтенбрунцеру, Гессу, Борману, Геббельсу, Гитлеру. Как всякие воспоминания, мемуары Шелленберга крайне субъективны. Их автор дает тенденциозную оценку ряду событий, фактов, явно стремится "обелить" деятельность своего ведомства. Имеются многочисленные ошибки и неточности.

Главы из воспоминаний В. Шелленберга в переводе с немецкого языка Г.Я. Рудого публикуются в СССР впервые и взяты из готовящегося к выпуску Издательством политической литературы ЦК КПСС сборника "Вторая мировая война – глазами противника. Свидетельства и признания".

Поскольку и в последующие годы мне часто приходилось иметь дело с Гитлером, мне, казалось бы, не трудно будет нарисовать его близкий к оригиналу портрет. Однако, сомневаюсь, смогу ли я это сделать. Во всяком случае хочу попробовать внести в него некоторые цветовые нюансы.

Наряду с частично дилетантским и ограниченным мелкобуржуазным кругозором Гитлер действительно обладал похожим на чуть политическим инстинктом, но он сочетался у него с навязчивым представлением, будто само Провидение предназначило его свершить нечто абсолютно необычайное в истории германского народа. К этому добавлялась зачастую не сдерживаемая никакими моральными соображениями и угрызениями совести молниеносная способность принимать решения, при помощи которой он до тех пор, пока счастье благоволило ему, потрясал не только немецкий народ, но какое-то время и весь мир. "Мессиа́нский комплекс" еще более усиливался в нем инстинктивным стремлением к власти и влиянию, а также "волей к суровости". В духе Ницше он, в меру своего понимания этого философа, предоставлял человеку возможность стать "сверхчеловеком". Так, он подробно изучал жизнеописания Наполеона и Бисмарка, и в узком кругу мне однажды довелось услышать его реплику: сколь по-иному сложилась бы история, женись Фридрих Великий на Марии-Терезии!

В какого-либо персонифицированного бога он не верил, а придерживался веры в вечную и кровную связь поколений, но без загробной жизни. Он часто цитировал из "Эдды"*: "Все в мире проходит, одна лишь смерть остается, да слава деяний". Не в последнюю очередь Гитлер обладал силой внушения, которая позволила ему стать властелином 80-миллионного народа, и он сполна умел использовать эту силу — не только для того, чтобы с ее помощью подчинить себе многих из своего окружения, но и чересчур охотно применял ее, дабы создать у своих слушателей впечатление, что он обладает незаурядным интеллектом и фундированными знаниями. Это впечатление он старался усилить посредством ораторского искусства. Как мастерски ему это удавалось, видно из того, что в дискуссии он мог выбить из седла даже искуснейших специалистов. Контраргументы приходили им в голову в большинстве случаев тогда, когда они уже закрывали за собой дверь Имперской канцелярии и, спокойно поразмыслив, констатировали, сколь скудной на самом деле была база гитлеровских знаний.

Пристрастие к германской древней истории, к изучению истоков нордической культуры и прежде всего арийских народов служило той основой, на которую во многом опиралась его расовая теория превосходства германцев и на которой базировался его отказ от смешения рас. Из этого исходила и его первоначальная концепция единения с "братским германским народом" Англии, причем столь далеко идущим образом, что следовало слить вместе биологический и политический потенциал обоих народов, дабы противопоставить его величайшему врагу Запада — "коммунистическому недочеловечеству". При этом он был твердо уверен, что Сталин, действуя по широко задуманной тайной программе, систематически, начиная с 1924 г., осуществлял расовое смешение советских народов с целью обеспечить доминирование монголоидной крови. Ни одно из многочисленных донесений секретной службы о действительном состоянии дел в России не могло заставить Гитлера отказаться от этого навязчивого представления.

О ненависти Гитлера к евреям мне пришлось услышать в начале 30-х годов в Мюнхене от одного более старшего по возрасту студента-корпоранта, врача

*Северогерманский эпос XIII в., прославлявший языческих богов и геросв. — *Прим. пер.*

д-ра Г. Эта беседа впервые дала мне представление о том, каким фанатиком в этом вопросе уже тогда был Гитлер. Д-р Г. был приверженцем так называемого "звездного маятника" – метода, с помощью которого якобы легко можно было выявить среди людей евреев или лиц смешанной крови. Гитлер, сказал он мне, уже давал ему множество таких заданий.

Другим, кто повлиял на юношеские взгляды Гитлера, был австрийский инженер Плайшингер. Он тоже действовал в рамках антисемитского движения в Вене. От него Гитлер воспринял столь часто цитировавшуюся фразу: "Евреи – опаснейшие микробы полного разложения; они способны мыслить только аналитически, а не синтетически". Плайшингер подтолкнул Гитлера к разработке идейного арсенала внутреннего построения и организации нацистской партии на основе иерархической системы католической церкви. От него идут и известные идеи насчет "политики большого пространства". Он приобщил Гитлера к военным работам, из которых тот почерпнул свои знания о массовом и народном войске, о значении будущих специальных соединений, а также о летчиках-камикадзе и тому подобном. Зачастую дальше Гитлер развивал такие идеи самостоятельно с предвосхищавшей интуицией. Однажды я стал свидетелем беседы, в которой он заявил: в 2000 г. вообще не будет больше никаких пехотных соединений, а будут существовать только танки с одним человеком. Эти танки не будут больше потреблять никакого горючего, будут оснащены наступательным оружием нового образца, и им не потребуются в радиусе их действия никакого подвоза горючего за 2 тыс. километров.

Вера Гитлера в собственное мессианское предназначение, судя по тому, что мне доводилось видеть, росла от года к году так, что все больше и больше принимала форму болезненной одержимости. После смерти Гейдриха я имел возможность ознакомиться с медицинскими заключениями личных врачей Гитлера д-ра Морелля, д-ра Брандта, а также д-ра Штумпфэггера и беседовать с профессором де Гринисом о все больше внушавшем опасения состоянии нервной системы фюрера. С 1943 г. (после Сталинграда и поражения в Северной Африке) под воздействием нервных перегрузок у него все сильнее стала прогрессировать болезнь Паркинсона с последующим нервным параличом. В то время еще больше возросло стремление Гитлера уничтожить евреев. Чаше, чем раньше, он разражался руганью в адрес "мирового еврейства", считая его главным виновником своей военной катастрофы. На этом фоне он оценивал и заявление Черчилля и Рузвельта в Касабланке (с требованием безоговорочной капитуляции Германии. – *Прим. пер.*), которые для него являлись не кем иным, как "подручными жидов".

Вместе с усиливавшейся возбудимостью Гитлера увеличивалось и количество бесчисленных директив и приказов, которыми он буквально засыпал всех своих сотрудников, руководителей ведомств и учреждений. При этом нередко важные приказы отдавались двум лицам или учреждениям одновременно. Такой приказной дуализм он называл "естественной конкуренцией в производительности труда", "обеспечением ее повышения", а также изобретал для этого и другие названия. Однажды он сказал: "Надо, чтобы между людьми возникали трения, благодаря трению возникает тепло, а тепло – это энергия".

Снова увидев Гитлера в середине 1944 г. (мне пришлось принять участие в докладе Гиммлера в ставке фюрера), я просто ужаснулся. Глаза, прежде доминировавшие на его лице, теперь глядели на меня устало, без всякого блеска. Спина заметно согнулась, движения стали медленными и затрудненными. При этом его левая рука дрожала так сильно, что ему приходилось поддерживать ее правой. Только голос все еще был ясным и громким.

Гитлер, используя доложенные мной секретные донесения, коснулся некоторых проблем Балкан, особых отношений между югославским генералом Драгой Михайловичем и англичанами, отношений англичан с Тито, а также положения на Ближнем Востоке. Потом он посмотрел на меня пронизывающим взглядом и ска-

зал повышенным тоном: "Я постоянно читаю ваши "донесения Эгмонта""*.
Последовала пауза. В душном воздухе бункера слова Гитлера звучали обвиняюще и осуждающе. "Запомните, Шелленберг, одно, — гневно продолжал он, — в этой войне компромисса нет, есть только победа или гибель. Если немецкий народ спасует, он погибнет". И затем прозвучала незабываемая для меня фраза: "Да, тогда он должен погибнуть, тогда он должен подохнуть; ведь лучшие сыны народа пали в борьбе, а оставшиеся должны уступить место биологически более сильным. Если немецкий народ не выстоит, конец будет для Германии ужасен. Но большего он не заслужил".

Да, здесь царило чистейшее безумие.

МОИ ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОМПРОМИССНОГО МИРА (1942 г.)

Хотя наша военная промышленность пока еще в значительной мере оставалась не разрушенной налетами авиации и день и ночь работала на полных оборотах, я с марта 1942 г. предусмотрительно начал организовывать сети в различных странах на случай нашего отступления или высадки вражеских войск. Речь шла прежде всего о создании узловых пунктов секретной информации, которые, будучи объединены так называемыми "управляющими органами", вели бы повседневную работу в организационном и кадровом отношении и в значительной мере были бы укомплектованы аборигенами. Эти меры безопасности мыслились только на тот случай, если бы соответствующие страны были изъяты из сферы германской власти или влияния.

Свои предварительные меры я сначала предпринял без ведома Гиммлера, но они в конце концов стали для секретной службы столь обременительны с точки зрения валюты и организации их работы, что я решил проинформировать его об этом. Мне приходилось в первую очередь ожидать, что он поставит меня на место не столько из-за моего самоуправства, сколько из-за лежащего в основе этих мер сомнения в нашей конечной победе. И действительно, уже в ходе моего доклада Гиммлер выразил значительное недоверие, назвав меня пессимистом и даже пораженцем. Но мне все же удалось отстоять свою точку зрения, правда, я был вынужден пообещать ему, что в официальном докладе, предназначенном для Гитлера, об этой сети не упомяну ни словом.

Но особенно беспокоил меня в данный момент тот факт, что наше высшее руководство ввиду узости своего политического мышления не осознавало истинной ситуации. Мои донесения о военном потенциале Соединенных Штатов, несмотря на поступающие от секретной службы подтверждения, как и прежде, игнорировались, ибо руководство закопало в своем догматизме. То же происходило и с моими подробными, базировавшимися на соответствующих материалах экспертными заключениями о действительном военном потенциале Советов и силе русской армии. Возможно, что в этом я заходил слишком далеко: когда однажды Гитлер прочел такой доклад, он в большом возбуждении вызвал к себе Гиммлера. Результат: тот распорядился немедленно посадить за пораженчество ответственных за это заключение экспертов. Только после того как по моей просьбе вступился статс-секретарь Бакке, пользовавшийся определенным авторитетом как знаток России, Гиммлер дал мне возможность оправдаться устно.

Этот разговор поначалу проходил крайне бурно. Гиммлер ругал всех экспертов — составителей доклада, называл специалистов института в Ванзее во главе

*Речь шла о сообщениях относительно всемирно-политической ситуации и положении Германии. Было собрано множество материалов в доказательство того, что положение Германии чрезвычайно серьезное и официальные пропагандистские лозунги ни в коей мере не отвечают реальности. Сообщения эти рассылались всем соответствующим руководящим органам. Для меня лично это было большим испытанием, так как они позволяли обвинять меня в "пораженчестве". — *Прим. авт.*

с профессором шпиками НКВД и, не в последнюю очередь, напал на меня. Видимо, бремя моей должности, орал он, стало для меня слишком тяжелым, ибо я все больше и больше подпадаю под влияние своих сотрудников и поддаюсь пораженческим настроениям. Но постепенно мои спокойные аргументы все же начали на него действовать и под конец об аресте речи уже не было. Передо мной сидел уже задумавшийся Гиммлер. "Да, — протянул он, — если мы на этот раз не справимся с Востоком, а справиться мы можем только при величайшей твердости, нам придется уйти с исторической сцены. Если бы вы оказались правы, это было бы ужасно, но тем не менее недопустимо заранее всякими интеллигентскими рассуждениями вселять сомнения в наши силы".

Вот так и продолжали клясться в верности лозунгу о "тотальной победе", более того, провозгласили, будто конечный успех уже близок. Однако меня не покидала мысль: как мне, несмотря на неудачные попытки, наиболее убедительно показать Гиммлеру опасность недостаточной гибкости в оценке мировой обстановки. О ком-либо ином, кроме Гиммлера, в данном случае говорить не приходилось, ибо путь через Риббентропа был совершенно бесперспективен. От министра иностранных дел никакого понимания ожидать не приходилось: как и многие в окружении Гитлера, он с бюрократическим педантизмом действовал по его указаниям, а в остальном ограничивался только тем, что, как и другие, разбазаривал свою работоспособность и тратил нервы на внутреннюю борьбу за власть и всякие стычки. Лишь немногие думали о том, что когда-нибудь история критически оценит происходящее в рейхе; другие же не выходили в своих мыслях за рамки собственной повседневной работы, лишавшей их всякого масштабного мышления. Высшее же руководство, к сожалению, слишком много думало об истории, но только в смысле "делания истории" в рамках гитлеровского "тысячелетнего рейха".

Оценивая всю поступающую в мое распоряжение информацию и факты, я убеждался в невозможности тотальной победы Германии; мне все больше и больше становилось ясно: просто предостерегать недостаточно, теперь самое время убедить Германию от наихудшего и своевременно сманеврировать так, чтобы вывести ее из войны путем компромиссного мира. До тех пор, пока у нас еще были средства борьбы, у нас был и шанс успешно вести переговоры. А как раз в то время — август 1942 г. — поступавшие секретные донесения говорили, что между Сталиным и западными союзниками возникли определенные трения. Советы ждали не только поставок американского вооружения, но и еще большего — открытия союзниками второго фронта на Западе, хотя те пока не прилагали к этому никаких усилий. Англия была слишком слаба, чтобы действовать одна, она явно ждала прибытия американских военных материалов. Эта ситуация — а именно, промедление западных держав с высадкой (на европейском континенте) — казалась мне подходящей, чтобы выпустить во все стороны щупальца для поиска путей к переговорам. О том, что переговоры с Россией, несмотря на временные поражения, были отнюдь не бесперспективны, говорило японское предложение о посредничестве.

Во всяком случае все попытки подобного рода требовали прикрытия с тыла, помощи со стороны одного из деятелей, который был бы в состоянии в случае необходимости противостоять таким людям, как Риббентроп и Борман. Этим фактором власти и силы являлся именно Гиммлер, который, опираясь на слепо преданный ему орден СС, имел в своем распоряжении средства добиться изменения политической линии Германии. А то, что у меня был непосредственный доступ к нему, давало мне некоторую надежду ощупью подбираться ближе к цели.

В начале августа 1942 г. меня вызвали на доклад в ставку фюрера, которая находилась на Украине. Гиммлер и его штаб занимали прекрасно расположенное офицерское училище в Житомире, превратив его в свой полевой командный пункт. Благодаря коротковолновой радиации и телефону, они имели связь с самыми отдаленными местами Германии и всех захваченных стран. Гиммлер ежедневно

ездил в своем тяжелом автомобиле по шоссе Житомир–Винница для встреч с Гитлером и обсуждения с ним обстановки.

Итак, вечером я сел в курьерский поезд, отправлявшийся в Варшаву, чтобы остановиться ненадолго там. Во главе генерал-губернаторства стоял тогда имперский министр Ганс Франк, который имел привычку как хозяин самым лучшим образом принимать в своем королевском дворце всех высших чинов вермахта, СС и партийных руководителей. Франк уже получил письмо от Гиммлера насчет меня. Тот хотел, чтобы я один день отдохнул в Варшаве, дабы поездка не слишком утомила меня. А на следующий день я должен был вылететь специальным самолетом в Житомир.

В "резиденции" Франка я встретил множество генералов вермахта, командиров войск СС, а также высших эссовских и полицейских офицеров. Мне было интересно послушать мнение этих людей о боеспособности наших войск, а также их оценку военной обстановки вообще. Под впечатлением успешного летнего наступления на южном участке восточного фронта они, казалось, не испытывали никакого беспокойства, а мысли их были заняты исключительно военными действиями.

Ранним утром следующего дня я поднялся в гиммлеровский самолет. Из кабины четырехмоторного "Кондора" передо мной впервые открылись необъятные русские просторы. Лишь изредка я замечал следы войны. Они пролегли, как выжженные шрамы, через леса, луга и пашни, а между ними простирались на сотни километров совершенно мирная и нетронутая земля. При этом, глядя из самолета, при непрерывном гуле моторов я стал понимать, какие огромные усилия требовались от наших солдат, чтобы одолеть эти просторы. С аэродрома наша автомашина с огромной скоростью помчалась в Житомир. Помещение штаб-квартиры было приличным и чистым, обставлено современной мебелью. Разместившись в симпатичной комнате с душем, я сначала поболтал со штандартенфюрером СС (соответствовало чину полковника вермахта. – *Прим. пер.*) Брандтом, личным адъютантом Гиммлера, чтобы прощупать царившую в данный момент атмосферу. Брандт был невысокий, довольно невидный внешне человек, которому Гиммлер полностью доверял. Как только его шеф рано поутру вставал, Брандт сразу же оказывался у него под рукой, нагруженный бумагами и документами. И пока Гиммлер брился, адъютант зачитывал ему самое главное из утренних газет. Если новости были плохие, Брандт предврял их словами: "Извините, рейхсфюрер..." Будучи таким образом предупрежденным, Гиммлер на миг прекращал бритье, словно боясь, как бы бритва не выпала у него из рук.

За ужином я встретился с самим Гиммлером. На ужин все обязаны были являться в брюках навывпуск, в белых сорочках и (вместо военных сапог) в полуботинках – таково было специальное распоряжение Гиммлера, соблюдения которого он требовал вплоть до конца войны. Он принял меня в самом лучшем расположении духа, осведомился о моем самочувствии и заверил, что доктор Керстен, присутствовавший тут же, вновь охотно возьмет меня под свое попечение.

Здесь я хочу более подробно рассказать об этом личном враче Гиммлера, так как ему было суждено сыграть некоторую роль в связи с моими планами. С начала войны д-р Керстен все больше и больше становился "тенью" Гиммлера. Без него тот просто не мог считать себя здоровым. Керстена ему в свое время порекомендовал директор одного германского калийного синдиката. Считалось, что этот врач успешно лечил королеву Нидерландов Вильгельмину, а также целый ряд видных промышленников со всего света. Керстен, несомненно, обладал исключительным магнетическим дарованием и был весьма интересным и многосторонним человеком, поднявшимся вверх благодаря самообразованию и своеобразному таланту. Практикуемое им лечение заключалось в общем массаже тела кончиками пальцев. Усиливая этим кровообращение, он заставлял нормально функционировать всю нервную систему. Головную боль или невралгию он мог устранить за

несколько минут. Неудивительно, что Гиммлер, имея в годы войны огромную нервную нагрузку, становился все более зависимым от Керстена, а тот оказывал все большее влияние на своего пациента. Однажды Гиммлер сказал, что доктор своим методом может определить даже характер нервных реакций человека и его нервную энергию и таким образом оценить его физические и нравственные способности. Поэтому каждого, кого он считал для себя важным, Гиммлер подвергал своего рода "тестированию" у Керстена.

Внешне Керстен был человеком малопривлекательным — круглый, толстый, весом, пожалуй, более ста килограммов. Глядя на его грубые руки, никак нельзя было предположить высокую чувствительность кончиков пальцев. К тому же он носил на редкость толстые очки, чтобы придать благожелательность своим светлоголубым глазам, в которых было что-то змеиное. Держался он добродушно и дружелюбно, частенько даже игриво. У него имелась только одна страсть — он был фантастическим дельцом, скупал решительно все, что можно было приобрести "ниже цены", — например, дюжину часов или зажигалок. Кроме того, любил посплетничать и поблефовать. Благодаря этому, а также тому, что многие ему завидовали, он со временем нажил себе немало врагов. Некоторые даже высказывали подозрение, не агент ли он британской разведки. Когда я однажды заговорил об этом с Гиммлером, тот сказал: "Ах ты, боже мой, этот толстый малый — да он же слишком добродушен, чтобы сделать мне больно! Но если вы хотите это расследовать, что ж, хорошо, дело ваше. Но только постарайтесь не взволновать его".

Кальтенбруннер (с января 1943 г. преемник Гейдриха. — *Прим. пер.*) и Мюллер (начальник IV управления — гестапо. — *Прим. пер.*) могли бы добиться падения Керстена, но боялись подступить к нему из-за Гиммлера. И таким образом Керстен, не в последнюю очередь благодаря той поддержке, которую я оказал ему в связи с моими планами, остался цел и невредим.

Возвращаясь к моему разговору с Керстеном в Житомире, могу сказать: выяснилось, что с моей идеей заблаговременного прекращения войны он согласен целиком и полностью. Он даже без обиняков заявил мне, что готов использовать для этого свое влияние на Гиммлера. Кроме того, он вселил в меня мужество самому предпринять нажим на Гиммлера, поскольку я, как ему известно, у Гиммлера на хорошем счету. Я же, со своей стороны, пообещал Керстену защищать его от Мюллера.

За обеденным столом в первый вечер моего пребывания в Житомире я беседовал с Гиммлером о чем угодно, только не о войне, а он говорил об Индии, затрагивая различные концепции индийской философии. Потом он оседлал своего любимого конька — средневековые процессы против ведьм, оживленно рисовал результаты новейших исследований и возмущался тем, что из-за предрассудков было пролито так много "доброй германской крови" — имелись в виду тысячи ни в чем не повинных "ведьм". Затем он переключился на католическую церковь и испанскую инквизицию как на "яркие примеры примитивного христианства". (В действительности же, как я установил позднее, он восхищался католической церковью. Так, он часто вспоминал, что, будучи мальчуганом, "с глубокой верой в Бога" прислуживал во время святой мессы. Но позже его ненависть к отцу переросла в ненависть к католической церкви.)

На следующее утро Брандт вызвал меня на доклад к Гиммлеру. Было известно, что Гиммлер планировал после обеда поехать к Гитлеру в Винницу и пожелал, чтобы я предварительно проинформировал его о состоянии китайско-японских дел насчет поиска компромисса. Мой доклад занял почти всю первую половину дня. Под конец Гиммлер вдруг спросил меня:

- Вы выглядите таким сумрачным. Вам нездоровится?
- Напротив, рейхсфюрер, — ответил я, — лечение Керстена здорово подбодрило меня.

Гиммлер какое-то мгновение испытующе глядел на меня, словно его обрадо-

вало, что мы с Керстеном хорошо понимаем друг друга. И тогда я решил перейти к делу:

— Я знаю, как вы заняты, и все-таки хотел бы поговорить с вами о важнейшей части моего доклада. Но я не желал бы начинать, пока не узнаю, есть ли у вас время выслушать меня спокойно.

Гиммлер вдруг как-то занервничал:

— Что-нибудь неприятное, личное?

— Ничего похожего. Хотел бы изложить вам одно дело, которое, вероятно, потребует трудного решения.

В эту минуту в комнату зашел Брандт. Гиммлер дал ему какое-то указание и, глядя на меня, сказал, что свою поездку в Винницу откладывает и я должен явиться к нему после обеда.

Во время обеда Гиммлер был удивительно веселым. Мне показалось, что за этим он скрывает раздвоенность своей личности. Иногда это проявлялось в виде усиленно демонстрируемой твердости или, как сейчас, в любезной форме. После обеда он сразу позвал меня в кабинет. Выйдя из-за письменного стола, он подошел ко мне и спросил, что бывало редко, не хочу ли я чего-нибудь выпить. Потом пригласил сесть и закурил сигару — тоже событие, совсем необычное для него. "Так, прошу, начинайте", — вежливо произнес он.

Ввиду необычности предмета разговора я попросил разрешения начать немного издали. Гиммлер кивнул в знак согласия. Начал я с одного эпизода времен моей службы референтом-юристом и рассказал, как решил трудный юридический казус, от которого сначала всячески увиливал, но затем написал приговор в один присест. Потом председатель суда вызвал меня и сказал, что тем самым я продемонстрировал два качества: одно — пунктуальность, а другое, произнес он с иронией, — способность работать быстро. Он хотел бы дать мне несколько добрых советов и надеется, что я их запомню на будущее. Он профессионально указал на то, что материал процесса позволял сделать разные по характеру выводы. Вместо того, чтобы ехать по одному пути и видеть только одно решение, я, спокойно обдумав, мог бы взвесить и альтернативное решение. Я добавил, что такое встречается не только в юридической практике, но и в жизни человека, когда он сталкивается с различной постановкой проблемы, и потому всегда следует помнить о возможности альтернативного решения.

Гиммлер глядел на меня через свои поблескивающие очки, и в этом взгляде любопытство смещивалось с недоверием. Я выдержал его взгляд и продолжал:

— Я действительно никогда не забывал этих слов, и они в конце концов привели меня к тому, чтобы поставить перед вами, рейхсфюрер, подобный вопрос.

Я еще раз набрал побольше воздуха в легкие и сказал:

— Осмелюсь ли я, рейхсфюрер, спросить, в каком ящике письменного стола у вас лежит альтернативное решение о прекращении войны?

Гиммлер сидел передо мной совершенно растерянный. Воцарилось гнетущее молчание, пока он не нашел слов для возражения.

— Вы что, спятили? — Голос его прервался. — Нервы сдали? Да как вы вообще посмели говорить со мной подобным образом?

Я ждал, пока он успокоится. А потом ответил:

— Я знал, рейхсфюрер, что вы отреагируете именно так. Думал даже, что будет хуже.

— Вы переутомились от работы. Отправляйтесь на несколько дней в отпуск. — Он немного поутих и стал не таким раздраженным.

Я почувствовал, что могу продолжать, и в общих чертах обрисовал на данный момент соотношение сил участвующих в войне государств, как это вытекало из моих материалов. Я заметил, что мои слова вызывают у него интерес. Иногда он кивал головой, не перебивая меня.

— Даже такой человек, как Бисмарк, — сказал я в заключение, — да еще нахо-

дьясь на вершине власти, всегда имел альтернативу. Сегодня Германия находится в зените своей славы и она имела бы хорошие шансы побудить своих противников пойти на компромисс.

Гиммлер встал и в задумчивости зашагал по комнате.

— До тех пор, пока фюреру дает советы Риббентроп, что-либо подобное произойти не может, — произнес он, словно говоря сам с собой.

Я немедленно ухватился за это, пока Гиммлер был настроен решительно. Ведь если мне сейчас не удастся заставить его придти к принятию волевого решения и вырвать у него твердое согласие, я, зная его характер, должен был считаться с тем, что он вскоре под влиянием Гитлера снова станет нерешительным и безвольным. Поэтому я тут же поддержал его мнение, что Риббентроп непригоден и должен уйти.

— Он всегда отвергал мои идеи во внешнеполитических делах и противопоставлял им свои, — продолжал Гиммлер.

Я еще чуточку подогрел его неудовольствие, указав на провал усилий Японии в качестве посредника между Германией и Россией, а также напомнил о наших посреднических усилиях между Японией и Китаем, которые сорвались из-за эгоизма и близорукости Риббентропа. Я упомянул и о сообщении, что Советы на своих промышленных предприятиях используют китайскую рабочую силу.

Гиммлер медленно подошел к письменному столу, на котором стоял большой глобус. Провел ладонью по огромной советской территории, а затем направил указательный палец на маленькую Германию.

— Если мы проиграем, спасение вряд ли придет, — произнес он, а потом сделал такое же движение рукой по территории Китая. — А что произойдет, если однажды Россия вступит в союз с Китаем?

После непродолжительной паузы прозвучали его слова:

— Боже, покарай Англию!

Он повернулся ко мне и спросил:

— Какое действие возымеют ваши идеи на практике? И как вы сможете не допустить, чтобы история не ударила по нам подобно бумерангу? Ведь вполне возможно, что тогда западные державы как можно быстрее поспешат договориться с Востоком.

— Если переговоры будут вестись правильно, именно этой возможности можно и не допустить.

— И как же вы намерены действовать?

Я пояснил, что ничто не может осуществляться по официальным каналам обычной дипломатии и поэтому надо подключить политический сектор секретной службы. В случае неудачи можно дискредитировать участников и привести их к падению. Для противной же стороны важно знать, что та личность, с которой она имела бы дело, действительно авторитетна. Если он, Гиммлер, сможет назвать такого человека и, кроме того, пообещает до конца года отстранить Риббентропа от должности министра иностранных дел, я могу попытаться установить контакт с западными державами. Устранение Риббентропа послужило бы доказательством того, что подул новый ветер, и дало бы нашему предложению необходимую опору. Здесь Гиммлер перебил меня:

— Пожалуй, я смог бы убедить Гитлера расстаться с Риббентропом, если бы был уверен в поддержке Бормана. Но мы никоим образом не должны посвящать Бормана в свой план. Он способен все переврать и утверждать, будто мы хотим договориться со Сталиным.

И Гиммлер стал крутить вокруг пальца кольцо-змейку — знак того, что он действительно задумался.

— Вы в самом деле верите, что замена министра иностранных дел явилась бы в глазах наших противников достаточным доказательством нового курса германской политики?

Я немедленно подтвердил это.

— И было бы возможно дать старт такому плану без того, чтобы наши противники со своей стороны не истолковали бы это как признак нашей слабости?

Я еще раз подробно обрисовал ему путь, по которому намеревался пойти. Гиммлер порой кивал и, казалось, соглашался с моими мыслями. Вдруг он резко повернулся и стал рассматривать висевшую на стене карту Европы. Немного помолчав, он сказал:

— Пока вы только объяснили мне необходимость альтернативного решения. А теперь давайте обсудим ту конкретную основу, на которой вообще могли бы вестись переговоры о компромиссном мире. Начнем с британцев.

— Согласно имеющейся у меня информации англичане, — заявил я, — настаивают на том, чтобы мы как минимум отдали обратно север Франции. Ибо они никогда не потерпят батарей германских орудий на побережье Па-де-Кале.

— И вы считаете, что при определенных условиях наш альянс с этим братским народом был бы возможен?

Я пожал плечами и ответил:

— Путь к этому будет долг.

— А как обстоит дело с германскими областями на континенте — с Голландией и Фландрией?

— Нам, видимо, придется восстановить прежнее состояние этих стран, — ответил я. — При этом можно было бы, — тут я сыграл на его расовой политике, — расселить на германской территории верные вашему мировоззрению элементы.

Гиммлер зеленым карандашом уже очертил на карте Голландию, часть Бельгии и Северную Францию в качестве объектов для переговоров.

— А Франция? — спросил он, помедлив.

— Здесь надо подумать о решении, которое объединило бы интересы Германии и Франции. Однако следует восстановить собственное политическое лицо Франции. Не надо снова отягощать германо-французские отношения доктринерскими предрассудками или политическими обидами. То же самое и с Эльзасом. Вам известно, я сам родом из Саарбрюкера и по собственному опыту знаю, какую ошибку совершила Франция после первой мировой войны, включив Саар в свой состав.

— Но, — недовольно бросил Гиммлер, — Эльзас имеет в себе большую долю германской крови, почти не затронутую французской культурой.

Наконец он, хотя и против воли, все же обвел зеленым полукругом и Францию. Мы без обсуждения добавили сюда еще Швейцарию и Италию, а затем, направив острие своего карандаша на Австрию, Гиммлер вдруг сказал:

— А вот она останется нашей!

Он стал задумчиво разглядывать Чехословакию:

— А что произойдет с ней?

— Судеты политически и экономически останутся у рейха. Чехия и Словакия должны будут получить автономные правительства, но экономически останутся связанными с рейхом. Считаю, что это было бы наилучшим решением для всей Южной Европы, включая Хорватию, Сербию, Болгарию, Грецию и Румынию.

Когда я стал развивать свою мысль, он перебил меня:

— Именно это в долгосрочной перспективе привело бы снова к экономической гонке с Великобританией, а затем возникли бы те же самые противоречия, что и прежде.

Затем мы перешли к Польше и Прибалтийским государствам.

— Польский народ должен будет работать на нас, — сказал он приказным тоном, — а здесь, — и он зеленым карандашом указал на Прибалтийские государства, — должна быть создана область для экспансии Финляндии. Финны — люди надежные. Этот северный угол не доставлял бы нам тогда головной боли.

Потом Гиммлер перевел свой взор на Россию. Возникла продолжительная пауза.

— Если я вас правильно понимаю, — возобновил он разговор, — все наши территориальные приобретения на Востоке должны быть брошены на чашу весов в качестве залога будущих переговоров с Россией.

— Да, рейхсфюрер.

В этой связи я напомнил ему слова французского премьер-министра Лавалля, который однажды сказал Гитлеру: "Господин Гитлер, вы ведете великую войну, чтобы построить новую Европу, но вам следовало бы сначала построить новую Европу, а потом вести вашу великую войну". (Подразумевается: против России.) Компромиссный мир, продолжал я, должен был бы поставить Германию в такое положение, чтобы она в будущем могла противостоять Востоку.

Наша беседа затянулась до ночи. Но в конечном итоге я добился того, что Гиммлер был готов отныне сам активно включиться во внешнеполитическую игру. Он даже скрепил рукопожатием свое обещание, что до Рождества Риббентроп будет смещен со своего поста. Кроме того, он дал мне принципиальное разрешение установить связь с западными державами по каналам зарубежной разведки.

— Ваш план утвержден, — сказал он мне в заключение, — однако с одним условием: если вы, принимая подготовительные меры, допустите серьезную ошибку, я выброшу вас, как кусок горячего угля.

Тем самым Гиммлер предоставил мне свободу действий. Это было больше, чем то, на что я мог вообще надеяться. Но тогда я еще не полностью сознавал, насколько сильно повлияют на реализацию этого решения факторы, находившиеся вне моего контроля. Я не учел того, что Гиммлер в силу своего изменчивого характера слишком часто менял свои добрые намерения на противоположные.

Во всяком случае, он дал мне стартовые возможности, и отныне главные мои мысли и усилия были направлены на то, чтобы вывести Германию из положения войны на два фронта. Разумеется, я был тогда еще большим идеалистом и твердо верил в свой успех. В действительности же началась длинная цепь разочарований, лишь весьма редко прерываемая вспышками обнадеживающих перспектив. А в конце концов я вынужден был сознаться самому себе: я — слишком маленькое колесико в огромной машине, определяющей весь ход развития.

КОНЕЦ УЖ ВИДЕН

Начала вырисовываться ужасающая картина приближающегося краха. Летнее наступление Советов в 1944 г. отбросило наши войска до Восточной Пруссии и Вислы. На западе высадились союзники, с боями достигшие германской границы.

Незадолго до наступления в Арденнах в декабре 1944 г. Гитлер еще раз созвал генералитет сухопутных войск и с учетом бедственного положения Германии обратился к общественности с последним призывом.

Используя историю рейха, он коротко обрисовал германские проблемы Средневековья и вытекавшие из Тридцатилетней войны (1618—1648) и последствий Вестфальского мира новые военные столкновения в сердце Европы. Затем охарактеризовал Германию как ядро нашего континента, которое постоянно находилось под гнетом необходимости в добре или во зле так или иначе уживаться с соседними народами. Вследствие этого трудного положения Германия никогда не была свободна в своем политическом и хозяйственном развитии и не являлась хозяином своих решений, она всегда была вынуждена лавировать между Востоком и Западом.

После этого исторического экскурса Гитлер перешел к мировоззренческим вопросам, заявив, что в жизни существует лишь один вечный и всегда действующий "закон культурного развития", а именно — естественный отбор и утверждение более сильного и храброго. Этот закон [...] на основе более высокого уров-

ня его осознания сконструировал такие понятия, как справедливость, мораль и тому подобное, но все это лишь вспомогательные средства каждой общественной системы для создания социального строя. Такие вспомогательные средства — изобретение человека, они никоим образом не затрагивают вечного основного закона борьбы и отбора. Решающим являются только воля и борьба за жизнь; побеждает только сильнейший и только он определяет, что есть справедливость и мораль. Германия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть. Проиграет она ее, значит, окажется биологически более слабым звеном и должна будет испытать на себе последствия этого факта. Но если западные державы полагают, что и они принадлежат к числу победителей, то это — их огромная ошибка. Ведь если им удастся своей политикой безоговорочной капитуляции уничтожить Германию в качестве бастиона, победителем станет не Запад, а Восток, и притом — вполне заслуженно. Поэтому в итоге совершенно безразлично, какой политики тогда нужно придерживаться в отношении Востока. Немецкий народ в случае поражения без ропота сойдет с исторической сцены данного периода. И поскольку он, Гитлер, знает, что означало бы это для Германии, он требует мобилизации всех сил, борьбы до последнего патрона.

Все это говорилось наряду с брошенными в состоянии агонии лозунгами "выжженной земли", "фольксштурма", "вервольфа", "гитлерюгенд" и не считалось с самой жизненной сущностью немецкого народа.

Тот факт, что в завершение этого совещания генералы провозгласили "хайль фюрер!", показывает, какой силой внушения все еще обладал Гитлер и как поэтому мне всегда было трудно оказывать влияние на находившегося под его воздействием Гимmlера. Несмотря на это, я в июне 1944 г. заявил ему, что, как показывает ход развития, если мы захотим повести с западными державами разговор о компромиссном мире или, по крайней мере, о какой-либо модификации безоговорочной капитуляции, впоследствии придется заплатить за это гораздо большую цену. В этой связи я обратил внимание его на то, что надо что-то сделать для евреев, находящихся в германских концлагерях.

Одновременно я через своего сотрудника д-ра Лангбена и при поддержке Керстена стал нащупывать контакты в Швейцарии, чтобы устроить встречу с Гимmlером президента Альтбунда д-ра Жана Мари Музи, который имел тесный контакт с главным раввином д-ром Штернбухом (бывшим, по моим сведениям, в свое время членом Исполнительного комитета раввинов Соединенных Штатов Америки). После предпринятой секретной службой многодневной подготовки поздним летом отделом Мюллера была перехвачена радиограмма, в которой шла речь об этих усилиях и упоминалось имя Керстена, а также то обстоятельство, что за всем этим стоит шеф [германской] зарубежной разведки. Мюллер и Кальтенбруннер немедленно провели тайное расследование, но благодаря влиянию Керстена на Гимmlера его удалось остановить.

В начале октября мои инстанции сообщили: д-р Музи готов прибыть в Берлин и установить контакт с Гимmlером. Во время этой беседы следует повести особый разговор о судьбе евреев в Германии.

Вскоре д-р Музи действительно появился в Берлине. Он сразу же заявил мне: у него только одна цель — освобождение узников концлагерей. Он хочет, чтобы евреям предоставили возможность эмигрировать через Швейцарию в Америку. Мы вместе поехали в Бреслау, где пересели в особый поезд Гимmlера, который как раз направлялся в Вену. Я заранее обсудил с д-ром Музи общие проблемы и дал ему указания насчет его тактики на переговорах. Переговоры между ним и Гимmlером проходили поблизости от Вены, причем большей частью в моем присутствии. Поначалу Гимmlер (явно, чтобы получить представление о личности Музи и его влиянии на политическую жизнь) вел обсуждение в довольно общих рамках. Но Музи стремился подойти поближе к делу, и в конечном счете Гимmlер не смог больше противиться веским аргументам швейцарца. Он заявил о своей

принципиальной готовности освободить еврейских заключенных, все еще находившихся в германских концентрационных лагерях, и в моем присутствии продиктовал приказ Кальтенбруннеру в дальнейшем обеспечить всем евреям во всех концлагерях заботливое обращение и не причинять им никакого вреда. Насколько мне известно, приказ этот поступил тогда к главному инспектору концлагерей.

Затем было обсуждено освобождение всех находившихся в женском лагере Равенсбрюк евреек, француженок и поляк. Под конец Гиммлер, хотя и с колебаниями, дал согласие немедленно начать освобождение. Для прикрытия от гестапо первой части этой акции он предоставил мне чрезвычайные полномочия. Я сразу же связался с Мюллером, чтобы получить его согласие на передачу заключенных концлагерей. Мюллер сначала отказался, мотивируя тем, что я не принадлежу к гестапо и его дела меня не касаются. Я снова указал на полномочия, полученные от рейхсфюрера СС, и тогда он наконец согласился. Затем я связался с соответствующими чинами гестапо, чтобы выявить подлежащих освобождению заключенных и подготовить их отправку.

Вторая беседа д-ра Музи и Гиммлера состоялась в январе 1945 г. в Вильдбаде. Она привела к следующему соглашению: каждые две недели в Швейцарию из концлагерей должен прибывать эшелон с 1200—1300 евреями и поступать в распоряжение д-ра Музи для их дальнейшей транспортировки в США. В качестве компенсации д-р Музи заявил, что готов обратить внимание всего мира на начавшееся политическое изменение в Германии.

В начале февраля 1945 г. первый состав с 1200 евреями из Трезинштадта (г. Терезин в ЧСФР. — *Прим. пер.*) пересек швейцарскую границу. Но прежде чем была подготовлена отправка следующего эшелона с 1800 заключенными, в дело встрял Кальтенбруннер. Ему доложили об откликах швейцарской печати, которая отрицательно высказывалась насчет условий этой акции по освобождению. Одновременно ОКВ расшифровало радиogramму одного самого по себе незначительного деголлевского органа в Испании. Из нее явствовало, что Гиммлер через своего уполномоченного Шелленберга ведет переговоры с д-ром Музи с целью обеспечить 250 нацистским руководителям политическое убежище в Швейцарии в качестве компенсации за выдачу евреев. Это специально пущенное ложное сообщение отлично укладывалось в план Кальтенбруннера по срыву акции Музи, которую он отвергал с самого начала. Сообща с Риббентропом он во время одной из бесед с Гитлером, от которого эта операция пока держалась в тайне, добился приказа фюрера: любой немец, помогший бегству еврейского, английского или американского заключенного, подлежал немедленной казни. Кроме того, о каждом подобном случае необходимо было немедленно докладывать самому Гитлеру.

Поведение Кальтенбруннера не в последнюю очередь объяснялось его участием в другой акции по освобождению евреев. По его поручению штандартенфюрер СС Бехер в конце 1944 г. вел в Швейцарии переговоры с неким Салли Мейером, который тоже установил контакт с Гиммлером. Однако эти переговоры носили чисто хозяйственный характер: в качестве эквивалента за освобождение венгерских евреев германская сторона потребовала определенные суммы в конвертируемой валюте, а также частично тракторы, медикаменты и пр. Проводимые Бехером переговоры являлись, таким образом, продолжением "акции Манфреда Вайса". (Владельцы концерна "Манфред Вайс" ценой отдачи своего предприятия получили возможность эмигрировать в Португалию. СС имели от этого значительную прибыль. Теперь эта сделка должна была приобрести более широкую базу.) "План Музи" сводил акцию Бехера на нет, поскольку в Вильдбаде Гиммлер признал д-ра Музи своим единственным полномочным партнером по переговорам.

Когда Гитлер отдал вышеупомянутый приказ и я сообщил об этом д-ру Музи в его ближайший приезд в Берлин, тот просто заплакал от гнева и разочарования. Но поскольку ситуация не терпела больше никакой половинчатости, мы

решились предпринять последнюю попытку, чтобы все-таки прийти к намеченной цели. Я предложил Гиммлеру попросить у западных держав четырехдневное перемирие на суше и на море и использовать это время для переброски всех евреев и иностранных заключенных через линию фронта, продемонстрировав тем самым добрую волю Германии. Мы надеялись, что это, наряду со спасением множества людей, даст возможность начать переговоры о компромиссном мире. Но Гиммлер, который план одобрял, не нашел в себе мужества обсудить его с Гитлером. Он поручил это Кальтенбруннеру, а тот предложил это сделать мне, бросив вот такие слова: "Вы ведь уже имели дело с этими идиотами!" Это было 5 апреля 1945 г.

Тем не менее мы все-таки предприняли еще одну попытку побудить Гитлера хотя бы отменить приказ об эвакуации концлагерей при приближении противника и отдать контрприказ: передавать лагеря союзникам вместе со всеми заключенными. Мы предполагали, что чересчур поспешная эвакуация будет для заключенных крайне опасной. Во время всех этих усилий на помощь нам пришел своими постоянными ходатайствами из Стокгольма д-р Керстен (уже переехавший в Швецию), и после долгих обсуждений Гиммлер наконец согласился.

Это решение я смог сообщить д-ру Музи 7 апреля 1945 г., одновременно попросив как можно скорее довести его до сведения генерала Эйзенхауэра. Несмотря на свои 70 лет, господин Музи в ту же ночь на собственной машине отправился в путь и через три дня сообщил мне из Швейцарии, что Вашингтон уже в курсе дела и отреагировал положительно. Тем временем он послал в Германию своего сына, чтобы вывезти нескольких евреев, освобождение которых гарантировал Гиммлер. Прибыв в Бухенвальд, тот, к ужасу своему, констатировал, что — вопреки гиммлеровскому приказу — сделаны все приготовления к эвакуации лагеря. Тогда он тут же вернулся ко мне в Берлин. В это же самое время я узнал, что на самом деле Кальтенбруннер уже приказал эвакуировать лагерь. Я немедленно позвонил Гиммлеру, и на сей раз он действительно предпринял все, чтобы сдержать данное д-ру Музи обещание. Он сразу же отдал контрприказы и тем самым прекратил эвакуацию.

По совету д-ра Музи и других швейцарцев я предложил в качестве жеста доброй воли для Запада освободить французского государственного деятеля Эррио и бывшего премьер-министра Рейно. Но эта попытка не удалась. Зато мы сумели получить согласие Гиммлера на освобождение нескольких членов семьи генерала Жиро.

Тем временем д-р Музи для улучшения обращения с политическими заключенными установил контакт с президентом Международного Красного Креста д-ром Буркхардтом. Тот был в принципе готов встретиться с Гиммлером и говорить с ним об этом. Когда Гиммлер, снова проявив ненадежность, уклонился от бесед, я предложил устроить встречу д-ра Буркхардта с Кальтенбруннером. Она действительно состоялась, но, несмотря на длительные переговоры, никакого практического результата не дала.

Пока шла "акция Музи", к нам в феврале 1945 г. поступило донесение нашего посланника в Стокгольме Томсена о том, что в Берлин намерен приехать и говорить с Гиммлером граф Бернадотт. Он являлся родственником шведской королевской семьи и был тогда вице-президентом швейцарского Красного Креста. Риббентроп сразу же послал ко мне своего личного референта тайного советника Вагнера узнать, не я ли инспирировал этот шаг, пользуясь своими шведскими связями. Я, как это и было на самом деле, ответил, что ничего об этом не знаю, и сразу проинформировал Гиммлера и Кальтенбруннера. Хотя Гиммлер и проявил заинтересованность, но был очень раздражен тем, что запрос поступил из министерства иностранных дел. Тем самым он оказался вынужден рассматривать визит Бернадотта как официальный, а это означало, что следует поставить в известность о нем Гитлера.

Поскольку Гиммлер к этому времени занимал пост командующего группой армий "Вистула" ["Висла"] и его командный пункт находился в Пренцлау, он поручил Кальтенбруннеру осторожно прощупать отношение к этому делу Гитлера. Со своей стороны, Кальтенбруннер, чтобы не нарваться самому на гнев Гитлера, попросил обергруппенфюрера СС Фегеляйна (мужа сестры Евы Браун) переговорить с Гитлером насчет шведского визита. На следующий день Фегеляйн передал ответ Гитлера: "В тотальной войне таким идиотизмом ничего не добиться".

Тем временем граф Бернадотт уже прибыл в Берлин. Я сразу же переговорил по телефону с Гиммлером и настоятельно попросил его ни в коем случае не игнорировать шведского шага. Я подчеркнул, что во время встречи вполне может возникнуть возможность затронуть и политические вопросы и, пожалуй, в последний момент еще открыть дверь на Запад. Я настойчиво советовал Гиммлеру не упустить неиспользованной оказию чуть ли не в последнюю минуту привлечь Швецию на свою сторону в качестве посредника для заключения компромиссного мира. А чтобы рассеять его опасения насчет отказа Гитлера, я сказал: Риббентропу едва ли удастся избежать приема графа, а если это произойдет, ему, Гиммлеру, тоже не смогут поставить в вину беседу с Бернадоттом. После долгих колебаний он дал согласие.

Вот так и получилось, что граф Бернадотт сначала позвонил мне из шведского посольства, а затем был принят мною и Кальтенбруннером, прежде чем отправиться к Риббентропу. Граф приехал в Берлин с желанием на время войны интернировать в Швецию находившихся в заключении в Германии датчан и норвежцев и тем самым вывести их из зоны опасности. Я достаточно хорошо знал Кальтенбруннера, чтобы по его гримасе понять: эта тема его особенно не вдохновляла. Я раздумывал, как все-таки сделать его своим ходатаем перед Гиммлером. Когда граф откланялся, я похвалил Кальтенбруннера за ту мягкую и искусную форму, в какой он провел обсуждение: его метод ведения переговоров, мол, отвечает старой зарекомендовавшей себя традиции австрийской дипломатической школы, и как только Риббентроп будет отстранен, он — самый подходящий человек на пост министра иностранных дел. Кальтенбруннер проглотил эту наживку так жадно, что немедленно бросился к телефону и заказал разговор с Гиммлером. Несмотря на свое первоначальное отрицательное отношение и на гитлеровское запрещение, теперь он выступал как рьяный сторонник встречи Бернадотта с рейхсфюрером СС. Но Гиммлер заявил, что готов принять графа Бернадотта, но без Кальтенбруннера. Отрезвленный и обозленный, тот снова занял негативную позицию.

Встреча графа Бернадотта с Гиммлером состоялась двумя днями позже, 19 февраля 1945 г., в Хоенлихене. По пути туда я успел предупредить графа об особенностях натуры Гиммлера и дать ему несколько советов по поводу предстоящей беседы. Я знал, что Гиммлер никогда не согласится на ходатайство Бернадотта транспортировать датских и норвежских заключенных в Швецию, а потому предложил компромисс: сконцентрировать всех их в одном сборном лагере где-нибудь в Северной Германии. Это предложение было одобрено.

Встреча с Бернадоттом, казалось, произвела на Гиммлера сильное впечатление; он поручил мне осуществлять надзор за реализацией достигнутой договоренности и поддерживать в дальнейшем контакт с графом. Далее я должен был ознакомить Риббентропа с важнейшими пунктами беседы и соглашения, чтобы тот смог представить их графу официально.

Прежде всего я проинформировал о результатах Кальтенбруннера и Мюллера, поскольку они ведали государственно-полицейскими мерами в отношении заключенных. Кальтенбруннер отреагировал упреками: я будто бы слишком сильно воздействовал на Гиммлера в духе, нужном Бернадотту. Вся эта идея — сушая утопия, ибо они не в состоянии предоставить для перевозки заключенных, рас-

сеянных по всей Германии, грузовики и бензин. Да и предназначенный для этого пересыльный лагерь Нойенгамме настолько переполнен, что не готов к приему новых поступлений. Вечно одно и то же: как только господам, мнящим себя государственными мужами, удастся в чем-то убедить Гиммлера, из этого получается сплошной бред.

Довод насчет грузовиков и бензина я парировал так: об этом позаботятся сами шведы. Потом к Кальтенбруннеру присоединился и Мюллер, высказав опасение, что все дороги Германии забиты беженцами и местному населению не понравится, что мимо них будут проезжать автобусы шведского Красного Креста. Поскольку Гиммлер это возражение посчитал довольно серьезным, снова наступил критический момент. Однако я предложил, чтобы транспортировка проводилась только ночью, и заявил, что готов обеспечить реализацию этого обещания с помощью людей из узкого круга моих сотрудников. Так оно и произошло. Совместная деятельность наших людей с представителями шведского Красного Креста произвела на комендантов лагерей такое воздействие, что отправка шла без всяких помех. Таким образом 13 тысяч датских и норвежских заключенных были переведены в Нойенгамме, а дальше о них заботился уже шведский Красный Крест.

Потом (это было сразу же после выступления Гиммлера по военным вопросам перед генералитетом группы армий "Висла") у меня состоялась весьма серьезная беседа с рейхсфюрером. Я заявил, что война все равно необратимо проиграна, и заклинал его по меньшей мере использовать открывающиеся через Швецию возможности и попытаться хотя бы сохранить обломки корабля германского государства. Я предложил: пусть он попросит Бернадотта полететь к генералу Эйзенхауэру с нашим предложением о капитуляции. Я довольно резко попытался разъяснить Гиммлеру, что его место сейчас в Берлине, а не на посту командующего группой армий. Он должен немедленно вернуться в столицу рейха и начать там подготовку предложения о мире. Если необходимо, пусть возьмет штурвал государственного корабля в свои руки силой.

Гиммлер поначалу и впрямь настолько поддался моему настроению, что предоставил мне все полномочия на ведение переговоров с графом Бернадоттом. Но уже на следующий день он отменил их (явно под впечатлением "акции Гессе"* в Стокгольме). Он пожелал, чтобы я лишь поддерживал контакт с Бернадоттом и попытался повлиять на того таким образом, чтобы он полетел к генералу Эйзенхауэру по собственной инициативе.

Я не упускал ни одной возможности, чтобы из дня в день наглядно показывать Гиммлеру, сколь отчаянным стало теперь наше положение, и указать на то, что история однажды осудит его за недостаток решительности. Однако Гиммлер ссыбался, как зачастую и прежде, на основополагающий принцип верности, который он как глава эсэсовского ордена не намерен нарушить. Я отвечал на это, что СС — это всего лишь небольшое меньшинство по сравнению с немецким народом. А желая указать на его собственную задачу, подчеркивал: он призван действовать ради немецкого народа, ибо он сам лично на режиме никогда не наживался. В первый раз он мне ответил так: "Значит, я должен устранить фюрера?" Я промолчал. Зная изменчивый характер Гиммлера, я понял, что "да", пожалуй, будет стоять мне головы.

Я посвятил графа Бернадотта в эти споры. Мы пришли к единому мнению: как только Гиммлер наконец проявит решимость действовать, я сразу же свяжусь с ним.

В конце марта 1945 г. между Бернадоттом и Гиммлером состоялась новая беседа. Граф попытался вступить и за евреев, добившись от рейхсфюрера обещания, что при приближении армий союзников не будут эвакуированы лагеря интер-

*Об "акции Гессе" материал Шелленберга не содержит никаких сведений. — Прим. нем. изд.

нированных, а их передадут им. Это особенно относилось к Берген-Бельзену, Бухенвальду, Терезиенштадту, а также к лагерям в Южной Германии.

В начале апреля Гиммлер приказал мне явиться к нему в Вустров. На лесной прогулке он вдруг сказал мне: "Шелленберг, я считаю, что с Гитлером больше ничего нельзя сделать. Может ли быть так, что де Кринс прав?" (Я привез с собою профессора де Кринса для обсуждения с Гиммлером вопроса о состоянии здоровья Гитлера. Де Кринс еще несколько ранее установил у Гитлера симптомы болезни Паркинсона.)

"Во всяком случае, — ответил я Гиммлеру, — все как будто говорит за это, и я считаю, что теперь для вас пришло время действовать". Он молчал. Я напечатал ему план Керстена: в ближайшее время устроить в Германии встречу с Джилелем Шторьхом — представителем Всемирного еврейского конгресса в Нью-Йорке, чтобы обсудить с ним еврейскую проблему. Но Гиммлер предпочел и на этот раз уклониться от четкого ответа, хотя, казалось, весьма хорошо сознавал принципиальное значение этой встречи. Для него явно было трудно решиться на такой шаг — принять еврея; он тоже считал, что это привело бы к окончательному разрыву с Гитлером, а Гитлер как раз в это самое время распорядился, чтобы у лейб-штандарта СС "Адольф Гитлер" (полк личной охраны. — *Прим. пер.*) в знак утраты чести были сорваны эссовские нарукавные повязки с его именем. Наконец, Гиммлер опасался еще и того, что Кальтенбруннер проведает об этой встрече и тотчас известит о ней Гитлера. Я успокоил его: Кальтенбруннер отправляется в Австрию и потому ничего не узнает. Кроме того, встреча может состояться в доме Керстена.

После долгих колебаний Гиммлер согласился и вдруг заговорил о том, как пошли бы дела в Германии, если бы он в качестве преемника Гитлера получил власть. Он, считал Гиммлер, не может арестовать и даже убрать Гитлера, так как это остановило бы всю военную машину. Я разъяснил ему, что есть только две возможности: или он идет к Гитлеру и, обрисовав положение дел, заставляет его отречься от власти или же устраняет его силой.

"В первом случае с ним произойдет приступ буйного помешательства, и он собственной рукой застрелит меня", — произнес Гиммлер. Я возразил, что у него есть достаточно много офицеров СС, чтобы обезопасить себя от этого, да и его положение в остальном достаточно сильно, чтобы арестовать Гитлера. "Если никакого другого пути нет, — добавил я, — вы должны подключить к этому делу врачей". Я заявил, что готов устроить встречу де Кринса, профессора Морелля и д-ра Штумпфэггера с Борманом. Через два дня де Кринс сообщил мне результат: врачи отказались поставить единый диагноз, в остальном же все их аргументы, высказанные Борману, оказались бесплодными. Когда я доложил об этом Гиммлеру, он попросил меня хранить полное молчание.

В те дни я установил контакт с имперским министром финансов графом Шверин-Крозигом, ибо он показался мне подходящей личностью в качестве преемника Риббентропа. Поэтому я устроил его встречу с Гиммлером; она состоялась 19 апреля 1945 г. в кабинете министра в присутствии имперского министра труда Зельдте. Последний предложил мне, чтобы в день рождения Гитлера (20 апреля. — *Прим. пер.*) Гиммлер обратился с прокламацией к немецкому народу и сообщил ему, что отныне берет власть в свои руки. Должны быть провозглашены создание второй партии посредством народного голосования, а также ликвидация Народного трибунала. Под конец Зельдте спросил меня (в это время Гиммлер в стороне разговаривал с графом Шверин-Крозигом), как я расцениваю шансы на удержание района Альп, известного под названием "Альпийская крепость". Я ответил, что в дальнейших военных действиях никакого смысла не вижу; наоборот, кое-что еще можно добиться только немедленными действиями в политической области.

Фон Крозиг показался мне удовлетворенным беседой с Гиммлером, хотя ведь

и он знал, что на самом деле уже слишком поздно и едва ли еще есть выход. Он попросил меня повлиять на Гиммлера таким образом, чтобы тот принял решение действовать либо с Гитлером, либо без него.

Тем временем поступило известие, что Керстен и Норберт Мазур (который стал вместо Шторьха председателем Всемирного еврейского конгресса) прибыли в аэропорт Темпельгоф и отправились в поместье Керстена в Хартцвальде. Так как в то же самое время в Берлине ожидался приезд и графа Бернадотта, существовала опасность временного совпадения обеих встреч, к тому же Гиммлеру ввиду напряженного военного положения было трудно отлучиться с фронта. Поэтому Гиммлер просил меня еще в ту же ночь поехать к Керстену и подготовить прием Мазура. Одновременно подлежала согласованию дата встречи с ним. Я еще успел поужинать с Гиммлером в Хоенлихене. Вопреки обыкновению, он вдруг велел подать бутылку шампанского, чтобы ровно в два часа ночи чокнуться бокалами по случаю дня рождения фюрера.

ГИММЛЕР ГОТОВ КАПИТУЛИРОВАТЬ

В Хартцвальде я прибыл в 2.30 ночи. В направлении Берлина в небо взмывали огненные факелы пожарищ. До моих ушей доносился непрерывный гул вражеских самолетов.

До 4 часов утра я все еще беседовал с Керстеном, который очень огорчился нерешительным поведением Гиммлера и был этим очень расстроен. "Не знаю, — говорил он, — сулит ли вообще встреча Мазура с Гиммлером хоть какой-нибудь успех".

Утром я проснулся от рева самолетов и, когда я одевался, рядом взорвалась бомба. За завтраком побеседовал с господином Мазуром. Он настаивал на немедленной встрече с Гиммлером, поскольку ему надо было уезжать. Я знал: Гиммлер попытается сделать все, чтобы эту встречу снова оттянуть, а потому я сам должен предпринять все возможное, чтобы она состоялась побыстрее.

А из шведского посольства в тот же день раздался телефонный звонок графа Бернадотта. Перед возвращением в Швецию он хотел поговорить с Гиммлером и заявил, что готов прямо сейчас, вечером, ехать в Хоенлихен. Но важно было, чтобы прежде Гиммлер успел поговорить с Мазуром. Поэтому я сразу выехал в Вустров, где находился Гиммлер. К счастью, мне удалось наконец убедить его поехать вместе со мной в Хартцвальде. Это было 21 апреля 1945 г.

Я уже проинформировал Мазура об общей обстановке и знал пункты, служившие предметом его переговоров:

1. Евреев больше не должны убивать.
2. Все еще находившиеся в германских местах заключения узники должны при любых обстоятельствах оставаться в своих лагерях и не подлежать эвакуации.
3. Все лагеря должны составить и опубликовать поименные списки еврейских заключенных.

Во время поездки Гиммлер снова и снова подчеркивал: все это он должен был сделать еще раньше. Со своей стороны он сообщил мне, что он собирается сказать Мазуру. Это было в основном хронологическое перечисление минувших событий в сочетании с попыткой их оправдания. Я попросил Гиммлера вообще не говорить о прошлом, а дать ясные предложения насчет того, что предстоит сделать в будущем.

Мы прибыли в Хартцвальде только около 3 часов утра, так как несколько раз должны были прятаться в убежища от вражеских пикирующих бомбардировщиков. После краткого приветствия началась беседа с Мазуром. Большую часть времени говорил Гиммлер. Он хотел доказать, что пытался решить еврейскую проблему путем переселения, но столкнулся при этом, с одной стороны, с отрицательным отношением внешнего мира, а с другой — с сопротивлением внутри партии

После 45-минутного разговора Мазур заявил: сообщение Гиммлера хотя и очень интересно, но никоим образом не содействует изменению нынешнего положения. Для него сейчас важно только выполнение уже упомянутых трех пунктов. Гиммлер еще раз подтвердил свое ранее данное согласие и, кроме того, заявил о своей готовности освободить еврейских женщин из лагеря Равенсбрюк и передать их Мазуру. Он, сказал Гиммлер, получил от Гитлера разрешение на освобождение из этого лагеря всех полек, а поэтому может безо всякого труда включить в их число и всех евреек.

Ровно в 6 часов утра 22 апреля Гиммлер и я, а также сопровождавший нас адъютант Брандт прибыли в Хоенлихен, где нас уже ждал граф Бернадотт. Он попытался убедить Гиммлера дать разрешение на вывоз из лагеря Нойенгамме в Швецию всех датских и норвежских интернированных лиц. Но Гиммлер все еще чувствовал себя не в состоянии пойти на это. Тогда Бернадотт распросался, поблагодарив Гиммлера за состоявшиеся беседы. Я проводил графа почти до Варена в Мекленбурге. Прежде чем расстаться, я еще раз высказал просьбу Гиммлера полететь все же к Эйзенхауэру и попытаться устроить встречу графа с генералом.

— Рейхсфюрер уже не понимает реальности всей ситуации, — отметил Бернадотт. — Я больше не могу помочь ему. Он должен был бы после моего первого визита взять судьбу Германии в свои руки, а вы, мой дорогой Шелленберг, лучше подумали бы теперь о самом себе!

Я не знал, что ответить на это. Когда он удалился, меня охватило чувство невыразимой тоски. Я поехал назад в Хоенлихен, проспал два часа, а затем меня снова вызвали к Гиммлеру. Он лежал в постели, сказавшись больным. Я заявил ему, что больше ничего сделать не могу, теперь должен действовать он. Ехать в Берлин я ему отсоветовал ввиду его болезни, усилившейся за ночь. Во второй половине дня мы выехали в Вустров. Дороги у Лёвенберга были забиты несчетными толпами беженцев и военными колоннами, так что все пути между Берлином и Мекленбургом оказались блокированными. Глядя на эту картину, Гиммлер произнес: "Шелленберг, я боюсь того, что наступит!"

Прежде чем мы добрались до Вустрова, нас атаковали пикирующие бомбардировщики — их главной целью были те скопления беженцев и войск, которые мы как раз обогнали. Вскоре после нашего прибытия в Вустров позвонил Фегеляйн и сообщил, что Гитлер и Геббельс буйствуют из-за того, что обергруппенфюрера Бергера нет в Берлине. Бергер покинул столицу рейха, чтобы по личному заданию Гиммлера лететь в Южную Германию. Гитлеру, сказал Фегеляйн, он понадобился для приведения в исполнение смертного приговора его бывшему личному врачу д-ру Брандту (тот отправил жену в целях безопасности в Тюрингию, в расположение американских войск. При вынесении смертного приговора явно имела место интрига среди узкого окружения Гитлера, включая Еву Браун и ее сестру — жену Фегеляйна).

Гиммлер немедленно вызвал начальника гестапо Мюллера и приказал доставить д-ра Брандта в Шверин. Фегеляйну же он объяснил, что привести приговор в исполнение сейчас невозможно, если только Геббельс или Борман не пожелают сделать это собственноручно. После этого телефонного разговора он еще раз, правда довольно туманно, сказал мне что-то насчет устранения Гитлера и заговорил о том, что стал бы делать, если бы однажды получил власть в свои руки. В связи с этим он попросил меня подумать и о названии для новой "альтернативной партии".

В ранние утренние часы 22 апреля поступило сообщение, что три дивизии войск СС под командованием обергруппенфюрера СС Штайнера получили приказ, невзирая ни на какие потери, отбить наступление русских на Берлин. Гиммлер был уверен в том, что этот приказ необходим, и переубедить его было невозможно; мы, его адъютант и я, говорили, что это — еще одно бессмысленное кровопролитие.

Пока мы завтракали, вдруг появился обергруппенфюрер Бергер. Было решено,

что он должен вернуться с нами в Хоенлихен, так как противник уже угрожал Вустрову. Я обсудил с Бергером историю с американским генералом авиации Вэнзменом, бывшим военным атташе в Берлине, который теперь находился в Берлине в качестве военнопленного. Я давно планировал выпустить Вэнзмана на свободу вместе с несколькими влиятельными британскими военными, но Гитлер и Гиммлер отказывались это сделать. После установления контакта с друзьями в Швейцарии, а также с военным атташе в Берне генералом Леггом я под собственную ответственность приказал перебросить Вэнзмана в районе Констанцы через швейцарскую границу. Пост-фактум с этим согласился и Гиммлер.

Около полудня нам пришлось в крайней спешке вернуться в Вустров, так как вблизи Ораниенбурга, а также в районе Дёвенберга и Креммена уже появились русские разведгруппы. Во время обратной поездки в Хоенлихен мы постоянно проезжали мимо колонн вермахта, артиллерии и танков и нас непрерывно преследовали вражеские бомбардировщики и истребители.

По прибытии в Хоенлихен Гиммлер спросил меня: "Теперь я должен что-то предпринять, Шелленберг, но как?" Я еще раз указал ему на возможность последней беседы с Бернадоттом, хотя и не знал, где мог бы найти сейчас графа. Может быть, он еще в Любеке. Гиммлер решил: я должен немедленно ехать туда и просить его передать западным державам заявление о капитуляции. Я сразу подготовил отъезд и выехал в 16.30. К сожалению, из-за длительных налетов авиации и забитых дорог я прибыл в Любек только поздно ночью. Там я узнал, что Бернадотт находится в Апенраде (Дания). Несмотря на все трудности, я дозвонился до него и попросил на следующий день принять меня во Фленсбурге. Мы договорились встретиться 23 апреля в 15 часов в шведском консульстве в Фленсбурге. Отдохнув несколько часов, я позвонил Гиммлеру, чтобы проинформировать его. Затем я направился в Фленсбург и прибыл туда вскоре после обеда. Меня принял шведский атташе Хирон и пригласил на ленч к консулу Петерсену.

Точно в 15 часов появился Бернадотт. После обсуждения общей обстановки, граф высказался так: он полагает, что встречаться с Гиммлером ему нет необходимости; пусть тот в письме генералу Эйзенхауэру предложит западным державам безоговорочную капитуляцию. Считая, что Гиммлер сделать такое письменное заявление не может, пока жив Гитлер, я попросил графа все же поехать со мной в Любек, дабы еще раз обсудить это дело с Гиммлером. Он согласился. Я немедленно позвонил Гиммлеру в его специальный поезд. К телефону подошел Брандт и сказал, что в данный момент Гиммлер недосыгаем, но пообещал позже известить меня о его местонахождении. В шесть часов пополудни он перезвонил снова и сообщил, что Гиммлер охотно примет графа в 22 часа того же дня в Любеке и что я тоже должен быть там.

В 21 час мы прибыли в Любек. Я отправился в наше служебное помещение, оборудованное в отеле "Данцигер хоф", и оттуда связался со штабом генерала Вюннеберга, где нас пожелал ожидать Гиммлер. Там я и нашел его в 22 часа. Я доложил ему важнейшие вопросы моего разговора с графом. Затем мы договорились встретиться с Бернадоттом в 23 часа в шведском консульстве.

Из-за повреждений электрической сети беседа проходила при свечах, и не успели мы приступить, как началась воздушная тревога, вызванная сильным налетом авиации на близлежащий аэродром. Была уже полночь, когда мы смогли выйти из бомбоубежища и продолжить беседу.

Поначалу Гиммлер пустился в пространные рассуждения о военном и политическом положении рейха и только потом сформулировал ситуацию на данный момент:

— Мы, немцы, — сказал он, — должны объявить себя побежденными западными державами, и я прошу вас передать это генералу Эйзенхауэру через шведское

правительство, чтобы избежать дальнейшего кровопролития. Но капитулировать перед русскими для нас, немцев, невозможно, а уж для меня — особенно. Против них мы будем продолжать сражаться дальше до тех пор, пока фронт западных держав не заменит германский фронт.

Гиммлер еще раз указал на то, что он вправе принять такое решение, поскольку через два-три дня Гитлер покончит с жизнью: ведь живым он большевикам, против которых боролся ни на жизнь, а на смерть, не сдастся.

Бернадотт проявил готовность передать заявление Гиммлера о капитуляции западным державам. К этому граф добавил, что он, а вероятно, и шведское правительство заинтересованы в первую очередь в том, чтобы избавить скандинавский регион от бессмысленных разрушений, вызванных дальнейшим продолжением войны. Для него, шведа, это служит оправданием согласия на предложение Гиммлера. Гиммлер согласился и на вывоз датских и норвежских заключенных из концлагерей.

Трудным явилось решение насчет того, как доставить заявление о капитуляции западным державам. Первоначальный план полета графа Бернадотта прямо к Эйзенхауэру без дипломатической увертюры и подготовки был отклонен. В конце концов сошлись на том, чтобы Гиммлер написал его превосходительству Кристиану Гюнтеру, шведскому министру иностранных дел, письмо с просьбой поддержать переданные через графа Бернадотта предложения Гиммлера. Гиммлер кратко обсудил текст этого письма со мной и потом продиктовал его сам при свете свечей.

Бернадотт хотел на следующий день [24 апреля] лететь в Стокгольм, где и провести необходимые приготовления. Было решено, что я должен сопровождать его до Фленсбурга и остаться там в качестве связного на тот случай, если возникнут какие-то вопросы. В 1.30 ночи мы покинули шведское консульство.

Гиммлер вел машину сам. Он никогда не был хорошим водителем, а теперь так сильно нервничал, что меня от страха не раз прошибал холодный пот. Уже при выезде из консульства он так рванул с места и газанул, что мы очутились в яме и нам потребовалось целых четверть часа, чтобы выбраться оттуда. А повороты он срезал так круто, что любой встречный автомобиль превращался в грозную опасность.

В штабе генерала Вюннеберга я пробыл с Гиммлером еще полчаса, стараясь рассеять его опасения насчет только что предпринятого им шага. Я попытался поддержать в нем бодрость духа словами, что верности немецкому народу он не нарушил. А потом вернулся в "Данцигер хоф" и в пять часов утра отправился в шведское консульство за графом Бернадоттом, чтобы ехать с ним в Фленсбург.

На германо-датской границе мы попрощались. При этом граф выразил надежду, что вскоре сможет сообщить мне добрую весть.

Был уже полдень, когда мне наконец удалось прилечь поспать в доме шведского консула. Но стоило мне только заснуть, как меня разбудил мощный налет авиации и грохот зенитных орудий со стоявших у берега военных кораблей. Полуодетый я поспешил в подвал.

На следующий день — это было 25 апреля — я вызвал в Фленсбург штандартен-фюрера СС Бодензипена. Прежде всего я показал ему свои особые полномочия за подписью Гиммлера: "Поскольку генерал Шелленберг действует по моему особому указанию, все его приказы выполнять беспрекословно". Затем я объявил Бодензипену: все заключенные концлагерей датской и норвежской национальности должны быть без всякого исключения переданы Швеции. И добавил, что на следующий день намерен ехать в Копенгаген для обсуждения политической ситуации в Дании с нашим чрезвычайным министром и уполномоченным в этой стране д-ром Бестом. Целью поездки были немедленное приостановление всех смертных приговоров и отмена приведения их в исполнение.

26 апреля я получил промежуточную информацию от графа Левенхаупта из

шведского консульства. Он извещал меня, что переговоры развиваются неблагоприятно и союзники отказываются вести их с Гиммлером. Но эту информацию я Гиммлеру не передал. Ночью пришло сообщение, что следующим утром граф Бернадотт прибудет на аэродром Одензее. Приехав туда, я узнал, что самолет запаздывает из-за плохой погоды. Погода не улучшалась, и я провел несколько часов в нетерпении и растущей тревоге. Комендант аэродрома предупредил все посты наблюдения и ПВО о необходимости повышенной бдительности. Подавались сигналы ракетами до тех пор, пока самолет наконец не сел. Это было уже в 16 часов.

Мы сразу же направились в Апенраде, где обсудили результаты переговоров. К сожалению, они были отрицательны: западные державы отказывались признать Гиммлера партнером по переговорам. Кроме того, союзническая пресса дала сообщение обо всем происходящем. Итак, мое положение при Гиммлере стало весьма сомнительным. Однако граф предложил мне ехать вместе к Гиммлеру, так как он хотел еще раз переговорить с ним.

Я пытался дозвониться до Гиммлера из Фленсбурга, но к телефону подошел Брандт. Он сразу взволнованным голосом спросил меня о результатах. Я сообщил ему о неблагоприятном ходе переговоров, но добавил, что граф Бернадотт желает еще раз говорить с Гиммлером по вопросу о германских армиях в Скандинавии. Это предложение было резко отвергнуто. Мне было сказано: я должен явиться к Гиммлеру один.

Вскоре после полуночи раздался телефонный звонок. Я не хотел тревожить графа Бернадотта ночью телефонным разговором и в 3 часа выехал в Апенраде. Граф уже находился в условленном месте. Он, вероятно, понял причину моей отговорки, когда я убедил его лучше не ехать со мной, так как Гиммлер находится южнее Любека и потому мне придется ехать вблизи линии фронта.

Я должен был считаться с тем, что Гиммлер назовет меня "подстрекателем" его мирного шага и сделает виновником провала. Вполне возможно, что меня могли ликвидировать. Чтобы обезопасить себя, мне пришла в голову мысль связаться с одним астрологом, которого Гиммлер знал лично и на которого возлагал большие надежды, и попросить его поехать со мной. Гиммлер заказал ему гороскоп, и я был уверен, что это приглушит его реакцию на результат переговоров.

Расчет мой оказался верным. Гиммлер был крайне расстроен отказом союзников, а сверх того раздражен и тем, что мировая пресса подхватила это дело. И все же беседа, вопреки ожиданиям, протекала мирно. Некоторое время обсуждались причины отрицательной позиции западных держав, а затем — проблема Дании и Норвегии. Мой спутник поддерживал меня самым лучшим образом, и в конце концов удалось уговорить Гиммлера пойти навстречу Бернадотту. Он даже разрешил мне говорить с графом о прекращении германской оккупации Норвегии и об интернировании германских войск. Далее он заявил, что готов принять подобное решение и в отношении Дании, но оно должно быть осуществлено позже. Однако он уполномочил меня уже сейчас подготовить д-ра Беста к такому плану. И наконец, Гиммлер пожелал назначить меня своим специальным представителем при шведском правительстве для ведения в скандинавском регионе переговоров о заключении мира. К этому моменту он уже воспринимал как само собою разумеющееся, что в самое ближайшее время станет преемником Гитлера и будет в состоянии без всяких затруднений решать эти вопросы сам.

29 апреля в полдень я снова был в Апенраде, поужинал там со шведским посланником Томсенем и обсудил с ним принятое Гиммлером решение. На следующий день Томсен организовал мою встречу с представителями шведского правительства и сам присутствовал на ней. Он привлек мое внимание еще к ряду особых пожеланий, в частности, о недопущении казней и об освобождении датских полицейских служащих.

Во второй половине дня мы покинули Апенраде, чтобы ехать в Копенгаген. Там мы остановились в отеле "Англетер". Утром 30 апреля я прежде всего отправился к д-ру Бесту и проинформировал его о моих полномочиях насчет мирного прекращения германской оккупации скандинавских стран. Как я и ожидал, д-р Бест это одобрил

Около полудня я встретился с д-ром Постом, членом шведского правительства, а также с графом Бернадоттом. С шведской стороны было высказано желание получить ясные и обязывающие предложения германского правительства.

Немного погодя я поехал в Корсёр, чтобы попасть на паром. В Фленсбурге я встретил д-ра Гизельхера Вирзинга и проинформировал его о том, что Кальтенбруннер сместил меня со всех постов и назначил начальником политического сектора секретной службы оберштурмбаннфюрера (соответствовало чину подполковника вермахта. — *Прим. пер.*) Ванкка, а начальником ее военного сектора — оберштурмбаннфюрера Скорцени.

После короткого телефонного разговора с Гиммлером Вирзинг и я отправились в Любек, так как я хотел, чтобы он вылетел в Южную Германию, имея на руках соответствующие контрприказы Гиммлера насчет моего смещения. Из-за забитых дорог поездка длилась почти четыре часа. 1 мая в 4 часа утра мы приехали в Любек и оттуда были доставлены в новую штаб-квартиру Гиммлера в Карлсхорсте, около Травемюнде. Поскольку Гиммлер лег спать только в три часа утра, я пошел к Брандту, который сообщил нам ошеломляющую весть: Гитлер покончил жизнь самоубийством и своим преемником назначил не Гиммлера, а гросс-адмирала Дёница.

КРАХ

Теперь Гиммлер носился с мыслью сойти с политической сцены, более того, он даже поговаривал о самоубийстве. Он встретился в Плёне с гросс-адмиралом Дёницей, новым главой правительства, и совещался с ним до глубокой ночи. При этом он, в частности, предложил отстранить Риббентропа и назначить министром иностранных дел графа Шверин-Крозига.

В 9 часов утра 1 мая Гиммлер позвал меня к себе. Он был нервозен и утомлен. Я сообщил о моих беседах с фон Постом, д-ром Бестом и графом Бернадоттом. Гиммлер сказал, что теперь больше не в состоянии предпринимать какие-либо шаги. Единственное, что он смог еще сделать, так это убедить Дёница заменить Риббентропа фон Крозигом. В остальном же гросс-адмирал и его штаб, состоявший исключительно из представителей вермахта, не оценил должным образом значения намерений Гиммлера по отношению к западным державам. Он, Гиммлер, хотел только одного: чтобы я немедленно отправился к Дёницу. Пожалуй, будет полезно, считал он, проинформировать главу правительства о моих усилиях в отношении Дании и Норвегии, а в данном случае мне самому действовать в качестве помощника Крозига по внешнеполитическим вопросам. Если я склоню новое правительство Дёница к тому, чтобы мирно передать обе северные страны, то в Швецию можно будет послать другого человека, а сам я останусь в правительственной резиденции.

В 11 часов утра мы — Гиммлер и я — выехали из Любека в Плён, куда прибыли около 2 часов пополудни. В штабе царило большое оживление. Нанеся визит Дёницу, Кейтелю и Йодлю, я установил контакт с фон Крозигом. От него я узнал, что Дёниц и генералы оставлять Норвегию без боя не желают.

Тем временем генерал-полковник Бёме и Линдеман, рейхскомиссар Тербовен и д-р Бест были вызваны в Плён, чтобы обсудить с Дёницей вопрос о Норвегии и Дании. Поэтому я решил вернуться в Копенгаген и проинформировать фон Поста о новой ситуации. Гиммлер одобрил это. Он еще хотел, как он мне сказал, оставаться в Плёне и попытаться вместе с фон Крозигом и далее отстаивать мирное решение накопившихся проблем.

Я покинул штаб-квартиру в три часа утра и в семь приехал в Фленсбург. Там я выработал вместе с д-ром Вирзингом проект моего сотрудничества с новым министром иностранных дел. Я предложил, в частности, распустить НСДАП, гестапо, а также СД и сообщить об этом по радио. Пока я спал, будучи не в состоянии сопротивляться свинцовой усталости, д-р Вирзинг доработал проект и отослал его в Плён. Учитывая тот факт, что Кальтенбруннер снял меня со всех должностей, я дал Вирзингу указание лететь в Южную Германию и сообщить моим сотрудникам, что они должны подчиняться Кальтенбруннеру, но сохранять личную лояльность по отношению ко мне.

Вечером я поехал в Копенгаген. В Падборге граф Бернадотт предоставил в мое распоряжение машину Красного Креста. Это значительно облегчило поездку, особенно проезд через контрольно-пропускные пункты вермахта. Я был защищен, поскольку меня принимали за шведа. Население встречало меня с ликованием, и мне приходилось давать автографы. В этой обстановке я чувствовал себя весьма уютно.

Моя беседа с фон Постом состоялась 3 мая около часа дня. Я сделал краткий обзор новой ситуации, сообщив, что гросс-адмирал Дёниц вызвал к себе на доклад главных военного и гражданского должностных лиц в Дании и Норвегии и заявил им, что он принял план сдачи этих стран союзникам. [...]

В тот же день я вернулся в Фленсбург, а оттуда в Плён. Эта поездка была самой трудной и опасной из всех, предпринятых мной в те дни. На этом коротком пути приходилось пробираться по совершенно забитым дорогам и непрерывно подвергаться воздушным налетам. По шоссе, и справа и слева, двигались колонны отступавших войск, на обочинах стояло множество сгоревших автомашин, повсюду валялись трупы, то здесь, то там виднелись разбитые танки. Порой я просто вынужден был применять силу и часто укрываться от обстрела в ямах.

В Плёне охрана доложила, что правительство уже переместилось в военно-морское училище Мюрвик около Фленсбурга. Мне пришлось повернуть назад и снова пройти через суший ад. В пять часов я доложил о своем прибытии Дёницу и Гиммлеру. Я еще раз подчеркнул: несмотря на ухудшение обстановки, решение при помощи Швеции проблем скандинавского региона имеет величайшую важность. Затем я говорил с Крозигом наедине. Он сказал мне, что до тех пор, пока я пожелаю оставаться при нем, будет считать меня своим первым сотрудником. Кроме того, он считал важным, чтобы я отправился в Стокгольм. Мы пришли к единому мнению: время ограничено и действовать надо быстро. Единственное, что еще задерживало капитуляцию, так это тот факт, что в богемско-моравских областях до сих пор активно действовали группы армий генерал-фельдмаршала Шёрнера и генерал-полковника Рендулича. Они насчитывали почти миллион человек, были обеспечены на семь недель боеприпасами и продовольствием и все еще сдерживали сильное давление русских.

Около восьми часов вечера у меня состоялась беседа с Дёницем. Поначалу он и слышать не хотел о прекращении оккупации Норвегии и об интернировании германских войск в Швецию. Его военные советники явно указывали ему на отличное стратегическое положение армии генерал-полковника Бёме. Даже после того, как я обрисовал политическое значение мирного решения и возможность вмешательства Швеции, он все еще хотел знать, какую выгоду это принесет Германии в данный момент. Я разъяснил ему, что это — вопрос долгосрочного планирования, не говоря уже о спасении множества человеческих жизней. Задача в том, чтобы улучшить мировое мнение о нас, и именно для разгромленной Германии имеет немалое значение заручиться поддержкой такой нейтральной страны, как Швеция.

Беседа продолжалась за обеденным столом. Кейтель и Йодль хотели, чтобы я остался, поскольку у меня есть опыт во внешнеполитических делах. Но я подчеркивал важность моей миссии в Швеции, и Йодль, кажется, это понял. В за-

ключение я переговорил с фон Крозигом насчет того, в каком качестве мне лучше всего ехать в Стокгольм. Он предложил мне ранги посла, специального уполномоченного или представителя. Я же предпочитал назваться посланником, ибо это в точности отвечало поручаемой мне задаче. Затем я пригласил к себе статс-секретарей Штеенграхта и Хенке и мы вместе составили документы, аккредитовавшие меня в качестве посланника с полномочиями на заключение соответствующих соглашений. Утром 5 мая они были подписаны фон Крозигом. Потом я попрощался с Гиммлером и выехал в Копенгаген.

Через несколько дней Гиммлер покончил жизнь самоубийством...

По прибытии в Копенгаген я немедленно отправился в Дагмархус, где намеревался встретиться с д-ром Бестом, чтобы проинформировать того о моей миссии. Пока я ждал его, на улице собиралась все возрастающая толпа в ожидании предстоящей передачи страны Германией. Раздавались выстрелы, подъехали полицейские и санитарные машины. Мне стало ясно: д-ру Бесту через это людское скопление не пробраться. Но дольше я ждать не мог, мне надо было во что бы то ни стало попасть в шведское посольство. После долгих переговоров с эсэсовской охраной Дагмархуса в колнучей проволоке ограждения проделали дыру, я проскочил через нее и сел в машину графа Бернадотта.

Хотя водитель старался избегать самых оживленных улиц, тысячи людей, сразу же узнавших автомобиль Бернадотта, с ликованием окружили нас, и мы не могли двинуться ни назад, ни вперед. Некоторые энтузиасты взобрались на подножки, на капот, даже на крышу машины. Я запер дверь изнутри, поднял стекло, боясь, как бы меня не выгнали наружу. Мы смогли двигаться только благодаря выдержке и мастерству водителя. Тем временем, чтобы утихомирить толпу, я непрерывно приветствовал людей, приподнимая шляпу. Когда мы наконец все-таки добрались до шведского посольства, я чувствовал себя так, словно побывал в парилке. И даже когда я здоровался с господином послом и его супругой, с улицы перед посольством доносился такой шум, что мы не могли слышать почти ни слова. До нас доносились звуки датского и шведского национальных гимнов, несшиеся из тысяч глоток.

Приняв меры для подготовки своей поездки в Стокгольм, я вернулся в отель "Англетер", чтобы несколько часов отдохнуть. У здания нас снова остановили бойцы датского Сопротивления. Но когда они узнали шофера и тот сказал им, что я — швед, нас пропустили.

Утром 6 мая я на самолете Красного Креста, принадлежавшем графу Бернадотту, вылетел в Стокгольм. В 07.15 утра мы приземлились в Мальмё, где нас ожидала шведская автомашина. Через какие-то два часа мы доехали до Бромы. Там меня забрал с собой фон Острём и доставил в дом Бернадотта, где сразу же началась беседа с фон Постом и статс-секретарем Бёманом.

Я предъявил свой аккредитационный документ и разъяснил мою миссию. После оживленных дебатов было решено, учитывая ход развития событий в Германии, обсудить все это с представителями западных держав в Стокгольме. Однако получить от них определенный ответ оказалось невозможно, напротив, пришлось учитывать тот факт, что в Стокгольм будет послана специальная союзническая комиссия генерала Эйзенхауэра. Я сразу же проинформировал генерал-полковника Бёме об итогах переговоров и по инициативе английского военного атташе в Стокгольме Соутона Братта передал заявление западных держав о возможности непосредственно связаться с Англией посредством коротковолнового радиопередатчика.

Теперь всплыл вопрос, признает ли Бёме мои полномочия и станет ли он соблюдать какие-либо принятые мною вместе со шведами соглашения. Я предложил: пусть посланник Томсен и [германский] военный атташе генерал Утман полетят на норвежский фронт, чтобы обсудить с генералом Бёме мою миссию.

Утром 8 мая туда на шведском самолете отправился Томсен. Сначала он

встретился с одним из высших офицеров штаба генерала Бёме. После обеда Томсен позвонил мне и сообщил, что имеются разногласия, о которых он по телефону говорить не может, а потому хочет к 6 часам вечера вернуться в Стокгольм. Фон Пост и граф Бернадотт посоветовали мне связаться с Дёницем и известить его о том, что о моих полномочиях генерал-полковник Бёме еще не проинформирован.

Затем мы составили обширный доклад гросс-адмиралу и нам удалось связаться по телефону с Осло. Но слышимость была настолько плохой, что толку от этого разговора почти никакого не было. Во второй раз мне все-таки удалось поговорить с фон Крозигом без помех. Он сказал, что прошлой ночью Германия безоговорочно капитулировала; ведутся соответствующие переговоры на более низком уровне. Я должен действовать осторожно, чтобы не вызвать раздражения у генерала Эйзенхауэра, так как сейчас идут переговоры по норвежскому вопросу. Он рекомендовал мне предложить шведскому правительству, если оно все еще заинтересовано в своем вмешательстве, немедленно установить контакт с западными державами.

Шведы, со своей стороны, заявили, что больше ничего сделать нельзя, ибо как датский, так и норвежский вопросы теперь — всего лишь составная часть общих переговоров о капитуляции. Они хотят выждать и поглядеть, попросят ли союзники Швецию быть посредником.

9 мая 1945 г. я имел последний телефонный разговор с исполняющим свои обязанности германским правительством. Речь опять шла о подключении шведского Красного Креста к интернированию германских войск в Норвегии. Но мне было сказано, что для английских военных властей такое вмешательство нежелательно.

В моих услугах больше не нуждались.

И.М. Савельева. АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МИР: МОДЕЛИ И ИДЕАЛЫ. М.: изд-во "Наука", 1990, 208 с.

В монографии д.и.н. И.М. Савельевой, старшего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, анализируется волна нового (альтернативного) мышления в Западной Европе и США в 70–80-е годы. Эти годы характерны выдвиганием и все более широким распространением таких идей дальнейшего развития общества, которые декларируют полный разрыв с господствующими традициями индустриализма и урбанизма, массового потребления и массовой культуры, загрязнения окружающей среды, с другими материальными и духовными реалиями современной капиталистической цивилизации. В противовес им провозглашаются самодостаточность человеческой личности, ее гармонии с природой и окружающим миром, необходимость разумного ограничения производства и потребления, ненасильственного переустройства мира по утопическим проектам равенства и коллективизма. Главное, что, по мысли автора, присуще всем таким течениям – от движения "зеленых" и различных гражданских инициатив до перехода к новому стилю жизни по типу коммун – это убежденность в том, что современное капиталистическое общество зашло в тупик и должно развиваться по альтернативным моделям. Их приверженцы претендуют на разработку некоего "третьего пути", что отражает разочарование как в традиционном буржуазном демократизме, так и в "реальном социализме", в содержании коммунистической идеологии.

Объединяя весь спектр идей, лозунгов, концепций, проектов и практических действий, реализующих указанные принципы, в "альтернативный мир", автор анализирует его основные компоненты в сфере экономики, государственного устройства, этики, морали и т.п., исследует стратегию и тактику альтернативистов, выявляет элементы сходства и пункты пересечения их идей с господствующими идеологическими системами. В книге рассмотрено соотношение альтерна-

тивных идей не только со взглядами "новых левых" 60-х годов, но и со всей утопической традицией, что придает авторской концепции необходимый исторический, а точнее – историко-философский компонент.

Исследование целого пласта идейной жизни постиндустриального общества, предпринятое И.М. Савельевой, можно с полным основанием назвать комплексным и многосторонним. С сожалением отметим лишь отсутствие в нем историографического обзора, в частности, ссылки на монографию Г.Г. Дилигенского¹, которая тематически и концептуально предшествует работе И.М. Савельевой. Но к концу 80-х годов идейные течения, о которых идет речь, получили более оформленный вид. В связи с этим их исследованию был придан иной ракурс, использовался другой понятийный аппарат, а базовая оценка современного капитализма освободилась от идеологических догм.

На страницах рецензируемой книги мы не встретим ни изображения общественных процессов современного капитализма в черно-белых красках, ни банального вывода о "буржуазной, классово ограниченной" новых, но не марксистских идей. Автор использовала другие качественные измерения, прибегая к построению формально-логических моделей, решению смежных политологических и культурологических задач. И.М. Савельева впервые попыталась показать и проанализировать (с. 70–78) связь альтернативных движений с долгосрочными колебаниями экономической конъюнктуры (так называемые длинные волны, или экономические циклы Н.Д. Кондратьева).

Автор подчеркивает, что основа появления альтернативных движений – демографический кризис, ядерная опасность, эколо-

¹ Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели. Проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., 1986.

гическая угроза – проблемы глобальные, решить которые под силу только "всем миром", что же касается альтернативного мировоззрения, то это прежде всего реакция буржуазной культуры на собственную нравственную несостоятельность: материальные достижения цивилизации не способны удовлетворить духовные запросы человека (с. 184–185).

На первый взгляд, может показаться странным, почему в книге нет описания "правых" альтернатив, например неофашизма. Упоминаются лишь правоконсервативные силы, а не альтернативы (с. 10). Но из работы видно, что даже крайне правые политические течения не выходят за рамки традиционной системы, так как не противостоят ей принципиально, как альтернативные. Действительно, можно ли говорить о какой-то "правой" альтернативе индустриализму, экологической угрозе, массовой культуре, а заодно и бюрократизму, милитаризму, централизму, диктатуре, жажде наживы? Реакция на них в обществе однозначна: либо их приемлют, либо – нет, т.е. здесь не существует двух альтернатив – как "левой", так и "правой".

Но можно ли, если подойти к проблеме исторически, утверждать, что альтернативные идеи всегда располагались только по одну сторону от традиционных или господствующих? Иными словами, была ли только одна альтернатива или (в одно и то же время) их могло быть несколько? Идеал тоталитарного государства, как "антиутопия", противостоял всем традициям и системам – либерализму, демократизму, даже монархизму, и во всех сферах – в экономике, политике, идеологии. Разве фашизм или сталинизм нельзя назвать осуществившимися альтернативами другим, традиционным путям развития? Для большей дифференциации понятий² в книге следовало бы использовать и такие термины, как вариант, иная возможность развития (не всегда противоположная), неформальный или независимый проект, оппозиционность.

Автор придерживается широкой трактовки спектра альтернативных идей и движений. Но всегда ли существование "вне традиции" подразумевает альтернативность? То, что носители нетрадиционных социальных идей сами себя считают альтернативистами (с. 20) – это одно, а вот всегда ли и насколько их проекты строго альтернативны, т.е. предпо-

лагают крайний выбор между исключаящими друг друга возможностями, – это другое. Так, в движении "зеленых" присутствует как альтернативный компонент, о котором пишет автор (неприятие всей системы общественных отношений, порождающей экологическую угрозу), так и неальтернативный, прагматический, заключающийся, например, в простых требованиях закрыть или переоборудовать то или иное экологически вредное производство на местах. Точно так же и отдельно взятые феминистские, молодежные и другие гражданские движения по своей сути не обязательно альтернативны, хотя они и могут объявлять себя таковыми. Это следовало бы в книге выразить четче.

И.М. Савельева пишет об эклектичности, нечеткости, подвижности альтернативного мира, о некоторой неопределенности его границ и в то же время решительно подчеркивает принципиальную новизну его содержания, видит его как реакцию на новые, свойственные нашему времени проблемы капиталистической цивилизации, выводит альтернативу за рамки привычной системы координат (старое – новое, консервативное – радикальное, левое – правое). Все это в конечном итоге призвано отграничить альтернативный мир от реально существующего, наделить его системными признаками, что автору и удалось сделать.

Нельзя не сказать и о другой стороне книги И.М. Савельевой – ее работа невольно наводит на мысль о современной ситуации в нашем обществе, для которого проблема выбора, альтернативы необычайно актуальна. Интересно то, что здесь альтернативы формируются как по общим с Западом направлениям – экологическому, антивоенному, антибюрократическому, децентралистскому, так и по противоположным – прежде всего в области экономической, в вопросе создания рыночной экономики.

И.М. Савельева считает, что прагматическая сторона альтернативных идей на Западе – необходимость, осуществимость, целесообразность – не столь важна, поскольку речь идет об утопиях. Автор не забывает о том, с трагедиями какого масштаба сопряжено экспериментальное воплощение социалистического идеала. Однако она утверждает одновременно, что "каким бы он ни был далеким и вульгаризованным на практике, сколько бы ни использовали его как лозунг, как средство политической манипуляции, концепция социализма создала духовную основу для идеологии, обладающей большой убеждающей силой" (с. 43). Этого "вдох-

²См. *Ковальченко И.Д.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии. – *История СССР*, 1986, № 4.

новляющего идеала” лишена традиционная капиталистическая система, какой бы эффективной, гуманной, созидательной она ни была. Помимо “чистого” утопизма альтернатива почти всегда содержит позитивные элементы, рациональное зерно, а ее творцов нельзя обвинить в интеллектуальной немощи, в неспособности вести борьбу. Их идеи обладают большой привлекательностью для

тех, кто живет в постиндустриальном мире и пресыщен его реалиями.

Не замыкаться в собственных границах, а открывать новые горизонты, будить мысль, вызывать читателя на диалог – свойство умной, талантливо написанной и остросовременной книги И.М. Савельевой.

Б.М. Штогов

Н.В. Курков. АМЕРИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА. 1919–1936. М.: изд-во “Наука”, 1990, 252 с.

Книга старшего научного сотрудника сектора истории США Института всеобщей истории АН СССР д.и.н. Н.В. Куркова посвящена деятельности Американской федерации труда (АФТ) в 1919–1936 гг. Этот период в истории рабочего движения США советскими специалистами в общем исследовался: и подъем революционных, демократических сил в 1919 г. и создание Конгресса производственных профсоюзов в 1936 г.; меньше, но освещалась роль профсоюзов в избирательной кампании 1924 г. Показывалось и участие АФТ в этих ключевых для Америки событиях, правда, в самом общем виде и с позиций идеологизированного осуждения и “разоблачения”. А вот цельного комплексного изучения сложных и неоднозначных процессов внутри АФТ, определивших ее успех в 20-е годы и крах в 30-е, еще не было. Поэтому обращение Н.В. Куркова к истории АФТ этого периода заполняет пробел в советской американистике.

Н.В. Курков пытается по-новому взглянуть на внутреннюю жизнь АФТ, оценить ее эволюцию в драматических условиях первой половины XX в., показать и объяснить борьбу течений в федерации, поведение рабочих масс и их вожаков.

Автор привлек большой круг источников из архивов США, многообразную документацию АФТ от ее низовых организаций до верхушки, профсоюзную прессу от центральных органов до изданий отдельных ячеек (локалей). Он проделал кропотливую, трудоемкую, но всецело оправдавшую себя работу над письмами трудящихся в различные газеты и журналы.

Н.В. Курков опирался на богатую литературу по теме, анализ которой дается в недавно депонированном специальном очерке¹. Были использованы труды советских

и американских историков, а также философов, политологов, социологов, специалистов по социальной психологии. Сделана попытка заново оценить труды представителей коммонсовско-висконсинской школы, внесших серьезный вклад в дело защиты американских профсоюзов. Рассмотрены достижения и недостатки “новой социальной” и “новой рабочей истории”. К сожалению, автор не всегда выдерживал линию на взвешенный и объективный подход, вновь прибегая к “избитым клише” при рассмотрении немарксистской историографии. Уклонился он и от анализа произведений своих предшественников – советских историков. Они сделали много и заслужили уважение как первопроходцы темы. Но остается фактом и их неоправданно жесткий идеологизированный подход к АФТ и Конгрессу производственных профсоюзов (КПП), осужденных ими как “агентура Уолл-стрита” в рабочем движении.

Но в главном автор старается разобраться уже с новых позиций. В книге показано, как созрел, развивался и нашел разрешение кризис гомперсизма – идеологии и практики узкоцехового профсоюзного движения, рожденного в условиях уходящего в прошлое этапа классовой борьбы. Автор подчеркивает, что Гомперс и АФТ более полувека возглавляли рабочее движение США, верно отражали нужды и требования большей части рабочих, отвечали своему времени. Но сменилась эпоха и растущее движение рабочих масс обогнало Гомперса, отбросило старые организационные и иные принципы и формы, создало новые.

В книге рассмотрена эволюция АФТ, показывается, как эта рабочая организация, и так не страдавшая избытком радикализма, не смогла найти ответы на вопросы, поставленные процессом радикализации части рабочих, отстала от хода событий. Ее отрыв от масс стал грандиозным после мирового экономического кризиса 30-х годов. Н.В. Кур-

¹Курков Н.В. Некоторые проблемы истории АФТ 1920–1930-х годов в историографии США. М., 1990.

ков раскрывает причины и корни краха АФТ, показывает различные факторы, приведшие к нему. В этой связи обращает внимание, пожалуй, впервые так широко проведенный анализ роли и значения мировоззренческих и психологических факторов. Впервые в советской литературе поднят вопрос о личных взглядах и поведении профсоюзных деятелей, даны их яркие портреты. Наиболее удачна характеристика Дж. Льюиса (с. 244–245). Автор отошел здесь от старых штампов и поисков только "классовых" объяснений, он рассмотрел также и личные мотивы, определявшие те или иные поступки рабочих лидеров.

Автор оценивает деятельность АФТ как сложную и многообразную, не сводит ее, как в прошлые времена, к "измене", "заговору" и т.п. В монографии выдвинут интересный тезис о том, что успехи политики "классового сотрудничества" 20-х годов подготовили, и даже ускорили "взрыв" Федерации и создание КПП при резком изменении ситуации.

Н.В. Курков подходит к теме комплексно, учитывая события и процессы, на первый взгляд не относившиеся к АФТ, но влиявшие на деле на ее положение и политику. Детально освещена избирательная кампания Р. Лафоллета. Автор оценил ее как крупнейшее в истории США выступление третьей партии при ведущей роли профсоюзов, рабочего движения. С использованием новых источников и литературы рассмотрены возникновение КПП и некоторые страницы истории "нового курса", в частности появление закона Вагнера. В работе анализируется эволюция настроений рабочих — и лидеров, и рядовых. В книге поднят сложный теоретический вопрос о классовом самосознании американского рабочего, о сочетании в нем антимонополистических и антикапиталистических элементов (а это, конечно, далеко не одно и то же), о степени радикализации этого сознания, его приближения к идеалам социализма. Н.В. Курков стремится уйти здесь от старых оценок, но, как нам представляется, не везде ему удается это сделать и дать полностью взвешенную, с четко определенными пропорциями характеристику настроений рабочих.

В тесной связи с отмеченной выше проблемой находится и вопрос об оценке деятельности левых организаций, в том числе Коммунистической партии США. Они имели большие заслуги перед американ-

ским рабочим движением. Но ведь известно и то, что долгое время в своих подходах к рабочему движению в 20–30-е годы американские левые находились в плену сталинских сектантских представлений о мировой революции, рабочем движении, роли революционной профсоюзной оппозиции и др.

В завершающей части исследования выдвигается интересный тезис о "триаде" периодов в истории рабочего движения в США XX в. Хотелось бы все же уточнить соотношение этих периодов, их отличия и общие черты, а также перспективу развития в свете идеи о "триаде".

Есть замечания и по структуре книги. Монография состоит из пяти глав и первая из них посвящена выборам 1924 г., а затем идет глава о событиях 1918–1924 гг. Конечно, любое размещение материала — дело автора. Но в таком случае он обязан как-то объяснить свои намерения. Н.В. Курков, на наш взгляд, напрасно приводит уже устаревшие оценки У. Фостера или выдернутые из исторического контекста замечания В.И. Ленина. Здесь не спасает простейший прием: "Говоря словами Ленина..." (с. 208, 231), и поэтому ленинский анализ вполне конкретных исторических явлений и фактов превращается в обыкновенный штамп.

Книге не хватает введения, где было бы коротко рассказано об обстановке в мире, в США и в американском рабочем движении в начале века. Желательно было бы подробнее охарактеризовать социалистов и профсоюзы, не входившие в АФТ, в частности братства железнодорожников, консервативные по составу и характеру, однако сыгравшие неожиданно радикальную роль в кампании Р. Лафоллета. Но, видимо, объем книги не позволил сделать этого.

Очень жаль, что в монографию "не вместились" весьма интересная проблема внешнеполитических позиций АФТ, хотя в свое время автор интенсивно изучал ее. Исследование этого вопроса, несомненно, следует продолжить.

В целом монография Н.В. Куркова привлекает новизной постановки ряда важных теоретических и конкретно-практических проблем истории АФТ, использованием свежего фактического материала. Книга написана профессионально, читается с интересом. Она займет достойное место в ряду работ по истории классовой борьбы и демократических движений в США.

Б.Д. Козенко

Рассматриваемая монография является обобщающим итогом многолетних совместных трудов Б.С. Абаляхина и В.А. Дунаевского на nive историографических исследований событий 1812 г. Советская наука проявляла постоянный и все возрастающий интерес к теме войны 1812 г. Историография героической эпопеи насчитывает тысячи работ советских историков, а потому назрела необходимость подвести итоги их большой и плодотворной работы.

Для решения этой задачи авторы привлекли широкий круг историографических источников. Предметом их исследования стали не только монографии, научные статьи, диссертации, но и публикации документов, обзоры архивных материалов, отчеты о научных конференциях, рецензии. В основу изложения положен проблемно-хронологический принцип.

В первой главе проведен обстоятельный анализ точек зрения К. Маркса и Ф. Энгельса на войну 1812 г. Разобрано более чем 50 их работ и, что особенно важно, учтена специфика источников, использованных К. Марксом и Ф. Энгельсом. Отмечено, что уровень тогдашней исторической науки оказал влияние на их оценки отдельных событий и процессов.

В изучении советскими историками Отечественной войны 1812 г. авторы выделяют три этапа, границы между которыми пролегли по середине 40-х и рубежу 50–60-х годов. Такая периодизация вполне обоснована и сомнений не вызывает. Авторы подробно излагают содержание каждого этапа, прослеживают основные тенденции развития данной отрасли историографии, а именно: постепенное нарастание интереса к теме войны 1812 г., расширение спектра проблем, переход от изучения исключительно военных аспектов ко всестороннему освещению противоборства в экономической, политической, дипломатической, идеологической сферах; введение в научный оборот значительного корпуса новых источников, прежде всего архивных, рост количества публикаций документов и повышение их научного уровня; распространение критического подхода по отношению не только к дооктябрьской и зарубежной, но и к предшествующей советской литературе. Оправданно выделение авторами в отдельную главу вопросов, связанных с освещением боевых действий на северном и южном направле-

ниях, участия народов России в войне, помощи армии всего населения страны.

Развитие историографии темы прослежено на фоне основных событий советской истории. Отмечено негативное влияние на эту область исторической науки догм сталинизма, юбилейных торжеств, некоторых официозных документов.

Авторы не ограничились беспристрастной регистрацией чужих мнений, сухим перечнем научных открытий и заблуждений. Они высказывают свою точку зрения или присоединяют свой голос к наиболее обоснованному, на их взгляд, суждениям. Корректны и объективны их мнения об итогах и значении Бородинской битвы (с. 85–86), о первоначальных планах Наполеона в войне с Россией (с. 46, 49, 58, 155–157), о причинах московского пожара (с. 54, 106, 112, 123), о результатах диверсии конницы Платова и Уварова при Бородине (с. 66, 135, 165, 217), о деятельности М.И. Кутузова и М.Б. Барклая де Толли (с. 90, 115, 139, 162) и др.

Принципиальное значение имеет оценка авторами работ военных историков (А.И. Верховского, А.А. Свечина и др.), опубликованных в 20-е – начале 30-х годов (с. 45–47). Ранее эти труды либо вообще старались не замечать, поскольку названные авторы были репрессированы, либо упомянутые военные историки представлялись в качестве "проводников" концепции М.Н. Покровского¹; что ни в коей мере не соответствует действительности.

Однако не со всеми подходами и выводами авторов можно согласиться. Анализ воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса на войну 1812 г., безусловно, необходим, поскольку эти взгляды (догматизированные, впрочем, эпигонами) в течение нескольких десятилетий брались за основу советской наукой при рассмотрении данной темы. Но есть ли смысл выискивать у них буквально все, что они обронили, зачастую случайно, к слову, о войне 1812 г.? Какое значение для науки имеет, когда Маркс впервые вскользь коснулся этой темы, сколько раз Энгельс упоминал о Бородинской битве? В чем значительность таких, например, цитат: "война подвергает нацию испытаниям" (К. Маркс), "смешно не знать военной истории", "дого-

¹ *Троицкий Н.А.* 1812 год – великий год России. М., 1988, с. 6.

вор есть средство собирать силы" (В.И. Ленин).

Односторонне и категорично утверждение авторов, что в первые годы "советской науке приходилось преодолевать негативное влияние дворянской и буржуазной историографии" (с. 238). Следовало подчеркнуть, что после революции произошло явное снижение научного уровня изучения темы, было утеряно много положительного, наработанного в дореволюционной науке, распространилось примитивное идеологизирование, пренебрежение фактами. И в первую очередь — не ошибочная концепция М.Н. Покровского, которую авторы справедливо критикуют, была причиной этого упадка, но насильственное прерывание богатейшей отечественной научной традиции.

Спорными кажутся и некоторые конкретные выводы авторов, например о том, что к концу Бородинской битвы Кутузов имел еще достаточно войск, чтобы отразить атаку французской гвардии (с. 29). Не само сражение у Тарутино побудило Наполеона к отступлению из Москвы (с. 59), оно лишь ускорило этот процесс. Авторы правильно указали, что следует еще разобраться в причинах замедленного продвижения Жерома и Даву при преследовании Багратиона, но действия донцов Платова вряд ли были главной тому причиной. Казаки остановили не армию Жерома, которая тащилась чрезвычайно медленно, а только ее вырвавшийся далеко вперед авангард, состоявший из легкой, частично необученной кавалерии. Пожалуй, преувеличением будет называть бои под Миром и Романовым сражениями, а их совокупность "целой серией успешных операций" (с. 213). Располагая более чем двойным превосходством в силах, Платов разгромил здесь сначала три, потом шесть, наконец один кавалерийский полк. Также слишком громко называть украинское ополчение "стратегическим резервом русской армии" (с. 207). Сомнение вызывает и цифра в 130 тыс. вражеских солдат, выведенных из строя на южном фронте (с. 211), если учесть, что группировка противника здесь на протяжении всей войны не превышала 50–60 тыс., а подкреплений — 20 тыс. Реальное число польско-литовских войск было втрое ниже планировавшегося, численность дивизии А. Косинского завышена авторами вдвое (с. 205).

Слабо аргументирован вывод о том, что достижения советской науки оказывают влияние на зарубежных историков (с. 240). Единственный приведенный пример может оказаться как раз исключением. Наконец,

мелкие уточнения: Ц. Ложье служил в итальянской королевской гвардии; под командой Жерома был не один, а три корпуса; корпус Г. Сен-Сира был не резервным, а 6-м армейским (с. 71, 94, 198).

Но в целом авторы успешно решили стоявшие перед ними задачи. Важнейшей положительной чертой монографии Б.С. Абахилина и В.А. Дунаевского является объективный и критический подход к материалам исследования. Констатируя несомненные достижения советской историографии, авторы вместе с тем фиксируют внимание читателя на нерешенных еще проблемах, спорных или слабоосвещенных вопросах. Дальнейшей разработки требуют такие вопросы, как: роль экономического фактора в Отечественной войне и ее экономические последствия; стратегический план Наполеона; место петербургского и киевского стратегических направлений; причины московского пожара; социальная политика Наполеона; вклад народов Поволжья, Урала и Сибири в победу над врагом. Отсутствуют обобщающие труды о Бородинском сражении, об истории партизанского движения. Нуждается в освещении заключительный этап войны; объективного подхода требует исследование деятельности донских казаков; не изучена в должной мере роль иррегулярной конницы. Авторы справедливо подчеркивают, что советские историки весьма редко привлекают новейшую иностранную литературу и не ведут в должной мере ее критического анализа. Необходимо обстоятельно ознакомиться с материалами зарубежных архивохранилищ, максимально учесть иностранные источники, отложившиеся в советских архивах.

Критический настрой авторов заставляет задуматься и о многих штампах, кочующих в нашей литературе, как например: крестьянство в 1812 г. боролось против "самодержавно-крепостнического гнета" (с. 173). Позволительно усомниться в корректности этого утверждения, поскольку в нем подспудно элиминируются вековые монархические иллюзии русского народа. Добавим еще одно общее впечатление. Авторы выделяют три "взрыва" особого интереса советских историков к войне 1812 г., и все они оказываются связанными с празднованием какого-то юбилея (с. 238–239). Само по себе это неплохо, ибо свидетельствует о сохранении в народе исторической памяти, но думается все же, что научное изучение героической эпопеи должно диктоваться не приближением связанной с празднованием какой-то юбилея даты и не очередным постановлением директивных органов, а логикой

развития самой науки. Это требует, в свою очередь, координации усилий всех ученых, интересующихся данной проблематикой. В будущем таким координирующим центром мог бы, к примеру, стать недавно воссозданный "Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812г." Сейчас же функционально сходную роль как раз и выполняет монография Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского. В ней говорится о перспективах будущих исследований, выделяются спорные вопросы и малоизученные проблемы. Обширные ссылки на литературу представляют самостоятельный библиографический интерес, особенно для начинающих исследователей.

Хотелось бы присоединиться к мнению авторов монографии, что сейчас назрела потребность в создании фундаментальной

"Истории Отечественной войны 1812 г.", охватывающей все основные аспекты борьбы народных масс России против наполеоновского нашествия.

И наконец, последнее. Даже с учетом всех трудностей, с которыми приходится сталкиваться издательствам в настоящее время в области полиграфии, приходится удивляться мизерности тиража (1500 экз.) рецензируемой книги, в целом прекрасно изданной. К сожалению, при его определении далеко не всегда учитываются интересы читателей. Ведь только один музей-панорама "Бородинская битва" сделал заявку на книгу Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского в количестве 10 тыс. экземпляров.

А.И. Попов

V. et J.-P. Coindet. LA FRANCE À LONDRES. Rénaissance d'un Etat (1940–1943). Paris, 1990, 272 p.

М.и Ж.-П. Куанте. ФРАНЦИЯ В ЛОНДОНЕ. Возрождение государства (1940–1943). Париж, 1990, 272 с.

В ноябре 1990 г. во Франции и в других странах торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения генерала Шарля де Голля. Оно было ознаменовано усилением потока литературы о голлизме и многими общественно-научными мероприятиями. Самым крупным из них явилась международная научная конференция "Де Голль и его век", организованная в Париже Институтом Шарля де Голля. На конференции присутствовали историки и общественные деятели из 60 различных стран, в том числе делегация советских историков во главе с директором Института всеобщей истории АН СССР А.С. Чубарьяном.

Конференция открылась вступительным словом премьер-министра Франции М.Рокара; ее участниками было представлено 495 докладов. Примерно две трети из них посвящались деятельности де Голля в качестве президента Пятой республики, около 40 докладов – истории голлистского движения во время второй мировой войны, немногим более 10 – голлизму в годы Четвертой республики.

Это соотношение отражает состояние научной литературы. Французские историки, политологи, журналисты написали более

1 тыс. работ о де Голле и голлизме¹, но чаще всего в них исследуется период Пятой республики. Даже деятельности де Голля в годы второй мировой войны, когда его имя впервые приобрело мировую известность, уделяется меньше внимания. В частности, слабо изучена история первой голлистской организации – движения "Свободная Франция", основанной де Голлем в Лондоне после поражения Франции летом 1940 г.

Впервые специальную работу на эту тему написал известный французский историк А.Мишель. Его небольшая научно-популярная книга вышла в свет в 1963 г.² и долгое время оставалась единственной. Лишь в 1975 г. сотрудник Парижского университета Ж.-П.Куанте опубликовал историографический обзор о "Свободной Франции"³, а в 1990 г. – совместно с профессором Мишель

¹ *Новиков Г.Н.* Французская публицистика и научная литература о Шарле де Голле и голлизме. 40–80-е годы. Шарль де Голль. К 100-летию со дня рождения. – Французский ежегодник, 1988. М., 1990, с. 103.

² *Michel H.* Histoire de la France libre ("Que sais-je?"). Paris, 1963.

³ *Coindet J.-P.* La France libre. Paris, 1975.

Куанте — издал сравнительно подробную историю "Свободной Франции".

Поскольку французские архивы периода второй мировой войны открыты еще не полностью, М. и Ж.-П. Куанте основывали свою работу главным образом на изучении богатой мемуарной литературы и публикаций "Свободной Франции". Кроме того, им удалось привлечь некоторые документы французских и английских архивов. Авторы рассказали процесс становления "Свободной Франции", идейно-политические позиции ее руководителей и сторонников, взаимоотношения "Свободной Франции" с правительствами Великобритании и США. Большое место они уделили связям "Свободной Франции" с движением Сопротивления, партиями и профсоюзами, нелегально действовавшими на территории Франции, а также борьбе де Голля с генералом Жиро за лидерство в освободительном движении.

Основная мысль книги выражена в ее подзаголовке "Возрождение государства". По мнению М. и Ж.-П. Куанте, де Голль, находясь в эмиграции, сумел создать "Францию в Лондоне", заложить основы нового французского государства и правительства, которое с 1940 г. приступило к управлению частью французских колониальных владений, а в 1944 г. стало законным правительством Франции.

Началом деятельности "Свободной Франции" авторы справедливо считают призыв де Голля не мириться с поражением и продолжать борьбу против Германии, переданный по лондонскому радио 18 июня 1940 г.. Авторы отмечают, что хотя этот призыв был обращен прежде всего к французам, оказавшимся в Англии и в то время лишь немногие услышали его и обратили на него внимание (с. 38), он тем не менее сыграл большую идейно-политическую и пропагандистскую роль. "Призыв далеко не достиг первоначально намеченной цели, но он положил начало основополагающему мифу крупного исторического движения" (с. 39).

Авторы рассмотрели состав и мотивы действий первых сторонников "Свободной Франции", выяснили условия их жизни и деятельности в Лондоне. Они показали, что среди первых сторонников де Голля, численность которых летом 1941 г. составляла около 3 тыс. человек, преобладали молодые солдаты, офицеры, летчики и моряки, заброшенные в Лондон превратностями войны (с. 58). По социальному происхождению примерно половину из них составляли рабочие и служащие, среди остальных преобладали студенты, чиновники и военные (с. 65). В ближайшее окружение де Голля

входили по преимуществу офицеры и чиновники среднего ранга, а также несколько журналистов.

Вслед за А. Мишелем и другими специалистами М. и Ж.-П. Куанте отмечают, что в руководстве "Свободной Франции" доминировали "правые патриоты", "германофобы" и "антипарламентаристы, склонявшиеся к тоталитаризму" (с. 170), но подчеркивают, что там были и люди левых взглядов, в том числе радикалы и социалисты (с. 66—67).

Первые шаги "Свободной Франции" были трудными. Почти никто из видных политических и военных деятелей довоенной Франции не присоединился к де Голлю. Действовавшее во Франции правительство Виши разжаловало де Голля и отдало его под суд, который заочно приговорил "бывшего генерала" сначала к тюремному заключению, а затем к смертной казни по обвинению в "дезертирстве", шпионаже и "измене" (с. 104—107).

Английское правительство во главе с Черчиллем, заинтересованное в поддержании связей с Виши, оказывало де Голлю лишь ограниченную поддержку, отказываясь считать "Свободную Францию" временным эмигрантским правительством или хотя бы Национальным комитетом. Признанный английским правительством статус "Свободной Франции" был нарочито неясным: "Ни простой корпус наемников, ни союзное правительство в изгнании" (с. 50).

Исследуя борьбу де Голля за самостоятельность "Свободной Франции" и превращение ее в зародыш будущего правительства, авторы указывают, что "три фактора сыграли решающую роль: радио, присоединение части империи, образование комитетов "Свободной Франции" (с. 79). Благодаря постоянной радиопропаганде де Голль приобрел широкую популярность; комитеты "Свободной Франции", созданные во многих странах, заложили организационную основу голлистского движения, а переход на сторону де Голля некоторых французских колоний дал "Свободной Франции" независимую территориальную базу и возможность осуществлять там государственную власть.

С первых дней деятельности в качестве главы "Свободной Франции" де Голль решительно выступил против правительства Виши, которое сотрудничало с оккупантами и установило во Франции режим фашистского типа. Авторы показывают, что сначала де Голль осуждал Виши за подчинение требованиям оккупантов, с осени 1940 г. добавил и обвинение в том, что правители Виши фактически ликвидировали республикан-

скую форму правления, а через год выступил с безоговорочным осуждением тоталитарных режимов. В результате произошло "присоединение генерала де Голля к демократии и республике", хотя "только начиная с 1942 г. ссылки на республиканские ценности делаются более многочисленными и более ясными (с. 170, 172).

Исследуя взаимоотношения "Свободной Франции" с движением Сопротивления, авторы критикуют распространяемое многими деголлевцами предствление о том, что движение Сопротивления возникло в ответ на призыв де Голля. По их мнению, "было бы ошибочным утверждать, что внутреннее Сопротивление возникло в едином порыве вокруг призыва 18 июня, полностью вооруженное и единодушное" (с. 145). Организации Сопротивления были "созданы людьми в самой Франции без материальных связей с Лондоном", и к концу 1941 г. они еще не могли установить никаких официальных контактов с де Голлем (с. 146).

Однако, возникнув самостоятельно, организации Сопротивления в 1942 г. наладили связь со "Свободной Францией" и признали руководство де Голля.

В заключительной части книги авторы рассматривают процесс объединения сил генерала де Голля и генерала Жиро, в результате которого в 1943 г. был создан Французский комитет Национального Освобождения" (ФКНО), и "Свободная Франция" прекратила свое существование. Одобрив деятельность де Голля, который сумел отстранить Жиро и единолично возглавить ФКНО, авторы склонны видеть в этих событиях "решающий поворот во французской истории, как и в истории военного голлизма" (с. 235).

Книга М. и Ж.-П. Куанте не лишена пробелов и недостатков. Так, например, в ней ничего не сказано о важнейшей проблеме борьбы против "атлантизма" (выжидания), отношение к которой глубоко разделяло участников Сопротивления и деятелей "Свободной Франции". Авторы почти ничего не пишут о планах "Свободной Франции" и де Голля на послевоенное время и о подготавливаемых ими реформах. Они упоминают только о планах "Генерального комитета исследований", связанного со "Свободной Францией", но все же не являвшегося его частью. Сравнительно подробно рассмат-

ривая взаимоотношения "Свободной Франции" с правительствами Англии и США, авторы лишь упоминают о ее взаимоотношениях с СССР, во многом способствовавших росту международного авторитета "Свободной Франции". Слишком кратко и не всегда точно говорится о деятельности Французской коммунистической партии (ФКП). Авторы утверждают, что в 1940–1941 гг. компартия была "парализована советско-германским пактом 1939 г." и "занимала позицию против сопротивления" (с. 156).

Действительно, пакт 1939 г. создал большие трудности для французских коммунистов, однако их деятельность вовсе не была парализована. Только с июля по декабрь 1940 г. ФКП издала более 6 млн. экземпляров подпольных газет – во много раз больше, чем все остальные организации Сопротивления, вместе взятые. Осудив по требованию Коминтерна вторую мировую войну как империалистическую и выдвинув лозунг мира, ФКП тем не менее не выступала "против сопротивления". Она требовала свободы и независимости Франции, резко критиковала правительство Виши и более осторожно немецко-фашистских оккупантов. Оккупационные власти, как видно из их документов, неизменно считали коммунистов врагами и стремились "уничтожить ФКП"⁴.

Авторы утверждают, что в ноябре 1942 г. ФКП "вместо того, чтобы выбрать в качестве партнера социалистическую партию, поворачивается к де Голлю" и это означало "выбор союза с патриотической буржуазией в противоположность стратегии перегруппировки сил рабочего класса" (с. 180). На самом деле компартия призвала к союзу всех патриотов "от деголлевцев до коммунистов"⁵ еще в июле 1941 г. и не противопоставляла союз с патриотической буржуазией союзу с социалистами и другими организациями рабочего класса.

Несмотря на эти недостатки, книга М. и Ж.-П. Куанте полезна для всех, кто хочет получить представление о "Свободной Франции", военном голлизме и голлистском движении в годы второй мировой войны.

В. П. Смирнов

⁴ См. *Bourderon R. Avakoumovitch J. Détruire le PCF. Paris, 1988.*

⁵ *L'Humanité, 29.VII.1941.*

ИЗУЧАТЬ ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ ВО ВСЕМ ЕЕ МНОГООБРАЗИИ

В последнее время Министерство образования РСФСР уделяет много внимания проблемам преподавания новой и новейшей истории. В 1990 г. в министерстве состоялось заседание "круглого стола", в котором приняли участие известные ученые¹.

Мы полностью разделяем их тревогу за состояние изучаемой дисциплины и присоединяемся к высказанным ими суждениям, направленным на улучшение качества преподавания новой и новейшей истории.

На наш взгляд, главный порок заключается в том, что из-за крайне ограниченного лимита учебного времени студентам предлагается не изучение всемирной истории в ее единстве и многообразии, а усвоение лишь отдельных кусков, фрагментов.

Практически не изучается история таких стран, как Австрия, Бельгия, Голландия, Дания, Ирландия, Люксембург, Норвегия, Финляндия, Швеция, Швейцария, Австралия и Канада.

Из-за недостатка учебного времени весьма ретроспективно изучается новая и новейшая история государств Латинской Америки. А ведь за последние десятилетия во всех этих странах произошли и происходят глубокие социально-экономические и политические перемены, которые оказывают большое воздействие на мировой процесс.

На страницах советской прессы сейчас стали появляться публикации о шведском, голландском или датском феноменах, однако преподаватели новейшей истории до сих пор не имеют реальной возможности дать студентам даже краткий исторический обзор о развитии этих стран в современную эпоху. Трудности заключаются как в нехватке учебных часов, так и в отсутствии солидных новейших научных исследований.

За последние годы (1986–1990 гг.) журнал "Новая и новейшая история" не опубликовал ни одной статьи по новейшей истории малых капиталистических стран Европы.

Назрела необходимость издать специальное учебное пособие, так как имеющиеся разделы в учебной литературе общего характера по новейшей истории не выдерживают критики. Вызывает тревогу и то обстоятельство, что прогрессивно сокращаемая учебная сетка часов по курсу новой и новейшей истории сужает возможности глубокого изучения истории ведущих капиталистических стран – Англии, Германии, Франции, Италии, Испании и США. Возникла парадоксальная ситуация – эпоха новейшего времени растет от десятилетия к десятилетию, а количество часов, отводимых на ее изучение, значительно уменьшилось по сравнению с 40–50-ми годами.

Вопрос, который требует также безотлагательного решения, относится к изучению истории стран Восточной Европы после второй мировой войны – Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии (бывших социалистических стран).

Длительное время изучение истории стран Восточной Европы после второй мировой войны определялось потребностями идеологии. Учебная и научная литература страдали схематизмом и субъективизмом, а порою и прямыми искажениями происходивших там исторических событий. На примере истории этих стран необходимо было подтвердить закономерность перехода человечества от капитализма к социализму.

Однако глубокие социально-экономические и политические перемены, охватившие страны Восточной Европы на рубеже 80–90-х годов, заставляют по-новому взглянуть на весь ход их исторического развития в изучаемый период.

Бурные события конца 80-х годов изменили их политический облик. Страны Восточной Европы переходят к социалистическому на другой путь развития. Прекратили деятельность Совет Экономической Взаимопомощи и Организация Варшавского Договора.

Происходящие в странах Восточной Евро-

¹ См. Новая и новейшая история, 1990, № 6. с. 197–217.

пы структурные изменения имеют свои глубокие корни. Свыше 40 лет в этих странах насаждалась сталинская модель социализма, не имевшая ничего общего с идеями научного социализма. Во имя достижения амбициозных целей нарушались объективные законы общественного развития.

За всю свою историю так называемый реальный социализм так и не смог доказать своих преимуществ. В социалистических странах Восточной Европы обнаружили устойчивые тенденции к экономическому застою и упадку, к прогрессирующему снижению жизненного уровня трудящихся. Эти негативные тенденции выглядели анахронизмом на фоне достижений социально-экономического развития капиталистических стран Европы и США и вызывали растущее недовольство широких масс.

События 1953 г. в ГДР, 1956 г. – в Венгрии и 1968 г. – в Чехословакии нельзя рассматривать как происки только внутренней контрреволюции и империалистических кругов Запада. Прежде всего они были вызваны деформацией социально-экономического и политического развития.

Извращения и перегибы, допущенные руководителями стран Восточной Европы в ходе строительства социализма, привели к падению популярности самой социалистической идеи. Назревал глубокий политический кризис.

Трагическая судьба социализма в странах Восточной Европы состояла в том, что руководители правящих марксистско-ленинских партий оторвались от реальной действительности, потеряли живую связь с массами и до самого последнего часа ревностно защищали обанкротившуюся сталинскую модель извращенного социализма. Для многих из них события 1989 г. оказались полной неожиданностью. Отчаянные усилия руководителей марксистско-ленинских партий, направленные на сохранение политической гегемонии путем изменения названий и пересмотра своей стратегии закончились провалом в большинстве стран Восточной Европы. А в Польше, Румынии и Болгарии коммунистические партии вообще исчезли с политической арены.

Трудящиеся массы стран Восточной Европы выразили сомнение в способности бывших коммунистов построить общество гуманного, демократического социализма. Они предпочли поддержать путь развития, предложенный альтернативными политическими силами и основанный на принципах равноправия различных форм собственности, рыночной экономике, политическом плюрализ-

ме, обеспечении демократических прав и свобод граждан, их социальной защищенности.

В свете этих фактов становится еще более очевидным, что имеющаяся литература по истории стран Восточной Европы после второй мировой войны безнадежно устарела и не отвечает современным требованиям исторической науки. Подлежат пересмотру многие проблемы их истории – от антифашистского движения Сопротивления до строительства развитого социалистического общества. Между тем ученые, специалисты по истории стран Восточной Европы не спешат с выдачей новейшей научной продукции, если не считать нескольких материалов, опубликованных в журнале "Новая и новейшая история"² и явно не исчерпывающих всех поднимаемых в них проблем. Преподаватели, ведущие эти курсы, продолжают оставаться в трудном положении. Они ждут скорейшего издания специального методического пособия, учебной литературы, а также публикации документальных источников, без которых невозможно обеспечить научную подготовку будущих историков. Министрству образования РСФСР следовало бы организовать хотя бы двухнедельный семинар для преподавателей новейшей истории, на котором они могли бы получить необходимую информацию по интересующим их проблемам истории стран Восточной Европы после второй мировой войны.

Столь же критическое положение сложилось с изучением проблем международного рабочего и коммунистического движения. Многие из того, что написано до сих пор в этой области, не отвечает критериям научного познания. Необходимо издать новый обобщающий труд, прежде всего по истории коммунистического движения с анализом глубинных процессов, обусловивших его банкротство на рубеже 80–90-х годов. Преподаватели ждут также фундаментального исследования по современной истории социалистического и социал-демократического движения, в частности по истории Социнтерна. Необходима также широкая публикация

² Гиренко Ю.С. Иосип Броз Тито. Политическая биография. – Новая и новейшая история, 1990, № 2, 3; Мусатов В.Л. Янош Кадар и время реформ. – Новая и новейшая история, 1990, № 3; Потапов В.И. Судьба диктатора Н. Чаушеску. – Новая и новейшая история, 1990, № 4; Мусатов В.Л. Восточная Европа: процесс коренных перемен. – Новая и новейшая история, 1991, № 2.

документального материала по истории рабочего и коммунистического движения.

Классовый, партийный подход отрицательно сказался на освещении новейшей истории главных капиталистических стран Европы и США. Здесь также необходима коррекция многих проблем и методологических оценок происходивших в этих странах социально-экономических и политических процессов, внутренней и внешней политики, характеристик отдельных государственных и политических деятелей.

Нужен качественно новый учебник по новейшей истории, свободный от догматических шаблонов и надуманных схем.

Несколько слов о проблемной лекции. Пора от дискуссий переходить к конкретным делам. Дело в том, что специалисты ведущих вузов МГУ, МГПУ и другие до сих пор не издали ни одного курса проблемных лекций по новой и новейшей истории.

Надо создать коллектив энтузиастов, который бы в кратчайший срок решил эту задачу.

В заключение хотелось бы выразить поддержку требованию участников "круглого стола" включить изучаемый курс в перечень государственных экзаменов на исторических факультетах. Если курс всеобщей (всемирной) истории, на изучение которого в школьных программах отводится половина учебного времени, остается на задворках учебного процесса на исторических факультетах, то такое положение дел нельзя считать нормальным.

В.П. Викторов

профессор кафедры всеобщей истории
Брянского государственного
педагогического института
им. академика И.Г. Петровского,
доктор исторических наук

О СОСТОЯНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА НОВОЙ ИСТОРИИ В ПЕДИНСТИТУТАХ

В педагогических вузах курс новой и новейшей истории более других нуждается в содержательных переменах. Вузовские программы и учебники отстают. Создание альтернативных программ и учебников разрядит однообразие трактовки проблем курса.

Повышению уровня образования способствует историко-культурный подход к изучению истории зарубежных стран. На историческом факультете Владимирского государственного педагогического института с 1988/89 учебного года введен курс "История мировой культуры", читаемый преподавателями кафедр всеобщей истории и истории СССР. Лекционный курс и семинарские занятия вызывают значительный интерес студентов. Основные трудности в ведении этой дисциплины, особенно периода нового и новейшего времени, связаны с отсутствием специальной литературы и с тем, что имеется лишь единственное учебное пособие Л.Е. Кертмана¹.

Историко-культурный подход к изучению дисциплины требует изменения содержания курса новой истории в пединститутах. Публикации на страницах журнала "Новая и новейшая история" материалов по пробле-

мам ранних буржуазных революций, рабочего движения и колониализма, дискуссий о Великой французской революции способствуют выработке у студентов отношения к истории как к творчески непрерывно и динамично развивающейся науке. Однако на страницах журнала хотелось бы видеть более широко представленными исследования, являющиеся плодом совместного научного поиска историков, литераторов, юристов, искусствоведов. Чрезвычайно актуальной представляется проблема воздействия социокультурных утопий эпохи Просвещения на социально-политическую практику как революционного, так и контрреволюционного лагеря в период Великой французской революции.

Актуальное звучание в последние годы получила проблема построения правового государства. В этой связи хотелось бы видеть на страницах журнала дискуссионные материалы историков, правоведов, философов, анализирующие и переосмысливающие наследие французских и американских просветителей XVIII столетия по вопросу о роли конституции в правовом государстве как "акта не правительства, а народа, учреждающего правительство"². Нужна публикация

¹ Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки. 1870–1917 гг. М., 1987.

² Пейн Т. Избранные произведения. М.; 1959, с. 207.

документов, отражающих острую борьбу в 1787–1791 гг. в США за ратификацию конституции 1787 г. конвентами американских штатов.

Историко-культурный подход определяет необходимость более пристального внимания к истории религии и церкви в новое время (христианство и "культ Разума" во Французской революции XVII в.; "новое христианство" Сен-Симона и т.д.) и к религиозно-мистическим направлениям в общественном, особенно молодежном, движении зарубежных стран новейшего времени. Пристального изучения требует широко распространенное в США и других зарубежных странах "Движение Иисуса" (вольные группы "хиппи-христиан", вольные церковные общины; студенческие неохристианские группы, католики-пятидесятники, неохристианские секты). Нужен общечеловеческий нравственный критерий в оценке этого исторического явления, причин его возникновения, вовлечения в "Движение Иисуса" молодежи, в анализе его идеологии и социального состава.

Справедливо мнение участников "круглого стола" в Министерстве образования РСФСР по проблемам преподавания новой и новейшей истории в пединститутах³, что необходимы более совершенные альтернативные учебные планы, программы и учебники. Во Владимирском педагогическом институте количество часов на изучение курса новой и новейшей истории стран Европы и Америки в настоящее время увеличено до 340 часов.

Избавиться от "однобокости" в трактовке событий прошлого, от схоластических выводов и оценок более всего помогает самостоятельная работа студентов над курсом новой истории. Рациональная организация самостоятельной работы студентов-историков помогает повысить эффективность проблемных лекций, и особенно семинарских занятий. По курсу новой истории стран Европы и Америки каждый студент избирает тему углубленного исследования и получает возвратную консультацию. Индивидуальное задание студенту предусматривает самостоятельный анализ источников, исторической литературы, изучение историографии исследуемой проблемы. Студенческие сообщения, являющиеся результатом их самостоятельного исследования, включаются в контекст дискуссии по проблеме, рассматриваемой на семинарском занятии. Студенты анализируют источники (хрестоматии, практикумы,

сборники документов и др.), научную историческую и историко-художественную литературу, а также методические пособия для учителя. После обсуждения на семинарском занятии каждый студент получает задание подготовить письменную работу по курсу новой истории, максимально расширив круг источников, историографический раздел, включая зарубежную историографию проблемы и методический раздел, определяющий место данной проблемы в школьном курсе. По желанию студента исследование темы может быть продолжено для углубленного изучения и написания курсовой работы следующего учебного года. В этом случае объем анализируемых студентом источников и литературы расширяется максимально, включая фонды центральных библиотек Москвы, используемые по межбиблиотечному абонементу или в ходе научных студенческих командировок. Проводимая в следующем учебном году защита курсовых работ, при условии проведения индивидуальных консультаций преподавателем, позволяет выявить научный уровень студенческой работы и интерес автора к продолжению научного поиска. И если он достаточно высок, то курсовая работа перерастает в дипломную или в специальный вопрос на государственном экзамене выпускного курса. Лучшие дипломные работы рекомендуются к публикации.

Такая методика организации самостоятельных занятий студентов по новой истории позволяет оптимизировать процесс обучения, изучать проблемы социальной психологии, истории художественной культуры, общественной мысли.

Представляется заслуживающим особого внимания и одобрения предложение проф. П.И. Острикова, внесенное в ходе работы "круглого стола", максимально сконцентрировать чтение лекционных курсов и проводить семинарские занятия после прослушивания лекционного курса и сдачи экзамена по новой истории⁴. Думается, что при такой последовательности учебного процесса возрастет эффективность семинарских занятий и высвободится необходимое время для самостоятельной работы студентов.

Л.А. Зимулина

кандидат исторических наук,
доцент, зав. кафедрой всеобщей истории
Владимирского государственного
педагогического института

³ См. Новая и новейшая история, 1990, № 6.

⁴ Там же, с. 200.

В письмах, адресованных в редакцию журнала "Новая и новейшая история", читатели весьма заинтересованно откликаются на публикуемые в нем материалы, отмечают их достоинства и недостатки, высказывают критические замечания. Отвечая на вопросы анкеты, опубликованной в № 4 за 1990 г., "каким вы хотели бы видеть журнал" и "какие темы и проблемы вы считаете необходимым обсудить на страницах журнала", читатели пишут, что в настоящее время, в условиях резкого возрастания интереса к истории, который удовлетворяется главным образом публицистикой и научно-популярной литературой, они хотели бы видеть в журнале глубоко научную, основанную на сопоставлении самых различных точек зрения, с привлечением новых, ранее недоступных источников разработку актуальных вопросов истории. При этом подчеркивается, что надо отходить от рассмотрения исторического процесса исключительно сквозь призму социально-экономических факторов и классового анализа, от сугубо идеологизированного подхода к истории различных классов и партий.

П.Ш. Чхартишвили (г. Москва) считает, что журнал должен знакомить читателя с современной немарксистской исторической мыслью, шире публиковать статьи не только западных исследователей (появление которых в журнале благожелательно отмечают читатели), но и тех историков из стран Восточной Европы, которые получили доступ к печати в своих странах лишь после революционных событий 1989 г.

Ю.В. Аксенов (г. Казань) хочет видеть журнал "подлинно научным и в то же время интересным, широко читаемым, дающим знания по широкому кругу вопросов новой и новейшей истории". Он считает необходимым больше печатать материалов по важнейшим проблемам отечественной истории, ибо история нашей страны есть неотъемлемая часть всемирной истории. Очень важно, по мнению читателя, уделить больше внимания внешней политике России, рассказать о видных российских дипломатах — А.П. Извольском, Н.К. Гирсе, Н.Г. Гартвиге и др.

Читатели призывают редакцию смелее ставить "острые" вопросы, поднимать ранее запретные темы, которые еще не нашли отражения в советской исторической литературе. Так, В.К. Зимин (г. Сочи) пишет: "Хотелось бы прочитать в журнале статьи о гражданской войне в Греции в 1946—1949 гг., о политике СССР в Иране в 1945—1946 гг.,

а также вновь вернуться к вопросу об "экспорте революции", но уже на материале 40—60-х годов". И.П. Горащук (г. Черновцы) просит опубликовать статью с рассмотрением всех обстоятельств, сопутствовавших вхождению Северной Буковины в состав СССР в 1940 г.

Многие читатели в письмах отмечают важность как отдельных публикуемых материалов, так и журнала в целом. "Журнал мне нужен для работы, учебы, наконец, его читают в нашей семье", — пишет Л.В. Матасова (г. Москва).

Среди подписчиков журнала значительную часть составляют преподаватели истории средней школы. Они сообщают, что журнал "является первым помощником в работе" (Г.Р. Лепилова, г. Кизляр Дагестанской АССР); "в нем, безусловно, много интересного и для учителя и для учащихся" (А.А. Маслов, с. Сопыч Сумской области); "журнал очень помогает в преподавании истории в старших классах, дает возможность изложить современный взгляд на многие сложные проблемы истории" (Т.М. Компанцева, г. Бишкек). В то же время учителя отмечают некоторый "перекос" в количестве публикаций в пользу истории Германии и США и недостаточное количество материалов по Испании, Италии, Латинской Америке, "малым странам" Европы — Греции, Нидерландам, Португалии. Не хватает статей, поднимающих важные теоретические проблемы — соотношение революции и эволюции, история культуры в широком смысле слова, роль интеллигенции в историческом процессе, история различных религиозных учений и др. Некоторые дискуссии, ведущиеся на страницах журнала, мало связаны с важнейшими вопросами развития исторической науки.

Учителя обращаются с просьбой чаще помещать научные биографии выдающихся людей, вновь на конкретных примерах поставить вопрос о роли личности в истории, ибо, как замечает О.Д. Третьякова (г. Владимир), "о многих замечательных отечественных и зарубежных общественных и политических деятелях мы очень мало знаем. В школьном курсе новой истории речь идет в основном о руководителях революционных событий, а новейшая история предстает на редкость обезличенной".

Что касается преподавания новой и новейшей истории в вузах, то в письмах неоднократно отмечается тревога за состояние изучаемой дисциплины: сокращается коли-

чество часов на изучение новой и новейшей истории, вузовские программы и учебники неизбежно отстают от жизни, не отражают современной точки зрения на многие проблемы, в чтении ряда курсов все еще сохраняются односторонность и схематизм, присущие и многим работам советских историков. Эти мысли пронизывают публикуемые в настоящем номере журнала выступления преподавателей высшей школы.

К.и.н. Л.А. Зимулина, зав. кафедрой всеобщей истории педагогического института (г. Владимир), считает, что "повышению фундаментализации образования может способствовать историко-культурный подход к изучению истории зарубежных стран", в частности курс "История мировой культуры". На страницах журнала "Новая и новейшая история" преподаватели хотели бы видеть "более широко представленными исследования, являющиеся плодом совместного творческого поиска историков, литераторов, юристов, искусствоведов. Чрезвычайно актуальной и значимой представляется, например, проблема воздействия социокультурных утопий эпохи Просвещения на социально-политическую практику как революционного, так и контрреволюционного лагеря в период Великой французской революции".

Профессор кафедры всеобщей истории педагогического института им. И.Г. Петровского (г. Брянск) В.П. Викторов привлекает внимание к изучению истории бывших социалистических стран Восточной Европы после второй мировой войны. "Длительное время оно определялось потребностями идеологии, — пишет он. — Учебная и научная литература страдали схематизмом и субъективизмом, а порою и прямыми искажениями происходивших там исторических событий... Глубокие социально-экономические и политические перемены, охватившие страны Восточной Европы на рубеже 80–90-х годов, заставляют по-новому взглянуть на весь ход их исторического развития в изучаемый период". Отдав должное публикации в журнале в 1990 г. очерков Ю.С. Гиренко "Иосип Броз Тито. Политическая биография" (№ 2, 3), В.Л. Мусатова "Янош Кадар и время реформ в Венгрии" (№ 3), В.И. Потапова "Судьба диктатора Н. Чаушеску" (№ 4), проф. В.П. Викторов считает, что эти работы "явно не исчерпывают всей глубины поднимаемых в них проблем".

К активизации разработки вопросов истории стран Восточной Европы в журнале призывает и доцент кафедры всеобщей истории Вологодского педагогического института

Б.В. Петелин: "Перемены, происходящие в мире, и прежде всего в Восточной Европе, поставили перед преподавателями новейшей истории немалые трудности и проблемы. Имеющиеся на сегодня учебные пособия, программы (выпуска 1984 г.) разошлись с реальной действительностью, преподаватель не имеет и документальных материалов. Такое, прямо скажем, незавидное положение не может не сказаться на подготовке студентов. Хотелось бы, чтобы журнал "Новая и новейшая история" помог в этом отношении преподавателям вузов".

Ответом журнала на эти и ряд других писем явилась публикация в 1991 г. статей В.Л. Мусатова "Восточная Европа: процесс перемен" (№ 2) и В.К. Волкова "Новые тенденции в развитии исторической мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы" (№ 4), в которых дан анализ революционных событий 1989 г. в этих странах и идущего в них обновления политической и духовной жизни.

Как показывают письма, среди опубликованных материалов наибольший интерес вызывают те статьи и документальные очерки, которые поднимают новые, малоизученные темы, привлекают внимание новизной поставленных вопросов, использованием оригинальных, ранее недоступных, прежде всего архивных, материалов. Так, в письмах читателей отмечается интересная постановка вопроса, оригинальная источниковая база напечатанных в 1990 г. статей и документальных очерков В.С. Парсадановой "К истории катынского дела" (№ 3), В.В. Костикова "Максим Горький и эмиграция: неизвестные страницы истории" (№ 1), А.А. Ахтамяна "Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. (по новым документам)" (№ 5), Г.И. Чернявского "Х. Раковский на судебном фарсе 1938 г." (№ 4), статьи К.К. Ширини "Троцкий и Коминтерн" (1991, № 1).

Очерк Л.Л. Лискюткиной "Подвиг и трагедия Рауля Валленберга" № 1; 1990) был одной из первых советских публикаций о судьбе шведского дипломата, выполнявшего в Венгрии гуманитарную миссию по спасению от фашистов тысяч обреченных людей. Он вызвал живой интерес. Скорбь о смерти Валленберга в советской тюрьме, читатели просили рассказать о Валленберге более подробно, привести новые документы, если они обнаружатся. Однако автор одного из писем, О.С. Орловский (г. Минск), полагает, что следовало сказать не только о деятельности Валленберга, но и о том, что заявившая о своем нейтралитете Швеция отнюдь не была

нейтральна, а помогала фашистской Германии: "В ходе 1939–1944 гг. через территорию нейтральной Швеции проходили целые составы с немецкими дивизиями, которые затем сражались против наших войск. Сколько от них погибло наших солдат, и почему же никто из историков не поднимает эту тему?" Очевидно, что здесь смешаны два вопроса – о подлинной роли шведского "нейтралитета" в годы второй мировой войны и о безусловно гуманной, получившей признание во всем мире деятельности Валленберга.

Ряд материалов вызвал критические отзывы читателей. Так, высоко оценивая новую рубрику журнала "Советские историки", в которой напечатаны очерки о Н.М. Лукине, Е.В. Тарле, А.И. Молоко, А.С. Ерусалимском, Я.Л. Кранцфельд (г. Харьков) выражает несогласие с некоторыми положениями статьи Е.И. Чапкевича "Страницы биографии академика Е.В. Тарле" (№ 4, 1990 г.), прежде всего относящимися к послевоенным годам жизни Евгения Викторовича. Хорошо знавший Тарле и общавшийся с ним в эти годы автор письма в редакцию возражает против слов Е.И. Чапкевича, что Тарле жил в состоянии "глубокой психологической травмы", а после разгромной статьи в "Большевике" (1951 г.) о "Нашествии Наполеона на Россию" находился в состоянии "растерянности" и "чувствовал себя потерянным". "Никакой растерянности, "потерянности" после появления статьи Кожухова в "Большевике" Е.В. не чувствовал и вполне владел обстановкой, – пишет Я.Л. Кранцфельд. – Он ожидал усиления давления на него со стороны Сталина, поскольку сопротивление Е.В. требованиям Сталина приступить к написанию "Истории Великой Отечественной войны" (третьей части трилогии) становилось все более упорным. Важным признаком этого усиления была и ситуация, возникшая с изданием готовой первой части трилогии – "Северная война", которую никто не хотел печатать. После долгих переговоров рукопись осела в "Соцгизе", где без движения провалялась семь-восемь лет... Выпад против "Нашествия Наполеона" – второй части трилогии – был, таким образом, логическим продолжением событий". Но Тарле "вел острую борьбу за право писать то, что он хочет".

Я.Л. Кранцфельд считает также, что слова о "страхе", в котором жил Тарле, не имеют никаких оснований. "Наоборот, образ жизни Е.В., его поведение свидетельствовали об обратном. В своих квартирах – коммунальной в Москве в "Доме на набережной",

куда входили под пронизывающим взглядом вахтерш, и в изолированной Ленинградской, и на даче в Можжинке под Звенигородом – он принимал и оставлял у себя на время немногочисленных тогда еще освобожденных на поселение узников ГУЛАГа, реэмигрантов из Западной Европы и иностранцев; без предварительных согласований посещал посольства, переходил с языка на язык в небезопасных телефонных разговорах, не отрекался от живших за границей родных братьев. Пренебрегая правилами "спецхрана", не прятал от гостей "вражескую" прессу, прося только: "Не уносите, а то мне попадет!" – и смеясь при этом. Когда был арестован И.М. Майский, дом Тарле оставался открытым для его близких. Это только то, что вспомнилось". Думается, что воспоминания Я.Л. Кранцфельда значительно дополняют портрет академика Е.В. Тарле.

Привлекают внимание читателей и материалы рубрики "Публикации." А.А. Иоффе: революционер и дипломат" (№ 3, 1990 г.), работа Л. Троцкого "Наши разногласия" с развернутым комментарием (№ 2, 1990 г.). Однако ряд читателей справедливо замечает, что в рубрике "Публикации" должны помещаться преимущественно архивные или до сих пор не введенные в научный оборот материалы, а не подборки из переводов опубликованных на Западе книг. В связи с этим к. и.н. П.М. Золин (г. Новгород) высказывает замечания по поводу публикации "Возращение В.И. Ленина в Россию в 1917 г." (№ 3, 1990 г.), представляющей собой перевод документов из германского секретного архива, изданных немецким исследователем В. фон Хальвегом в 1957 г. "В последние два-три года, – пишет он, – журнал "Новая и новейшая история" дал читателям ценнейшую массу добротного исторического материала, позволяющего более объективно и основательно освещать диалектику сравнительно недавнего прошлого человечества". К сожалению, продолжает читатель, в данной публикации отобран лишь 21 из 100 документов, изданных Хальвегом. Поэтому "трудно принять за истину положение, высказанное в предисловии им от редакции обзора основной литературы по проблеме, о том, что сборник В. Хальвега стал опровержением исследований, "пытавшихся обвинить Ленина в шпионаже в пользу Германии, требовавших предания его суду как немецкого агента". Документы сборника лишь подтверждают часть таких обвинений. ... Однако это были реалии большой политики не только России и не столько

России". В связи с этим П.М. Золин предлагает "обратить более пристальное внимание на финансовое и прочее участие в революционных событиях в России – США, Англии, Франции, Австрии, Швейцарии и еще группы стран. Необходимо тщательнее посмотреть, за счет чего пополняли свои кассы и вели издания другие политические партии России, за счет чего улучшали свое благосостояние некоторые их лидеры".

А.П. Черепанов (р.п. Тальменка Алтайского края) среди материалов, посвященных истории фашизма, особо выделил очерк Б.Л. Хавкина "Генрих Гиммлер" (№ 1, 1991 г.), заметив, что до последнего времени советская историческая наука практически не занималась историей СС – неотъемлемой частью истории германского фашизма. Он внес некоторые уточнения по фактическому материалу очерка.

Читатели высказывают также замечания по публикуемым рецензиям, призывают рецензентов более критически оценивать вышедшие книги. К сожалению, комплиментарность, боязнь обидеть коллег или же отсутствие анализа, аннотационность все еще присутствуют на страницах журнала. С.А. Конников (с. Лебединка Воронежской обл.) остался неудовлетворен рецензиями на учебник для вузов "История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945" (М., 1989), помещенными в № 5, 1990 г. Хотя в первой рецензии (Г.И. Чернявского и В.Л. Козлитина) отмечается "весьма нечеткая позиция авторов учебника в характеристике современной эпохи" и "общеметодологическая непоследовательность" учебника, второй рецензент, Е.И. Попова, считает, что учебник "в целом успешно решает задачу обновления курса новейшей истории". Остаются неясными и оценки понятия "общий кризис капитализма" в учебнике. "Почему так упорно сохраняются неверные представления? – спрашивает С.А. Конников. – В учебнике общий кризис капитализма трактуется как реальность. Но мы видим, что та общественная система, которую

мы называем капитализмом, отнюдь не погибает, как об этом твердит теория, а трансформируется. В рецензии следовало бы об этом прямо сказать".

В ряде писем высказывается сожаление, что редакция перестала печатать заметки о книгах. "Даже небольшие рецензии аннотационного характера, оперативно опубликованные и дающие представление о книге, – пишет А.В. Михайлов (г. Сызрань), – важны для преподавателей и просто интересующихся историей – тех, кто живет в периферийных городах, куда не все книги быстро доходят, если вообще доходят".

И последнее, на чем необходимо остановиться. В редакцию поступает множество писем с жалобами на плохую доставку журнала "Новая и новейшая история". За 1990 г. многие подписчики получили лишь 2–3 номера. "Я люблю ваш журнал, раньше читала его в библиотеке, а в прошлом году выписала. И что же? Получила лишь два номера за 1990 г. – № 1 и 5", – обращается в редакцию учитель истории О.В. Пряжникова (Московская область). "Помогите найти то звено, которое свяжет оборвавшуюся цепочку между редакцией и читателем," – пишет Л.П. Попова (г. Видное Московской области), сообщая, что не получила многих номеров. К сожалению, это звено – почтовое ведомство, неподчиняющееся ни коллективу журнала, ни издательству "Наука", ни подписчику.

Редакция сообщает, что журнал выходит регулярно по графику, точно в срок. Однако в результате плохой работы "Союзпечати" и почты многие номера не доходят до подписчиков или доставляются им с большим опозданием. Просим читателей обращаться в почтовые отделения и требовать доставки журнала.

Мы благодарим всех приславших отклики на материалы нашего журнала. Все предложения читателей редакция внимательно рассматривает и старается учесть их в своей работе.

© 1991 г.

РУССКИЙ В ПАМПАХ АРГЕНТИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Летом 1837 г. небольшая группа путешественников пересекала Южную Америку по аргентинской пампе – от Кордильер до Буэнос-Айреса¹. С раннего утра и до позднего вечера они не слезали с коней, пробираясь по равнине, где на 30–40 километров в округе не встретить ни одного человека. Во главе этого смелого по тем временам путешествия стоял русский исследователь Платон Александрович Чихачев.

Как оказался наш соотечественник в глубинных районах Аргентинской Республики? Что знаем мы о нем?

Имя Платона Александровича Чихачева долгое время находилось как бы в тени славы его старшего брата, знаменитого исследователя Алтая и Средней Азии Петра Александровича Чихачева. Правда, воспоминания Платона Чихачева о его поездке в Аргентину привлекали внимание историков. В 1967 г. Центр латиноамериканских исследований Техасского университета опубликовал его воспоминания о поездке в эту страну (на английском языке)². Хотя при издании были допущены неоговоренные пропуски, отсутствовали комментарии и предметный указатель, без сомнения, эта американская публикация впервые осветила одну из интереснейших страниц истории русских исследований в Латинской Америке. Авторы двух предисловий к книге – директор Центра Джон Анджелли и аргентинский историк Роберто Гарсия Пикто – отметили большую ценность труда Чихачева в историческом и этнографическом плане, важность его наблюдений для современного географа. Тогда же сочинение Чихачева было переведено на испанский язык для публикации в Институте

исторических исследований Эмилио Рабини-ни в Буэнос-Айресе.

В СССР наследие Платона Чихачева подробно еще не изучено, хотя основные этапы его жизни и деятельности освещены в монографии В.В. Цыбульского³. Хотелось бы воскресить историю его путешествия по Латинской Америке и познакомить с ней советского читателя.

Платон Чихачев родился в 1812 г. в Гатчине, где его отец осуществлял "градское правление" и "главное смотрение над дворцом и принадлежностями к оному". Мать, урожденная Бестужева-Рюмина, кузина одного из руководителей восстания декабристов Михаила Бестужева-Рюмина, оказала большое влияние на воспитание и образование двух своих сыновей. Вскоре семья переехала в Царское Село. В доме часто говорили о политике, и маленький Платон уже тогда мог впервые слышать столь популярные в 20-е годы имена Боливара и Сан-Мартина – руководителей Войны за независимость испанских колоний в Америке.

Получив прекрасное домашнее образование, Платон Чихачев поступил на военную службу, принимал участие в войне с Турцией 1828–1829 гг. и в польской кампании 1830–1831 гг., в 1829 г. был произведен в офицеры. Но военная карьера тяготила его. Выйдя в 1833 г. в отставку, Чихачев решил отправиться в Америку. Мысль об этом возникла у него еще в армии, когда он прочитал книгу выдающегося немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта о его пятилетнем путешествии по Южной Америке (1799–1804). На это решение оказало влияние также знакомство Чихачева с работами Герера по истории инков, возможно, и с дневником Чарльза Дарвина о кругосветном плавании на корабле "Бигль".

"Желая узнать Новый Свет во всем его пространстве от Канады до мыса Горн, – писал Чихачев, – я решился рассмотреть и

¹ Пампа (от испан. *pampa*, множ. число *pampas*), иногда в русской литературе неточно "пампасы", – обширные равнинные территории в Южной Америке с преобладанием травянистой растительности.

² *Chikhachev P.A. A Trip Across the Pampas of Buenos Aires (1836–1837)*. Lowrence, 1967.

³ *Цыбульский В.В. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачевы*. М., 1988.

Платон Александрович Чихачев
(1812–1892)

изучить в различных видах эту исполинскую природу и это юное общество"⁴. В 1835 г. Чихачев, первый русский исследователь Америки, начал свое продолжительное по времени и расстоянию путешествие. Из Петербурга он отправился в Великобританию, затем в Италию и из Палермо на американском судне отплыл в Филадельфию. Более года он ездил по Северной Америке, посетил Великие озера, затем опустился в долину Миссисипи и Огайо, несколько месяцев пробыл в Мексике и на Кубе, затем морем добрался до Гуаякиля, главного порта Эквадора.

Отсюда начался новый – южноамериканский этап его путешествия. Он решил пересечь весь материк от Тихого океана до Атлантического. Но внутренние междоусобицы в Перу не позволили Чихачеву использовать дорогу через Лиму и Куско, поэтому он решил избрать более удобный, как ему казалось, путь – через пампы Аргентины. Доплыв в начале 1837 г. до чилийского порта Вальпараисо на английском фрегате, молодой русский путешественник пренебрег предостережениями осторожных британцев, предупреждавших его о возможных трудностях, и решил добираться до берегов

Атлантики напрямик через пампы, взяв в спутники группу проводников.

Летом 1837 г., перейдя Кордильеры, Чихачев вступил на территорию Аргентины.

Ла-Платская низменность – аргентинская пампа – потрясла его. Огромное равнинное плато "низкой пампы", тянущееся на сотни километров, и более пересеченный рельеф "высокой пампы", куда равнинные пространства вклиниваются длинными языками, остались в его памяти на всю жизнь.

В воспоминаниях о путешествии в Аргентину, напечатанных после возвращения в Россию в 1844 г., Чихачев сравнивает пампу со степью между Днестром и Волгой, рассуждает о роли и месте равнин в истории и экономике Аргентины, описывает природу пампы, ее флору и фауну. При этом важно отметить, что по сути Чихачев был не только первым русским, посетившим Аргентину, проникшим в пампы, но и первым европейским исследователем, подробно описавшим великие степи Аргентины, хотя некоторые европейцы уже посещали пампу и даже оставили воспоминания о своем пребывании там. Так, в 1826 г. схожее путешествие предпринял англичанин Фрэнсис Хэд.

Главный герой повествования Чихачева – гаучо, независимый сын пампы, вольный наездник и скотовод. Гаучо принимали активное участие в Войне за независимость, наводя страх на войска колонизаторов, Гаучо, пишет Чихачев, – сама жизнь и душа пампы: "Бесстрашный, ловкий, своевольный, но коварный, беспечный, всегда преданный всем порывам страстей, гаучо не знает ни в чем других пределов, кроме океана, – другой узды, кроме своей дикой воли. . . кидается один, на диком коне, в неизмеримую даль своих равнин и пробегает невероятные для европейца расстояния, преследуя страуса или льва. Охотничьей добычи своей он не продает, он презирает деньги и не знает цены им: были бы ему только крепкий арчак, шпоры, соль, пахиты да иногда мате. Пончо составляет всю его одежду"⁵. Сравнивая гаучо с русскими обитателями степей, Чихачев замечает: "Гаучи – превосходные всадники: они так же твердо держатся в седле, как и наши казаки и калмыки, но превосходят их ловкостью и грациозностью"⁶.

Вникая в каждую деталь жизни гаучо, вплоть до описания их кухни, способов охоты, русский путешественник уделит в своих очерках также особое место вообще

⁴ Чихачев П.А. О пароходстве и озерах в Северной Америке. – Отечественные записки, 1839, т. III, отд. II, с. 54.

⁵ Чихачев П.А. Поездка через Буэнос-Айрейские пампы. СПб., 1844, с. 6.

⁶ Там же, с. 32–33.

системе хозяйствования в пампе, эстансиям (поместьям), экономическому "наследству" Испании и английскому влиянию на Ла-Плате.

Рассказывая о гаучо, Чихачев не мог пройти мимо главной угрозы аргентинских степей — индейцев: "Их нападение — набег тропического урагана, оно опустошает и истребляет все до корня. Они — бич этих стран, и один рассказ о их кровавых подвигах приводит в трепет не только одинокого странника, но и самого гаучо"⁷. Чихачев подробно рассказал о быте, образе жизни индейцев, их верованиях, о системе укреплений против их набегов, хотя встречаться ему удалось лишь с пленными.

Первый привал в утомительном пути через пампу Чихачев сделал в Мендосе. Город понравился ему более других, встреченных на пути. "Мендоса уже положением своим отчуждена от всего света, но, впрочем, щедрая природа, благодатное небо, поэзия созерцательной жизни, понятной лишь под этими таинственными широтами, — чего больше для краткой жизни человека?" — идиллически вопрошал русский путешественник. Он был приятно поражен тем гостеприимством, с которым его встретило мендосское общество. Была устроена тертулия (вечеринка) в честь русского гостя, "состоявшая из добродушных, но довольно простоватых мужчин и очаровательных женщин, которые, не обращая внимания на мое иностранное обращение, приняли меня с той неподдельной любовью и радушием, которые так редко встречаются у чопорных, скучных и скучающих идолов наших салонов"⁸.

После такого обхождения Чихачев решил продлить свое приятное пребывание в этом городе: Лишь курьер чилийского правительства, уезжавший в Буэнос-Айрес, вывел его из столь очарованного состояния. Он мог стать удобным попутчиком в оставшейся части пути. Но если Мендоса показалась Чихачеву настоящим раем, то противоположное впечатление произвел на него лежавший на пути Сан-Луис, который, по мнению Чихачева, лишь по недоразумению можно было назвать провинциальным центром. Неприятное впечатление от самого города усугубилось встречей с местным коррехидором, принявшимся мучить путешественника демагогическими разговорами о патриотизме и федерализме. С легкой иронией и юмором наш соотечественник дал зарисовку этой

встречи, которая, вместе с тем, заставила его всерьез задуматься над судьбами страны.

Внутриполитическая жизнь Аргентины уже на протяжении многих лет определялась борьбой между унитариями — сторонниками централизованной власти — и федералистами, выступавшими за широкую автономию провинций. Чихачев писал: "Сложные формы федерального правления — совершенная нелепость", поскольку они приводят к бесконечным распрям и смутам"⁹.

В то время в Аргентине правил захвативший власть генерал Росас, которому конгресс в 1835 г. официально предоставил диктаторские полномочия. Кровавые походы Росаса против индейцев, борьба федералистов и унитариев сотрясали страну. Идеалистически интерпретируя события в Аргентине в то время, Чихачев видел трагедию гражданской войны в этой стране в хаосе мыслей, искажении принципов Просвещения, захвате власти людьми, не способными к государственной деятельности, но претендующими при этом на всезнание.

После многотрудного 250-мильного перехода Чихачев достиг, наконец, Буэнос-Айреса. Будучи тонким наблюдателем, он великолепно характеризовал политическую и экономическую жизнь в городе, где создаются и решаются все проблемы Аргентины: "Нет спокойствия, нет домашней тишины, никто не надеется на завтрашний день, всякий спешит воспользоваться тем, что у него под рукой". Анархия, господство культа наживы и стремление "урвать" кусок побольше — таковы основные черты жизни города, по словам Чихачева. Характеризуя политическое положение в Буэнос-Айресе эпохи Росаса, он писал: "Вообще, общество здесь в совершенном разброде, что одни женщины еще помышляют о соглашении политических партий и кое-как поддерживают связи родства и дружбы"¹⁰. Он считал диктатуру Росаса трагическим последствием Войны за независимость и уделил довольно много места в своем сочинении рассуждениям о последствиях испанского завоевания Нового Света, о мотивах Майской революции 1810 г., положившей начало освобождению вице-королевства Ла-Платы от испанского господства, и ее дальнейшему развитию.

Сын своего времени, русский аристократ, Платон Чихачев, несмотря на различные субъективные оценки политических процессов, протекавших на континенте, верил

⁷ Там же, с. 8.

⁸ Там же, с. 29—30.

⁹ Там же, с. 31—32.

¹⁰ Там же, с. 67—72.

в консолидирующую роль монархических начал для республик Южной Америки и выражал надежду на объединение сил Испанской Америки как залога их могущества и благосостояния перед лицом всего остального мира¹.

По возвращении в 1838 г. в Европу предприимчивый путешественник задумал было написать целую книгу о своем пребывании в Америке, но его дневниковые записи были утеряны в Париже. Несмотря на это, сам А. Гумбольдт высоко оценил его путешествие и во время пребывания в России представил его Николаю I как опытного ученого.

К сожалению, архив Чихачева утрачен и отсутствуют сведения о нем в аргентинских архивах и библиотеках². Единственным

источником, повествующим о его пребывании в Аргентине, является статья, опубликованная им в журнале "Отечественные записки"³ в 1844 г. и тогда же вышедшая в свет отдельным оттиском. Редакция журнала рекомендовала ее к печати в качестве "живой, ученой и любопытной статьи известного путешественника".

Записки Платона Чихачева о путешествии в Аргентину были первым описанием этой страны, сделанным русским путешественником, они несли большую научно-познавательную нагрузку, а его сравнения пампы и российских степей, описание растительного и животного мира, средств сообщения, поселений, жизни гаучо и индейцев, другие наблюдения делают их интересными и для нынешнего исследователя.

Е.Н. Дик

¹Памяти Пл.А. Чихачева. Речь акад. Н.И. Кошкарлова 15 (27) ноября 1892 г. СПб., 1892, с. 2.

²Чистякова Е.В. Контакты России с народами Латинской Америки. М., 1980, с. 5.

³Отечественные записки, 1844, т. XXXIV, отд. II, с. 1-77.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "1941—1945 гг.: УРОКИ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР"

16—17 апреля 1991 г. в Академии общественных наук (АОН) ЦК КПСС проходила работа международной конференции, посвященной изучению уроков второй мировой войны. Ее организаторами выступили Академия наук СССР, АОН ЦК КПСС, клуб "Мюльхаймская инициатива", соучредителями которого являются "Литературная газета" (СССР) и Евангелическая академия Рейнланда (г. Мюльхайм-на-Руре, ФРГ), а также. Институт военной истории Министерства обороны СССР, Общество дружбы СССР — ФРГ. С приветственным словом к конференции обратились вице-президент СССР Г.И. Янаев. В ее работе вместе с учеными приняли участие видные политические, военные, религиозные и общественные деятели из ФРГ, Китая, Болгарии, Монголии, Польши, Румынии, Чехо-Словакии и СССР. Взгляд на проблему, таким образом, не носил исключительно научного характера, был многосторонним, а общим знаменателем дискуссии стали признаваемые всеми участниками общечеловеческие ценности.

С докладами и сообщениями выступили: президент "Мюльхаймской инициативы", бывший директор Института политических наук Боннского университета проф. Х.-А. Якобсен, глава евангелической церкви Германии, депутат бундестага Ю. Шмуде, ректор Евангелической академии в Мюльхайме проф. Д. Бах, презус-глава евангелической церкви земли Северный Рейн-Вестфалия П. Баер, социолог проф. Е. Вятр (Польша), директор Института по исследованию проблем мирового социализма Центра по изучению проблем развития при Госсовете КНР проф. Цзин Хуэй, ряд других видных специалистов. С советской стороны основные доклады сделали академик Г.Н. Севостьянов и директор Института всеобщей истории АН СССР д.и.н., проф. А.О. Чубарьян.

Помимо пленарных заседаний работа конференции проходила в трех секциях. В первой из них ("Война, всеобщая безопасность и мир без образа врага") главное внимание

было сосредоточено на анализе причин второй мировой войны, ее уроков, а также уроков "холодной войны" и послевоенного развития в целом. Участники второй секции ("Послевоенное развитие и строительство общеевропейского дома") обсуждали главным образом проблемы современной ситуации и тенденции ее развития, в особенности пути практической реализации идеи формирования единого общеевропейского дома. В третьей секции ("Видение новых концепций цивилизованных отношений между Востоком и Западом") центром обсуждения стали философско-этические и общеполитические проблемы формирования новых, цивилизованных отношений между государствами на Европейском континенте и в мире в целом.

Многие из участников говорили о необходимости объективного изучения уроков прошедшей войны, о важности их для настоящего и будущего. При этом Д. Бах высказал мнение, что и взаимопонимание, и примирение народов — участников войны возможно лишь на основе извлечения уроков из прошлого, а не в отрыве от него.

В выступлениях многих немецких коллег (Д. Баха, Ю. Шмуде, П. Баера, Х.-А. Якобсена и др.) звучала мысль, что примирение невозможно без признания исторической вины немецкого народа. По их мнению, вина за развязывание войны против СССР лежит не только на гитлеровском руководстве, а и на немецком народе, поскольку без согласия миллионов немцев война не могла бы начаться. У немцев, по их утверждению, до сих пор сохраняется чувство вины за те беды, которые война принесла советскому народу. Сознывая и ощущая эту вину, активисты "Мюльхаймской инициативы" обратились к советскому народу с просьбой простить народ Германии.

Принимая эту постановку вопроса в целом, советские участники, например член союза писателей СССР Ф.Т. Моргун, обратили внимание на то, что и тогда не все

граждане Германии поддерживали войну против Советского Союза.

В отношении причин войны участники конференции были едины в главном: путь к войне открыли нацистские идеи, идеи шовинизма, завоевания "жизненного пространства", а также исключавший другие идеи режим тоталитарной диктатуры. Война Германии против СССР была войной на уничтожение с целью добиться мирового господства. По мнению А.О. Чубарьяна, наряду с ответственностью гитлеровской Германии необходимо понять степень ответственности нефашистских держав, отдать себе отчет в том, что следование западных держав своим эгоистическим интересам, а также приверженность СССР идеологизированным схемам во внешней политике привели к тому, что будущие союзники по антигитлеровской коалиции не смогли в конце 30-х годов найти общий язык и выработать единую платформу действий, способных остановить фашистскую угрозу. Среди уроков войны А.О. Чубарьян отметил, в частности, что война показала удививший весь мир феномен единства и сплоченности советского общества. Идея защиты страны объединила все слои населения; при этом борьба с агрессором ассоциировалась тогда и с национально-патриотической идеей, и с защитой ценностей и завоеваний социализма. Очень важный урок заключен в словах Ш.де Голля о том, что в экстремальных условиях водораздел не может и не должен проходить между левыми и правыми, между радикалами и консерваторами: во главу угла должны быть поставлены интересы нации, ее величие и достоинство.

По убеждению Д. Баха, немецкий народ сделал из уроков войны важные выводы; идея общеевропейского дома стала и его идеей. Д. Бах и Х.-А. Якобсен заверили: объединенная Германия готова сделать все для того, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила угроза войны.

Участники конференции уделили большое внимание урокам "холодной войны" и всего послевоенного развития. Как напомнил академик Г.Н. Севостьянов, помимо "холодной войны" в период после 1945 г. в мире имело место более ста вооруженных конфликтов, в которых погибло около 30 млн. человек, разрушению подверглись целые страны. Для того, чтобы в будущем избежать войн, необходимо изучать уроки и этих конфликтов.

По мнению д.и.н., проф. О.А. Ржешевского (СССР), за развязывание "холодной войны" несут ответственность как тогдашние

руководители США, сокрывшие от советских союзников работы по созданию ядерного оружия, так и тогдашние руководители СССР.

"Холодная война", считает Д. Бах, привела к искажениям в историографических исследованиях второй мировой войны, и потому историки пока еще в большом долгу в смысле объективного исследования этих проблем. Сегодня возрастает роль и значение сотрудничества ученых в этой области.

По проблемам "холодной войны" выступили также В.В. Шелег (СССР) и проф. Т. Бузагу (Румыния). Оценки участниками конференции сегодняшней ситуации были неоднозначными. Наряду с констатацией позитивных перемен в климате международных отношений в ряде выступлений звучали и тревожные ноты. Р.А. Белоусов отметил, что вызывает сожаление стремление некоторых кругов в ФРГ как-то способствовать распаду СССР, что это не может содействовать укреплению стабильности в Европе. Представители Болгарии и Румынии отмечали, что эти страны чувствуют себя сегодня даже в меньшей безопасности, чем в то время, когда Европа была расколота на противостоящие блоки. Сегодня, по мнению выступающих, в Восточной Европе существует реальная опасность международных конфликтов и даже локальных войн.

По оценке Й. Бобока (ЧСФР), сегодня наряду с процессом ухода от конфронтации по линии Восток-Запад происходит снижение глобальной роли СССР и существует определенная опасность одностороннего повышения роли США, даже их стремления установить "Пакс американа", хотя такое состояние мира и не может быть долговременным. Говоря о перспективах мирового развития, Й. Бобок отметил, что некоторые старые силы будут отставать, а рядом с ними станут формироваться новые центры силы. При этом, если старые отношения при всей их напряженности подавались какому-то контролю, то новые будут неконтролируемыми. На поверхность будут выходить такие противоречия в Европе и других частях света, которые долгое время были подавлены или скрыты соревнованием двух самых мощных военно-политических блоков и их влиянием на экономические отношения. Цзин Хуэй и Шэн Тинфу (оба - КНР) считают, что сейчас действует тенденция к становлению многополюсного мира. По их мнению, между разными полюсами в современном мире существуют сложные противоречия, поэтому мечта совершенно исключить войны нереалистична, она остается лишь "благим пожеланием".

Китайские участники констатировали, что в современном мире разрыв между богатыми и бедными странами только увеличивается. По мнению Цзин Хуэя, при таком положении, когда развитие экономики различных стран столь неравномерно, когда международный порядок до такой степени нерационален, на земном шаре не может быть мира и спокойствия.

Участники конференции излагали свои идеи по вопросу о путях решения назревших или назревающих проблем. П. Баер высказал мнение, что революционные взрывы часто приводят к катастрофам, а для сохранения и дальнейшего обогащения гуманистических ценностей нужно именно эволюционное развитие.

И Х.-А. Якобсен, и А.О. Чубарьян высказали убеждение, что сегодня нет никаких оснований для враждебности между советским и германским народами. По мнению Х.-А. Якобсена, в результате объединения Германии выиграли все, а СССР приобрел друга в лице всего германского народа. При этом Германия твердо заявляет, что она не претендует ни на какие земли за пределами ее границ по их состоянию на 1990 г. Нужно, считает Х.-А. Якобсен, соз-

давать совершенную структуру добрососедских советско-германских отношений, ибо от их состояния зависит будущее не только двух стран, а Европы в целом.

Предлагались и конкретные политические меры. Например, Й. Бобок высказал мысль, что странам Восточной Европы вместо вступления в той или иной форме в НАТО, полезно для общей безопасности создать в Европе цепь нейтральных государств, включая Польшу, Чехо-Словакию, Австрию, Венгрию и Югославию, которые на практике осуществляли бы политику позитивного нейтралитета с активным участием во всех мероприятиях, связанных с хельсинкским процессом. П. Баер выразил общую мысль собравшихся, сказав, что существуют рамки, в которых сегодня действуют люди, ответственные за судьбы цивилизации, и что в этих рамках необходимо сотрудничать при самых различных мировоззренческих позициях.

Участники конференции договорились о продолжении совместной работы, в частности научных дискуссий и исследований.

А.Г. Сытин

ЧИТАЙТЕ В № 6

Историческое познание и историческая теория

Московские судебные процессы и позиция лидеров компартий Западной Европы

Воспоминания главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова

Александр I и Наполеон Бонапарт в Тильзите

Черногорский король Николай Петрович-Негош (1841—1921)

Бенито Муссолини

Династия Гогенцоллернов

Чакыров И. Тодор Живков

Гросс-адмирал Дениц К. Двадцать дней на посту главы государства

SUMMARIES OF ARTICLES

Academician I.D. Kovalchenko. Some Problems of the Methodology of History.

The author believes that prevailing in the past transient considerations in historical research persist even today albeit in a changed, primitive-assessing way: things praised to the skies in the past are now rejected and vice versa. In this connection the author deals in detail with the history of the October Revolution in Russia, development of the social system brought about by this revolution, the role and place of Marxism in the scientific cognition of human society.

M.T. Meshcheryakov. The Communist Party of Spain and Comintern.

This is an analysis of relations between Comintern and the Communist Party of Spain in the 1930s when the party was strictly controlled by Comintern which determined its policy, practical actions and membership problems. The article demonstrates how after the 7th Comintern Congress and in particular during the civil war of 1936–1939 these relations changed and the Communist Party of Spain got greater freedom of action in elaborating its own historical course though it remained under the Comintern's control as well as under Stalinism's influence.

N.A. Vasetsky. How the 4th International Was Set Up.

In September 1938, near Paris, Leon Trotsky and representatives of some Trotskyite organisations from various countries proclaimed the 4th International, adopted its Rules and the Programme. Drawing on the materials from the *Bulletin of Opposition*, published since 1929, the author analyses practical and theoretical work of Trotsky and his followers aimed at organising the "internationalist left", as well as Trotskyism's degeneration by the beginning of the Second World War.

V.V. Sogrin. Stages of American Conservatism.

Soviet historians' interest in conservatism is quite justifiable since this phenomenon proved its viability and is now going through a veritable Renaissance in many Western countries. Hence the current political discussions over it in Soviet society. The article singles out four major stages in the US conservatism's history in the 18–20th centuries. At every stage American conservatism proved to be a very competitive ideological and political strategy which had moved to the fore as a result of a controversy between different philosophical trends resulted from the crisis of the liberal-Keynesian model of state-monopoly regulation and the historical necessity in a new liberation of free enterprise.

CONTENTS

Articles. Academician I.D. Kovalchenko. Some Problems of the Methodology of History. M.T. Meshcheryakov. The Communist Party of Spain and Comintern. N.A. Vasetsky. How the 4th International Was Set Up. V.V. Sogrin. Stages of American Conservatism. In the Department of History (USSR AS). Trends in the Historical Science. Programmes of Fundamental Research. Problems of the History of the Cold War. A.A. Roshchin. United Nations and the Cold War. Soviet Diplomacy and Questions of Postwar World Development. Documentary Essays V.B. Ryazantsev. The Tragic Fate of the South-Western Front and Its Commander-in-Chief M. Kirponos. L.S. Belousov. Mussolini: a Political Profile. Assistance to the History Teacher. A.V. Potapov. The Crisis in the GDR in the 1980s and Reunification of Germany. From a Foreign Book. W. Schirer. Barbarossa: Russia's Turn. W. Schellenberg. Memoiren. Critique and Bibliography. Book Reviews. Letters to the Editor. Facts, Events, Findings. Scientific Life.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, специалист по новейшей истории Италии, автор книг "Молодежь Апеннин: выбор – в борьбе" (в соавторстве) (М., 1987), "Италия: молодежь против фашизма. 1919–1945 гг." (М., 1987) и ряда статей по проблемам итальянского фашизма и антифашистской борьбы.

ВАСЕЦКИЙ Николай Александрович, доктор исторических наук, автор монографий "В конфликте с эпохой: троцкизм против реального социализма" (М., 1985), "От революционной фразы к безрассудному авантюризму: критика внешнеполитической концепции современного троцкизма" (М., 1986), "Социализм и идеологическая борьба" (М., 1987) (на исп. яз.), "Октябрь в борьбе идей" (М., 1987) и других работ по истории КПСС и советского общества.

КОВАЛЬЧЕНКО Иван Дмитриевич, действительный член АН СССР, академик-секретарь Отделения истории АН СССР, автор монографий "Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века" (М., 1959), "Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века" (М., 1967), "Всероссийский аграрный рынок" (в соавторстве) (М., 1974), "Методы исторического исследования" (М., 1987), "Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма" (в соавторстве) (М., 1988).

МЕЩЕРЯКОВ Марклен Тихонович, доктор исторических наук, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, автор монографий "Испания в огне" (М., 1972), "Вся жизнь – борьба (о Хосе Диасе)" (М., 1978), "Коминтерн и Испанская республика" (М., 1981), а также многих статей по новейшей истории Испании и проблемам рабочего движения.

ПОТАПОВ Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований АН СССР, специалист по экономике стран Восточной Европы, автор ряда научных работ.

РЯЗАНЦЕВ Валерий Борисович, главный редактор редакции военно-исторической литературы Военного издательства Министерства обороны СССР, член Союза журналистов СССР.

СОГРИН Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом зарубежной историографии Института всеобщей истории АН СССР, главный редактор журнала "Общественные науки". Автор монографий "Истоки современной буржуазной идеологии в США" (М., 1975), "Идейные течения в Американской революции XVIII в." (М., 1980), "Основатели США: исторические портреты" (М., 1983), "Мифы и реальности американской истории" (М., 1986), "Критические направления немарксистской историографии США XX века" (М., 1987).

Удсб

2 р. 10 к.
Индекс 70620

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

**ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РОССИЯ
ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОГО "ПОТОПА". 1655—1656 гг.
1992. 16 л. 3 р. 30 к.**

Книга рассматривает один из драматичнейших периодов истории Речи Посполитой, когда впервые между Швецией, Бранденбургом и Трансильванским княжеством заключались соглашения о ее полном или частичном разделе. В первой части публикуются уникальные русские архивные материалы, не известные или слабо использованные в историографии. Во второй — исследуются взаимоотношения между руководителями русской дипломатии и ведущими магнатами, а также шляхтой и ее представителями в Литве и Белоруссии.

Книга рассчитана на историков-медиевистов, полонистов.

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ БОСНИИ
И ГЕРЦЕГОВИНЫ И РОССИЯ. 1875—1878 гг.
1992. 40 л. 8 р. 50 к.**

Публикация является продолжением издания, первая и вторая книга которого вышли в свет в 1986 и 1988 гг., посвящена проблемам истории Боснии и Герцеговины 1875—1878 гг. Документы освещают героическую борьбу народов Боснии и Герцеговины за освобождение от османского ига. Широко показаны общественно-политические, культурно-этнические проблемы Боснийского вилайета Османской империи, а также деятельность руководителей повстанческого движения, их взаимоотношения и связи с европейскими дипломатами, общественностью. Особое место отведено отношениям с Россией.

Книга предназначена для историков, обществоведов.

Заказы на книги направляйте по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, д. 14, кор. 2. Магазин № 3 "Книга-почтой" "Академкнига".

ISSN 0130-3864 Новая и новейшая история, № 5, 1991